

91901
X 29

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Х. М. Хашаев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
ДАГЕСТАНА В XIX ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Х. М. Хашаев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СТРОЙ
ДАГЕСТАНА
В XIX ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

Ответственный редактор

М. О. КОСВЕН

38639

367030 Махачкала-30
ул. М. Ярагского, 75
НБ ДНЦ РАН

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Дагестана XIX век занимает особое место. В начале этого века большая часть Дагестана была присоединена к России, а в 60-х годах здесь была ликвидирована политическая власть ханов и беков. Значительные изменения произошли также в экономике и культуре народов Дагестана.

Все эти события нуждаются в правильной оценке, чего нельзя сделать без детального изучения состояния производительных сил и производственных отношений в Дагестане.

Специальных работ, посвященных общественному строю Дагестана, нет. Отдельные статьи дореволюционных и советских историков, затрагивающие эту тему, страдают серьезными недостатками, в частности крайней неполнотой конкретного материала. В лучшем случае в существующей литературе описаны явления надстроечного характера, внутренние же причины этих явлений не изучались или совершенно произвольно толковались как свойственные первобытно-общинному строю. Исключения составляют работы отдельных исследователей, написанные после научной сессии Дагестанского филиала АН СССР, проходившей в 1954 г., где на эту тему был сделан и наш доклад¹.

Материалами для настоящей работы послужили главным образом фонды Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного архива древних актов в Москве, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, центральных государственных архивов Азербайджана, Грузии и Дагестана, рукописные фонды Института истории АН СССР и Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а также записи исторических сведений, обнаруженные нами на полях и обложках арабских книг, принадлежащих частным лицам.

В процессе работы над рукописными фондами был найден ценнейший список адатов Гидатлинского «вольного» общества, написанный на арабском языке и датируемый 1660 г. Его текст издан Дагестанским филиалом АН СССР на арабском и русском языках. Этот список помог разобраться в сложных вопросах истории общественного строя «вольных» обществ горного Дагестана. Нами обнаружены также записи старинных адатов Батлукского, Кахибского и других сельских обществ.

Основные сведения по истории Дагестана XIX в. дали русские источники, без которых нельзя было бы даже начинать разработку нашей темы. Работы русских исследователей написаны в духе глубокого сочувствия и симпатии к горцам, проникнуты желанием с максимальной полнотой изобразить страну, историю и быт ее обитателей, сделать этот край достоянием науки. Среди русских, работавших в Дагестане, были наряду

¹ Х.-М. Хашиев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954.

с царскими чиновниками-колонизаторами, искренние друзья горцев, восхищавшиеся их мужеством, желавшие им блага. Горцы Дагестана радушно встречали русских ученых, с готовностью помогали им. С помощью русских ученых горцы становились известными деятелями просвещения (А. Чиркевский, А. Омаров и др.).

Значительное место отведено Дагестану в трудах М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича, И. Н. Березина, П. Г. Луткова, И. Г. Гербера, С. М. Броневского, С. Гмелина, Н. Ф. Дубровина, П. К. Услара, А. В. Комарова, П. В. Гидулянова, А. П. Берже, А. Л. Загурского, П. Ф. Свидаевского, В. А. Потто, В. А. Фадеева, А. И. Руновского, А. Л. Зиссермана, А. А. Неверовского, К. И. Прушановского и многих других. Фактический материал, приведенный в их работах, представляет большую ценность. Из работ местных дореволюционных авторов следует упомянуть «Гюлистан Ирам» Аббас-Кули-Ага Бакиханова, «Асари-Дагестан» Г. Алкадари, «Хронику» Мухаммед-Тахир-ал-Карахи и некоторые другие.

Большое значение имеют материалы, помещенные в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (в дальнейшем «Акты»), «Сборнике сведений о кавказских горцах» (ССКГ), «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), Кавказском сборнике», «Кавказском календаре», «Терском сборнике», в газетах «Кавказ», «Терские ведомости», «Дагестанские ведомости» и др.

В советское время большой вклад в изучение истории и этнографии народов Кавказа и особенно их общественного строя сделал М. О. Косвен. Неопределимую помощь исследователю оказывают также его труды по общеметодологическим вопросам.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение и окончательное решение всех рассматриваемых вопросов и заранее благодарен читателям за замечания и предложения, которые будут учтены в его дальнейшей исследовательской работе.

ВВЕДЕНИЕ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ДАГЕСТАНА

Слово «Дагестан» состоит из двух слов: тюркского «даг» — гора и иранского «стан» — страна; следовательно, Дагестан — «страна гор».

В начале XIX в. Дагестаном называли территорию не только современного Дагестана, но и весь район, прилегающий к Кавказскому хребту, начиная от г. Баку до р. Койсу (Сулак). Приведем определения некоторых авторов первой половины прошлого века. «Под именем Дагестана разумеется провинция Бакинская, Дербентская и Кубинская, к коей причисляют 4 «вольных» лезгинских общества: Алтыпаринское, Ахтынское, Докузпаринское и Таркальское, расположенных в ущельях Кавказских гор, владения шамхала тарковского, хана джунгутайского, хана казикумухского и кадия табасаранского, наконец, «вольные» общества: Даргинское, Акушинское, Рутульское, Сургинское и Кубачинское»¹. Из этого определения, однако, выпадали Аварское ханство, многочисленные «вольные» общества Аварии, Каракайтатское уцмийство и владения кумыкских князей. В другом описании Дагестана говорилось: «Дагестаном, т. е. горною странюю, именуется вся восточная покатость Кавказских гор к Каспийскому морю, часть Главного хребта и приморской равнины, ограничиваясь морем Каспийским, землями казикумыков, аварцев, реками Самуром и Койсу»².

С. М. Броневский в состав Дагестана включал владения шамхала тарковского, земли акушинцев, джунгутаевцев, уцмий каракайтатского, кадия табасаранского и хана дербентского. Как особую страну рассматривал он «Лезгистан», под которым разумел земли Аварские, Казикумухские, Дидойские и Джарские. «Дагестан простирается от реки Койсу вдоль по западному берегу Каспийского моря на 200 верст до реки Самура: ширина его от берега морского к горам и в самые горы от 50 до 80 верст»³. По Броневскому, с Дагестаном граничили на севере кумыки, на западе аварцы и казикумыки, на юге, по р. Самуру — кубинцы. Офицер-топограф Яишников в 1831 г. включал в понятие «Дагестан» территорию от правого берега р. Койсу до р. Куры⁴. Капитан генерального штаба Вранкен в 1844 г. писал: «Под названием Дагестана мы разумеем всю страну, заключающуюся в треугольнике, коего вершина находится при Барбало (на границе Хевсурии), а основанием служит берег Каспийского моря от гор. Баку до укрепления Низового»⁵. В это определение, кроме

¹ О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, стр. 223.

² «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. IV, СПб., 1836, стр. 187.

³ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823, стр. 58, 59, 293, 294.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 301, л. 165.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 545, л. 6.

Бакинской губернии, входил весь современный Дагестан, так как укрепление Низовое находилось недалеко от устья р. Терек. П. Зубов, следуя за С. М. Броневским, название «Дагестан» приписывал только «Приморской стране, занимающей западный берег Каспийского моря на протяжении 200 верст, от устья р. Койсу до устья р. Самур, и отрезанной от Северного Лезгистана, Аварии и казикумыков хребтом Кохмадагских гор»⁶. Иными словами, он исключал всю горную часть Дагестана и владения кумыкских князей, входившие позже в состав Терской области под названием Хасавюртовского округа. Штабс-капитан генерального штаба Мочульский, составивший в 1844 г. интересное описание Дагестана под заглавием «Война на Кавказе и Дагестан», определяет границы Дагестана следующим образом: «От леденистых гор Барбалы и Качу в Тушетии на юго-восток тянется широкий пояс высоких гор до северной оконечности бывшей Джарской области, спадая постепенно к Каспийскому морю, от 41°50' до 43°20' северной широты и от 63°20' до 64°30' восточной долготы, что составляет 25 тыс. кв. в.»⁷.

Таким образом, в определении как границ, так и территории Дагестана до образования в 1860 г. Дагестанской области единого мнения не было. В 1860 г. в Дагестанскую область вошла территория от р. Самура до р. Койсу и от берега Каспийского моря вверх до гребня Главного Кавказского хребта. Длина сухопутной границы Дагестанской области составляла около 750 км, морской — около 300 км. Плоскость занимала 0,2 всей территории области, остальная часть представляла собой чрезвычайно пересеченную горную местность, сложную систему хребтов, отличающуюся почти полным отсутствием равнин. Ровные места имелись лишь на плоскостях и занимали незначительное пространство⁸.

Естественные границы современного Дагестана: с юга и запада — Главный Кавказский хребет, с севера — р. Кума, с востока — Каспийское море. С Дагестаном граничат: на севере и северо-западе — Ставропольский край, на западе — Чечено-Ингушская АССР, на юге и юго-западе — Грузинская и Азербайджанская Советские Социалистические Республики, на востоке от устья р. Кумы до устья р. Самур тянется берег Каспийского моря. В 1921 г. к Дагестану присоединен Хасавюртовский округ Терской области, а в начале 1957 г. в состав Дагестанской АССР вошли Кизлярский, Тарумовский, Крайновский, Караногайский районы и г. Кизляр.

Территория Дагестана в настоящее время составляет 49 911 км².

В географическом отношении Дагестан можно разделить на четыре зоны: плоскость, предгорья, горный Дагестан и высокогорный Дагестан.

Плоскость, или Северо-Дагестанская и Приморская низменности, протяженностью более 500 км, тянется вдоль берега Каспийского моря от устья р. Кумы до устья р. Самур полосой от 20 до 200 км шириной на севере, где значительная часть равнины лежит ниже уровня моря. Незаметно спускаясь к берегу Каспийского моря, она слегка повышается к западу, юго-западу и югу, приближаясь к горам. В отложенных морем песках и песчаных глинах по всей равнине обнаруживаются раковины морских моллюсков, являющиеся доказательством того, что равнина эта еще недавно была морским дном. П. С. Паллас, посетив берега Северного Каспия, писал, что «прикаспийские степи до сих пор находятся в таком состоянии, как будто они совсем недавно вышли из-под воды»⁹. Советские ученые установили, что на берегах Каспия прослеживаются три береговые террасы на высоте 26, 16 и 11 м над уровнем Каспия. Все это говорит о колебаниях уровня Каспия, которые продолжаются и поныне. За последнее время Каспий потерял 32 тыс. км² своей площади. Вследствие паде-

⁶ П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. III. СПб., 1835, стр. 221.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. 2, л. 1.

⁸ «Обзор Дагестанской области за 1911 г.» Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 2.

⁹ Б. А. Шлямин. Каспийское море. М., 1954, стр. 9.

лия уровня Каспия остров Челекеп превратился в полуостров. За 1830 лет нашей эры амплитуда колебаний Каспийского моря достигает 7,5 м¹⁰.

Н. П. Фадеева в своей диссертации указывает, что поверхность позднечвалынской террасы в районе Каякента, покрытая слоем пролювия до 2 м, вышла из-под уровня моря примерно 6—8 тыс. лет назад; таким образом, скорость накопления на ней пролювиального покрова равняется 0,1—0,3 мм в год¹¹.

Почвы приморской части Дагестана очень плодородны. Дагестанская плоскость имеет континентальный сухой климат. На Терско-Сулакской равнине средняя температура в январе —3,6°, в июле +23,5°, количество осадков доходит до 300 мм; на Прикаспийской низменности в январе +1°, в июле +25°, количество осадков — до 360 мм. По мере приближения к югу климат постепенно смягчается, а в южной части появляются признаки субтропического климата.

Ближе к морю растет полинно-соляноковая, полинно-эфемерово-злаковая, полукустарниковая и солончаковая растительность. В дельте Самура — густые ольховые и дубово-грабовые леса с лианами. В дельте Терека и по берегам озер — тростниковые заросли. Ближе к предгорьям — степная растительность (полюнь, типчак, ксерофитные кустарниковые заросли) с держидеревом и рассеянные жесткие и колючие полукустарнички и травы с южными васильками, каперцами, разные виды шалфея.

Предгорье характеризуется предгорными хребтами от 20 до 40 км ширины, со средней высотой 500—600 м. Хребты эти в трех местах почти вплотную подходят к морю (у Махачкалы, мыса Буйнак и у Дербента).

Предгорные хребты резко поднимаются крутыми склонами и тянутся дугообразной полосой от западной до южной границы Дагестана, длиной около 260 км. Наибольшей ширины они достигают у Махачкалы, Буйнака и Дербента, т. е. там, где, как отмечалось, эти хребты подходят почти к морю.

Предгорный пояс представляет собой множество отдельных сводовых хребтов, идущих рядами, параллельно и друг за другом. Они вытянуты с северо-запада к юго-востоку. Между сводовыми поднятиями расположены плодородные широкие долины, низины и котловины. Склоны хребтов местами круты, местами пологи, везде легко доступны, покрыты лесами и богатой растительностью. С удалением от моря высота хребтов постепенно увеличивается до 1000—1200 м над уровнем моря.

Наивысшими хребтами предгорий являются Кукур-тау, Эльдамский куполовидный хребет (с которого берут начало реки Параул-Озень и Губден-Озень), Таркитау (над Махачкалой, 725 м над уровнем моря, 8 км длины и 4 км ширины) и гора Джалган над Дербентом. «Дагестанские горы ближе к востоку своей формой и свойством способствуют к произведению на оных земледелия с великим успехом»¹², — писал Н. Данилевский.

Полоса предгорий — довольно сухая местность, с жарким летом в нижней части и более влажным и умеренным климатом выше 500 м (средняя температура в январе —2,5°, в июле +23°). Годовых осадков здесь более 450 мм. Северные склоны возвышающихся над предгорьями гор имеют влажный и умеренный климат.

Горный, или внутренний Дагестан представляет собой непрерывную цепь моноклиналильных известковых гребней высотой свыше 2000 м, наклонно падающих в сторону предгорий и круго — в глубь гор.

¹⁰ Ш. Д. Алиев. Исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в. Автореферат диссертации. Баку, 1947.

¹¹ Н. П. Фадеева. Рельеф Восточного Дагестана. Автореферат диссертации, М., 1946, стр. 6.

¹² Н. Данилевский. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846, стр. 68.

Отдельные хребты горного Дагестана достигают 2000—2500 м высоты. Они разделяются глубокими и большей частью крутыми долинами рек. Горный Дагестан пересечен системой четырех бурных рек — Андийским и Аварским Койсу, Каракойсу и Казикумухским Койсу, собирающих свои воды в р. Сулак. В Южном Дагестане протекает вторая по величине р. Самур. Направление этих рек коленчатого типа с продольными и поперечными участками глубоких долин. Продольные долины более широки и более удобны для заселения.

В целом рельеф известковых гор внутреннего Дагестана необычайно сложный, величественный и труднодоступный. Горный, или внутренний Дагестан «представляет как бы одну возвышенную массу, изрезанную глубокими ущельями... Нет горной страны угрюмее, суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана»¹³.

В юго-западном Дагестане известковые толщи гор чередуются с рыхлыми и легкоразмываемыми породами, создающими места пологие склоны, удобные для поселения, прокладывания путей сообщения и возделывания полей и садов. В горном Дагестане есть и ровные места (Хунзахское плато, Гунибское плато, Арахмеер, Турчидаг и др.), но их очень мало. Мощными массивами хребтов западного и частично среднего Дагестана являются хребты Андийский, Богосский и Нукатль.

Горный Дагестан беден растительностью. Не только скалы, но и целые склоны гор нередко лишены растительного покрова. Процесс эрозии и частые оползни постепенно лишают горы почвенного покрова. В то же время долины больших и малых рек и многие склоны гор пригодны для земледелия и садоводства. Северные склоны гор и различные выступы в известковых скалах используются для сенокосения.

По преданиям, пыне оголенные склоны гор когда-то были покрыты густыми лесами. В сел. Нижний Батлук Кахибского района старики рассказывают, что вокруг этого селения был большой сосновый лес. Под прикрытием леса богосцы (так называют жителей сел. Тинди) напали на батлукцев и уводили скот, и якобы поэтому весь лес был вырублен. В настоящее время лес сохранился только в отдалении от селения на довольно крутых склонах известковых хребтов. По-видимому, лес был иструблен и во многих других местах горного Дагестана.

На высоте от 500—600 до 1500—1600 м над уровнем моря в предгорьях и на северных склонах передовых хребтов растут дубовые, дубово-грабовые и буковые леса, а выше лесного пояса — кустарники.

Юго-восточная половина внутреннего Дагестана по рельефу и ландшафту отличается от северо-западной. Известняки здесь встречаются редко, большая часть местности состоит из темных глинистых сланцев с прослойками песчаника. Хребты тянутся с северо-запада к юго-востоку (Самурский хребет). Обрывистые склоны и мощные отвесные стены хребтов, а также глубокие ущелья рек здесь встречаются редко. Реки протекают в довольно широких долинах, склоны хребтов хотя местами круты, но не отвесны. Ландшафт более пригоден для человеческого поселения и обработки земли.

Весь горный Дагестан имеет умеренный полусухой климат, сравнительно мягкую и ясную зиму и сухое жаркое лето в долинах. На хребтах климат полувлажный, умеренно холодный (средняя температура в январе —2,4°, в июле +17°, осадков выпадает от 340 до 500 мм).

Высокогорный Дагестан. Горный Дагестан переходит за западе в пояс более высоких гор с заостренными гребнями и пиками, достигающими 3500—4000 м высоты. На их вершинах вечные снега и ледники, спускающиеся языковидными выступами в долины, начало ручьев и речек. Граница вечных снегов проходит на высоте 3400 м. В состав этого пояса входят

¹³ «Обзор Дагестанской области за 1911 г.», стр. 2.

две главные цепи гор: водораздельный гребень Большого Кавказа (3000—3500 м), причем Дагестану принадлежит северный склон и Боковой хребет, распадающийся на отдельные массивы, разделенные долинами рек. Среди них — мощный Богосский массив высотой более 4 тыс. м с самыми большими в Дагестане ледниками.

Не менее мощные массивы высокогорной области расположены также на юго-западе Дагестана. Это Дюльтидагский и Такликский хребты, питающие Самур, Казикумухское Койсу и Каракойсу. Вершина Дюльтидага — 4131 м над уровнем моря, а вершина Таклика — 4042 м. Эти массивы образуют два отрога. Один на северо-западе отделяет р. Тленсерух от р. Хатар, его высшая точка 4100 м. Другой тянется к востоку и юго-востоку, имея ряд вершин, покрытых вечным снегом (Вирааю, Нуссадаг, Алахундаг, Сурфуналь). Мощные горные хребты расположены и на юго-востоке Дагестана, в пределах Рутульского и Ахтынского районов. Они отделяют р. Самур от ее правого притока Ахтычая, высота этой цепи достигает 4010 м. Другая цепь — Базар-Дюзи — самая высокая точка Дагестана (4484 м над уровнем моря) — покрыта вечными ледниками. Между массивом Базар-Дюзи и Самуром поднимается величественная пирамида Шалбуздага высотой 4150 м, с небольшим ледником на границе Дагестана и Азербайджана. На юго-востоке Дагестана расположена гора Шахдаг высотой 4250 м.

Высокогорный Дагестан имеет холодный влажный климат; земля, за редким исключением, не пригодна для полеводства. Здесь выпадает до 800 мм осадков. Высокогорная зона Дагестана представляет собой в летние месяцы прекрасные альпийские пастбища для овец. Осенью, с первой половины сентября, горы этой зоны покрываются снегом.

Опротное хозяйственное значение имеют реки Дагестана, которые используются для орошения полей и садов во всех зонах Дагестана, кроме высокогорной. Реки Терек, Аксай, Ямансу, Ярыксу, Акташ и Сулак протекают по территории Терско-Сулакской низменности (ныне территории Бабаюртовского, Хасавюртовского и Кизилюртовского районов Дагестанской АССР).

Сулак — мощная водная артерия Дагестана, собирающая воды Андийского, Аварского, Казикумухского Койсу и Каракойсу; протекая по так называемому Сулакскому каньону, стремительно несется на протяжении 20 км, прорезая стену Салатавско-Гимринского хребта. Над Сулаком на более чем 2 тыс. м поднимается гора Салатау с крутыми обрывами. Еще большую крутизну имеют отвесы горы Рогдо-меер, подымающиеся над рекой. По предгорной зоне Сулак проходит 35 км. у сел. Чирюрт он выходит на равнину, орошает территорию Присулакской низменности, и впадает в Каспийское море. В 1923 г. от р. Сулак до г. Махачкалы проведен канал. Воды этого канала орошают большие пространства пахотных земель (на протяжении около 100 км) и питают Махачкалу. Канал назван «Каналом имени Октябрьской революции» (КОР).

Андийское Койсу берет начало в Грузии. Его истоками являются Перикительская и Тушинская Алазани, сливающиеся вместе и образующие Андийское Койсу недалеко от границ Дагестана. Андийское Койсу принимает большое число притоков с горных массивов Диклос-Мта, Сабакунишеви, Богосского и Андийского хребтов. От слияния Алазаней до своего впадения в Сулак Андийское Койсу имеет длину 134 км. Долина Андийского Койсу и долины его многочисленных притоков имеют участки, удобные для сельского хозяйства. Воды Андийского Койсу и его притоков используются для орошения прибрежных садов и полей.

Аварское Койсу берет начало от слияния рек Джурмута и Самбирисхеви. Джурмут является его главным истоком, длина реки 35 км. Джурмут протекает с юго-востока к северо-западу у подножия водораздельного гребня Большого Кавказа, справа над ним поднимаются снеговые мас-

сливы Бутну-Мигер и Нукатль. Справа и слева Джурмут принимает большое число притоков.

Самбирис-хеви течет с юго-запада к северо-востоку, сначала у Главного гребня, а затем вдоль Богосского хребта, также принимая много притоков. Длина Самбирис-хеви 50 км. При слиянии Джурмута и Самбирис-хеви выше Анцуха образуется Аварское Койсу; длина его 110 км.

В пределах среднего течения и до впадения в Сулак воды Аварского Койсу орошали значительные площади, однако из-за глубины ущелья и крутизны берегов эти воды теперь не везде доступны. Когда ложе Аварского Койсу находилось гораздо выше теперешнего, отдельные участки его долины были в цветущем состоянии; но с углублением ложа вода стала недоступной для орошения, и постепенно сады и пашни оказались заброшенными. Остались только разрушенные террасы садов и развалины селений.

Каракойсу образована слиянием в высокогорной сланцевой зоне двух рек: Хатар и Тленсерух, берущих начало со снеговых высот Таклика и Дюльтидага. Слева впадает в нее значительный приток Каралазул-ор, питающий снегами и водами Нукатлинского хребта. Воды Каракойсу орошают территорию Гунибского района. У сел. Гергебиль Каракойсу впадает в Казикумухское Койсу. Длина Каракойсу 80 км. На Каракойсу вблизи Гергебиля построена в 1935 г. горная гидроэлектростанция, снабжающая электричеством ряд аулов Гунибского района, а также г. Буйнакс.

Казикумухское Койсу берет начало с массивов Алахундаг и Дюльтидаг. Река протекает по территории Лакского района, у сел. Цудахар она пробивает меловые известняки и уходит в глубь узкого каньона. Далее Цудахара и до слияния с Каракойсу у сел. Гергебиль воды Казикумухского Койсу используются для орошения главным образом цудахарских, хаджал-махинских и гергебильских садов и полей.

Общая площадь бассейна всех четырех Койсу вместе с Сулаком составляет 12 875 км², из них 10 109 км² находятся на высоте от 1 тыс. до 3 тыс. м над уровнем моря, а 559 км² — выше 3 тыс. м.

Реки Шура-Озень, Манас, Инчхе, Уллучай, Дарвагчай, Рубас и Гургенчай орошают Прикаспийскую низменность. Шура-Озень питают ручьи, сбегаящие с северного склона Гимринского хребта и сливающиеся в одну речку близ г. Буйнакса. Через солонцеватую котловину и Атлыбунюнский гребень Шура-Озень прорывается на низменность у сел. Кумторкала и, постепенно иссякая и пересыхая, не доходит до Каспийского моря. Длина ее 72 км, площадь бассейна 1000 км².

Манас состоит из двух речек — Параул-Озень и Губден-Озень, которые начинаются в пределах горной зоны, огибают с двух сторон Эльдамскую предгорную куполовидную возвышенность и сливаются у сел. Карабудахкент. Длина Губден-Озень 70 км, Параул-Озень — 65, Манаса — 15 км. Воды как истоков Манаса, так и собственно Манаса полностью используются для орошения земель, начиная от предгорья до берегов Каспийского моря. Инчхе впадает у мыса Буйнака в Каспийское море. Длина ее 35 км. Река Гамри-Озень впадает в Каспийское море возле сел. Каякент. Длина ее 35 км. Уллучай состоит из двух горных речек — Бугана и Уллучая, сливающихся выше сел. Маджалис. Длина Уллучая 88 км, а Бугана до его впадения в Уллучай — 32 км. Дарвагчай, длиной 32 км, выходит на низменность у сел. Мамед-кала и орошает значительные площади севернее Дербента. Рубас протекает к югу от Дербента. Длина Рубаса 80 км.

Самая южная часть Дагестана орошается двумя крупными реками — Гюргенчаем и Самуром. Гюргенчай образуется двумя истоками — Чирахчаем и Курахчаем, берущими начало с высот Алахундага и Сурфуняла и сливающихся у сел. Касумкент. Длина Гюргенчая вместе с Курахчаем составляет 128 км. Самур с его притоками собирает воды в альпийской вы-

высокогорной зоне. Низовье Самура и его дельта образуют южный район Приморской низменности. Здесь по Самуру проходит граница с Азербайджаном. Истоки Самура берут начало с горных массивов Таклик, Дюльтидаг и Гудурдаг. В Самур впадает Кара-Самур, питающийся водами гор Виралию, Нусадага и Алахундага. Затем Самур течет к южному подножию горы Сурфуяла и принимает справа значительные реки — Ахты-чай и Усух-чай, питающиеся водами Главного хребта. У впадения Ахты-чая в Самур находится сел. Ахты. Далее Самур отклоняется к северо-востоку и вступает в предгорья, а в Приморской низменности образует ряд рукавов, вливающихся в Каспийское море. Воды Самура используются для орошения Ахтынского и Докузпаринского районов.

Состояние лесных массивов в Дагестане во второй половине XIX в. характеризуется следующими приблизительными данными¹⁴.

Таблица 1

Округа	Площадь лесов, в дес.	Отношение площади лесов ко всей площади, %
Кайтаго-Табасаранский . .	60 315	20
Хасавюртовский	42 841	8,5
Кюринский	34 388	10,7
Темир-хан-шуринский . .	33 329	5,8
Самурский	10 600	3
Андийский	5 843	1,1
Даргинский	2 383	1,5
Аварский	2 149	1,8
Казikumухский	780	0,6
Гунибский	Сведений нет	

Из животного мира в плоскостной части Дагестана встречаются сайгак, степная антилопа, лисица-корсак, степной хорек, песчаный барсук, заяц, еж, степной сарыч, дикий кабан, камышовый кот, шакал, полосатая гiena, медведь, волк; имеется различная водоплавающая птица, орел-могильник, орел-курсанник. В горах — куница, белодушка, хомяк, лисица, волк, лесная куропатка, голубь и др. В высокогорной части — медведь, волк, барс, косуля, лисица, куница, заяц, рысь, кавказский олень, коза и тур.

На плоскости почвы светло-каштановые с признаками засоленности, солончаки, на аллювиальных прунтах — луговые, лугово-болотные и болотные, в предгорьях — светло-каштановые, темно-каштановые и черноземные, в горном и высокогорном Дагестане, в альпийской и субальпийской зоне — горно-луговые, черноземные и горно-лесные бурые¹⁵.

Путешественники и ученые, побывавшие в горном Дагестане, отмечали исключительную суровость этого края. «...Ни о каких нормально лежащих почвах, — писал В. В. Докучаев, — ни в гористой части Крыма, ни в центральном Кавказе не может быть и речи; и это несмотря на то, что коренные породы здесь сравнительно очень древние, а количество осадков, вероятно, вполне достаточно для хорошей растительности. Объяснение данного явления высказано мной еще в 1878 г. Говоря тогда вообще о влиянии рельефа местности на характер почвы, я, между прочим, заметил

¹⁴ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, стр. 57.

¹⁵ См. А. С. Солдатов. Некоторые итоги изучения почв летних пастбищ Южного Дагестана. Махачкала, 1949; его же. Почвы высокогорных районов Южного Дагестана. Махачкала, 1949; «Сельское хозяйство Дагестана». М., 1946.

следующее: «Когда мне лично пришлось убедиться в существовании того страшного хаоса, в каком находятся пласты земной коры в Крыму, Дагестане и Центральном Кавказе, когда мне своими глазами удалось увидеть тамошние горы обыкновенно в виде острых пиков и чрезвычайно крутых гребней и тамошние долины, являющиеся перед нами в форме узких глухих ущелий, по которым с адской силой несутся горные ручьи и реки, то нам невольно представился вопрос: где же здесь образоваться и накапливаться почвам? Пусть данные местности проживут на дневной поверхности еще столько, сколько жили, пусть на них образуется в 10—100 раз больше перегноя, чем в средней черноземной России, но все-таки ни мы, ни будущие поколения никогда не увидят здесь и следов чернозема»¹⁶.

«Мало найдется,— писал А. Берже,— стран суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана. Она вся состоит из промадных возвышенных плоско-стей, реки здесь стремятся в глубокие ущелья, с шумом и ревом прокладывая себе ложе между крутыми и скалистыми берегами;... горы скалисты и обнажены»¹⁷. В другой статье А. Берже указывал, что Дагестан — самая суровая и труднодоступная часть Кавказа¹⁸.

В одной безымянной записке дается следующая характеристика Дагестана: «Дагестан на всей своей поверхности пересекается в различных направлениях отрогами Кавказского хребта, большей частью скалистыми, голыми и высотой почти равными с Главным хребтом. К берегам Каспийского моря, омывающим эту страну, горы становятся ниже и покрыты лесами, фруктовыми деревьями, и, наконец, к самому морю прилегают равнины, изобилующие произведениями жарких климатов. Многие потоки, имея начало свое от самых вершин гор, прорезывая на пути своем скалистые промады и соединяясь в две главные реки, впадают в Каспийское море: Сулак между владениями кумыкских князей и шамхала тарковского, Самур между Кубинской провинцией и Дербентским округом»¹⁹.

Хотя природа горного Дагестана сурова, там больше солнца, чем на плоскости, и это дает возможность культивировать все виды злаков и фруктовых деревьев, не исключая субтропических. В Гимрах прекрасно растут японская хурма и лимоны, так как там бывает почти 300 солнечных дней в году. При прочих равных условиях земля в горах дает больший урожай, чем на плоскости. Если обеспечить эту землю орошением, многие долины гор станут цветущими садами, превратив богатейшую водную энергию в электрическую, горцы не будут знать недостатка воды для орошения полей и садов.

Вышеописанные физико-географические условия наложили свой отпечаток на хозяйственную специализацию горных районов Дагестана и породили своеобразные формы борьбы человека за покорение природы.

2. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Одной из отличительных особенностей Дагестана является его этническая, а наряду с тем и языковая дробность. С древнейших времен Дагестан был известен не только как «страна гор», но и как «гора языков». До 30 отдельных народностей и этнических групп, говорящих на различных языках, издавна населяли Дагестан.

Коренное население Дагестана принадлежит по языку к собственно кавказским, тюркоязычным и ираноязычным народам. Из числа народностей, говорящих на кавказских языках, выделяются пять групп: аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы и табасаранцы. Языки этих народов родственны

¹⁶ В. В. Докучаев. Сочинения, т. III, стр. 398—399.

¹⁷ А. Берже. Прикаспийский край. «Кавказский календарь на 1857 г.», стр. 275.

¹⁸ «Живописная Россия», т. IX, СПб.— М., 1883, стр. 73.

¹⁹ Исторические сведения о бывших «вольных» обществах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18, 488, лл. 1—2.

между собой. Вокруг некоторых из них группируются близкие по языку, культуре и быту небольшие этнические группы, сохранившие до наших дней свои специфические особенности. Вокруг аварцев группируются андийцы, ахвахцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндалы и чамалалы (эти восемь этнографических групп составляют андийскую подгруппу), дидойцы, бежтинцы, хваршинцы, гинухцы и гуIZEбцы составляют дидойскую подгруппу. Вокруг даргинцев группируются кайтагцы и кубачинцы, вокруг лезгин — агулы, рутулы, табасаранцы, цахуры и арчинцы, а также обитающие в пределах руеверного Азербайджана хиналугцы, будуги, крызды и удины. Язык лакцев имеет только диалектные различия.

К тюркоязычным дагестанским народностям принадлежат кумыки, азербайджанцы и ногайцы. Ираноязычными народностями являются горские евреи и таты.

Тюркоязычные и ираноязычные народы занимают плоскостную зону Дагестана. Большую часть Терско-Сулакской и Приморской низменности населяют кумыки, которые граничат на севере с чеченцами, на западе — с аварцами и даргинцами, на юге — с табасаранцами и дербентскими азербайджанцами; на востоке их земли омываются Каспийским морем. Кумыки живут в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Буйнакском, Карабудахкентском, Каякентском и Кайтагском районах. Шесть кумыкских селений входят в Ленинский район г. Махачкалы. Несколько кумыкских селений расположены на территории Чечено-Ингушской АССР и Северо-Осетинской АССР. В г. Дербенте и в Дербентском районе проживают азербайджанцы, таты и горские евреи, последние живут и в других городах Дагестана.

Область расселения аварской группы простирается широкой полосой от северной низменности (сел. Чирюрт) через Хасавюртовские и Буйнакские предгорья вглубь, во внутреннюю горную и альпийскую зону и через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности, т. е. до пределов бывшего Закатальского округа. Ширина этой полосы достигает 80 км, а длина составляет более 200 км. С аварцами граничат на севере и на востоке кумыки, на северо-западе — жители Чечено-Ингушской АССР, на западе — жители Грузинской ССР, на юге — жители Азербайджана, на юго-востоке — лакцы и даргинцы. Аварцы населяют районы: Гергебильский, Гумбетовский, Гунибский, Казбековский, Кахибский, Тляратинский, Унцукульский, Хунзахский, Чародинский, Ботлихский, Цумадинский, Цунтинский, Ахвахский, частично Левашинский, Буйнакский и Кизилюртовский, а также одно селение Рутульского района (Кусар). В Азербайджанской ССР аварцы живут в Закатальском и Белоканском районах.

Андийцы занимают часть южного ската Андийского хребта и бассейн р. Мундерил-Тлар (левый приток Андийского Койсу). К юго-западу от андийцев, у подножия южного ската того же Андийского хребта, в котловине и в бассейне р. Ансадирил-Тлар (левый приток Андийского Койсу) живут ботлихцы, западнее годоберинцы. Напротив сел. Ботлих, на правой стороне Андийского Койсу, на западном скате Богосского хребта, располагаются каратинцы. Южнее от них на северном и частично на восточном скатах Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки (правый приток Андийского Койсу) живут ахвахцы. Вверх против течения Андийского Койсу, на южном скате Андийского хребта, на левом берегу Андийского Койсу — чамалалы; напротив них, на северном скате Богосского хребта, на правом берегу Андийского Койсу — багулалы, выше их на этой же стороне Андийского Койсу — тиндалы (богосцы).

В верховьях Андийского Койсу живут хваршинцы. На самой границе с Грузией, в долинах рек Мотмота, Илан-хеви, Кидери, Сабакунис-хеви и Ори-Цхали — дидойцы. К юго-востоку от дидойцев, в бассейне рек Хванор и Самберис-хеви и их притоков, в прекрасной котловине, где почти все горы поросли травой, обитают бежтинцы (капучинцы), тинухцы и гуIZEбцы.

Андо-дидойские народности входят в следующие административные районы: андийцы, ботлихцы и годоберинцы — в Ботлихский район; каратинцы и ахвахцы — в Ахвахский район, часть ахвахцев (селения Тлянуб, Цекуб и Ратлуб) — в Кахибский район; чамалалы, багулалы, тиндалы и хваршинцы — в Цумадинский район; дидойцы, гунзебцы, гинухцы и капучинцы — в Цунтинский район. Следует указать, что, за исключением дидойцев, на всех остальных территориях, занимаемых андо-дидойскими народностями, они живут смешанно с аварцами.

Таким образом, аварская группа народностей расселена главным образом по бассейнам рек и по горным массивам, разделяющим долины этих рек. Непосредственными соседями аварцев на юго-востоке являются лакцы. Граница их с аварцами проходит по восточному склону Турчидага вверх до пределов Дюльтидага. Лакцы занимают долины Лакского Койсу и р. Кули. На востоке с лакцами граничат даргинцы, на юге — рутулы и агулы, на юго-западе и на западе — аварцы. В 1944 г. часть лакцев переселилась в предгорье бывшего Хасавюртовского округа. В настоящее время лакцы занимают три административных района — Лакский, Кулинский (в горах) и Новолакский (в предгорной зоне, западнее г. Хасавюрта).

Соседями лакцев являются даргинцы, которые занимают горную и предгорную зоны Среднего Дагестана, на северо-западе с даргинцами граничат аварцы, на юго-западе — лакцы, на юге — лезгины и табасаранцы, на северо-востоке и на востоке — кумыки и на юго-востоке — дербентские азербайджанцы, таты и горские евреи. Районами заселения даргинцев являются: Цудахарский, Левашинский, Сергокалинский, Акушинский, Дахадаевский и часть Кайтагского района. Отдельные даргинские селения имеются в смежных районах: Карабудахкентском (Губден и Гурбуки), Буйнакском (Кадар, Карамахи, Чанкурби), Агульском (Амух и Чирах) и Гунибском (Мегеб).

Табасаранцы занимают предгорную и горную части и территорию, непосредственно прилегающую к Приморской низменности в районе сел. Мамедкала, недалеко от Дербента. Населенные пункты их расположены как в долинах рек Рубас и Карчаг-Су, так и на табасаранских плоскогорьях, покрытых лесными массивами, изобилующими хорошими пашнями, сенокосными лугами и фруктовыми садами. Табасаранцы составляют два административных района: Табасаранский и частично Хивский.

Весь Южный Дагестан от плоскостной до альпийской зоны занимают лезгины, агулы, рутулы и цахуры. Селения их расположены в долинах рек Самура, Гюль-Геричая и Ахтычая, а также на склонах гор Самурского хребта, на юго-востоке главного гребня Кавказского хребта, на склонах Базардюки и по обоим скатам Шахдага.

Самый высокий населенный пункт в Европе — сел. Куруш (на высоте 4 тыс. м) — принадлежит лезгианам. Часть населения сел. Куруш переселилась в Хасавюртовский район, где образовала сел. Новый Куруш. Большое число лезгин живет на правом берегу р. Самур, в пределах Кубинского и Кусарского районов Азербайджанской ССР. В административном отношении лезгины составляют Курахский, Касумкентский, Магарамкентский, Докузпаринский и Ахтынский районы, частично Рутульский и Хивский районы Дагестанской АССР, а также Кубинский и Кусарский районы Азербайджанской ССР.

Агулы занимают восточные отроги Самурского хребта, бассейн р. Чирахчая. Селения агулов расположены в ущельях: Агулдере, Хушадере, Курахдере, Хпюкдере. Агулы объединены в Агульский район.

Рутулы и цахуры занимают долину р. Кара-Самур и верховья р. Самур, а также ближайшие к ним горы за пределами Главного Кавказского хребта. Рутулы и цахуры объединены в Рутульский район. Два селения рутулов и несколько селений цахуров расположены на территории Закатальского, Кахского и Белоканского районов Азербайджанской ССР.

Описанное нами размещение коренного населения Дагестана, за исключением, действительно и для раннего периода истории Дагестана, так как крупного перемещения населения в Дагестане не происходило. Однако медленно, но постоянно происходил процесс выхода горцев на плоскость, поодиночке или семьями. Так образовались целые кварталы горцев в плоскостных селениях или даже отдельные населенные пункты.

Население Дагестана, за исключением ногайцев, которые в начале XIX в. кочевали по территории северной Кумыкии и шамхальства тарковского, мы застаем оседлым. Археологические данные свидетельствуют, что народы Дагестана имели свои постоянные населенные пункты еще до нашей эры.

Первоначальная оседлость дагестанцев сложилась, по нашему мнению, следующим образом. Сначала крупные племена заняли относительно большие географические районы (горы и ущелья в бассейнах рек). Эти территории в свою очередь разбивались на мелкие географические районы, в которых жили отдельные роды. На территории, занятой этими родами, жили, образуя отдельные населенные пункты, патриимии (их местные названия — тухум, тайпа, жинс и др.), состоявшие из больших семей. С течением времени, с увеличением численности населения и количества скота появилась необходимость в дополнительных территориях, из-за чего разгорелась борьба между отдельными родами. Необходимость защиты от нападения заставляла жителей гор строить селения в недоступных врагу местах, причем создавать крупные селения с оборонительными и сигнальными башнями. Эти новые селения надолго сохраняют отпечаток кровнородственных связей, так как каждая родственная группа продолжает жить компактно, занимая определенный квартал и имея общую собственность. Процесс образования больших селений происходил в горах Дагестана не позднее XIII—XIV вв. н. э.

По мере развития производительных сил и общественной жизни горцев кровнородственный принцип расселения все более и более нарушался и терял свое значение. В XIX в. мы находим уже только пережитки этого принципа. Везде и всюду господствует территориальный принцип расселения.

Об этническом составе населения Дагестана до середины XIX в. имеются весьма скудные сведения. На карте, составленной штабом Кавказской армии в 1833 г., все народности Дагестана, за исключением кумыков, названы лезгинами. С 40-х годов XIX в. начали появляться в печати более или менее подробные описания отдельных народностей с указанием как их численности, так и размещения. В частности, в газете «Кавказ» появился ряд статей об аварцах, казикумухцах, акушинцах и т. д. Общего описания всех народов Дагестана, однако, создано не было. Впервые в 1866—1867 гг. А. В. Комаров описал 28 разных народностей и групп Дагестана²⁰.

Установить точно, какова была численность населения Дагестана до 80—90-х годов XIX в., не представляется возможным ввиду отсутствия каких-либо определенных данных, как и учета населения. Броневский в 1810 г. писал: «Нигде в Кавказе не сделано доселе ни точного исчисления дворов, ни переписи душ»²¹. Как мы указали выше, разные авторы различно определяли территорию Дагестана; поэтому и общие данные о числе населения, сообщаемые ими, весьма относительны. До присоединения к России в Дагестане не было никакого учета движения населения: установить хотя бы дату рождения кого-либо было делом почти невозможным (дату смерти обычно писали на надмогильных памятниках).

По данным Д. Тихонова и Ф. Симоновича, в 1796 г. в Дагестане без собственно лезгин (жителей бывших Самурского и Кюринского округов)

²⁰ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестана. «Зап. Кавказского отд. Русского географ. об-ва», VIII, 1873.

²¹ С. Броневский. Указ. соч., стр. 57.

числилось 384 тыс. человек²². По сведениям С. М. Броневского, в начале XIX в. в Дагестане было 147 тыс. дворов²³. «Владения независимых лезгин с владением Аварским, — писал П. Зубов, — до 150 тыс.»²⁴; он насчитывал в Тарковском шамхальстве 40 тыс. жителей, в Акушинском и Джунгутаевском обществах вместе — 45 тыс., в Кайтагском удмийстве — 65 тыс., в Табасарани — 50 тыс., в Дербенте — 10 тыс. жителей²⁵. Таким образом, по данным П. Зубова, всего в Дагестане, за исключением северной Кумыкии, было 360 тыс. жителей. По данным поручика Бларамберга, в 1831 г. в Тарковском шамхальстве было только 4900 дворов, в Акушинском союзе — 4 тыс. дворов, а жителей в них 26 тыс.; в Кайтагском удмийстве — 15 тыс. дворов и 75 тыс. жителей; у кадия табасаранского — 3200 жителей, у майсума табасаранского — 21 тыс., в г. Дербенте — 10 тыс., в Аварском ханстве — 80 тыс., в Казикумухском ханстве — 58 тыс. жителей²⁶. У Бларамберга нет сведений по Мехтулинскому ханству, по всем южнодагестанским лезгинским обществам и по северной Кумыкии. Вообще его данные о численности населения далеко не точны. По данным, опубликованным в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1868 г., под властью шамхала находилось 14 селений²⁷ (5310 дымов кумыков, 346 дымов кочующих ногайцев — всего около 30 тыс. человек). Под властью мехтулинских ханов находилось около 10 селений с населением до 10 тыс. душ.

По описанию Яишникава, Антльратль (союз семиземелья) состоял в 1831 г. из следующих обществ²⁸:

Т а б л и ц а 2

Общества	Число населенных пунктов	Число дворов
Андросо	10	770
Анцух	21	1000
Бохну	8	630
Джурмут	8	290
Таш	27	1120
Тлебелал	5	300
Ухнада	5	185
Хуанал	14	920
Всего	98	5216

По сведениям капитана Вранкена, в 1843 г. даргинцы имели 20 тыс. дворов, сел. Чох состояло из 800, Согратль — из 900, Ругуджа — из 600 дворов. В южной Табасарани было 1000 дворов, в Самурской долине — 3 тыс. дворов, в Кюрийском владении — 144 селения и 4 тыс. дворов, в Казикумухском ханстве — 10—12 тыс. дворов²⁹. Мочульский в 1844 г. дал описание аваро-андо-дидойских обществ, в которых он насчитывал приблизительно 200 тыс. жителей³⁰. Наиболее крупными населенными пунктами в Аварии, по данным Мочульского, были:

Анди	700 дворов	Аракань	500 дворов
Ансалта	400 »	Аргвани	400 »

²² Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 33, л. 336.

²³ С. Броневский. Указ, соч., стр. 58.

²⁴ П. Зубов. Указ, соч., стр. 139.

²⁵ Там же, стр. 240.

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 18474, ч. 6, л. 47.

²⁷ ССКГ, вып. I, 1868, стр. 70.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 301, лл. 91—98.

²⁹ ЦГВИА, ф. 1268, оп. I, д. 545, лл. 6—29.

³⁰ Там же, ф. ВУА, д. 6528, ч. I, л. 100.

Балаханы	300 дворов	Ругуджа	600 дворов
Батлаичи	300 »	Согратль	400 »
Ботлих	400 »	Телетль	400 »
Гергебиль	400 »	Тинди	400 »
Гоцатль	400 »	Тлох	400 »
Килатль	300 »	Урада	500 »
Мехельта	700 »	Хунзах	800 »
Орота	300 »	Чирката	300 »
		Чох	400 »

Дидойцы, по сведениям Мочульского, имели 1080 дворов³¹, а по сведениям Н. И. Воронова, в 1866 г. дидойцы жили в 36 селениях и двух отселках, в которых было 1025 дворов и 3165 жителей³².

По отчету дербентского губернатора, за 1850 г. численность населения той части Дагестана, которая входила в Дербентское губернаторство, характеризуется следующим образом³³.

В г. Дербенте — 5735 мужчин, 6297 женщин
 В Дербентском уезде — 24 331 мужчина, 26 220 женщин *
 В Самурском округе — 28 502 мужчины, 27 526 женщин
 В Даргинском округе — 66 075 мужчин, 68 022 женщины
 В Кюринском ханстве — 12 930 мужчин, 12 170 женщин
 В Казикумухском ханстве — 19 500 мужчин, 19 230 женщин
 В Сургинском обществе — 7980 мужчин, 7879 женщин

* В Дербентский уезд входили тогда г. Дербент, 11 селений вокруг Дербента, Табасарань и весь Кайтар

В 1840 г. засулакских кумыков числилось 32 800 человек, из них проживали в сел. Аксай 16 тыс., в сел. Эндери — 14 тыс., в сел. Костек — 2800 человек³⁴.

А. Берже, по данным, относящимся к 1846 и частично к 1852 гг., считал, что в этот период в Дагестане было около 400 тыс. жителей³⁵. По данным штаба Кавказской армии, опубликованным Е. И. Козубским, в 1860 г. в Дагестане числилось 513 265 жителей³⁶. По камеральному описанию А. В. Комарова, в Дагестане в 1866—1867 гг. было 449 534 человека³⁷.

Более точную картину народонаселения Дагестана дают материалы посемейной переписи 1886 г. Согласно данным этой переписи, население Дагестана составляло 592 780 человек, т. е. было на 31,9% больше, чем в 1866—1867 гг. На один двор в Дагестане в 1886 г. приходилось в среднем 4,6 человека (у татов на один двор приходилось 5,4 человека). В среднем на одно селение приходилось 109 дымов (у дидойцев — только 30 дымов); на 100 мужчин — 95 женщин.

Эти данные свидетельствуют о том, что в Дагестане господствовала малая семья и существовали относительно крупные населенные пункты.

Знающих русский язык из числа мужского населения в округах — 1 человек на 1000, знающих же другие языки — 1 человек на 100, следовательно, существовало довольно живое общение между иноязычными народами.

³¹ ЦГИА, ф. ВУА, ф. 6528, ч. 2, л. 48.

³² Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. I, 1868, стр. 14—22.

³³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 7, д. 352, л. 45.

³⁴ Политический обзор Кавказа за 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 482, д. 136, л. 89.

³⁵ А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. «Кавказский календарь на 1858 г.», стр. 271.

³⁶ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 50.

³⁷ «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, стр. 1.

Лиц с высшим образованием было только 17 человек, из них 14 человек жили в городах. Со средним образованием — 149 человек, из них 87 человек — в городах. Обучавшихся в учебных заведениях было 545 человек, из них 285 — в городах. Домашнее образование имели 2546 человек, живших в городах. Все эти люди были главным образом из числа русского населения³⁸. Приводим таблицу численности народов Дагестана на 1886 г.

Таблица 3

Народности	Число дымов	Мужчин	Женщин	Всего	% ко всему населению
Аварцы	29 005	59 924	59 787	119 711	20,20
Каратинцы	1897	3616	3601	7217	1,22
Андийцы	1964	3800	3775	7575	1,27
Дидойцы	1124	2507	2337	4844	0,82
Багулалы	398	732	742	1274	0,25
Ахвахцы	838	1743	1842	3585	0,61
Ботлихцы	345	676	707	1383	0,24
Годоберинцы	203	420	467	887	0,15
Чамалальцы	1024	2000	1889	3889	0,66
Тиндинцы	774	1618	1644	3262	0,55
Хваршинцы	338	728	678	1406	0,24
Гунзебцы	171	423	370	793	0,13
Капучинцы	484	1190	1140	2330	0,39
Казикумухцы (лакцы)	9723	23 746	24 570	48 316	8,15
Арчинцы	203	389	415	804	0,14
Кайтагцы	3040	7399	6957	14 356	2,42
Кубачинцы	507	1183	1049	2232	0,37
Даргинцы	24 670	54 370	52 798	107 168	18,08
Табасаранцы	4506	14 463	13 204	27 667	4,66
Агулы	1266	3581	3249	6830	1,15
Кюринцы (лезгины) . .	18 007	54 482	48 806	103 288	17,42
Рутульцы	2259	6296	5689	11 985	2,02
Цахуры	912	2706	2459	5165	0,87
Азербайджанцы	2395	7236	6461	13 697	2,31
Кумыки	13 763	32 056	28 780	60 836	10,26
Ногайцы	497 киб.	1408	1148	2556	0,43
Евреи	1156	4836	4374	9210	1,55
Гинухцы			Не указаны		
Таты	666	1833	1776	3609	0,61
Чеченцы	189	475	435	910	0,15
Русские	49	3276	2145	5421	0,92
Поляки	9	105	61	166	0,03
Немцы	—	23	13	36	0,01
Персы	—	5079	3945	9024	1,52
Армяне	2	596	458	1054	0,18
Грузины	1	62	31	94	0,02
Итого:	122 385	304 978	287 802	592 780	100,00

В этом перечне отсутствуют гинухцы. Видимо, они вошли в состав капучинцев.

Таким образом, наиболее крупными по численности являлись: аварцы

³⁸ Там же, стр. VIII—XIV.

(20%), даргинцы (18%), лезгины (17%), кумыки (10,26%), лакцы (8,15%) и табасаранцы (4,66%)³⁹.

Вышеприведенные данные послужили основой для этнографической карты Дагестана, составленной Е. Кондратенко⁴⁰.

В эти данные не входят кумыки бывшего Хасавюртовского округа, которых, по данным Л. П. Загурского, в 1902 г. было 31 519 человек, а всех жителей бывшего Хасавюртовского округа Терской области — 64 913 человек.

В 1902 г. всех аварцев, включая и андоцезскую группу, числилось 194 918 человек, из них в Закатальском округе — 40 225 человек; даргинцев — 123 756, лезгин (кюринцев) — 173 328, из них в Елисаветпольской губернии — 4211, в Бакинской губернии — 41 849; кумыков было 92 357 человек, из них в Терской области — 31 519⁴¹.

В 1910 г. в Дагестане было 681 589 человек⁴². Плотность населения по отдельным округам Дагестанской области на 1 кв. версту была: по Аварскому округу — 31, Андийскому — 18, Гунпбскому — 22, Даргинскому — 55, Казikumухскому — 40, Кайтаго-Табасаранскому — 28, Кюринскому — 28, Самурскому — 22 человека.

В дореволюционной историографии господствовала концепция о позднем заселении гор Восточного Кавказа, в частности Дагестана. По поручению Московского археологического общества Д. Н. Анучин в 1882 г. производил археологические исследования в Дагестане с целью обнаружения остатков поселений каменного века, но поиски эти тогда не увенчались успехом. Д. Н. Анучин пришел к ошибочному выводу, что горный Дагестан не является местом обитания древнего человека, так как не обнаружены орудия каменного века, у жителей нет поверий о громовой стреле и, наконец, горный Дагестан не имеет лесов. «Восточный Кавказ, — заявил Д. Н. Анучин — в частности Дагестан, был заселен уже сравнительно поздно, именно в металлическую эпоху, и народами, уже имевшими домашних животных»⁴³.

В 1954 г. археологическая экспедиция Дагестанского филиала АН СССР во главе с Р. Мунчаевым обнаружила в горах близ сел. Чох стоянку поздненеолитического времени. Стоянка эта располагалась под естественным навесом на берегу реки⁴⁴. К середине II тысячелетия до н. э. относятся описанные А. П. Гургуловым Каякентское поселение, жилища которого сооружались из камня и плетеньи, обмазанной глиной. Основным видом хозяйства этого поселения было земледелие, о чем свидетельствуют каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, находки хлебных злаков в толще глиняной обмазки печи и в глине, из которой изготовлялись сосуды⁴⁵.

Советские археологи установили, что горы не были изолированы от плоскостной части Дагестана, что культура древних жителей гор и плоскости Дагестана была однотипна (каякентско-хорчевская культура).

Таким образом, накопленный археологами материал позволяет утверждать, что весь Дагестан был заселен еще в период каменного века.

С концепцией о позднем заселении гор Дагестана была связана другая, не менее ошибочная концепция о том, что горы Дагестана не являются

³⁹ «Города и округа Дагестанской области». Статистические данные о населении Закавказского края, извлеченные из посемейных списков 1886 г., Тифлис, 1893, раздел VI.

⁴⁰ «Кавказский календарь на 1902 г.», стр. 124.

⁴¹ Там же, отд. III, стр. 42—43.

⁴² «Обзор Дагестанской области за 1911 г.», стр. 6.

⁴³ «Труды Московского археол. об-ва», вып. II, 1883, протоколы, стр. 44.

⁴⁴ Р. Мунчаев. К вопросу о времени заселения Дагестана. «Дагестанская правда», 16 ноября 1954 г.

⁴⁵ КСИМК, XIII, 1946, стр. 131.

аборигенами, что они пришельцы или остатки различных племен, проходивших через плоскость Дагестана в пачале нашей эры. Наиболее четко это мнение было сформулировано подполковником Будковским, который в 1812 г. писал: «Жители Кавказа суть остатки истребленных народов, разбитых ополчений и отделившихся, может быть, по несогласию проходивших через те края народов»⁴⁶. Правда, еще до Будковского в книге «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний» о жителях Кавказа говорилось, что они являются остатками разных племен, что это бежавшие шайки разбойников и разных преступников⁴⁷. Упомянутый выше Мочульский считал, что аварцы проникли с берегов Аму-Дарьи в Персию и только в VII в. н. э. «были высланы Ануширваном из Персии в горы Кавказа»⁴⁸. Аббас-Кули Бакиханов писал, что в отдаленные времена различные народы переходили Кавказ с юга и обратно, вели войны или искали убежища. Следовательно, жители гор Кавказа, по его мнению, также являются остатками этих народов⁴⁹.

Эта в корне ошибочная концепция предполагает, что Кавказские горы даже в начале нашей эры пустовали и представляли собой нечто вроде караван-сарая, где могли остановиться проходившие через Кавказ племена.

Многие дореволюционные авторы, писавшие о народах Дагестана, по установившейся традиции связывали жителей гор с мнимыми предками — гуннами, обрами, хазарами и т. д. Так, например, редактор «Дербенд-наме» М. Алиханов считал лакцев и аварцев остатками гуннов. Он писал: «Для объяснения этимологии слова, принявшего в русской речи форму «кумук», надо заметить, что горцы производят его на букву „г“ с едва слышным участием буквы „н“, т. е. как „гунмукх“, и что мукх” по-лезгински означает „страна“, отсюда „гунмукх“ — страна гун или гуннов. В нагорном Дагестане, — продолжал он, — рядом с гуннами — кумухами живет большое племя аваров, бывшая столица которых носит название Хунзах, т. е. „крепость хунов“, гуннов»⁵⁰.

Этой неправильной точки зрения придерживался даже М. М. Ковалевский, который писал, что «Авария — эта, как мы видели, уцелевшая на Кавказе ветвь гуннов, имела своих ханов до прихода Абу-Муслима и сохранила свою политическую независимость целых два века спустя»⁵¹.

Говоря об аварах, Аббас-Кули Бакиханов отмечал, что «одно племя его (обры. — Х.-М. Х.) находится и поныне на Кавказских горах, имея собственный язык, обычаи и владетеля»⁵².

Несколько иную позицию занимал Айдемир Чиркеевский, долго работавший переводчиком с известным кавказоведом П. К. Усларом. Он объяснял топонимику гор, например такие названия, как Гуниб, Аргуни и др., вовсе не пребывалием там гуннов, а тем, что на аварском языке слово «гуни» означает «куча, стог», а гора Гуниб имеет как раз такую форму⁵³. Соседнюю с ним гору аварцы называют «Седло-гора» из-за сходства ее с седлом. Бесспорно, что географические названия местностям и населенным пунктам давали постоянные жители, которые там проживали.

В 1859 г. появилась работа Якуб-бека Лазарева под названием «О гуннах Дагестана». Автор этой работы, отмечая, что о гуннах писали армяни-

⁴⁶ «Военное топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное свиты ЕИВ и квартирмейстерской части подполковником Будковским». ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, л. 88.

⁴⁷ «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний», СПб., 1809, стр. 525.

⁴⁸ Мочульский И. Война на Кавказе и Дагестане. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II, л. 71.

⁴⁹ «Кавказ», № 3, 1848.

⁵⁰ «Дербенд-наме». Тифлис, 1898, стр. 56—57.

⁵¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 122.

⁵² Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 15.

⁵³ «Кавказ», № 64—65, 1865.

ские летописцы еще с III в. н. э., подчеркивал, что «эти группы не те, которые, по византийским известиям, явились в 375 г. с Урала и Алтая и в соединении с донскими аланами, напад на готов, подчинили их себе, а с 449 по 454 г. навели ужас на Италию и Западную Европу»⁵⁴.

В данное время не вызывает сомнений, что дагестанские горцы ничего общего не имеют с аварами (обрами) южнорусских степей — народом уйгурского происхождения, которые после 828 г. н. э. перестают упоминаться в хрониках.

П. Гидулянов, ссылаясь на работу И. И. Пантюхова «Антропологические наблюдения на Кавказе», пытался доказать, что «настоящие жители Дагестана рознятся с прежними жителями его, что прежние жители были длинноголовыми, в то время как настоящие жители являются короткоголовыми»⁵⁵. Между тем И. И. Пантюхов не делал таких выводов в отношении жителей Дагестана. Он указывал, что «основные типы на Кавказе сохранились сравнительно лучше, чем в других странах, но и здесь, как везде, кроме смешения светлоглазых с кареглазыми, существует множество и других, происшедших от смешения нескольких самостоятельных типов промежуточных форм»⁵⁶.

Исследования советских антропологов опровергают мнение о разнотипности населения Дагестана. Так, М. С. Акимова в статье «Антропологический тип лезгин» пишет: «В результате проведенной работы установлено, что никаких монголоидных черт во всех исследованных лезгинских группах не отмечено»⁵⁷. Исследованию подверглись кюринцы, табасаранцы и агулы. Более того, М. С. Акимова относит лезгин «к европейскому в широком смысле слова типу»⁵⁸. Антропологическое обследование аварцев производилось в Нахичевском, Хунзахском и Тляратинском районах; при этом М. С. Акимова и М. А. Булатова пришли к выводу, что между лезгинами, табасаранцами, агулами и аварцами существует единство антропологического типа⁵⁹. Данные же антропологических исследований Г. Ф. Дебеца также исключают монголоидность кумыков⁶⁰.

Этническая пестрота и многоязычие Дагестана вызвали большой интерес ученых-лингвистов. Уже в первом сравнительном словаре языков мира, составленном в 1787 г. в Петербурге, содержатся материалы по ряду дагестанских языков. Дагестанские языки исследовались Гюльденштедтом и И. Клапротом, впоследствии Эркертотом. Правда, все эти исследования носили неглубокий характер и не помогли разобраться в сложной и запутанной лингвистической карте Кавказа, в частности Дагестана. Гюльденштедт даже писал, что у лезгин (он имел в виду аварцев. — X.-М. X.) имеется язык, называемый грузинами «мацларо»⁶¹. Однако такого языка нет. Слово «мацларо» по-аварски значит «не знаю языка». Вероятно, у аварца спросили, на каком языке он говорит, аварец же, не зная, о чем его спрашивают, ответил, что он не знает языка. Этот ответ дал основание назвать аварский язык языком «мацларо». После Гюльденштедта многие продолжали писать, что у лезгин имеется язык «мацларо».

Вплоть до 60-х годов XIX в. Кавказ представлял собой для лингвистики своеобразные джунгли. Языковеды, историки и этнографы до появления

⁵⁴ «О гунах Дагестана. Из изысканий капитана Якуб-бека Лазарева». Тифлис, 1859, стр. 2.

⁵⁵ «Этнографическое обозрение», 1901, № 1, стр. 4.

⁵⁶ И. И. П а н т ю х о в. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1893, стр. 142.

⁵⁷ КСИЭ, т. XVI, 1952, стр. 70.

⁵⁸ Там же, стр. 73.

⁵⁹ М. С. А к и м о в а и М. А. Б у л а т о в а. К антропологии аварцев. КСИЭ, т. II, 1947, стр. 26.

⁶⁰ Г. Ф. Д е б е ц. Доклад на сессии ИИМК и ИЭ АН СССР об итогах экспедиционных работ по археологии и этнографии 1953 г.

⁶¹ «Из путешествия г-на академика Гюльденштедта». СПб., 1809, стр. 118.

работ П. К. Услара продолжали разделять мнение Страбона, что в горах Кавказа имеется около трехсот языков. Многие авторы не признавали родства между языками народов Дагестана, считали их абсолютно чуждыми друг другу, так как и в науке о языке господствовало мнение, что горцы Дагестана — пришельцы, что они являются остатками различных племен.

Появление больших монографических работ П. К. Услара о языках народов Кавказа вызвало перелом в оценке горско-кавказских языков, в том числе языков народов Дагестана. Услару принадлежит заслуга открытия кавказских семей языков. Это открытие опровергло существовавшее ранее мнение об отсутствии родства между языками народов Кавказа, в частности Дагестана. Из семи капитальных монографических работ Услара о горско-кавказских языках пять посвящено языкам народов Дагестана (аварскому, лакскому, даргинскому, лезгинскому и табасаранскому).

Во всех работах Услара, как и в работах советских лингвистов, подчеркивается родство языков Дагестана между собой. Лингвисты Дагестанского филиала АН СССР считают, что лезгинский, табасаранский, даргинский, лакский и аварский языки имели одну общую основу, а все остальные языки горцев Дагестана составляют близкие к ним группы.

Тщательные археологические раскопки, антропологические исследования, изучение языков в свете истории их развития и обобщение всего этого материала дадут возможность решить вопрос об этногенезе народов Дагестана. Имеющиеся данные по географии, археологии, антропологии и языкознанию приводят к следующим выводам.

Географическое различие горной и плоскостной частей Дагестана в известной мере отразилось на экономике, материальной и духовной культуре жителей гор и равнины. Плоскость и горы Дагестана были обитаемы человеком еще в период каменного века, материальная культура жителей гор и плоскости в эпоху меди, бронзы и раннего средневековья была однотипна, современные жители Дагестана являются абorigенами и близки друг к другу по происхождению и языку. В связи с этим надо считать ошибочным имевшее место в дореволюционной литературе утверждение, что горы Дагестана были заселены в эпоху бронзы скотоводами-кочевниками, что жители гор являются потомками различных племен, оставшихся в горах Кавказа во время переселения народов из Азии в Европу и т. п.

Дагестан — страна многих народностей и этнографических групп, многих языков и диалектов. Сохранение в Дагестане этнической пестроты и многоязычия обусловлено не столько географической изолированностью отдельных народностей друг от друга, сколько их экономической разобщенностью, являвшейся следствием господства натурального хозяйства. В. И. Ленин указывал, что при натуральном хозяйстве «хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)»⁶².

Мы уже говорили, что взрослое мужское население мелких этнических групп издавна владело, кроме своего родного языка, еще языком той или иной крупной народности Дагестана, а это свидетельствует о постоянном общении. Так, мужское население андо-дидойской группы издавна знало аварский язык. Каждый сотый дагестанец знал язык соседей, к которым ему приходилось ездить на заработки или пригонять стадо овец на зимние пастбища. Дети и женщины, обычно не выезжавшие из своего населенного пункта, за редким исключением, не знали другого языка, кроме своего родного.

⁶² В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 44.

Присоединение Дагестана к России в начале XIX в., а затем окончание военных действий на территории Дагестана создали предпосылки для более широкого общения народов Дагестана между собой и со своими соседями. Заметно улучшилось их благосостояние, и это не преминуло благоприятно отразиться на росте населения. За 20 лет, с 1866 по 1886 г., население Дагестана в среднем увеличилось на 33,1%, а к 1915 г. — почти удвоилось. Стали расти города. Если в начале XIX в. в Дагестане было только 10 тыс. человек городского населения, то в 1915 г. в городах Дагестана насчитывался 72 271 житель, что составляло 10,14%. Рост городов и городского населения, так же как и рост населения Дагестана в целом, является показателем прогрессивного значения присоединения Дагестана к России.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава I

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА XIX в.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДАГЕСТАНА К РОССИИ И ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СОБЫТИЯ

В начале XIX в. Дагестан был раздроблен экономически и политически, он был разбит на ряд владений: ханства Аварское, Казикумухское, Мехтулишское, Дербентское, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское, владения кадия табасаранского и владения кумыкских князей — Аксаевское, Костековское, Андреевское. Часть территории Южного Дагестана входила в султанство Елисуйское. Наряду с названными феодальными образованиями в Дагестане существовало значительное число «вольных» обществ. «Вольными» обществами назывались союзы сельских общин, расположенных близко друг от друга и объединенных общими интересами. Они были известны в Дагестане под различными местными названиями: аварцы их называли «бо», что значит буквально «войско», но понимали как территориально-административную единицу; даргинцы называли их «хуравами», а лезгины — арабским термином «магала». Таких объединений в Дагестане насчитывалось более 60¹. Многие «магалы», «хуравы» и «бо» входили в состав отдельных феодальных владений.

Вопрос о времени образования как феодальных владений, так и «вольных» обществ остается до настоящего времени не изученным. Несомненно, однако, что история их уходит в глубокую древность. Армянские, грузинские и арабские источники свидетельствуют о том, что в начале нашей эры дагестанские племена имели своих племенных вождей или «царьков». В грузинской летописи говорится, что в конце I в. н. э. грузинский царь пригласил царя леков для участия в походе против армянского царя, что царь леков привел с собой дидойцев и дурдзукцев². Моисей Хоренский сообщает о гибели этого царя леков в единоборстве с армянским царем³. Следовательно, леки, под именем которых армянские и грузинские источники разумеют, как правило, всех дагестанских горцев, имели своих «царьков».

По сведениям арабских географов IX—X вв. н. э., в Дагестане существовало множество независимых друг от друга владений, в частности Дербентское, Табасаранское, Кумухское, Башлинское, Серир, Джидан и др. Ал-Истахри говорит о Дербенте как порте Серира и других стран, где происходила оживленная торговля. Он же сообщает интересные сведения о

¹ Е. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темпр-Хан-Шура, 1895.

² «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России». СМОМПК, вып. XXII, 1897, стр. 16.

³ Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по р. х. СПб., 1877, стр. 37—38.

лакцах; они делились на четыре класса: хамаширов, управлявших страной; мишак, составлявших военное сословие; ал-акра — земледельцев и меган — ремесленников⁴. Ибн-Русте сообщал, что царь Серира носит имя Авар и имеет два укрепления: Алап и Гумик (последнее было якобы неприступным и в нем царь Серира хранил свою казну)⁵.

Арабские географы указывают, что в конце IX в. н. э. на территории прибрежного Дагестана между Сулаком и Дербентом находился хазарский г. Семендер. По сведениям Масуди, в горах Кавказа жили 72 племени, каждое из которых имело своего царя и свой особый язык. «Оплотом царства Ширван, — писал Масуди, — служит царство лакзов, многочисленного племени, живущего на вершинах этих гор. Среди них есть кяфиры и не подчиненные власти Ширвана по имени дуданийцы. В непосредственном соседстве с Ширваном находилась Табасарань. За Табасаранью лежало царство Джидап, за Гумиком по направлению к горам и к Сериру — Зерекеран (кубачи — Х-М. Х.), жители которого делают кольчуги, стрелы, удила, мечи и другие железные вещи. Царь Серира берет себе в рабы кого угодно и успешно воюет с хазарами, а с царем алап находится в дружбе»⁶.

Древнейшим городом Дагестана является Дербент, который был построен в начале V в. н. э. Даргинцы и лакцы поныне называют его Чором; под этим именем он известен в армянских и грузинских источниках, относящихся к раннему средневековью. Архитектурные памятники Дербента свидетельствуют о высоком строительном искусстве дагестанцев. Академик Бартольд считал, что до арабского завоевания Дербент был центром христианства и даже некоторое время там жил патриарх и находился патриарший престол, который потом перенесли в Партав, главный город Кавказской Албании, а патриарший двор оставался в Дербенте до 733 г. н. э. Распространение христианства в Дербенте и среди окружающего населения Бартольд относил ко времени Иездигерда I (399—420 гг.) и византийского императора Феодосия (408—540 гг. н. э.)⁷.

Завоевание Дагестана арабами и трехвековое господство их здесь не привело к полному утверждению ислама. Встречающееся в литературе положение, что весь Дагестан уже с VII в. стал страной мусульманской, тенденциозно и совершенно необоснованно.

Еще в древние времена в исторической науке дискутировался вопрос о вхождении Дагестана в состав древней Албании. Указание Страбона, что в состав Албании входила Каспиана и что жители Албании говорят на 26 наречиях, дает основание предполагать, что Дагестан действительно входил в состав Албании.

Птолемей указывал, что Албания граничит с севера с Сарматией, с запада — с Иверией, с юга — с Великой Арменией, с востока — с частью Иранского моря, простирающегося до р. Соаны (Броневский считает, что Соана — это Сулак). Эти границы включают в себя почти весь Дагестан. По этому поводу С. В. Юшков писал, что «дагестанское побережье должно быть отнесено к территории Албании. Птолемей не указывает, какой город был столицей этой обширной страны. Это делает, как мы помним, Плиний, называющий столицей Кабалаку. Нетрудно видеть, что г. Кабалака — это Хабала Птолея, располагающего этот город не на побережье, а внутри страны, на территории между реками Касом — Сулаком и Албаном — Самуром. Следовательно, центром всей страны надо считать

⁴ СМОНПБ, вып. XXIX, 1900, стр. 17.

⁵ Там же, вып. XXXII, 1903, стр. 47, 49.

⁶ Там же, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 5, 40, 42, 52, 53. В приложении помещена карта Кавказского края, Армении и Азербайджана, составленная по сведениям арабских географов IX и X вв. На этой карте отмечены дагестанские владения.

⁷ В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 24.

территорию по р. Албану—Самуру и, вероятно, название этой реки лежит в основе названия всей страны»⁸.

Бакиханов считал, что «большую часть Имеретии, Мингрелии и Гурзии можно считать за Колхиду; а Ширван и Дагестан — за Албанию»⁹.

Для окончательного освещения истории древнего Кавказа, в частности Дагестана, потребуются усилия большого числа научных работников: историков, археологов, этнографов и языковедов. Только комплексное изучение Кавказа позволит дать ответ на многие вопросы, волнующие не только узкий круг ученых, но и широкую общественность. Однако даже беглый обзор показывает, что Дагестан был втянут в орбиту государственных образований Древнего Востока и пережил немало потрясений, к сожалению, оставшихся незафиксированными.

Единственным письменным источником, трактующим историю феодальных образований Дагестана в период средневековья, является летопись Мухаммеда Рафи, которая повествует о положении Дагестана до арабского завоевания, о назначении арабами в Дагестан в качестве правителей потомков Хамзы и Аббаса — дядей пророка Магомеда, о междоусобных войнах дагестанских феодалов и о дани, которую они получали от различных народов. Составление упомянутой летописи относится к 1331 г. н. э. Причем она претендует на описание событий, происходивших с VII по XIV в. н. э. Дата составления летописи некоторыми историками оспаривается, так как в летописи встречаются такие слова, которые могли появиться в Дагестане только в XVI—XVII вв. (в частности, слово «бояр»). Мухаммед Рафи восхваляет арабских завоевателей и осуждает все то, что было в Дагестане до прихода арабов. Он пишет, что обитатели Дагестана «были неверные, жестокие идолопоклонники; в каждой деревне находились негодные владельцы, которые правили неверными обитателями, и в каждом городе находились вероломные и тиранские правители, которые приказывали делать зло и воспрещали благо»¹⁰. Автор поставил себе задачу возвысить в глазах верующих их жестоких угнетателей — шамхалов, умиев, майсумов и кидиев, искусственно присоединив их родословные к родословной пророка Магомеда. Его утверждение об арабском происхождении дагестанских феодальных фамилий¹¹ не имеет под собой никакой почвы и должно быть категорически отвергнуто. Если бы шамхалы и другие владельцы являлись арабами, то о них не забыли бы написать арабские писатели и географы IX—X вв.

Дагестанские народы, занимавшие территорию от западных берегов Каспийского моря до снеговых вершин Большого Кавказа, еще в VII в. н. э. встретились с «руссами» южнорусских степей, проезжавшими в Закавказье по торговым делам через сухопутную и водную магистраль — Дагестан. Исторические связи народов Дагестана с великим русским народом сложились еще в глубокой древности, развились и окрепли в борьбе против общих врагов — татаро-монгольских орд, султанской Турции, крымских ханов и иранских шахов. К VII—VIII вв. относится значительное развитие торговли закавказских городов, особенно через Хазарский Итиль, со странами Восточной Европы, в частности, со славянами¹².

В. О. Ключевский указывал, что в IX в. русские выходят к Каспийскому морю, проникают на юго-восточные берега его и доходят до Багдада¹³. О русско-кавказских отношениях в IX—X вв. и о торговых связях, осуще-

⁸ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. «Истор. зап.», 1, 1937, стр. 136.

⁹ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 9.

¹⁰ «Дербенд-наме». Тифлис, 1898, стр. 166.

¹¹ Слово «фамилия» применительно к дагестанским феодалам привнесено иностранными путешественниками, но приобрело все права и даже вошло в национальный язык.

¹² Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1953, стр. 439—440.

¹³ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, М., 1956, стр. 127.

ствлявшихся по Волге и по Каспийскому морю, подробно говорится в работе А. Ю. Якубовского¹⁴. Походы Руси на Восток в X в. имели целью обеспечить свободное плавание по водным путям в прикаспийские страны и защитить торговые интересы Киевского государства¹⁵. В этих походах участвовали и лезги (лезгини)¹⁶.

Сокрушительный удар, нанесенный князем Святославом хазарам, навсегда избавил население Дагестана от постоянно угрожавшего им порабощения хазарами и обеспечил свободное общение с восточными славянами — руссами — по Волге и Каспию. После разгрома Хазарского царства усилилось влияние руссов на народы Северного Кавказа, а образование русского княжества в Тмутаракани (на Тамани) еще больше сблизило народы Северного Кавказа с русским народом.

В 1175 г. 70 кораблей русского флота находились на службе у дербентского эмира и участвовали в морском сражении против Ширваншахов¹⁷.

Связи славян с кавказскими народами были нарушены вторжением в Восточную Европу сперва кочевников-печенегов, а затем татаро-монгольских орд.

В 1396 г. Тимур с огромными полчищами прошел Дагестан вдоль и поперек, разорил много селений. Путь Тимура по Дагестану отмечен многими злодеяниями. Так, в сел. Ушкуджан (в Табасарани) он сложил холм из тел убитых. Покорив кумыков, он пошел на Салатавию, разорил г. Алмах, укрепления Берктау, Алхастау, Чупантау и Батлук, истребил многих жителей, затем осадил г. Кадар, имевший до 8 тыс. домов. Существует легенда о взятии этого города. Тимур начал переговоры о мире и послал в крепость много суздуков: в них, вместо подарков, сидели вооруженные воины, которые открыли ворота крепости.

В покоренные города и населенные пункты Тимур назначил своих смотрителей.

Тимур огнем и мечом укреплял религию ислама и искоренял христианство среди населения Дагестана и Северного Кавказа. Он дал указание об истреблении народностей Дагестана, бывших в союзе с ханом Тохтамышем, в частности кайтагов. «Из множества не спаслись даже немногие, из тысячи — один»¹⁸. Войска народов Дагестана, объединенные под начальством казикумухского шамхала, Тимур разгромил, а шамхала обезглавил.

Татаро-монгольское господство остановило развитие производительных сил Дагестана. Бесконечные войны привели к истреблению населения. Районы приморского Дагестана превратились в пустыни, пахотные поля и виноградники заросли кустарниками. Дербент потерял свой прежний блеск и торговое значение.

Русский народ, героически борясь с татаро-монгольскими захватчиками, в 1480 г. окончательно сбросил иго Золотой Орды. Восстановилась связь Дагестана с Россией. Особенно они усилились с XVI в.¹⁹, но еще в 1466 г. правитель Дербента и Ширвана Ферух-Ясар отправил в Москву своего посла Гасан-бека, а посольство Москвы во главе с В. Паниным было направлено к Ферух-Ясару. Как известно, с этим посольством ехал отправлявшийся в Индию купец Афанасий Никитин²⁰.

¹⁴ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1946, т. III, № 5.

¹⁵ К. В. Базилевич. История СССР. М., 1950, стр. 69.

¹⁶ «Очерки истории СССР», IX—XIII вв. М., 1953, стр. 81.

¹⁷ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 429.

¹⁸ Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, т. II. 1941, стр. 74, 75, 116.

¹⁹ С. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Материалы Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. I, 1578—1613. М., 1889, стр. XV—СIII.

²⁰ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1950, стр. 80.

Венецианский посланник Контарини, побывавший в Астрахани в 1475 г., свидетельствует о существовавших там торговых связях с кумыкским г. Тюменью, расположенным в устье Терека²¹.

В 1566 г. к России была присоединена Астрахань и для торговых связей была открыта Волга. В XVI в. дагестанские народы стали вступать в русское подданство, и с этого же времени установились более или менее регулярные торговые отношения, которые нарушались только захватническими и провокационными действиями султанской Турции, крымских ханов и шахского Ирана.

В декабре 1556 г. из Астрахани сообщали царю, что шамхал присылал посла для переговоров о мире и торговле. В 1557 г. в Москву прибыли послы Крым-шамхала²².

В 1559 г. был заложен г. Тарки у устья р. Суныки. В 1587 г. произошло переселение донских казаков на Терек и было учреждено Терское воеводство²³.

Турция и Иран, соперничая между собой, разоряли в XVI в. народы Кавказа и Дагестана; падшими нависла опасность порабощения деспотическими государствами. В 1578 г. турецкие войска во главе с Лала-Мустафа-пашой захватили Грузию, Азербайджан и Дагестан. Не раз вторгались в Дагестан через Северный Кавказ и войска крымских ханов. Гнет турецких завоевателей вызывал восстания населения Дагестана. В конце XVI в. шаху Аббасу удается вытеснить турок из Дагестана, турецкий гнет сменяется иранским. В этот период дагестанские феодальные владельцы обращаются к России с просьбой принять их в российское подданство. 8 сентября 1589 г. аварский нуцал, его брат — «Черный князь» и уздени в укреплении на р. Сунже приняли русское подданство, а в 1610 г. приняли подданство шамхал Мирза-Гирей, казикумухский князь Али-бек, аварский князь Мехти, карабудахкентский Сурхай, кайтагский уцмий и кумыкские князья²⁴.

Однако феодалы Дагестана не придерживались какой-либо одной ориентации; они лавировали между Ираном, Турцией и Россией, всегда стремясь извлечь какую-нибудь выгоду лично для себя; интересы народа им были чужды. Это подтверждается следующими фактами. В 1578 г. Ширван-шах и дагестанские владельцы, подстрекаемые Турцией, выступили против Ирана. Когда турки одержали победу, шамхалы, уцмий, ханы и беки поспешили с подарками и поздравлениями в лагерь турецкого сераскера Лала-Мустафы, занявшего Ширван. Они заявили о своей преданности султану и о готовности служить ему. Лала-Мустафа, понимая, что Турции выгодно принять голоса ханов и беков за волеизъявление народа Дагестана, спешит оформить договор о верности народов Дагестана Турции и от имени султана признает права шамхала, уцмий и беков на управление и владение территориями и именными и выдает на это соответствующие «грамоты». Шамхал получает титул «дагестанского вали» (губернатора).

В 1606 г. персидский шах Аббас вторгается в Ширван и располагается лагерем под Шемахой. Кайтагский уцмий, перешедший на сторону Персии, осаждает турецкий гарнизон в Дербенте. Шамхал, уцмий, ханы и майсум спешат в лагерь шаха с подарками и поздравлениями, заверяют его в преданности. Опять сынытся грамоты, на этот раз шахские, на право уп-

²¹ С. Броневский. Указ. соч., стр. 183; «Истор. зап.», вып. 34, 1950, статья Е. Кузевой.

²² Так именовался престолонаследник; слово «крым», по объяснению Х. Муркелянского, искаженное «хыриб», что значит «следующий» на балхарском диалекте лакского языка.

²³ «Памятная книжка для обзора Кавказского края». ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 851, д. 23, л. 102.

²⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. XV—СIII.

равления и владения²⁵. Таким образом, дагестанские феодалы имели бесконечное число фирманов и грамот, с помощью которых они присваивали себе общинные земли и закабалили крестьян.

Взоры народов Дагестана обращаются к своему северному соседу — русскому народу, который, одержав победу над золотоордынскими ханами, стал серьезной и могучей силой. Россия привлекла к себе симпатии дагестанских народов. Все больше и больше дагестанцев появляется в Астрахани не только в качестве политических представителей феодалов, но и в качестве торговцев. Серьезное значение приобретает русский г. Терки; вокруг него стали образовываться поселки горцев, убегавших от преследований местных феодалов²⁶.

В начале XVII в. представители тарковского шамхала привозили свои товары уже не только в Астрахань, но и в Москву. Так, посол шамхала Сурхая в 1642—1643 гг. привез в Москву на 8110 руб. товара²⁷. С 1614 по 1642 г. в Москве бывало 13 посольств от тарковских владельцев.

В начале XVIII в. в России расширяется внутренняя и внешняя торговля и, как результат этого, усиливается забота правительства о торговых путях и рынках сбыта.

Война со шведами окончилась победой, путь в Европу был открыт. Началась борьба за выход к Черному и Каспийскому морям. Поэтому «восточный вопрос» приобретал практическое значение. Петр I стал готовить восточный поход, желая этим укрепить южные границы государства и, овладев Каспийским морем, сосредоточить в своих руках индоевропейскую торговлю. Россия не могла остаться в стороне от кавказских событий не только потому, что это затрагивало интересы русского государства, но и потому, что сама Россия, стремясь стать великой державой, старалась укрепиться на Кавказе, являющемся ключом ко всей Азии. Южные моря были закрыты для нее. Поэтому со времен Ивана Грозного шло последовательное продвижение русского государства на юг к Каспийскому и к Черному морям: занятые позиции укреплялись, превращаясь в трамплин для дальнейшего продвижения вперед.

Было бы ошибкой, утверждать, что на этом пути не встречалось препятствий, что все народы Кавказа дружно поддерживали продвижение русских войск. Так, несмотря на неоднократные просьбы шамхалов принять их в русское подданство, войска царя Федора и Бориса Годунова были враждебно встречены в шамхальстве, отряд окольныхчих Бутурлина и Плещеева был полностью истреблен. Петр I, учитывая все обстоятельства, вел всестороннюю подготовку Персидского похода. Еще в 1700 г. он дал указание астраханскому губернатору Муспу-Пушкину наладить дружественные отношения с дагестанскими горцами и оказывать им всяческую помощь²⁸. Для изучения и собирания сведений относительно Прикаспийского края и его населения были командированы А. П. Волынский, капитан А. Баскаков, Бекович-Черкасский и др.²⁹ Гребенские казаки были переселены на левый берег Терека, где были образованы укрепленные городки: Червленный, Шедринский, Новоградковский и Курдюмовский³⁰.

Таким образом, подготовку к Восточному походу Петр I начал давно. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что многие феодалы Дагестана уже считали себя подданными России, исключая Сурхай-хана Казикумухского, а также эндерейского и утамышского владельцев.

²⁵ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 7.

²⁶ А. М. Карамзин. История государства Российского, кн. II, ч. 8, стр. 138.

²⁷ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана». М., 1954, стр. 9.

²⁸ «Кавказ», № 147, 1869; «Кавказский календарь на 1856 г.», стр. 233.

²⁹ В. П. Лысов. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951.

³⁰ И. Попко. Терские казаки стародавних времен. Исторический очерк. СПб., 1880, стр. 96.

Политическая ситуация, создавшаяся в Дагестане и в Иране в начале XVIII в., заставила Петра I спешить. Поводом для похода явилось так называемое лезгинское восстание против шахского владычества. В начале XVIII в. все провинции Персии, в том числе Дагестан, испытывали тяжелый шахский гнет. Налоговая политика шаха Гуссейна разоряла крестьян; шах приказал составить списки всех жителей, достигших 15 лет, и обложить их большими налогами. В 1708 г. по этим спискам налоги взыскивались при помощи военной силы, т. е. проводился грабеж, узаконенный шахом. Приказ шаха гласил: «Если кто найдет скрывающегося и спрятавшегося и сообщит о них шаху, то голова скрывающегося — шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем»³¹.

В Дагестане началось антиперсидское движение. Против шахского гнета восстали, в частности, кубинские лезгины. Турция решила использовать эту обстановку против Персии. Во главе антиперсидского движения был поставлен Гаджи-Дауд Мушкурский, духовный учитель, поднявший пантюркистское знамя борьбы против шиитской Персии. Гаджи-Дауд связался с Сурхай-ханом Казикумухским, а также с уцмием кайтагским и с ними разработал план всеобщего восстания против Персии. В 1711 г. в Дагестане началось так называемое лезгинское восстание³².

Казикумухский Сурхай-хан вместе с Гаджи-Даудом собрали около 30 тыс. человек войска; восставшие убили Султан-Ахмеда-хана Кубинского и осадили Шемаху. Но она была сильно укреплена, и ее не смогли взять. Только в следующем 1712 г., после 15-дневной осады, город был взят и разграблен, а ширванский правитель Гусейн-хан убит. При этом были убиты и ограблены 300 русских купцов. За руководство этим восстанием турецкий султан провозгласил Гаджи-Дауда правителем Ширвана; Сурхай-хан Казикумухский вернулся домой с награбленными ценностями. В походе 1712 г. кайтагский уцмий не участвовал, так как шамхал, ориентировавшийся на Персию, отговорил его.

Некоторые историки считали Гаджи-Дауда и Сурхай-хана I прогрессивными вождями антииранского движения. Так, В. И. Левиатов писал: «Если в ту пору, когда шла борьба против иранского гнета, деятельность Дауд-бека³³ и Сурхай-хана имела освободительное значение, то потом, когда они стали турецкими папами и превратились в исполнителей захватнических планов Турции, они по существу стали играть роль грабителей и пособников турецких угнетателей»³⁴. Подобная характеристика является следствием непонимания социальной сущности данного движения. Получается, что Дауд-бек и Сурхай-хан Казикумухский все же вначале возглавляли национально-освободительное движение. На самом деле Гаджи-Дауд и Сурхай-хан использовали антиперсидское возмущение трудящихся, надеясь стать правителями завоеванного Ширвана и обогатиться за счет грабежа. Восстание трудящихся против персидского гнета им удалось направить в реакционное русло. П. Г. Бутков правильно указывал, что Дауд-бек ездил в Турцию и обещал ей Дербент и другие провинции³⁵.

К этому времени Персия ослабела и была не в состоянии обеспечить охрану своей территории. О растерянности шаха и о междоусобицах феодалов, происходивших в это время, доносил русский посланник³⁶. Неспособность Персии устоять против Турции, которая старалась захватить за-

³¹ В. Н. Левиатов. Очерки истории Азербайджана в XIII в. Баку, 1948, стр. 63.

³² П. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и в Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.

³³ Гаджи-Дауда стали называть Дауд-беком.

³⁴ В. Н. Левиатов. Указ. соч., стр. 98.

³⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. I. СПб., 1869, стр. 9, 53, 88—89.

³⁶ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 18. М., 1865, стр. 33.

кавказские территории Персии, в том числе Дагестан, могла привести к усилению Турции — противника России на юге. Это заставило Петра I ускорить Персидский поход, который начался летом 1722 г. 15 мая Петр I на кораблях по рекам Москве, Оке и Волге отправился в Казань, куда прибыл 27 мая, а уже 15 июня был в Астрахани. Здесь больше месяца велась подготовка к дальнейшему походу. 18 июня русская пехота на судах отплыла по морю, а конница была отправлена сухим путем.

Дагестанские феодалы: Султан-Махмуд из Аксая и шамхал Адиль-Гирей Тарковский спешили навстречу Петру с богатыми подарками. Султан-Махмуд подарил царю шесть персидских лошадей и 100 быков; шамхал Адиль-Гирей — 600 быков, запряженных в телеги, и 150 быков на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом. 12 августа передовые части русского войска достигли г. Тарки, где шамхал встретил Петра хлебом-солью. Три дня войска собирались в лагерь около Тарков, 16 августа войска выступили в сторону Дербента. 23 августа серебряный ключ г. Дербента был преподнесен Петру I наибом Дербента Имам-Кулиханом³⁷. В Дагестане только эндересевский и утамышский феодалы оказали неповиновение войскам Петра, за что были жестоко наказаны.

По Пестербургскому договору от 12 сентября 1723 г. Персия уступала России «Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабад»³⁸.

Непосредственная связь народов Дагестана с Россией, просуществовавшая в течение 13 лет после этого, не прошла бесследно. Россия принесла с собой новые порядки, деспотизм местных властей был в известной мере ограничен, проявилась забота об улучшении виноградарства, виноделия и торговли. «Осматривая в Дербенте загородные фруктовые сады, Петр I нашел там виноград и сожалел при том, что жители не умеют выделывать хорошего вина. Для этого Петр по возвращении в Астрахань выслал в Дербент астраханских и венгерских мастеров и в то же время выписал из Венгрии майора Туркула, который привел выделку в Дербенте красного и белого вина в хорошее состояние»³⁹. Петр принял также меры к расширению торговых связей с населением Дагестана и оказывал им разностороннюю помощь. Так, в 1725 г. он приказывал астраханскому губернатору: «Понеже Дербентский наип сюда писал, что жители дербентские в запасах имеют нужду и терпят великий голод, и просил оной, чтобы их в том не оставить, того ради отправь из Астрахани в Дербент пять тысяч четвертей и вели оной отдать наипу и жителям тамошним, а сверх того они ныне могут свободно получать хлеб из Гиляни и для того им определенные бусы дать»⁴⁰. Еще в 1724 г. Петр писал генералу Матюшкину, чтобы «в Дербенте сделали гавань для укрытия судов во время шторма»⁴¹. Петр I имел основание сообщить Сенату, что «в сих краях твердой ногой стали»⁴². Многие дагестанские феодалы, еще не состоявшие в подданстве, приняли подданство России. В этот период подданство России принимают также многие «вольные» общества, так, Акушинское «вольное» общество приняло подданство России в 1723 г., Андийское — в 1731 г.⁴³

³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539. Атлас о завоеванных при Каспийском море провинциях и крепостях государем императором Петром Великим с 1722 по 1725 г., лл. 5—6; П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 26; Г. Алкадари. Ассари-Дагестан. Махачкала, 1927. стр. 58—62.

³⁸ Т. Юзefович. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1868, стр. 187.

³⁹ «Русский вестник», т. 110, 1874, стр. 17.

⁴⁰ Сб. «Очерки истории Дагестана», вып. I. Махачкала, 1950, стр. 130—131.

⁴¹ С. М. Соловьев. История России, т. 18, стр. 683.

⁴² Там же, т. 19, стр. 677.

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 482, 125 л. 4; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 84; ч. III, стр. 37.

Характерно, что за 13 лет пребывания русских войск в Дагестане, там не было ни одного инцидента с населением.

Тогда же было положено начало изучению Дагестана. Сюда относятся работы И. Г. Гербера, Д. К. Кантемира, Ф. И. Соимонова и А. П. Вольского⁴⁴.

Содержание огромной армии вдали от России оказалось невозможным; различные болезни косили войско; в период похода и до 1732 г. погибло 41 172 человека, из них только от болезней — 36 644⁴⁵. Вскоре началось активное турецкое вмешательство в персидские дела, в 1724 г. Турция захватила Тифлис. По Константинопольскому договору (12 июня 1724 г.) между Россией и Турцией к последней отошли Грузия, Ширван, Ереван, Карабах и часть Дагестана. По Рештскому (21 января 1732 г.) и Ганджинскому (10 марта 1735 г.) договорам все завоеванные Петром I территории были возвращены Персии⁴⁶. Турция после ряда поражений также вернула Персии ее закавказские владения, в том числе и Ширван, где правил Сурхай-хан I. В 1736 г. русским войскам был дан приказ оставить прикаспийские провинции и перейти на левый берег Терека.

Опьяненный победами. Надир-шах решил наказать народы Дагестана. Началась полоса жестоких карательных походов⁴⁷.

Борьба дагестанского народа против Надир-шаха является одной из героических страниц истории дагестанских народов. Однако следует различать борьбу народа, который боролся против всякого гнета, в том числе и персидского, и феодалов, которые в борьбе с Персией преследовали свои личные корыстные цели. Не Сурхай-хан и не другие феодалы решили судьбу Надир-шаха в Дагестане; это сделали трудящиеся, доведенные до отчаяния тяжелым гнетом восточного деспотизма. В то время как шамхалы, уцмьи и сам Сурхай-хан I лебезили перед Надир-шахом, трудящиеся Дагестана готовились к решительным боям. Шамхал в письме к Надир-шаху злобно клеветал на дагестанский народ: «дагестапцы только по паружности люди, а на самом деле они звери»⁴⁸.

Полчища Надир-шаха были наголову разбиты в горах Аварии объединенными силами народов Дагестана. А. А. Неверовский писал, что «счастье изменило шаху Надиру в 1742 г., хотя тотчас по его прибытии в Казикумык явился к нему шамхал, уцмий и Сурхай-хан со многими почетными лицами Дагестана... когда он предпринял поход в Аварию, то близ деревни Чоха (в Андалальском обществе) потерпел совершенное поражение и принужден был отступить в Казикумык без всякого успеха»⁴⁹. По поводу этого поражения шахских войск в «Истории Надир-шаха» говорится: «В самое жаркое лето холмы там редко бывают лишены снега, и самая сильная жара там подобна зиме в других странах... Армия пробыла пятнадцать дней в этой местности, наказывая мятежников, но произошло так, что целое войско солдат по вине неискусных проводников было завезено в горы, покрытые снегом, и стало добычей врагов... Сильные снега и дожди препятствовали императорской армии закончить умирение племен авар, вследствие этого она покинула эти места, и Сурхай со своей семьей последовал за ней в Дербент»⁵⁰. Таким образом, придворный историк об-

⁴⁴ «Кавказ», № 73, 74, 1893.

⁴⁵ Е. С. Зевакин. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. «Известия об-ва исследования и изучения Азербайджана», 1928, № 5, табл. 8.

⁴⁶ Т. Юзефович. Указ. соч., стр. 204.

⁴⁷ «Хроника войн Джара». Баку, 1931; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Указ. соч.; Г. Алкадари. Указ. соч.; А. Тамай. К истории борьбы народов Дагестана и Азербайджана за независимость против Ирана. Канд. диссертация, Махачкала, 1954.

⁴⁸ П. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. II, Казань, 1850, стр. 83; «Кавказ», 1846, № 17.

⁴⁹ А. А. Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847, стр. 29.

⁵⁰ Тахмас-Кули-хан. История Надир-шаха. Цит. по французскому переводу. Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 28, св. 216.

яняет поражение Надир-шаха суровыми климатическими условиями. В действительности в сентябре на территории Андалальского общества бывает прекрасная погода. Иначе освещает этот вопрос посланник Франции в России де ла Шетарди в донесении своему правительству из Петербурга: «Известия, полученные о поражениях Кули-хана в Дагестане, отнюдь не были настолько достоверны, чтобы я непременно должен был вам о них сообщить. Подтверждение их, доставленное здешнему двору, не оставляет более никакого сомнения об этом деле. Поражение было тем более значительно, что Кули-хан дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню в большей части его армии»⁵¹.

В истории каждого народа имеются свои знаменательные даты. Для дагестанских народов такой знаменательной датой является разгром Надир-шаха в горах Дагестана. В ответственный момент своей истории, перед лицом опасности народ обратил свои взоры к тому, кто был ему близок, — к великому русскому народу.

В истории дагестанских народов было немало фактов, когда они обращались к русскому народу за помощью и покровительством. В начале XVII в. полчища шаха Аббаса угрожали опустошением Дагестану. Народ обратился к России за покровительством. Русское государство, умело используя противоречия между Турцией и Персией, спасло тогда народы Дагестана от разорения.

В 1742 г., когда Надир-шах угрожал им истреблением, дагестанские народы вновь обратились к России с просьбой принять их в подданство и дать совместно оппор Надир-шаху⁵². Хотя Россия не могла тогда оказать вооруженную помощь Дагестану, были приняты все меры, чтобы не пустить шаха Надира далее Сулака. Трудящиеся Дагестана, испытав жестокость полчищ Надир-шаха, мечтали о возвращении тех времен, когда они входили в состав России (1722—1735 гг.). Князь Долгоруков в 1743 г. доносил императрице Елизавете Петровне, что владельцы Кайтага, Аварии, Джунгутая и горские старшины твердо решили стать вечными и верными подданными России⁵³. В 50-х годах XVIII в. шамхал Хасбулат, его преемник Муртаз-али, аварский Магомед-нуцал-хан, казикумухский Магомед-хан и Андийское общество вновь обращались к России с просьбой о принятии их в подданство⁵⁴.

Россия старалась укрепить свои южные границы. Были заложены крепости Кизляр и Моздок. Турция, боявшаяся укрепления России на Северном Кавказе, готовилась к войне с Россией, всячески стараясь поднять народы Кавказа против России. Пропаганда Турции не нашла отклика среди населения Дагестана. Когда разразилась русско-турецкая война, дагестанцы сражались против турок⁵⁵. Они просили царя Грузии Ираклия пропустить их для набега на турецкие земли⁵⁶.

Русско-турецкая война завершилась в 1774 г. победой России, и по Кучук-Кайнарджийскому трактату от 10 июля 1774 г. «все татарские народы: крымские, буджакские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих Империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения...»⁵⁷.

⁵¹ Донесение маркиза де ла Шетарди от 18 сентября 1742 г. цит. по кн.: В. Н. Лепатов. Указ. соч., стр. 111.

⁵² А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 29.

⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 15, д. 65, лл. 3—4.

⁵⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 254—256.

⁵⁵ Там же, ч. I, стр. 176.

⁵⁶ Там же, стр. 278.

⁵⁷ Т. Юзефович. Указ. соч., стр. 26.

Линия укреплений от Моздока продвинулась до Азова⁵⁸. Это факт имеет огромное значение для народов Северного Кавказа и Дагестана. Он создавал реальную возможность присоединения народов Кавказа к России. Таким образом, успехи русской армии и флота в XVIII в. приблизили возможность присоединения Северного Кавказа и Закавказья к России. В 1771 г. кабардинцы присоединяются к России, в 1774 г. Имеретия и Гурия освобождаются от турок. Академик Гмелин следующим образом передавал настроение жителей Дербента: «Весь Дербент желает, чтобы возвратились те счастливые времена, в которые Ширван был под скипетром России»⁵⁹. В 1775 г. шамхал тарковский, Фет-Али-хан Дербентский и другие феодалы изъявляют покорность генералу Медему. В 1781 г. Турция вынуждена уступить России Крым и Кубань. В 1783 г. ногайцы приведены в русское подданство. В 1784 г. для связи с Грузией была заложена крепость Владикавказ и создан ряд укрепленных пунктов⁶⁰. В 1785 г. было учреждено Кавказское наместничество в Екатеринограде⁶¹.

Турция опять лихорадочно готовилась к войне против России и старалась склонить на свою сторону горские народы⁶². Она возводила укрепления в Батуме и в Поти⁶³. Помимо антирусской агитации среди горцев Турция в широких масштабах вела подкуп феодалов Дагестана, которых пугало, что они потеряют свою власть, если не окажут сопротивления России. В 1785 г. шейх Мансур поднял восстание в Чечне, по ему не удалось склонить на свою сторону дагестанские народы, за исключением некоторых кумыкских владельцев, которые объясняли свое участие в мятеже боязнью мести со стороны Мансура⁶⁴.

* * *

12 октября 1813 г. по Гюлистанскому мирному трактату Дагестан окончательно вошел в состав российских владений.

Часть советских историков занимала неправильную позицию при исследовании вопроса о включении Дагестана в состав царской России: одни видели только реакционную политику царизма и не замечали положительного вклада, который русский народ вопреки царизму вносил в хозяйственную и культурную жизнь народностей Дагестана, другие совершенно не замечали колониальной политики царизма. Между тем правильное решение этого вопроса имеет большое научное и политическое значение, содействуя дальнейшему укреплению советского патриотизма и дружбы народов Дагестана с великим русским народом и со всеми народами Советского Союза.

Развивавшиеся в недрах крепостного хозяйства России товарно-денежные отношения привели в конце XVIII в. к усилению капиталистического уклада и развитию внутренней и внешней торговли. В этих условиях стремление царизма присоединить Кавказ и Закавказье к России диктовалось экономическими, политическими, стратегическими интересами. Укрепление экономических и политических интересов России, защита ее южных границ требовали присоединения к империи и Дагестана, являвшегося важным военно-стратегическим районом и транзитной артерией между центральными областями страны и ее южной окраиной. Это присоединение отвечало и интересам народностей Дагестана, испытывавших на себе в

⁵⁸ «Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк его присоединения к России», СПб., 1911, стр. 42; П. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 137.

⁵⁹ С. Гмелин. Путешествие по России, ч. III, половина I. СПб. 1785, стр. 24.

⁶⁰ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 132.

⁶¹ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. I. СПб., 1885, стр. 130.

⁶² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 46.

⁶³ Там же, стр. 191.

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 64/175, оп. I, д. I, лл. 24, 25, 27, 28.

продолжение веков тяжелый гнет султанской Турции и шахской Персии. Народы Дагестана, как мы видели, давно ориентировались на Россию и все чаще искали у своего северного соседа защиты и покровительства.

Присоединение Дагестана к России вопреки колониальной политике царизма привело к положительным изменениям в общественно-экономической и культурной жизни народов Дагестана. Присоединение к России не только избавило их от многовекового гнета Турции и Персии и опустошительных нашествий, но и создало условия для ликвидации феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц в самом Дагестане. При оценке значения присоединения Дагестана к России следует учесть, что Россия по уровню своего экономического, культурного и политического развития стояла значительно выше Турции и Персии. Турция в рассматриваемый период находилась в состоянии феодальной раздробленности, экономического и политического распада. Персия в социально-экономическом отношении стояла даже еще ниже Турции. Россия же шла по капиталистическому пути развития, а домонополитический капитализм, как известно, выполнял прогрессивную миссию, сущность которой В. И. Ленин в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» резюмировал двумя краткими положениями: «повышение производительных сил общественного труда и обобществление его»⁶⁵. Подчеркивая прогрессивность капитализма по сравнению с крепостничеством, В. И. Ленин вместе с тем постоянно разоблачал буржуазных апологетов капитализма. Он писал, что признание прогрессивности роли капитализма «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически переходящий характер этого экономического режима»⁶⁶.

Хозяйственное сближение народов России, происходившее на основе общественного разделения труда ускоряло экономическое развитие окраин и имело прогрессивное значение. Однако это разделение труда на окраинах царской России происходило не путем сотрудничества народов как равных, а проводилось военно-феодальными методами колониального угнетения, что являлось реакционной стороной данного процесса и замедляло экономическое развитие этих окраин по сравнению с метрополией.

При рассмотрении вопроса о последствиях присоединения Дагестана к России следует также учесть следующее указание Энгельса: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку..., господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»⁶⁷ Нельзя, наконец, забывать и указания В. И. Ленина о двух национальных культурах в каждой национальной культуре. Если представители господствовавших классов России способствовали усилению национального гнета на окраинах империи, то прогрессивные деятели русского народа вносили большой вклад в сближение трудящихся масс России с трудящимися окраин, в том числе Дагестана.

Социально-экономические отношения и исторические условия, в которых находились народности Дагестана на рубеже XVIII и XIX вв., и происшедшие после присоединения к России изменения в его экономической и культурной жизни подтверждают правильность тезиса о прогрессивном значении присоединения Дагестана к России.

Подчеркивая прогрессивную роль России в деле развития социально-экономической и культурной жизни в Дагестане, мы не упускаем из виду колониальную политику царизма в отношении национальных окраин —

⁶⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 523—524.

⁶⁶ Там же, стр. 523.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 211.

политику захвата, эксплуатации, экономического, политического и национального угнетения.

Присоединение Дагестана к России, несмотря на колониальную политику царизма, не было для Дагестана наименьшим злом — оно было безусловно прогрессивным явлением, освободившим его народности от деспотического гнета Турции и Персии, способствовавшим постепенному слому патриархально-родовых устоев, которые тормозили развитие производительных сил. Это создавало условия для ликвидации феодальной раздробленности и частых междоусобиц, вовлекало народности Дагестана в сферу социально-экономической жизни единого централизованного Российского государства, ускоряло их экономическое, общественно-политическое и культурное развитие.

Народы Дагестана, связав свою судьбу с великим русским народом, нашли в его лице могучего защитника и друга.

В результате присоединения Дагестана к России русский рабочий класс под руководством Коммунистической партии в конечном итоге привел народности Дагестана вместе со всеми народами нашей страны к Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла широчайшие возможности для небывалого расцвета экономики и культуры ранее угнетенных народов.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНОМ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНТСКОЙ ОБЛАСТИ

Приказом по Кавказской армии от 16 июля 1860 г. были установлены следующие официальные даты присоединения отдельных частей Дагестана к России: для Кайтагского удмийства и шамхальства Тарковского — 1806 г., для Дербентского ханства — 22 июля 1806 г., для Кюринского ханства — 14 декабря 1811 г., для Табасарани — декабрь 1819 г., для Казикумухского ханства — 12 июня 1820 г. Об остальных владениях в этом приказе не говорится. Фактическое вхождение Дагестана в состав России произошло гораздо раньше, чем предусмотрено этим приказом. Владения кумыкских князей и шамхальство Тарковское состояли в подданстве России еще задолго до Восточного похода Петра I. Удмийство Кайтагское, владения майсума и кади в Табасарани, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское и Мехтулинское, отдельные «вольные» общества (Акуша, Анди) принимали подданство России разновременно в XVII—XVIII вв. Фактически с 1722 по 1735 г. весь Дагестан был частью Русского государства.

Однако между подданством отдельных правителей Дагестана до XIX в. и вхождением всего Дагестана в состав России в начале XIX в. есть разница: феодалы, состоявшие в подданстве России, рассматривались как союзники России, за что получали чины и жалованье, но не были обязаны нести подати и повинности; от них требовалось только сохранение верности России. Так, 24 декабря 1801 г. генерал-лейтенанту Кноррингу было дано задание добиться заключения между дагестанскими феодалами дружественного союза под покровительством России. Этот союз был заключен в том же году в Георгиевске, куда были вызваны почти все дагестанские феодалы.

После же присоединения Дагестана к России в начале XIX в. феодальные владения и «вольные» общества уже должны были нести определенные повинности. Царизм теперь уже не стеснялся смещать неугодных и назначать угодных ему правителей, которые находились под контролем командиров воинских частей, введенных в Дагестан в середине 1806 г. Этим, с другой стороны, был положен конец междоусобным войнам дагестанских феодалов.

В первой половине XIX в. в Дагестане было сохранено прежнее управление с незначительными изменениями; феодалы управляли своими владе-

ниями на ханских правах с формальным ограничением прав на смертную казнь, на наказания, сопряженные с нанесением увечья, и на отчуждение имений. Не подверглись особым изменениям также бекское и сельское управления.

Для политики царизма была характерна поддержка феодального класса и ограничение в правах мусульманского духовенства. Это усиливало феодальную знать в равнинной части Дагестана. Если главнокомандующий на Кавказе П. А. Ермолов и лишил отдельных феодальных владельцев Дагестана ханского достоинства (Адиль-хан, Султан-Ахмед-хан, Хасан-хан, Сурхай-хан и др.), то вместо них были поставлены другие из тех же фамилий.

Особенную заботу о кавказских феодалах проявлял наместник Кавказа М. С. Воронцов, назначенный в 1844 г. В 1846 г. за многими беками в Южном Дагестане было признано право собственности на новые земли. Все ханы и беки увеличили подати и повинности крестьян.

Царизм рассматривал Дагестан как отсталую колонию, в которой нельзя ввести гражданское управление на основании общеимперских законов. Для народов Дагестана был установлен режим военного управления, и вся высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках военного командования. Этот режим без существенных изменений сохранялся вплоть до свержения царизма.

Еще в 1812 г. в Дербенте было учреждено главное управление во главе с окружным начальником, власть которого распространилась на многие владения Дагестана. Главнокомандующий на Кавказе И. Ф. Паскевич возбудил в 1830 г. ходатайство о введении в Закавказье гражданского управления. Был составлен проект, который обсуждался в Государственном совете и в основном был одобрен, но ввиду категорического возражения сменившего Паскевича в 1831 г. барона Розена проект был возвращен для дальнейшего изучения. В марте 1837 г. была создана Комиссия для изучения местных условий Закавказья и разработки проекта управления Закавказьем. Комиссию возглавил барон Ган, которому удалось убедить Николая I ввести в Закавказье гражданское управление. 10 апреля 1840 г. было принято новое положение по управлению Закавказьем. По этому положению Дагестан входил в Каспийскую область, однако Дербентский и Кубинский уезды были оставлены под управлением дербентского военно-окружного начальника, который подчинялся непосредственно главному управляющему. Низовым звеном этого управления был участковый заседатель. Дербентский уезд образовался из провинции Дербентского военного округа: к этому уезду присоединились Кайтаг, Табасарань, Улусский магал. Самурский округ, образованный в 1839 г., вошел в состав Кубинского уезда. Внутренний режим управления в Дагестане оставался неизменным. Новые учреждения вызвали протест со стороны феодалов и вскоре были пересмотрены.

В 1846 г. для управления Дагестаном была установлена должность военного губернатора с резиденцией в г. Дербенте. Губернатор ведал гражданской частью; при нем был учрежден губернский суд, состоявший из председателя, двух советников и четырех заседателей от высшего и торгового сословий. В 1847 г. на территории Дагестана был создан Прикаспийский край во главе с командующим войсками, которому подчинялись все дагестанские феодалы, управлявшие на прежних ханских правах, и созданные к тому времени окружные управления. Прикаспийский край существовал до образования Дагестанской области в 1860 г.

В отдельных владениях и обществах управление имело следующие формы. Засулакская Кумыкия, или владения кумыкских князей, была разделена на три административных участка: Андреевский, Аксаевский и Костиковский; каждый участок имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех приставов стоял главный кумыкский пристав. Уголовные

дела рассматривались в военных судах. Разбирательство гражданских и маловажных уголовных дел было представлено князьям и кадиям. Жалобы на решения князей и кадиев передавались на рассмотрение Андреевского городского суда, который состоял из председателя — коменданта крепости Внезапной, одного члена из числа русских чиновников, шести членов из числа знатных узденей и андреевского кадия. В суде должны были присутствовать представители Акса и Костека. Городской суд руководствовался адатом и шариатом.

21 июля 1841 г. в состав Северного Дагестана была включена Салатавия. Впоследствии Засулакская Кумыкия и Салатавия вместе составили Хасавюртовский округ, входивший в Терскую область.

В начале XIX в. Тарковское шамхальство находилось под управлением шамхала Магомеда, имевшего русский чин тайного советника и получавшего жалованье 6 тыс. руб. серебром из царской казны. Сын его Мехти, став шамхалом, в 1806 г. получил чин генерал-лейтенанта; он принял во временное владение Улусский магал, ранее принадлежавший Дербентскому ханству. В этом магале шамхал держал своего поверенного для получения от жителей податей. Магалом управлял русский пристав. В 1820 г. Мехти-шамхал получил во владение удел Султан-Ахмед-хана Мехтулинского, куда он также назначил своего наиба для управления и взимания податей. Мехтию же было передано бывшее владение Бамматулы. Претендент на это владение Умалат-бек безуспешно пытался в 1823 г. с большим отрядом отнять его у шамхала, но был разбит и бежал из Дагестана. Мехти-шамхал еще в 1809 г. хотел стать кубинским ханом, а в 1830 г. просил сделать его правителем всего Дагестана. Чрезмерное усиление шамхала не входило в интересы царизма, который руководствовался правилом «разделяй и властвуй», поэтому просьбы шамхала остались неудовлетворенными. Шамхал управлял на прежних правах, бекское и сельское управление в шамхальстве также оставалось прежним. Жители шамхальства отбывали тяжелые повинности на строительстве укреплений и дорог, по перевозке провианта, обеспечению войск сеном и топливом и т. д. В Тарках, Темир-Хан-Шуре и Казаницах были построены укрепления, в которых находились воинские части. При шамхале Абумуслим-хане был назначен русский офицер со званием помощника шамхала, который стал все чаще и чаще вмешиваться во внутренние дела шамхальства. В таком виде шамхальство управлялось до 1867 г. В состав шамхальства не входили селения Ишкарты, Каранай, Чиркей, Чирюрт, Мпатлы, Султан-Янгпюрт и Отар-аул. Они управлялись старшинами или беками и находились в подчинении командиров воинских частей: Ишкарты, Каранай и Эрпели — в подчинении командира Дагестанского пехотного полка, находившегося в Ишкартах; Чирюрт, Чопт-аул и Отар-аул — командира Нижегородского драгунского полка, стоявшего в Чирюрте, и, наконец, Чиркей — в подчинении начальника Евгеньевского укрепления.

Ермолов ликвидировал Мехтулинское ханство в 1818 г. за измену Хасан-хана. Однако 11 февраля 1820 г. он же предложил вернуть владение детям Хасан-хана: в ханском достоинстве был утвержден Ахмед-хан, который с 1836 г. был утвержден одновременно ханом аварским. После смерти Ахмед-хана в 1843 г. правительницей Мехтулинского ханства была оставлена до совершеннолетия сына жена Ахмед-хана Нух-бике, получавшая от царского правительства 1500 руб. жалованья в год. В 1844 г. в помощь Нух-бике был назначен штаб-офицер, который фактически управлял ханством. Так продолжалось до 1855 г., когда ханом стал сын Ахмед-хана Ибрагим; в 1859 г. в связи с назначением Ибрагим-хана аварским ханом его младший брат Рашид-хан стал мехтулинским ханом. Мехтулинские ханы управляли через беков и сельских старшин. Более половины населения ханства было зависимым и отбывало тяжелые ханские, бекские и государственные повинности.

Кайтагом управлял удмий Рустем на прежних ханских правах. Он принял подданство России 15 октября 1799 г., имел чин четвертого класса, и получал 2 тыс. руб. жалованья. В 1804 г., после смерти Рустема, удмием стал его двоюродный брат Али-хан, который управлял Кайтагом до 1809 г. На смену ему пришел Адиль-хан, управлявший Кайтагом до 1819 г. Связавшись с бывшим дербентским и кубинским ханом Шейх-Али-ханом, состоявшим платным агентом шахской Персии, Адиль-хан перестал подчиняться дербентскому коменданту и не являлся по его вызову в Дербент, ссылаясь на обет, данный им брату Али-хану: не касаться погой земли, на которой утвердилась русская власть.

20 марта 1818 г. комендант Дербента Бухвостов сообщал, что Адиль-хан просит отпустить его на богомолье и утвердить его сына Магомед-хана удмием кайтагским, что нарушало обычай, по которому удмием должен стать не сын, а старший в фамилии. Шамхал Мехти, на дочери которого был женат Магомед-хан, также просил удовлетворить просьбу удмий Адиль-хана, однако Ермолов, усмотрев в этом возможность чрезмерного усиления шамхала, всячески оттягивал решение этого вопроса. В конце концов Адиль-хан изменил России. В октябре 1819 г. генерал-майор Мадатов разбил его ополчение, причем разрушил много селений, в том числе и терекемейских, состоявших из зависимых переселенцев, живших на землях, принадлежавших феодалам. Жители этих селений давно просили избавить их от власти удмий и принять под покровительство России. Население Кайтага приняло присягу на подданство России. 26 января 1820 г. Ермолов объявил, что удмиество Кайтагское больше не существует: Кайтаг был оставлен под управлением беков, которые в свою очередь находились под наблюдением пристава, имевшего резиденцию в сел. Великенте. Доходы, шедшие ранее в пользу удмий, перешли к казне. Входившее в Кайтаг Гамриозенское общество еще 2 ноября 1818 г. было объявлено «вольным», управлялось по-прежнему старшинами, но подчинялось великентскому приставу.

4 октября 1822 г. Адиль-хан был убит. В 1838 г. генерал-лейтенант Фези восстановил удмиество, поручив управление Верхним Кайтагом Джамав-беку, сыну Адиль-хана. В 1840 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда. Терекемейская часть и Гамриозенское общество вошли в участковое управление с резиденцией в Каякенте. Управляющий участком официально именовался помощником управляющего Кайтагом. В 1843 г. это участковое управление было ликвидировано и управление всем Кайтагом поручено Джамав-беку. При Джамав-беке находился помощник из русских чиновников. В 1857 г., после смерти Джамав-бека и до создания округа Кайтагом управлял Ахмед-хан-бек.

Дербентское и Кубинское ханство, игравшие главную роль в междоусобных войнах в Дагестане, 22 июня 1806 г. перестали существовать. Узнав о приближении отряда русских войск, Шейх-Али-хан бежал из города и до своей смерти (1821 г.) скрывался в разных местах Дагестана.

24 июня 1806 г. жители Дербента принесли присягу на подданство России. В городе было сохранено управление наиба, наибом был назначен Алпан-бек, который управлял под контролем коменданта города. Для внутреннего управления г. Дербентом был учрежден городской суд (дизан). Председателем суда был комендант крепости, членами — два бека и два жителя Дербента, из коих один армянин, а другой магометанин-мулла. Члены суда избирались на один год, но это не исключало возможности их переизбрания. Состав суда утверждался через окружного начальника главномандующим. Суду были присвоены не только судебные, но и гражданские функции: попечение о сиротах, выбор опекунов, контроль над беками, чтобы они не притесняли народ недозволенными поборами, контроль за городскими и земскими повинностями. В обязанность суда входило также обеспечение города продовольствием из городских средств, руковод-

ство торговлей и т. д.⁶⁸ Суд должен был «примирять тяжущихся и прекращать распри». Суд разбираал гражданские и маловажные уголовные дела, руководствуясь обычаями, а при их отсутствии — российскими законами. В виде наказания суд имел право «употребить в работу» виновного и взыскать с него штраф. Важные преступления: измена, нарушение присяги, убийство, разбой, похищение казны, вывоз российских денег за границу, фальшивомонетничество и другие правонарушения — расследовались полицией, а затем отсылались на рассмотрение в военный суд, который состоял из военных чинов. Комендант крепости в этом суде председательствовать не мог. Военный суд руководствовался военным уставом и специальными узаконениями. Комендант крепости мог направить дело со своим заключением через окружного начальника к главнокомандующему.

Табасаранские правители, Рустем-кади и майсум Сограб-бек, приняли подданство России 15 октября 1799 г., имели чины четвертого класса и получали по 1500 руб. жалованья в год. Беглецу Шейх-Али-хану дербентскому удалось возмутить население сперва Кубинской провинции, а затем и Табасарани. Генерал-майор Лисаневич изгнал его из Кубы, после чего Шейх-Али-хан вместе с табасаранским Абдулла-беком, своим зятем, укрепился в местности Ерси. Здесь отряд его был разбит, Абдулла-бек и Шейх-Али-хан бежали в горы. Генерал Хатунцев 25 июля 1815 г. сообщил главнокомандующему на Кавказе генералу Ртищеву, что табасаранский кадий арестован за связь с Шейх-Али-ханом. Управление Табасаранью до 1823 г. было возложено на коменданта г. Дербента, затем на генерала Верховского, позже оно перешло к бекам майсумского и кадийского происхождения. Бекское управление продолжало существовать до образования Кайтаго-Табасаранского округа.

До 1812 г. Кюринское и Казикумухское ханства составляли одно целое. В 1812 г. было образовано отдельное Кюринское ханство, правителем его был назначен Аслан-бек, племянник казикумухского Сурхай-хана. Сурхай-хан, хотя и принес присягу в верности России, все же ориентировался на шахскую Персию, ездил туда дважды, держал связь с Шейх-Али-ханом и несколько раз пытался захватить Кюринское ханство. 12 июня 1820 г. генерал-майор Мадатов, разбив отряды Сурхай-хана в Чирахе, погнав его в Хосрек, а из Хосрека в Казикумух. 15 июня Мадатов занял Кумух; жители не только присягнули на верность России, но и не пустили в Кумух Сурхай-хана, который вынужден был бежать в Аварию (в 1826 г. он умер в сел. Согратль). После этого Казикумухское и Кюринское ханства вновь были объединены в одно ханство, правителем которого стал Аслан-хан. После смерти Аслан-хана в 1835 г. ханством управляли его сыновья Нуцал-ага (умер в 1836 г.) и Магомед-Мирза (умер в 1838 г.). В 1839 г. Кюринское и Казикумухское ханства снова были разделены. Кюринским ханством управлял Гарун-бек, затем Юсуф-бек.

В Казикумухском ханстве правительницей была оставлена вдова Аслан-хана — Уми-Гюльсум-бике. С 1839 г. ее помощником состоял Махмуд-бек, который был связан с мюридизмом и в 1842 г. ушел с мюридами Шамиля. Правительница тоже была уведена мюридами, но вскоре освобождена. Управляющим к ней был назначен Абдурахман-бек. При нем был создан совещательный орган управления в составе казикумухского кадия и двух старшин знатного узденского происхождения; каждому платили по 300 руб. жалованья в год. Затем казикумухским ханом был утвержден Агалар-бек, который умер в 1858 г. С мая 1859 г. ханством управлял князь Тархан-Моуравов, а в октябре 1859 г. было утверждено гражданское управление во главе со штаб-офицером. Таким образом, управление оставалось почти все время ханским, что же касается сельского управления, то

⁶⁸ ЦГИА Груз.ССР, ф. 2, оп. 1, д. 275, лл. 3—5.

оно основывалось, как и везде, на управлении выборных старшин из числа влиятельных и богатых фамилий.

Акушинский союз «вольных» обществ и Сюргинское «вольное» общество изъявили покорность и принесли присягу России в декабре 1819 г. Как и до того, общества эти управлялись наследственными или выборными кадиями и для разбора судебных дел выбирал старшин. Ермолов сменил акушинского кадия Мамеда и назначил кадием Зухума, установив ему жалованье 500 руб. серебром в год. На Акушинский союз и Сюргинское общество была наложена дань.

В 1844 г. общество Дарго, состоявшее из шести обществ — Акушинского, Цудахарского, Успинского, Мегебского, Мекегинского и Урахинского, — получило название Даргинского округа, а сами общества стали называться магалами и управляться магальными кадиями. Начальником Даргинского округа был назначен офицер Оленич. Кроме начальника округа, одного помощника, переводчика и двух писарей из низших чинов, полагалось иметь 14 нукеров из почетнейших семейств округа: четырех — из сел. Акуши и по два из каждого общества. Каждый магал содержал около 100 нукеров. Оленич был убит мюридами. Управление акушинского кадия сохранялось до 1854 г., когда было организовано окружное управление, которое возглавил подполковник Лазарев. Даргинский округ вначале входил в состав Дербентской губернии, затем в Прикаспийский край. 1 сентября 1859 г. был утвержден окружной суд. Внутреннее управление этих обществ сохранилось без изменения.

Представители самурских обществ еще в 1812 г. подписали с генерал-майором Хатунцевым договор о вступлении их под покровительство России и согласились платить дань. Самурские общества номинально считались под контролем коменданта г. Кубы. В 1839 г., после ликвидации отряда Ага-бека Рутульского при Аджиахурском сражении, Рутульский магал был присоединен к владениям Даниял-бека Елисейского, а из остальных самурских обществ организован Самурский округ, который в 1840 г. был присоединен к Кубинскому уезду. В помощь окружному начальнику был назначен главный духовный кадий и члены дивана (векили) — от каждого магала по одному. При разборе дел придерживались обычая. Духовные дела разбирали кадий. В 1846 г. начальник округа вошел в подчинение Дербентского губернатора. Впоследствии этот округ вошел в состав Прикаспийского края.

В ноябре 1800 г. Умма-хан Аварский совершил большой пабег на Грузию и на р. Йори был разбит объединенными силами русских и грузинских войск, после чего через своего посла просил царя принять его в подданство. Просьба была удовлетворена, однако, пока шел ответ, он умер. Ханом аварским стал племянник Умма-хана Султан-Ахмед-хан Мехтулинский, который в октябре 1802 г. был принят в подданство России; ему назначали 5 тыс. руб. ежегодного жалованья. Султан-Ахмед-хан обязался не вступать в союз с противниками России, оказывать России военную помощь, если это будет необходимо, не нападать на союзные с Россией владения. При утверждении Султан-Ахмед-хана в достоинстве хана вдове Умма-хана, княжне Абашидзе, была назначена пенсия в размере 500 руб. в год. Кадью и визирю (советнику) аварского хана Мирза-Магомеду были даны 150 руб. и золотые часы.

Султан-Ахмед-хан время от времени вступал в связь с Шейх-Али-ханом и грузинским царевичем Александром. За это его несколько раз лишали жалованья, но каждый раз он давал присягу, что будет соблюдать верность России. Однако в 1818 г. он за измену был лишен ханского достоинства и вскоре умер. Более 10 лет в Аварии не было официального хана. Жена Султан-Ахмед-хана, Баху-бике, пока дети были малы, не хотела уступить ханство кому-либо другому, а Сурхай-хан, которого Ермолов объявил в 1819 г. ханом Аварии, не имел большого влияния на народ и нахо-

дился во враждебных отношениях с Баху-бике. Баху-бике и ее сыновья все больше завоевывали влияние в Аварии. В 1828 г. Авария официально была разделена между Сурхай-ханом и сыном Баху-бике, Абу-Султан-Нудалом. Обоим были присвоены чины полковников и положено жалование по 2 тыс. руб. В 1830 г. молодой Абу-Султан-Нудал разбил ополчение мюридов во главе с Кази-муллой, которые собирались овладеть резиденцией ханов — Хунзахом. После этого Паскевич вручил подарки, знамя и грамоту на ханство всей Аварией Абу-Султан-Нудалу. Таким образом, Сурхай-хан сошел со сцены. В 1834 г. имам Гамзат-бек истребил аварских ханов, был убит и Сурхай-хан. Ханом Аварии на этот раз стал второй племянник Умма-хана — Аслаи-хан Казикумухский и Кюринский, а после его смерти — сын его Нудал-ага. В 1836 г. ханом Аварии был утвержден Ахмед-хан Мехтулинский, который первые годы правил Аварией вместе с Хаджи-Муратом. Знаменательным для этого периода является то, что трудящиеся собственно Аварии, собравшись обсудить вопрос о борьбе с мюридизмом, единогласно решили просить русское командование в Дагестане прислать им на помощь русские войска. Вопреки уговорам Ахмед-хана не приглашать русских, народ заявил в один голос: «Пусть придут русские — наши братья!». Ахмед-хан возненавидел Хаджи-Мурата и добился его ареста, но Хаджи-Мурат при переезде в Темир-Хан-Шуру бежал, перешел на сторону Шамиля и стал его набобом в Аварии.

После смерти Ахмед-хана в 1843 г. для управления Аварией было создано правление во главе со старшиной — прапорщиком Айтбером. Гимбат-бек был назначен начальником аварской милиции, хунзахский кадий Магомед утвержден главным кадием. Разбор дел осуществлялся по адату и по шариату. Воинскому начальнику хунзахской цитадели князю Орбелиани был поручен общий надзор за судом. Вскоре Авария подпала под власть имамата Шамиля, и только 4 августа 1859 г. Аварское ханство было вновь восстановлено, причем ханом был утвержден Ибрагим-хан Мехтулинский.

Ряд аварских «вольных» обществ, в частности Анди, вступили в подданство России еще до XIX в. До Гюлистанского мирного договора многие общества добровольно приняли подданство России. В частности, в 1809 г. общества Шодрода, Согратль, Маали, Ботлих, Карата, Ансалта, Анцух, Томарал дали своих аманатов и приняли подданство России. В 1810 г. общество Чох приняло русское подданство и дало аманата — Магомеда-Гази, одного из шести старшин. В 1812 г. ансалтинцы и каратинцы стали подданными России. В 1813 г. все андалальцы получили разрешение ездить в Грузию по торговым делам. В 1820 г. унцукельцы просили принять их в русское подданство.

Итак, царизм сохранил в первой половине XIX в. в полной силе власть ханов и других феодалов, которые продолжали угнетать трудящихся Дагестана и деспотически расправляться с ними.

Еще Ермолов в письме к М. С. Воронцову от 24 февраля 1817 г. говорил: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, унижающих человечество»⁶⁹.

В письме полковника Карцева к кавказскому наместнику кн. Барятинскому о Юсуф-хане Кюринском говорится следующее: «Кюринский хан жестокостями своими, непростительным корыстолюбием и разного рода несправедливостями довел народ почти до открытого восстания против себя. Начиная с 1860 г., поступали на него к начальнику Южного Дагестана и к самому кн. Меликову беспрестанные частые жалобы. Наконец, в прошедшую осень народ открыто и единодушно отказался ему повиноваться; не прибегая еще к оружию, кюринцы выбрали до 200 человек поверен-

⁶⁹ «Архив князя Воронцова», кн. 37, М., 1890, стр. 185.

ных и отправили в Шуру с жалобой, которая была выражена такими словами: «...За что же нас, никогда не враждовавших против русских, отдали вместо пастухов злому волку, который нас грабит?»⁷⁰

Примеров жестокостей и произвола ханов можно привести немало, но и сказанного достаточно для того, чтобы представить, в каком тяжелом бесправном положении находились трудящиеся Дагестана при феодальных владельцах.

В «вольных» обществах горного Дагестана управление оставалось без изменения. В сельских общинах горной части Дагестана, где масса крестьян не была окончательно закрепощена, сохранились к моменту присоединения Дагестана к России формы выборности сельских судей, кадиев и других местных должностных лиц, хотя эта «выборность» очень часто превращалась в избрание одних и тех же лиц или лиц из одной и той же влиятельной фамилии.

3. МЮРИДИЗМ В ДАГЕСТАНЕ

Социальная сущность мюридизма

В начале XIX в. (1828 г.) в Дагестане начало распространяться религиозно-политическое течение мюридизм⁷¹, просуществовавшее до 1858 г., т. е. до пленения Шамиля.

Движение горцев Дагестана и Чечни во второй четверти XIX в. можно разделить на три основных периода: 1828—1839 гг., когда мюридизм оформился как религиозно-политическое течение и имел успех среди населения Дагестана; 1840—1850 гг., когда центр движения переместился в Чечню. Здесь обстановка сложилась так, что возмущенные тяжелыми поборами и карательными экспедициями царских войск чеченцы сами обратились к Шамилю с просьбой возглавить их борьбу против царизма. Опираясь на восставших чеченцев, Шамиль за короткое время укрепился настолько, что постепенно стал восстанавливать потерянное мюридизмом в 1839 г. влияние в Дагестане. В этот период, иногда называемый в литературе «блистательной эпохой Шамиля», и завершилось оформление военно-теократической монархии — так называемого имамата Шамиля. Территория имамата была разделена на пайства, создано регулярное войско, образована казна, издавались низамы (законы). Горцы под руководством Шамиля одерживают блестящие победы над царскими войсками, ликвидировано 12 военных укреплений. В 1843—1846 гг. вся Авария и почти вся Чечня освобождаются от царских войск. Шамиль угрожает Темир-Хан-Шуре и организует ряд экспедиций в Акушу, Казикумух, Ахты, Табасарань, Кайтаг, Кабарду. 1850—1859 гг. — период падения имамата Шамиля. В эти годы Шамиль почти бездействует в военном отношении, если не считать походов на Закаталы (1853 г.) и на Кахетию (1854 г.). Его наибы и другие управители окончательно отрываются от народа, превращаются в типичных феодалов. Растет недовольство населения, учащаются случаи перехода на сторону русских. Шамиль усиливает репрессии. В 1859 г. Шамиль бежит с горсточкой мюридов на гору Гуниб, где 25 августа 1859 г. сдается царским властям.

Особую роль в мюридистском движении играло духовенство. После присоединения Дагестана к России мусульманское духовенство потеряло

⁷⁰ А. Л. Зиссерман. Князь Барятинский, т. II, стр. 420—421.

⁷¹ Термин *мюридизм* происходит от арабского слова *мюрид*, что значит: стремящийся нравственным путем приблизиться к богу. Чтобы стать мюридом, требовалось благословение *муршида* — религиозного наставника — и безусловное выполнение шариата, салавата, зикри, таубу, которые якобы угодны богу. Учение, которое якобы способствует приближению к богу путем бесконечного моления и отвлечения от земной жизни, называется *гарикат*. Следующей ступенью приближения к богу является *маарифат*, его якобы достигают только «избранные».

свое былое привилегированное положение. Сфера влияния духовенства на общественные дела была сужена. Зная о связи мусульманского духовенства Дагестана с мусульманской Турцией, Ермолов и другие военные власти Кавказа запрещали духовенству ездить на поклонение в Мекку и Медину и старались изъять из его юрисдикции уголовные и гражданские дела. Между тем мусульманское духовенство Дагестана поддерживало связь с духовенством мусульманского Ближнего Востока не только через теологическую литературу и посещение святых мест. Некоторые духовные лица Дагестана получали там образование. Духовенство Турции, верно служившее своему халифу, используя эти связи в политических целях, настраивало духовенство мусульманских областей Кавказа против христианской России, мотивируя это непримиримостью двух религий и необходимостью вечной борьбы между ними.

Убедившись, что царские чиновники, прибывшие в Дагестан, стараются в известной мере изолировать духовенство от населения, духовенство Дагестана начало серьезно опасаться за свою судьбу и проповедовало, что феодалы приблизили к себе христиан ради своего обогащения, что из-за них гаснет религия ислама. Так, в письме Шамиля к турецкому Ибрагим-паше говорится: «Поистине пределы Дагестана были крепкой землей, на которую никогда не ступала нога захватчика, поклонника креста... Но предатели и отщепенцы-ханы зацепились за подошвы презренных неверных в надежде получить награды и поощрения и ради своих грязных, дьявольских прихотей позволили неверным приблизиться к нашим краям, к нашей родине. Вот почему наша священная и благородная земля чуть было не попала во власть темноты, неверия и заблуждения. Устои шарпата чуть было не распались из-за проскоков блудливых...»⁷²

Почти подобного же содержания письмо было написано в 1848 г. мюридом Джемал-эд-Дином из Казикумуха к шейху Апаиди в Турцию: «В Дагестане много населения, много богословов, много храбрецов. Часть населения находилась в руках ханов, а другая часть жила самостоятельно, никому не подчиняясь. В эти годы неверные увидели, что мусульмане остыли к вере, разрознены; властители, занятые междоусобицей, потеряли воинственность исламистов, заботятся только об устройстве личного благополучия и наживы через неверных. Неверные угадали, как их можно привлечь на свою сторону. Они дали им деньги и использовали их до конца. Вследствие этого неверные распространились и стали главенствовать над мусульманами дагестанских селений. Они хотят погасить силу ислама и расширить дорогу для христианства... Неверные построили в важных местах крепости, обложили население податями и повинностями...»⁷³

В обоих письмах подробно излагается, как проходила борьба между царскими войсками и дагестанцами, какие были потери с обеих сторон и как трудно защищать ислам без посторонней помощи. Авторы писем упрекают высшее духовенство Турции в том, что оно не оказывает Дагестану реальной помощи.

Из этих и других документов явствует, что духовенство Дагестана почувствовало, что окончательно теряет почву под ногами. Именно поэтому оно стало проповедовать борьбу как против «и^нверных», так и против местных феодалов под лозунгом спасения ислама и защиты шариата.

Главнокомандующий на Кавказе Паскевич 27 марта 1830 г. в письме к военному министру Чернышеву сообщал: «Возмутитель Кази-Магома, по званию своему принадлежащий к духовному классу, видя, что духовенство магометанское с давнего времени утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований корана: ибо власть судная в землях, со-

⁷² Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 2190, л. 1.

⁷³ Там же, д. 2189, л. 1.

стоящих под влиянием России, ныне находится отчасти на попечении местного нашего начальства, а частью еще в заведовании самих владельцев и старшин обществ, покровительствуемых правительством нашим, предпринял произвесть переворот в пользу духовенства восстановлением вновь шариагов»⁷⁴.

Было бы ошибкой считать, что духовенство могло выступить против местных феодалов и тем более против регулярных войск царской России без поддержки населения. Духовенство долго готовилось к предстоящей борьбе и вербовало себе сторонников, а для этого развернуло широкую религиозную пропаганду среди верующих. В результате ему удалось привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства, недовольного как захватнической колониальной политикой царизма, так и гнетом местных светских феодалов.

Для политики царизма в рассматриваемый период были характерны самые жестокие методы: сожжение аулов, истребление населения, оскорбление религиозных чувств, расстрелы аманатов, притеснения и аресты жителей, обложение их тяжелыми контрибуциями, податями, натуральными повинностями. Царские войска в 1818—1820 гг. огнем и мечом прошли по мирным селениям равнинного и предгорного Дагестана. Безжалостно и бесцельно стирали они с лица земли многие селения, убивали и разоряли жителей только с одной целью — навести страх. О жестоком характере войны, которую вели царские генералы в Дагестане, говорилось в литературе той поры. Так, Л. Н. Толстой в «Хаджи-Мурате», пишет что «солдатам было велено жечь хлеб, сено и самые сакли...»⁷⁵

Автор «Исторической записки об управлении Кавказом» С. Эсадзе правильно отметил, что «учение мюридизма приняло острую форму как протест против усвоенной Ермоловым системы репрессий по отношению к мусульманам»⁷⁶.

Таким образом, участие в мюридистском движении значительной массы рядового дагестанского крестьянства объясняется жестокой колониальной политикой царизма, причем духовенство делало все для того, чтобы убедить горцев, что предпринятая война ведется ради сохранения независимости, семейной чести и неприкосновенности религии.

«Успехи мюридизма, — писал Н. А. Добролюбов, — надо объяснить враждебностью горцев к русскому владычеству... Ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах... На Кавказе наше управление не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями... А между тем... — писал он дальше, — борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта»⁷⁷.

Не случайно мюридизм первоначально нашел благоприятную почву для себя именно в той части Дагестана, где народ больше всего пострадал от колониальной политики царизма, а именно в Кюринском ханстве. В 1812 г. при создании Кюринского ханства его население было обложено налогом в пользу царской казны в размере 6900 четвертей пшеницы и ячменя. Со своей стороны жадный и корыстолюбивый Аслан-хан и его беки отнимали у крестьян все, что было возможно. Все это вызывало возмущение крестьян, которое особенно усилилось в 20-х годах XIX в.

В Кюрдамире, по ту сторону Кавказского хребта, в это время проживал эфенди Гаджи-Измаил, который возглавлял секту своих приверженцев, называвшихся мюридами. Преданность учителю и слепое повинове-

⁷⁴ Рук. фонд Института истории АН СССР, Б, разд. V, д. 27, л. 150.

⁷⁵ Л. Толстой. Хаджи-Мурат. М.—Л., 1945, стр. 84.

⁷⁶ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1. Тифлис, 1907, стр. 40.

⁷⁷ Н. А. Добролюбов. О значении наших последних подвигов на Кавказе. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 143, 155.

ние его воле были главнейшими правилами поведения мюридов. В 1823 г. Гаджи-Измаил вызвал к себе видных богословов Дагестана, в том числе муллу Магомеда из сел. Яраги. После возвращения из Кюрдамира мулла Магомед, став уже мюршидом Дагестана, организовал у себя подобную же секту мюридов. Секта муллы Магомеда, кроме религиозных, открыто преследовала и политические цели⁷⁸. Его мюриды ходили из аула в аул с облаженными деревянными пашками и призывали народ на газават — священную войну против неверных. В 1824 г. на одном из собраний, где присутствовали видные представители духовенства почти со всего Дагестана, в частности Джемал-эд-Дин из Казикумуха, Кази-мулла из Гимри, шейх Шабан из Бохпода, Гаджи-Юсуф из Губдена, мулла Хан-Магомед из Тибасарани и др.⁷⁹, мулла Магомед из Яраги изложил программу своей мюридистской организации.

«Не смогу найти, — заявил он, — более подходящей минуты и более благоприятного настроения у вас, чем сейчас, для того, чтобы изложить вам святые истины законов нашего пророка. Живя той жизнью, какой мы живем сейчас, мы не мусульмане и не христиане и не идолопоклонники. Человек же должен крепко держаться того, что, по его разумению, есть лучшее на земле. А единое наше благо — это вера наших отцов. Но первый закон нашей веры — это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть подданным или рабом другого и, еще того меньше, жить порабощенным чужими народами, не только не укрепляющими и не распространяющими нашу веру, а напротив, стремящимися подавить ее. Второй закон равноценен первому, ибо один без другого не может существовать. Этот закон гласит: война против неверных и выполнение шариата. Тот, кто не придерживается шариата и никогда не облажал меча против неверных, для того никогда не наступит спасение, обещанное нам аллахом через своего пророка. Тот же, кто действительно желает выполнять повеления шариата, тот должен с радостью отречься от всех земных благ и кровь свою и имущество отдать на защиту своего бога; оставить свой дом, жену и детей и идти на боевой призыв»⁸⁰.

Для пущей убедительности Магомед каялся в том, что он принимал отношения и просил поделить его имущество между верующими.

Став мюршидом, Магомед начал действовать более активно. Известие об этом дошло до Ермолова. В марте 1824 г. Ермолов, получив сообщение о кюринских происшествиях, вызвал Аслан-хана в Кубу и приказал прекратить возникающие волнения. Аслан-хан поехал в Касумкент и вызвал туда Магомеда с его приверженцами⁸¹. Магомед заявил, что он руководит распространением тариката и что не перестанет это делать. Аслан-хан ударил его по лицу, а других мулл заставил в наказание целый час прыгать на одной ноге. Но когда гнев прошел, Аслан-хан попросил Магомеда не собирать мюридов и отпустил его, а Ермолову сообщил, что спокойствие обеспечено⁸².

В 1825 г. местное начальство вторично довело до сведения Ермолова о деятельности муллы Магомеда и об успехах его учения. Ермолов предложил на этот раз Аслан-хану схватить мюршида и доставить его в Тифлис. Аслан-хан поручил это Гарун-беку, правителю кюринских владений. Мулла Магомед был препровожден в Курах, по оттуда бежал, скрывался

⁷⁸ История знает немало фактов, когда религиозные течения принимали характер политических движений и служили причиной государственных переворотов. Мухаммед Шейбани, принадлежавший к мюридистскому ордену «Накшибенди», в 1499—1510 гг. завоевал в Средней Азии государство тимуридов. В 1528 г. в Иране мюршид Измаил овладел престолом шахов и сделался родоначальником династии Сефивилов.

⁷⁹ Рук. фонд Института истории АН СССР, А, д. 24, стр. 805.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ А. А. Неверовский. О начале беспоконств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847, стр. 2—3.

⁸² Там же, стр. 10.

в табасаранских лесах в течение двух лет, а в 1830 г. убежал в Аварию и поселился в сел. Балаханы. До конца своей жизни он находился в горах и руководил движением мюридизма, оставаясь его идейным вдохновителем. Преемником мюршида Магомеда сделался его ученик Джемал-эд-Дин Казикумхский.

Таким образом, мюридизм как религиозно-политическое течение хотя и возник там, где сильнее всего чувствовалась колониальная политика царизма — в Кюринском ханстве, однако вылиться в вооруженное выступление горцев не мог ввиду присутствия там русских войск и принятых мер предосторожности. Окончательно оформился мюридизм в 1828 г. в горных обществах Аварии, где духовенство было сильно и в ряде обществ фактически держало власть в своих руках, где население было особенно религиозно настроено и где отсутствовали русские войска, почему туда бежали из разоренных войсками селений плоскостного и предгорного Дагестана и Чечни все преследуемые царизмом лица. Все эти условия благоприятствовали консолидации сил для борьбы против царизма и местных феодалов.

Возглавил движение Кази-мулла (Гази-Мухаммед) из Гимры, который, так же как и его учитель Магомед из Яраги, употребил все средства, чтобы распространить так называемое новое учение среди горцев. Он часто произносил речи перед народом, собиравшимся к нему, и рассылал окружным муллам и другим духовным лицам письменные воззвания, близкие по содержанию к вышеприведенной речи муллы Магомеда, которые заканчивались призывом к борьбе.

Кази-мулла проклинал местные обычаи и называл людей, придерживающихся адатов, неверными. Дело в том, что обычаи мешали господству шариата. Не только феодалы, но и многие сельские общества имели свои особые адаты, которые в ряде случаев гораздо больше, чем шариат, отвечали их правосознанию. Если шариат применялся при рассмотрении гражданских дел, то при рассмотрении уголовных дел применялся адат; адату чужды были жестокие наказания, предусмотренные, как правило, шариатом, например увечья. Адаты отстаивали не только светские феодалы и узденская верхушка, для которых они являлись источником доходов и основой их привилегий, но и уздени целого ряда обществ, поскольку в адатах сохранялись демократические элементы. Борьба против адатов преследовала цель расчистить путь для полного господства шариата, а следовательно, и духовенства. Этим обстоятельством следует объяснить указание имамов о сожжении всех сборников адатов и запрещении их под страхом смертной казни.

«Книги обычаев, — говорил Кази-мулла, — это кодексы рабов коварного шайтана. Владыка мира свершит суд между магометанами и упорствующими, заложившими фундамент подлых обычаев. Когда последователи Мухаммеда достигнут того, что ухватятся за крепкое вервие, последователи обычаев не найдут себе никакой помощи. Завтра узнают они, кто из этих двух выполнит свое обещание, когда увидят наморщенные лица... Да удалится в день исповедания от светлого — кавсар — человек, который любит обычай. Если того, кто следует обычаю, уравнять с последователем шариата, тогда не будет разницы между праведником и нечестивцем. И для чего же тогда были ниспосланы пророки, для чего были установлены шариаты, для чего был ниспослан коран с его предостерегающими стихами... Как можно жить там, где сердце не успокаивается и где не внемлют воле господней, там, где отрицается светлый шариат и где дела решает предатель окаянный?»⁸³.

Таким образом, народные обычаи подверглись нападкам Кази-муллы и других имамов потому, что за обычаями стояли люди, которые мешали

⁸³ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Хроника. М.—Л., 1946, стр. 36—37.

установлению господства идеологии мюридизма. Устранение адатов могло способствовать привлечению под знамя мюридизма более широких кругов верующих горцев.

Первый свой поход Кази-мулла организовал в Чиркей. Здесь он и его приверженцы произносили длинные проповеди, угрожая гибелью и проклятием. В качестве единственного средства к спасению и блаженству они указывали на проповедуемое ими учение, главная заповедь которого — ненависть к неверным и война с ними. Чиркеевцы обещали, что будут придерживаться шариата, но воевать с русскими отказались на том основании, что русские войска во много раз сильнее их и расположены поблизости от аула.

Кази-мулла и Шамиль продолжали вербовать сторонников. Когда силы были накоплены и учение мюридизма распространилось среди рядового узденства, Кази-мулла от пропаганды перешел к вооруженным действиям против тех обществ Дагестана, которые не хотели добровольно признавать шариат. Однако в Хунзахе мюриды потерпели поражение, после которого Кази-мулла устремился в равнинный Дагестан. Его успехи на Курынской плоскости, на территории шамхальства Тарковского и в Табасарани, позволившие ему разорить Кизляр и держать в осаде Дербент, объясняются тем, что угнетенные царизмом и местными феодалами крестьянские массы видели в нем освободителя. Однако успех Кази-муллы был недолгим. Преследуемый русскими войсками, он отступил в горы. В 1832 г. в сел. Гимры его силы были разгромлены, а сам он был убит.

После смерти Кази-муллы его преемником, по указанию Магомеда Ярагского, был провозглашен аварский житель Гамзат-бек. Гамзат, так же как Кази-мулла, приводил в повиновение непокорные ему общества при помощи вооруженных отрядов мюридов. Он воевал с андалалцами, цудахарцами, истребил хунзахских ханов и занял их резиденцию. В 1834 г. Гамзат был убит в хунзахской мечети Хаджи-Муратом и его братом Османом — молочными братьями хунзахских ханов.

Во главе движения стал Шамиль, который превзошел всех своих предшественников. В течение 25 лет (1834—1859) он вел войну против царской России.

В одной из военно-исторических работ М. В. Фрунзе сопоставил с движением Шамиля национально-освободительную борьбу Абд-Эль-Кадера против французских завоевателей в Северной Африке (1832—1847 гг.). «Абд-Эль-Кадер, — писал М. В. Фрунзе, — одна из крупнейших мусульманских фигур прошлого столетия. По своим военным дарованиям, неукротимой энергии, железной воле и влиянию на массы он смело может стать рядом со своим современником и борцом за те же цели — кавказским Шамилем. Абд-Эль-Кадеру удалось объединить под своей властью все разоренные кабильские племена Алжирии и в течение почти 20 лет с успехом сопротивляться сильнейшему противнику»⁸⁴.

Шамиль, так же как и его предшественники, опирался на духовенство, представители которого занимали руководящее положение в подчинившихся Шамилю обществах. Но главной движущей силой движения Шамиля являлось рядовое узденство. Шамиль беспощадно карал светских феодалов и враждебную мюридизму общинную знать, ориентировавшихся на царскую Россию. Идеологическим оружием Шамиля были догмы ислама и шариата, а лозунгами — джихад и газават. В своей проповеди Шамиль основное внимание уделял религии.

В одной прокламации Шамиля говорится: «Мусульмане! Жизнь земная есть временное пребывание человека, она только указатель стези, ведущей путника к высокому богу, ибо кто вошел в сей свет и кто вышел из

⁸⁴ М. В. Фрунзе. Европейские цивилизаторы в Марокко. Избранные произведения. М., 1934, прим. к стр. 250.

него, известно только единому богу, и потому человек обязан слепо верить тайнам, ниспосланным ему свыше, и не может обследовать их бедным умом своим. Не думаете ли вы, что убитые на войне за веру есть мертвые? Нет! Они воистину живы перед богом! Обитают и блаженствуют в раю, наслаждаясь всеми сокровищами, дарованными от бога им за труды. Равно бог обещает ту же награду и всем тем, которые последуют им без страха и печали, ибо господь не лишает милости своей труды мусульман. Все принятые богом будут приняты пророком его и получившие раны наследуют им. Принявшие долю в войне за бога и веру не убоятся ни боли, ни страдания, ибо господь ниспосылает на них это счастье как на избранных его.

Убивайте всех тех, которые не приняли иман⁸⁵, не веруют в будущую жизнь и не удаляются от запрещенного богом и пророком его, а также и тех, которые не следуют верно религии, объявленной им от бога через пророков, истребляйте их беспощадно, ибо подданство и дань их есть противные богу. Начавшие войну во имя бога не смогут быть равны с отступниками, уклоняющимися от принятия в ней участия! Господь не поведет их путями благими, и потому все, держащиеся иману, должны препираться с неверными силою, не щадя ни жизни, ни имущества, и возвысить себя в угодность богу; тогда и милость его будет неисчерпаема как на земле, так и в будущем веке, где ожидают их райские утехи и сокровища, дарованные богом в наслаждение праведных...

Воистину! Когда отымутся души от убегающих от участия в войне, тогда они будут спрошены ангелами: где вы были во время войны? Ответ их будет: мы не были в силах на земле! Тогда возгласят к ним ангелы: если вы не были в силах, то разве не обширны земли божии, куда бы вы могли удалиться и свободно исполнять заповеди ваши! Но вы, нечестивые, не исполнили завета бога вашего и уготовали себе ад. Идите же туда на муку вечную, ибо господь бог не наказует тех только, которые по дряхлости лет и по младенчеству не в силах были исполнить заповеданного богом, они же чисты сердцем и господь долготерпелив и многомилостив.

Кто оставит дом свой во имя бога, по примеру пророка своего, и удаляясь от мест угнетения веры, умрет на пути своем, то за труды и послушание бог не оставит его, ибо он щедр и правосуден»⁸⁶.

Эта прокламация является ярким свидетельством реакционности идеологии мюридизма.

Шамилю приходилось вести войну на два фронта — против царизма и против жителей многочисленных селений, которые не соглашались участвовать в этом движении.

Многие исследователи, чтобы показать реакционность движения горцев под флагом мюридизма, утверждают, что Шамиль и другие имамы опирались на феодальные элементы Дагестана. Одни говорят, что Шамиль опирался на крупных феодалов, другие считают, что опорой его являлась феодализирующая общинная знать. При этом не делают различия между светскими и духовными феодалами. Документы свидетельствуют, однако, что Шамиль, как и предыдущие имамы, выступал в качестве ярого противника светских феодалов. В Аварии почти все они были уничтожены, их права и привилегии ликвидированы. Достаточно передистать работы секретаря Шамиля Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, чтобы в этом не осталось никакого сомнения. Мухаммед-Тахир указывает, что наиб Шамиля Кибид-Мухаммед истребил «преступную знать» своего села, что в сел. Игали «треховная знать убита»⁸⁷. Мухаммед-Тахир сообщает о многочисленных убийствах феодалов, об истреблении, в частности, аварских ханов, беков в Эрпели и т. д. Как писал в 1846 г. полковник Рудаповский «Кебит-Магома, один из лучших наибов Шамиля, успел стать во главе духовно-

⁸⁵ Не верующих в единого бога.

⁸⁶ ЦГВИА. ф. ВМА, д. 6457. лл. 50—51 и об.

⁸⁷ «Хроника Мухаммед-Тахира ал-Карахи». М.—Л., 1941, стр. 73.

демократической партии своего общества и был так счастлив, что истребил всех беков как в Гидатле, так и в части Андалала. С того времени он управляет обществом и постоянно отличается жестокостью»⁸⁸. Наиб Шамиля Алпчулла уничтожил всех феодалов в аулах Кидиб и Саситль. Гамзат-бек истребил феодалов Султаниловых в ауле Ругуджа⁸⁹. Известен факт поголовного истребления Гамзат-беком аварских ханов⁹⁰. Подполковник Юрьев писал, что Кази-мулла «действовал против власти князей и дворянства и более тридцати влиятельных беков лишил жизни»⁹¹. А. Юров писал о наибах Шамиля, что «они придерживались системы управления своего имама, и зажиточные горцы страдали более всех: они обыкновенно считались людьми подозрительными и на них налагались штрафы, а часто и все их имение подвергалось секвестру»⁹².

Косвенным подтверждением враждебного отношения Шамиля к светским феодалам является следующее место записки полковника Викторова: «Нужно поспешнее поддержать и достоинство агаларов и беков, уравнять их с достоинством дворян Грузии, определить право их на земли и взаимные отношения с подвластными им людьми; это необходимо по настоящему положению дел, ибо таковые права и достоинства составят противодействующую силу фанатическому мечу Шамиля»⁹³.

К началу 30-х годов XIX в. относится сообщение командовавшего войсками в Дагестане Клюки фон Кругенау о том, что феодальные правители селений Кидиб и Саситль «весьма желают, чтобы русская власть туда проникла, ибо через это они более бы утвердились в своей собственности»⁹⁴. Желание это было закономерным, ибо феодалы знали, что рано или поздно наибы Шамиля их уничтожат и завладеют их имуществом. Так и случилось.

Шамиль понимал, что поддержка рядового узденства (т. е. основной массы горцев) имеет для него решающее значение, а поэтому старался заручиться этой поддержкой. Капитан генерального штаба Вранкен сообщал, что «в каждом из подвластных Шамилю селений образовались две партии: одна, состоящая из бедных или молодых людей, для которых новое учение есть средство к обогащению или возвышению, и другая — из людей зажиточных, понимающих, что рано или поздно, но им придется полатиться своим состоянием»⁹⁵.

Участник и историк Кавказской войны Р. А. Фадеев писал: «Поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшей дорогой и, не дожидаясь, чтобы чувство религиозного равенства утвердилось привычкою, предпочли утвердить его топором. Владетели, дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма были вырезаны один за другим, и в горах действительно утвердилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кроме черных людей»⁹⁶. При Гамзате «были вырезаны лучшие люди в горах для утверждения всеобщего равенства»⁹⁷. «Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шарията и духовенства»⁹⁸.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19264, л. 59.

⁸⁹ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1744, стр. 76.

⁹⁰ А. А. Неверовский. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848.

⁹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6550, л. 10.

⁹² «Кавказский сборник», т. VI. Тифлис, 1882, стр. 43.

⁹³ Сб. «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Тбилиси, 1953, стр. 234.

⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 205, д. 132, л. 177.

⁹⁵ Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 545. Политический обзор Дагестана, 1844, л. 33 об.

⁹⁶ Р. А. Фадеев. Собр. соч., т. I, ч. I. СПб., 1889, стр. 21.

⁹⁷ Там же, стр. 25.

⁹⁸ Там же, стр. 34.

Шамиль использовал существовавшие в Дагестане социальные противоречия в интересах духовенства. Истребление светских феодалов в Аварии и лозунги о всеобщем равенстве создавали иллюзию, что духовенство борется против эксплуатации вообще. Это облегчало задачу вербовки сторонников. Трудящиеся сразу не распознали, что происходит лишь замена светских феодалов духовными, давно претендовавшими на политическую власть. Для трудящихся крестьян суть борьбы заключалась в том, чтобы отстоять свою свободу и избавиться от угнетателей, а религиозная форма для них служила только оболочкой этой борьбы. В. И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития, а не одной России»⁹⁹.

В движении мюридизма в Дагестане следует различать два основных течения. Первое — представители рядового узденства. Численность их составляла от 20 до 60 тыс. человек, как это определил сам Шамиль в беседе с Казим-беком. Речь здесь идет о боеспособных мужчинах. Второе течение составляла масса духовенства, в частности тарикатских мюридов. Это течение было руководящим. К нему присоединились и отдельные представители господствовавшего класса феодалов, обиженные царизмом и изгнанные из своих владений (вроде Даниял-бека). Течение это объединяло не более двух-трех тысяч человек.

Оба эти течения различались не только по составу, но и по своим конечным целям.

Обстановка в 20-х годах XIX в. сложилась так, что духовенство не могло добиться политического господства, не учитывая интересы узденства, стремившегося избавиться от своих угнетателей — светских феодалов, а также защитить свой очаг, семейную честь, веру и свободу от иноземных завоевателей. Интересы духовенства внешне как бы не расходились с интересами узденства, только равенство и свободу духовенство понимало иначе, чем уздени. Духовенство боролось за свое политическое и экономическое господство и не думало избавить узденство от гнета мечетей и духовных феодалов. Точками соприкосновения этих двух течений являлась борьба с феодалами и русским царизмом.

Только участие узденской массы, боровшейся против феодалов и царизма за свободу и независимость, придавало прогрессивный, освободительный характер движению мюридизма, религиозная идеология этого движения была реакционна.

Зависимость крестьян от феодалов в Аварии, Салатавии и даже в Губдене была формально ликвидирована в 40-х годах XIX в. Однако наибы Шамиля и состоятельные уздени — сторонники мюридизма — не лишались рабов, так как им раздавали пленных. Их было так много, что в 1843 г. можно было купить раба за 50 коп.

Социальные противоречия между духовенством и рядовым узденством вылились наружу и достигли высшей точки в последний, третий период мюридизма, т. е. в период падения имамата Шамиля. Эти противоречия в конечном итоге и были внутренней причиной крушения имамата, а внешние силы — удары царских войск — ускорили этот процесс.

Внутренний режим имамата Шамиля

До образования в 1841 г. в сел. Дарго военно-теократического совета (диван-хана) и других органов управления имамата территории, охваченные движением мюридизма, очень часто отлагались или переходили из рук в руки¹⁰⁰. В области управления этой территорией Шамиль ограничивался назначением наибов для руководства отрядами ополчения, кадиев

⁹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 223.

¹⁰⁰ ЦГВИА. ф. ВУА. д. 6294, л. 53.

и дибиров — для управления селениями. После упрочения мюридизма Шамиль создал стройную систему административного управления и регулярные войска.

Военно-теократический совет состоял из людей высшего духовного звания и являлся совещательным органом при Шамиле. Диван-хана рассматривала все вопросы как военные и гражданские, так и судебные.

В обсуждении этих вопросов принимали участие члены совета, однако решение принимал Шамиль единолично. При разборе судебных дел в диван-хане также председательствовал сам Шамиль. При нем находился секретарь. Охрану суда несли вооруженные муртазикаты, нечто вроде гвардейцев Шамиля. По очереди приводили обвиняемых. Приговор состоял только из резолютивной части. В случае присуждения к смертной казни приговор сейчас же приводился в исполнение палачом: осужденному отсекали голову.

Смертная казнь при Шамиле была двух родов: «почетная», когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал, и «постыдная», когда голова снималась на плахе¹⁰¹. Широко практиковались увечащие наказания, главным образом отсечение рук, телесные наказания, заключение в сырую яму. Эти наказания прежде были не известны горцам.

Всю занятую им территорию Шамиль разбил на наибства. За период господства мюридизма в Дагестане, главным образом в горном Дагестане, в Аварии и Чечне, было создано около 50 наибств. По свидетельству Имам-Магомеда из сел. Гигатль, Шамиль в разное время назначил около 152 наибов. Столь большое число объясняется тем, что одни были впоследствии разжалованы, а другие убиты на войне. Во главе наибства стоял наиб, преимущественно из духовенства, назначенный на эту должность имамом. Наиб был обязан собирать налоги, набирать ополчение, наказывать ослушников шариата. При каждом наибе находился муфтий, отряд вооруженных мюридов (до 50 чел.) и палачи. «Наибы, — писал Клюки фон Клугенау в 1843 г., — имеют право казнить людей виновных и вообще полные хозяева во вверенных им участках, но должны отдавать отчет о своих действиях Шамилю»¹⁰².

О формах награждения и наказания, практиковавшихся Шамилем, сообщал 4 февраля 1842 г. генерал Граббе военному министру Чернышеву следующее: «Шамиль в Чечне установил награды. Кто из чеченцев окажется храбрым, тот получает эполеты, выкованные из серебра и серебряные медали. Для наказания трусов он приказал отбирать от них оружие и сзади на спине нашивать кусок войлока»¹⁰³.

Территории Дагестана, населенные кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами и табасаранами, не входили в состав имамата. Имамы устраивали на эти территории военные набеги, однако укрепиться там на сколько-нибудь продолжительное время не сумели.

Кроме наибств, Шамиль на короткое время создал и четыре губернии во главе с губернаторами. Каждому губернатору подчинялось несколько наибов. Но вскоре эти губернии были ликвидированы.

Шамиль организовал также личную гвардию в составе 1000 человек муртазкатов. Муртазикаты набирались из мюридов-тарикистиков и из особо религиозных горцев, которые были готовы к самопожертвованию ради религии, в чем давали присягу при своем зачислении в гвардию.

Шамиль создал регулярные войска главным образом из конницы, которая насчитывала более 5 тыс. пашек. 10 семейств выделяли одного всад-

¹⁰¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6512, лл. 3—74. Записка штабс-капитана Прушаповского.

¹⁰² Там же, д. 6468, л. 12.

¹⁰³ Там же, д. 6467, л. 2.

ника, который содержался за их счет¹⁰⁴. Пехота состояла из ополченцев, находившихся под командой наибов-пятисотников, сотников, пятидесятчиков и десятников. Во главе всех войск стоял имам¹⁰⁵. Положение о наивабах, изданное в 1847 г., по существу, является воинским уставом. Было введено телесное наказание для рядовых¹⁰⁶. Шамиль налаждал производство пороха, холодного и огнестрельного оружия, а также отливку пушек.

Шамиль проявил незаурядные способности воина и полководца. Став во главе движения горцев, боровшихся против царизма и местных феодалов, он с большим умением проводил крупные военные операции против царской регулярной армии.

Не ставя своей целью подробное изложение всех этапов вооруженной борьбы Шамиля, укажем лишь важнейшие.

В 1837 г. из Темир-Хан-Шуры была отправлена в горы военная экспедиция в составе 5 тыс. солдат под командованием генерал-майора Фези. Царское правительство рассчитывало разом покончить с Шамилем и его войском. Однако этой цели экспедиция не достигла. При взятии и разрушении Гочатля, Ашильты и Ахульго русские войска понесли значительные потери, а осада сел. Телетль, где находился Шамиль, не увенчалась успехом. Хотя движение горцев после аварской экспедиции на время затихло, однако оно накапливало новые силы. В 1838 г. вспыхнуло восстание рутульских и ахтынских крестьян, которое не только сковало значительные воинские силы, но и угрожало г. Нухе.

В 1839 г. большие группировки войск под командованием генерала Граббе развернули действия против горцев в районе Буртунай, Аргуни и Ахульго. Ахульго был укреплен горцами и героически защищался. Осада Ахульго продолжалась с 12 июля по 30 августа, с каждым днем в район Ахульго прибывали свежие воинские части, так что численность русских войск вместе с дагестанской милицией доходила там до 10 тыс. человек. Защитники Ахульго погибали, но никто не думал прекратить борьбу: Даже женщины предпочитали верную смерть в пучине Койсу, чем плен. Большинство защитников Ахульго было убито, Шамиль с несколькими своими товарищами спаслись и ушли в Чечню. За время осады Ахульго царские войска потеряли около 3 тыс. солдат и более 150 офицеров.

Шамиль встретил полное сочувствие среди чеченцев. В 1840 г. он начал активные военные действия в Чечне. Его наибы, Ахверды-Магома и Джават-хан, действовали восточнее Владикавказского округа, а Ташов-Хаджи и Шуаиб-мулла — на границе Дагестана. На сторону Шамиля перешли общества Салатавия, Анди, Гумбета, Чеберлой, Ботлих и Карата. Сам Шамиль во главе десятитысячного отряда горцев стал упряжать непосредственно Аварскому ханству. 23 сентября Шамиль под Гимрами потерпел поражение, зато Ахверды-Магома совершил смелый рейд в тыл противника в Моздок. К концу 1840 г. население между Сунжей и Аварским Койсу покорилось «железной воле» Шамиля¹⁰⁷. 20 декабря 1840 г. на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат, бывший до Ахмет-хана правителем Аварии.

Военные действия горцев в 1841—1842 гг. все более усиливались и приносили царским войскам большие потери. В течение шести дней в Ичкеринских лесах генерал Граббе потерял ранеными 1239 солдат. В течение осени 1843 г. в Аварии и ближайших к ней местах войска Шамиля разгромили 12 укрепленных пунктов. Вся Авария была очищена от царских войск. От полного истребления спаслись только войска, находившиеся в укреплениях Хунзах, Балаханы и Зирияны. Горцы заняли большую часть селений шамхальства Тарковского и стали угрожать непосредственно

¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6468, л. 12.

¹⁰⁵ «Кавказский сборник», т. XXIII, стр. 55.

¹⁰⁶ «Низам Шамиля». ССКГ, вып. 3. 1870.

¹⁰⁷ «Кавказский сборник», т. X. Тифлис, 1886, стр. 330.

Темир-Хан-Шуре. В конце декабря 1843 г. свежие царские войска, прибывшие в Дагестан, вынудили горцев отступить в горы. С 27 августа по 22 декабря 1843 г. царские войска потеряли 2528 солдат, 92 генералов и офицеров, 27 орудий, 2152 ружей.

В 1844 г., несмотря на походы генерал-майора Шварца на Тлейнсерух, полковника Ковалевского в Аух и усмирение акушинцев и цудахарцев, положение в горах оставалось по-прежнему тревожным для царских войск.

В 1845 г. наместник на Кавказе Воронцов предпринял «Даргинский поход», чтобы ликвидировать резиденцию Шамиля — Дарго и тем привести всех горцев в покорность. Воронцов во главе больших воинских сил через Салатавию и Гумбет поднялся в Анди и оттуда направился в Дарго, но пока он вышел из Дарго через Ичкеринский лес на равнину, он потерял убитыми 819 солдат, трех генералов, семь штаб-офицеров, 27 обер-офицеров, а ранеными — 1916 солдат, 18 штаб-офицеров и 101 обер-офицер, не считая контуженных и без вести пропавших.

Окрыленный победой, Шамиль в 1846 г. предпринял смелый по замыслу поход в Кабарду. Правда, поход этот не увенчался успехом, так как осетины и кабардинцы отказались присоединиться к движению Шамиля.

Начиная с 1847 г., военные успехи Шамиля пошли на убыль, начались поражения. Шамиль старался компенсировать свои поражения в Аварии глубокими и неожиданными рейдами в тыл противника. В 1847 и 1848 гг. крепости Шамиля Салта и Гергебиль, героически отстаивавшиеся горцами, пали под натиском превосходящих сил царских войск, но зато жители обществ Дидо, Анцух, Кагуча и Джурмут, ранее оставшиеся относительно спокойными, стали беспокоить левый фланг лезгинской кордонной линии, отвлекая на себя значительные военные силы. В 1848 г. Шамиль совершил рейд в Ахты, осадил Ахтынскую крепость, но по прибытии свежих сил царских войск вынужден был отступить.

В эти и последующие годы военные действия Шамиля стали носить скорее партизанский характер.

В 1849—1852 гг. произошли такие события, как занятие Шамилем Казикумуха, героическая оборона сел. Чох, с другой стороны — неудачные рейды Хаджи-Мурата и Бек-Магомеда в Кайтаг и Табасарань.

В 1853 г. намечается некоторая активность горцев в пограничных с Аварией районах, отдельные партии горцев беспокоили жителей верховьев Самура и границы даргинских обществ. В этом году началась Крымская война (1853—1856 гг.). В конце августа 1853 г. Шамиль во главе 10—12 тысячного отряда подошел к лезгинской кордонной линии в районе Закатал. Сын Шамиля Кази-Магомед и елисейский султан Даниял-бек с частью войск спустились к Закаталам и ворвались в некоторые населенные пункты. Шамиль все время оставался на горе, которая контролировала Закаталы. Узнав о приближении русского отряда под командованием князя Аргутинского, Шамиль отступил и уже в сентябре, распустив войска, уехал к себе в Ведено. Этот поход показал, что жители Закатал охладели к мюридизму, в то время как в 30-х годах XIX в. они активно участвовали в мюридистском движении.

Основной причиной неуспеха Шамиля и его наивов в период Крымской войны было нежелание горцев бороться за интересы Турции, Англии и Франции. Именно в этот период Маркс отметил, что перспектива присоединения к Турции очень мало воодушевляет горцев¹⁰⁸.

В 1854 г. Шамиль организовал поход в Кахетию. В этом районе было мало царских войск, и войска Шамиля причинили значительный ущерб мирному населению Грузии, что впоследствии Шамиль считал своей ошибкой и причиной раздора в его лагере.

¹⁰⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 525.

Окончание Крымской войны дало царскому правительству возможность сосредоточить большие военные силы на Кавказе и направить их против горцев. С конца 1856 г. по 25 августа 1859 г. происходило медленное, но планомерное сужение кольца вокруг восставших горцев. По плану, разработанному князем Барятинским, наступление на горцев велось с трех направлений. Со стороны Чечни действовал генерал Евдокимов, со стороны Прикаспийского края (Дагестан) — барон Врангель и со стороны лезгинской кордонной линии — князь Меликов. В тесном взаимодействии эти крупные воинские силы шаг за шагом продвигались вперед.

Население Чечни, расположенное между Терекком и Аргуном, Салатави и Антрлыратля в 1858 г. покорилось России. Ичкеринцы в начале 1859 г. стали просить Шамиля оставить их край, а 1 апреля 1859 г. была занята резиденция Шамиля — Ведено. Шамиль укрепился на горе Килатль Чеберлойпы и ункратльцы отошли от Шамиля и покорились России. 30 июля Даниял-бек явился к князю Меликову с повинной. 25 августа 1859 г. Шамиль был взят в плен на горе Гуниб.

Ф. Энгельс в работе «Горная война раньше и теперь» указывал, что «борьба на Кавказе... покорила горцев наибольшей славой»¹⁰⁹.

В годы борьбы Шамиля против царской России в районах военных действий сильно сократилось мужское население. Так, мужчины в Аварском округе составляли только 43,5%, в то время как по Дагестану в целом — 50,5%¹¹⁰.

Военные неудачи предрешили падение военно-теократического режима Шамиля.

* * *

Коренную ломку Шамиль произвел в сельском управлении. Горцы управлялись до мюридизма выборными старейшинами на основании своих адатов, а духовными делами ведали кадии или дибирь. Шамиль ликвидировал институт выборных старейшин вместе с адатами и установил единоличное управление сотника, кадия и дибира, смотря по величине селения. В своих действиях они руководствовались шариатом, низамами Шамиля и подчинялись наибу.

Ведя борьбу с остатками патриархальной демократии, имамы и паибы старались перестроить весь быт горцев на религиозный лад, рассчитывая таким путем укрепить военно-теократический режим.

По вопросам управления Шамиль издал 13 низамов¹¹¹. Многие из них вызвали у населения недовольство. Так, тринадцатый низам обязывал родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа им угрожала тюрьма. Запрещалось не только употребление вина, но и продажа винограда тем, кто умел производить вино. За употребление вина полагалось 40 ударов палкой, а неисправных приговаривали к смертной казни. Курение табака или нюханье его каралось продергиванием сквозь ноздри бечевки. Запрещались музыка, песни и танцы, виновные подвергались телесному наказанию, либо их сажали на осла и, обмазав лицо сажей, возили по селению.

Малейшее неповиновение расценивалось Шамилем как тягчайшее преступление — измена. Репрессии были чрезмерно жестоки. Так, например, Хаджи-Мурат сжег аулы Хунзахского плато и их посевы, а жителей переселил в Хиндалалы¹¹². До основания был разрушен и сам Хунзах, Ишкар

¹⁰⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 177.

¹¹⁰ «Горские летописи». ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 9—12.

¹¹¹ «Военный сборник», 1862, февраль, стр. 330.

¹¹² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Перевод с арабского, ССКГ, вып. 7, 1873, стр. 26.

ты и Эрпели¹¹³ и многие другие аулы. Унцукуль и ряд других селений умирлялись Шамилем три-четыре раза¹¹⁴.

Многие аварские сельские общества, вошедшие в состав имамата, в частности Анди, Чох, Унцукуль и др., имели раньше торговые связи с Дербентом, Кизляром, Астраханью, Тифлисом. Мюридизм лишил их этих экономических связей, что отрицательно сказывалось на материальном положении населения и вызывало недовольство. Одной из причин отхода обществ от мюридизма была боязнь быть наказанными царскими войсками. Последнее относится преимущественно к селениям, расположенным близ коммуникаций войск (Гельбах, Аймаки и др.).

Как сообщал начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор Коцебу военному министру, 29 марта 1839 г. наиб Шамиля Сурхай «напал на сел. Унцукуль, но был мужественно встречен тамошними жителями, ранен в бывшей с ним перестрелке и отступил без всякого успеха»¹¹⁵.

Если в 1839 г. население Чиркея поддерживало Шамиля, то 20 сентября 1842 г. женщины из сел. Чиркей вместе с мужьями и братьями храбро боролись против мюридов и поощряли к этой борьбе других. За это деяние женщин были награждены командиром Отдельного кавказского корпуса Нейдгардом десятью аршинами парчи и шелковой материи на платья¹¹⁶.

* * *

Шамиль создал шариатскую казну — байтул-мал, главными приходными статьями которой являлись: зякат — взимаемая с населения десятая часть всех его доходов, харадж — подать за пользование горными пастбищами, которые принадлежали раньше аварским ханам (в селениях Гумбета и Анди по 1 руб. серебром с каждого двора); хомус — пятая часть военной добычи, выморочное имущество, конфискованное имущество казненных и изгнанных лиц, всевозможные вакуфы (подати, вносимые в мечеть наследниками на основании завещания умершего владельца имущества) и многочисленные штрафы¹¹⁷.

До того как Шамиль стал имамом, он был рядовым духовным лицом и имел дом, сад и пахотные участки, которые были оценены в 1861 г. в 200 руб.¹¹⁸ За время своего имамства он значительно разбогател. «Не знаю определенно, — говорил Хаджи-Мурат, — как велико богатство его (Шамиля. — Х.-М. Х.), мне известно только, что деньги его хранятся в двух аулах — Карате и Ведено; в последнем месте, я слышал, что он имеет до 150 тыс. золотом и серебром»¹¹⁹. По словам сына Шамиля, Гази-Магомеда, его отец передал на хранение Даниял-беку Елисуйскому ценности на сумму до 1 млн. руб. серебром¹²⁰. У наиба Шамиля Шуаиб-муллы, убитого населением за жестокость, было учтено следующее имущество: 35 крымских ружей, 4 тыс. баранов, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволов и около 30 тыс. руб. серебром¹²¹. Обогащение наивов за счет угнетения трудящихся положило начало разрыву между рядовым узденством и господствующим духовенством, начавшим феодализироваться.

¹¹³ «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи». М.—Л., 1941, стр. 129.

¹¹⁴ Там же, стр. 135, 137.

¹¹⁵ ЦГВИА, д. 6364, ч. I, л. 26.

¹¹⁶ Там же, ф. ВУА, д. 6476, л. 1.

¹¹⁷ Там же, д. 6468, лл. 15, 26.

¹¹⁸ «Русский архив», 1896, № 9, стр. 120—121.

¹¹⁹ Записка ротмистра Лорис-Меликова, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата по поручению кн. Воронцова. Рук. фонд ДНИИИЯЛ, оп. 2, д. 37, стр. 267.

¹²⁰ «Акты», XII, стр. 1483.

¹²¹ «Акты», IX, № 725, стр. 881.

В течение десяти лет неограниченного господства военно-теократической монархии противоречия между рядовым узденством и правящим духовенством все более обострялись. Многие наибы Шамиля превратились в феодалов, насилия их над населением умножились, они стали ненавистны народу.

Мухаммед-Тахир ал-Карахи посвятил падению имамата специальную главу своей хроники, которая называется «О начале бедствий и испытаний». В этой главе он пишет, что увеличилось угнетение народа со стороны управителей и наивов, они переставали повиноваться имаму, в войнах терпели поражения. «У имама не было ничего, кроме ослабления узды правления и подтверждения речей (управителей и наивов.— Х.-М. Х.). У семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания (богатства), у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания»¹²².

Н. А. Добролюбов, горячо сочувствовавший движению горцев, писал: «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до его плена, и известие о взятии его не произвело, говорят, особенного потрясения в горах... Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему, хотя, по понятиям горцев, да и по законам Шамиля, измена народу считается важнейшим преступлением и наказывается смертью. Управление Шамиля казалось тяжелым для племен, не привыкших к повинованию, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им предоставлялся уже выбор не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта. Само собой разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее»¹²³. «Власть, основанная мюридизмом,— писал Р. А. Фадеев,— понемногу оселась. Поборники ее сделались значительными людьми и заняли место аристократии, вырезанной ими в тридцатых годах»¹²⁴.

«Все они (наибы),— писал Гаджи-Али,— вообще начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не различая между дозволенным и запрещенным, между истинною и ложью»¹²⁵.

В этом отношении характерно письмо одного из влиятельных дагестанских духовных лиц к Шамилю, написанное в 1846 г. Приведем его полностью.

«Письмо к Шамилю Магомета кадия Акушинского»¹²⁶.

От Акушинского кадия Магомета Шамилю, божий салам и божья милость.

Ты кажешься сбился с пути мусульман-суннитов и попал на путь хаварижов (партия которых является самой заблудившейся партией мусульман). Ты творишь наизобразнейшие из безобразных вещей, ты проявил самые плохие стороны по пути ислама, ты создал в Дагестане бойню, о которой уши бы не захотели слышать и с которой мысль людей не согласилась бы. Я не знаю, что тянет тебя к столь плохим действиям и что принуждает тебя идти на столь большие грехи. Ты разрешаешь убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество, каковые вещи до сих пор запрещались. Путь мусульман, которому учили

¹²² «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи», стр. 241.

¹²³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 155.

¹²⁴ Р. А. Фадеев. Указ. соч., стр. 36.

¹²⁵ Гаджи-Али. Указ. соч., стр. 34.

¹²⁶ Акушинский кадий являлся главой духовной и светской власти Даргинии, находившейся тогда под властью России.

их на основе корая великие имамы, ты отверг; все, что ты творишь, противоречит правильной линии пророка мусульман, творить все тебя научает шайтан. Ты не пророк, посланный богом к людям для установления новых правил; бог лучше знает, кого назначить пророком, кого нет. Возможно, что ты себя считаешь проводником божьего дела и валием, но обязанности валия заключаются в том, чтобы заботиться о своей личности, чтобы признавать своего имама и религию и чтобы вести себя умеренно. Ты не должен вмешиваться в народные дела. Давать народу наставления можно в том случае, если последствия этих наставлений не окажутся плохими. Если же эти наставления вызывают среди народа беспорядки, то тогда народ нужно предоставить самому себе; распоряжаться им и еще больше ухудшать его положение нельзя. Тебе самому хорошо видно, что беспорядки в Дагестане, война и вражда являются результатом твоих распоряжений.

Дагестан не в силах воевать с русскими и изгнать их из Дагестана. Этого он не может даже в том случае, если все народы Дагестана душой и языком объединятся. Разве вы не видите, что сделали русские с самым главным имамом мусульман — турецким султаном, когда он вздумал воевать с ними? Ты видишь, что эти два сильных государства не смогли оборониться от русских, что они оба были побеждены, что они были вынуждены просить русского царя помириться, и русский царь, приняв их покорность, помирился с возложением на них тяжелых обязанностей.

И помыслить нельзя, чтобы бессильные дагестанцы смогли изгнать русских из Дагестана. Чем более обостряется вражда с русскими, тем больше мест отнимают они у дагестанцев; ты расстанься с той мыслью, что русские не смогут пробраться к нам по плохим дорогам и завладеть нашими высокими горами; ты не раз видел, что неприступные горы для русских оказываются легко доступными. Пишу тебе эти наставления ради твоего благополучия, желая избавить тебя от больших бедствий и наставить тебя к твоей же выгоде, и если ты их не примешь, то виновен будешь ты сам.

Все, что пишу тебе, взято из научных книг, коих примерами доказана правильность всего того, что пишу.

Привет»¹²⁷.

В одном анонимном письме, составленном на арабском языке, вероятно, в 50-х годах XIX в., говорится, что наибы, муфтии, сотенные начальники и дибирь зыскивают штрафы с бедноты как подати, заставляют крестьян по очереди работать на набов и других управителей (косить сено, привозить дрова на своих лошадях и ослах), а сами сидят, как ханы. «Наибы назначают сотенных по своему усмотрению, чтобы они покрывали их произвол. Невозможно перечислить все насилия, их так много, что не хватит бумаги и времени, чтобы описать»¹²⁸.

Население, подвластное имамату, испытывало огромную нужду в предметах первой необходимости. Ввоз хлеба из Чечни сокращался с каждым годом. Лишившись зимних пастбищ на Кумыкской плоскости во владениях шамхала тарковского, в пределах Грузии и Азербайджана, население вынуждено было сократить поголовье скота. Люди все больше убеждались, что режим имамата не сулит ни экономической, ни политической выгоды. В результате горцы, недовольные Шамилем, массами переходили на сторону русских. Многие бежавшие горцы, записавшись в полки и отряды дагестанской милиции, принимали участие в войне против Шамля. Начальник Дагестанской области в своем отчете за 1863 г. писал: «Бежавшие к нам горцы большею частью выходили вследствие преследова-

¹²⁷ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1359, лл. 44—46. Перевод с арабского.

¹²⁸ Там же, акт 31, VIII, 1956 г., оп. 2.

ний Шамиля или его приближенных и, будучи принимаемы нами, старались отблагодарить нас своею боевою службою»¹²⁹.

Деспотизм наибов, самоуправство муртазиков, доносы и тайная слежка мухтасибов, экономическое истощение страны и большая убыль населения привели к тому, что недовольство и возмущение с каждым годом возрастали даже среди той части населения, которая в начале движения мюридизма принимала в нем активное участие. В 1849 г. газета «Кавказ» писала: «Приятно нам вместе с тем отдать справедливость мирным племенам Дагестана, на которых Шамиль в сем году направлял действия своих наибов и которые постоянно или с подкреплением наших резервов или без оных храбро защищались и отражали неприятельские покушения»¹³⁰.

Возмущение народа выливалось в волнения и восстания¹³¹. Далеко не вся Авария была покорна Шамилю даже в годы его наибольшего влияния. В рапорте от 22 марта 1849 г. генерал Клюки фон Клугенау писал генералу Нейдгардту, что «отложившиеся деревни Салатавского, Андалальского обществ, Андия, Гумбет, Гидатль и Карах готовы принять русских». Унцукульский старшина сообщил капитану Неверовскому, что многие мюриды готовы бежать с гор в покорные русским деревни¹³². Многие аулы Аварии «покорны ему (Шамилю.— Х.-М. Х.) только из одного страха. Они давно готовы покориться русским. Ждут удобного случая, когда мы вступим в их земли, чтобы явно восстать против имама», — писал капитан Прушановский»¹³³.

Горцы были измучены постоянной войной, в которой погибло бесполезно столько людей, были утомлены деспотизмом наибов. Нельзя было найти семью в горах Аварии, которая не носила бы траур по убитым на поле брани или от рук наибских палачей.

В сел. Андых нам рассказали, что наиб Шамиля прислал туда мюридов для сбора ополчения. Один из жителей, не имея даже толокна, чтобы взять с собой, ночью пошел на мельницу и намолот около сахара толокна (сах — 6 фунтов), а рано утром ему пришлось чинить чарыки, в связи с чем он опоздал на сбор. За это у всех на виду выстрелом в упор он был убит мюридом.

Наибы Арбули из Хунзаха, Муса из Балаханы и многие другие казнили людей, чтобы завладеть их имуществом и нажиться за счет своих жертв. Не случайно поэтому все без исключения авторы, писавшие о мюридизме, указывают на алчность и деспотизм наибов.

Как ни тяжела была колониальная политика царизма, горцам лучше жилось на присоединенной к России территории, чем на территории имамата Шамиля. Трудящиеся массы горцев на собственном опыте убедились, что идеология мюридизма враждебна народу, что режим имамата тягостен и несправедлив.

Если в первые два периода, т. е. с 1828 по 1850 г., в движении мюридизма преобладали элементы освободительного характера и само движение носило объективно прогрессивный характер, то к концу 50-х годов, когда основная масса узденства отошла от мюридизма, когда наибы и другие правители имама переродились в феодалов и стали угнетать народ, когда господствовали произвол и репрессия, движение утратило свой национально-освободительный и прогрессивный характер. Это коренное изменение, происшедшее в самом движении, и явилось основной внутренней причиной падения имамата.

¹²⁹ «Краткий отчет начальника Дагестанской области за период со времени образования Дагестанской области до 1 ноября 1863 г.», Темир-Хан-Шура, стр. 14.

¹³⁰ «Кавказ», 1849, № 50.

¹³¹ А. Юров. Указ. соч., стр. 47.

¹³² Рук. фонд ДНИИИЯЛ, оп. 2, д. 37, стр. 182.

¹³³ «Кавказский сборник», т. 23, 1902, стр. 66.

Нельзя рассматривать движение юридиклизма в Дагестане в отрыве от так называемого «восточного вопроса», не учитывать внешние влияния на него. Движение юридиклизма привлекло внимание правящих кругов ряда стран, прежде всего Англии, Турции и Персии. Они старались использовать борьбу горцев против царизма в своих собственных интересах, и нельзя сказать, что их старания не имели никакого успеха.

Как известно, Ближний и Средний Восток в начале XIX в. стал узловым пунктом международных противоречий. Царская Россия приступила к расширению своих восточных границ и к прочному овладению Черноморско-Каспийским бассейном. В этом вопросе интересы России резко расходились с интересами Англии и Франции, мечтавших захватить восточные рынки сбыта. Англия, вступившая в XIX в. на путь широких колониальных захватов в Азии, стремилась включить в орбиту своего влияния Турцию и Персию, обращая особое внимание на бассейн Черного моря и на Кавказ. Англия и Франция поддерживали стремление турецких султанов и шахов Персии к восстановлению их власти над народами Кавказа, лишь бы не допустить усиления позиций России на Ближнем и Среднем Востоке. До заключения Тильзитского мира в 1807 г. Франция всячески стремилась натравить Турцию на Россию и оказывала Порте прямую военную помощь. После Тильзита Россия начала военные действия против Турции и добилась решающих успехов в 1812 г., в результате чего был заключен Бухарестский мир, лишивший Турцию возможности выступить в союзе с Наполеоном. Начиная с 1806 г., происходили военные столкновения России и с шахской Персией.

В декабре 1807 г. в Тегеран прибыл французский посол в Персии генерал Гардан со значительной свитой. Под его руководством французские военные инструкторы обучали шахскую армию. В 1808 г. французский посол не допустил персидского шаха к заключению мира с Россией. В апреле 1809 г. английский посол Гарфорд Джонес предлагает Персии союз и дружбу, англичане доставляют ей вооружение, финансы и обучают армию. Переговоры о мире, начатые в Карабахе, на этот раз прерываются вследствие вмешательства англичан. В 1810 г. в Константинополе был заключен трактат между Портой и Персией о совместных военных действиях против России. Несмотря на начавшуюся Отечественную войну против Наполеона, русские войска одержали ряд побед над Персией. 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистанский мир, по которому Закавказские ханства и Дагестан навсегда отходили к России.

В этот период, как и раньше, Турция и Персия принимают меры к возмущению народов Кавказа против России. В 1805 г. шамхал Мехти задержал и доставил к генерал-майору Глазенапу двух кабардинцев, возвращавшихся от Баба-хана; одного пружинского дворянина, посланного пружинским царевичем Александром к осетинам, и одного хаджи из Андрей-аула, ехавшего с 32 фирманами Баба-хана, призывавшими горские народы к вооруженному восстанию против России. Шейх-Али-хан Дербентский, Сурхай-хан Казикумухский и др., поддавшиеся персидской агитации, вели антирусскую агитацию, за что получали от Персии деньги¹³⁴. В 1810 г. ахалцихский Юсуф-Зия-паша послал через ширванского жителя Шахсувар-бека письмо к дагестанским феодалам, в котором призывал их к «священной» войне против России¹³⁵. Такого же содержания письмо на имя всех феодальных владельцев Дагестана было получено от эрзерумского султана Махмуд-Эмина¹³⁶.

Несмотря на дружественный союз с Россией против Наполеона,

¹³⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 882; ч. IV, стр. 605—624.

¹³⁵ «Акты», IV, стр. 602—603.

¹³⁶ «Акты», V, № 730, стр. 605—607.

англичане как до Гюлистанского договора, так и после него добивались выступления Персии и Турции против России. В 1814 г. англичане заключили с шахом военно-освободительный союз и начали реорганизацию персидской армии. Баба-хан объявил Гюлистанский договор недействительным. Таким образом, Турция и Персия стали ареной активного противодействия англичан продвижению России на Ближний и Средний Восток. Это привело к русско-персидской войне 1826—1828 гг., которая окончилась победой России и присоединением к ней по Туркманчайскому договору Эриванского и Нахичеванского ханств, т. е. всей иранской части Армении. За Россией было подтверждено исключительное право держать военные суда на Каспийском море, она получила 20 млн. руб. контрибуции. Этим был нанесен удар престижу англичан на Среднем Востоке.

Военный министр Дибич запрашивал Ермолова, чем наградить народы Дагестана, в том числе акушинцев, за то, что они во время вторжения персиян сохраняли верность России¹³⁷. Шамхал тарковский и Аслан-хан Кюринский и Казикумухский были награждены¹³⁸.

Победа над Персией, вопреки вмешательству англичан позволила начать военные действия и против Турции, которые завершились заключением в 1829 г. Адрианопольского договора. Россия получила устье Дуная с прилегающими островами, восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая и территорию Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалцихе и Ахалкалаки. Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми для прохода русских и иностранных торговых судов. Россия получила контрибуцию в 10 млн. голландских червонцев и 1,5 млн. руб. в возмещение убытков¹³⁹.

Англия открыто выступила против Адрианопольского договора, однако Турция больше не могла противостоять России. В 1833 г. Турция заключила с Россией оборонительный союз — Ункяр-Искелесийское соглашение, сроком на восемь лет, в котором предусматривалась взаимная военная защита. По этому соглашению Дарданеллы закрывались для военных судов других стран, Россия приобретала решающее влияние на Турцию, а русские берега Черного моря были защищены от возможного нападения европейского флота. Англия не хотела мириться с этим положением; она широко развернула на Кавказе подрывную деятельность своих агентов, в задачу которых входило возбуждение недовольства горских народов против России и снабжение их деньгами и оружием. В 1838 г. Англия опубликовала декларацию о независимости Черкесии, издав под редакцией министра иностранных дел лорда Пальмерстона карту Кавказа, на которой Черкесия была названа «независимой» страной. Англия хотела лишить Россию восточных рынков, стать единственным и полновластным хозяином на Ближнем и Среднем Востоке.

В 40-х годах XIX в. не последнюю роль в разжигании мюридистской войны на Западном Кавказе сыграл секретарь английского посольства в Константинополе Д. Уркарт. К новороссийскому порту в 1836 г. подошло английское судно «Биксен», привезшее под видом соли оружие для мюридов Западного Кавказа. Многие английские агенты проникали на Западный Кавказ, провозили оружие, деньги, организовывали диверсии и провокации.

Хотя Турция из-за своей военной слабости и не рисковала самостоятельно и открыто выступать с захватническими планами, но она по наущению Англии широко использовала религию ислама и ее догматы для разжигания «священной войны» против «неверных», т. е. русских. Особенно активную роль в этой пропаганде в Дагестане играли представители

¹³⁷ «Акты», VI, ч. II, стр. 21.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

духовенства, воспитанные на турецких традициях и поддерживавшие связь с религиозными центрами Турции. Религиозные проповедники, переброшенные из Турции в начале XIX в., сеяли ненависть ко всему русскому, вербовали учеников-мюридов.

Документы свидетельствуют об использовании Турцией, Персией и стоявшей за их спиной Англией религиозных сект против России не только в начале XIX в., но и раньше. Еще в конце XVIII в. лозунгом движения шейха Мансура на Северном Кавказе была «священная война» против России. Турция вместе с английскими разведывательными органами засыпала на Кавказ агентов для подрывной деятельности. Одним из таких агентов был турецкий подданный Измаил-эфенди, который в начале XIX в. вербовал себе учеников-мюридов в Азербайджане.

Английский агент Белл в своих записках, опубликованных в 1840 г., писал, что Черкесское государство должно бороться против России в союзе с Шамилем под покровительством Англии и Турции.

В сочинении офицера генерального штаба Мочульского «Война на Кавказе и Дагестане» совершенно точно раскрыты планы иностранных государств, прежде всего Англии, поддерживавших кавказский мюридизм. Мочульский указывает, что Англия, Франция, даже Ватикан интересуются Кавказом, что они не желают успеха русскому оружию. «Римский папский конклав держит образованных монахов в монастырях Тифлиса и Ахалцихи. Франция держит консула в Тифлисе. Турки производят торговлю на восточных берегах Черного моря, доставляя черкесам разные европейские произведения: оружие, порох и свинец. Направление внимания англичан на Каспийское море и поощрения, которые они оказывают некоторым из армян в Персии, чтобы побудить их строить суда на Каспийском море и заводить торговые связи с Кавказом, опять обнаруживают всю политическую важность сего края. Поездки английских офицеров из земель внутренней Азии на Астрахань и отзывы сих путешественников в заседаниях лондонского Азиатского общества, — где, между прочим, некто Аббат почти публично уверял, что Россия не имела еще времени воспользоваться обстоятельствами на Востоке и тем дала возможность Англии влияние свое на те страны утвердить и развить, — вполне убеждают, с каким глазом Англия внемлет на действия наши на Кавказе...»¹⁴⁰. Мочульский далее указывает, что Кавказская война развязывала руки французам для завоевания Северной Африки, англичанам — для завоевания Юго-Восточной Азии, а поэтому понятна их заинтересованность.

В 1840 г. у Шамиля подвизается турецкий агент Гаджи-Юсуф (на Кавказе он находился еще с 1834 г.). Мастер из Эрзерума лил пушки Шамилю, турецкий подданный Джафар, по сообщению Хаджи-Мурата, делал ему порох¹⁴¹. Этот Джафар сделал 12 пороходельательных машин. В 1845 г. наиб Шамиля Сулейман-эфенди был послан к абадзехам. Он сообщил, что получил 200 пистолетов из Турции¹⁴². Наиб Шамиля Мухаммед-Эмин 26 июля 1850 г. сообщал в Константинополь Ахмед-аге, что Шамиль назначил его наибом в Черкесию и что он, Мухаммед-Эмин, будет повиноваться корану и падишаху, что укрепления им сооружены на средства падишаха и молитвами Шамиля, просил организовать доставку пушек и книг¹⁴³. Даже Франция через своего консула в Тифлисе Кастильона проявила интерес к мюридизму и надеялась использовать его.

По наущению Англии Турция готовилась к Крымской войне. Султан Турции Абдул-Меджид прислал письмо Шамилю с указанием готовить-

¹⁴⁰ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 89.

¹⁴¹ «Акты», X, стр. 527.

¹⁴² Т. Н. Патрачев. Посольство от Шамиля к абадзехам. Махачкала, 1927, стр. 6—7.

¹⁴³ «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 91.

ся к войне и обещал отдать ему весь Кавказ. Шамиль сообщил турецкому Омар-паше, что он может выступить с 20-тысячным войском. В августе 1853 г. он действительно выступил с 13-тысячным войском в пределы Закавказья, но, как указывалось, был вынужден отступить.

6 апреля 1854 г. около Александрополя задержали турецкого шпиона, возвращавшегося от Шамиля, к которому он был послан из Эрзерума. При нем нашли два письма от Шамиля к командиру анатолийской армии, карту Кавказа, составленную при Шамиле, и выписки из русских журналов на арабском языке¹⁴⁴. 27 апреля 1854 г. караул, расположенный у переправы через р. Самур, на дороге из Кубы к Ахтам, задержал конных вооруженных людей, при которых была найдена прокламация турецкого султана, призывающая горцев к войне с Россией¹⁴⁵. В феврале 1855 г. Шамиль объявил, что весной две турецкие армии должны выступить против России, одна — из Карса, а другая — из Анапы в Кабарду, и призывал горцев к «священной войне». В августе 1855 г. турецкий полковник Банья с двумя офицерами отправился к Шамилю, но не добрался. В то же время французский капитан Мозюи с подарками от Наполеона III безуспешно пытался связаться с Шамилем. 4 октября представитель Англии Лонгворт сообщил, что он пытался пробраться к Шамилю через Чарачай¹⁴⁶.

Английский главный штаб, планируя войну 1856—1857 гг., ставил себе основной задачей захват Кавказа при помощи Турции, Ирана и Шамиля. Планировалось создание нескольких княжеств под протекторатом Англии и Турции, предусматривался возврат Персии и Турции территорий, отошедших от них к Гюлистанскому и Адрианопольскому договорам; по этому плану Дагестан отходил к Ирану, но диктатором-хозяйном должна была стать Англия.

Таким образом, мюридизм извне вдохновлялся реакционными кругами Англии, Франции, Турции и Персии, преследуя цель оттеснить Россию с Кавказа и поработить народы Кавказа.

Согласно распространенных взглядов, движение Шамиля активно снабжалось турками и англичанами с Черного моря оружием, порохом и другими военными материалами, которые доставлялись на турецких судах. Это верно в отношении Черкесии, где действовал наиб Шамиля Мухаммед-Эмин. Близость границы и удобство сообщения позволяли англо-турецким захватчикам перебрасывать на Черноморское побережье оружие и боеприпасы для провокационных действий среди черкесских племен. Там же неоднократно высаживались и английские разведчики Белл, Лонгворт, Лайонс и др. Главарь мюридизм в Черкесии Мухаммед-Эмин и черкесский феодал Сафар-бей имели постоянных агентов в Константинополе и сами ездили туда для получения инструкций. Русскими властями неоднократно задерживались суда, направленные из Константинополя с оружием и боеприпасами для черкесских мюридов.

Но на Восточном Кавказе дела обстояли иначе. Здесь районы действий Шамиля были окружены землями, где прочно утвердилось господство России. Отсутствие реальной помощи из Турции заставило шейха Джамал-эд-Дина обратиться в 1842 г. с письмом к Шейх-уль-Исламу, в котором он упрёкает султана за бездействие. Об этом же говорил Шамиль в беседе с князем Орбелиани, который в 1842 г. попал в плен к Шамилю. Орбелиани однажды спросил Шамиля, почему бы ему не взять пример с турецкого султана и не жить в дружбе с Россией? Дагестанцы могли бы тогда извлекать выгоды из торговли с русскими и исполняли бы свой шариат. «Конечно, — сказал Шамиль. — Но разве ты думаешь, что султан —

¹⁴⁴ А. Д. Даниялов. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. Махачкала, 1950, стр. 8—9.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 861, д. 47, л. 6.

¹⁴⁶ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 г., т. I. СПб., 1877, стр. 292.

верный исполнитель законов Магомета, а турки — истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана. Он видит, что, мы, его еди-
новерцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает?»¹⁴⁷

Составители вышедшего в Тбилиси в 1953 г. сборника пишут в предисловии, что царизм вел борьбу с горцами в целях ликвидации тиранических порядков, насильственно навязанных Шамилем горским народам¹⁴⁸. Это неверно. Царизм сам олицетворял тираническую власть и никогда, на протяжении всей своей истории, не был врагом «тиранических порядков», а напротив, всюду их поддерживал и утверждал. Дело было не в желании уничтожить «тиранические порядки» ради блага народов Кавказа, и совсем не это заставляло царизм вести борьбу с Шамилем, борьбу, которая отвлекала значительные военные силы России. Окончательное закрепление Кавказа за Российской империей как важного в военно-стратегическом и экономическом отношении района — вот в чем заключались цель и смысл войны с Шамилем.

«Восточный вопрос» сыграл известную роль в разжигании кавказской войны. При всем том основным и решающим мотивом борьбы трудящихся Дагестана являлась борьба за свободу и независимость, вызванная колониальной политикой царизма и гнетом местных феодалов.

* * *

Движение, направленное вначале главным образом против местных феодалов, в ходе борьбы превратилось в народно-освободительное, в борьбу против захватнической политики царизма. Ввиду исторических условий движение это не могло привести трудящихся горцев к иной социально-экономической формации или к социальному освобождению. Место ликвидированных потомственных дворян-феодалов к концу движения стали занимать влиятельные лица из числа наивов Шамиля и крупного духовенства, которые так же притесняли народ, как прежде светские феодалы. Это оттолкнуло народные массы от движения и привело его к гибели.

Горские крестьяне действительно верили в Шамиля, считали его своим вождем, но он не дал и не мог дать им социального освобождения. В. И. Ленин писал: «...марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях... Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»¹⁴⁹.

В движении горцев Дагестана и Чечни участвовали различные социальные слои. Наряду с горскими крестьянскими массами с их антиколониальными и антифеодальными устремлениями, в нем принимало участие мусульманское духовенство, стремившееся к укреплению своих классовых позиций.

Прогрессивным элементом движения горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля была борьба за независимость против национально-колониального гнета.

Другое дело — последний этап этой борьбы, когда руководящая верхушка имамата — разбогатевшие наивы и духовенство — еще сильнее закрепили народ. В этот последний период борьба потеряла прогрессивный характер.

¹⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6748. Показание, данное Орбелиани после его освобождения из плена, л. 94 об.

¹⁴⁸ «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов», стр. 8.

¹⁴⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 18.

Созданный Шамилем строй изолировал Дагестан и Чечню от соседей, тоже боровшихся против царизма; длительная война привела к колоссальным потерям людских сил, усилила обнищание трудящихся масс.

Идеология мюридизма была реакционной. Воинствующий мюридизм, враждебный интересам широких народных масс, требовал слепого подчинения мусульманскому духовенству, ненависти к христианским народам, притуплял классовое сознание.

4. ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЛИКВИДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ХАНОВ И БЕКОВ

В 1856 г. Александру II было представлено несколько проектов организации управления покоренными народами Кавказа; он одобрил проект будущего наместника на Кавказе А. И. Барятинского. По этому проекту Кавказ разделялся на большие военные отделы, а начальникам этих отделов предоставлялся широкий и самостоятельный круг действий. План Барятинского нашел выражение в «Положении о Кавказской армии», утвержденном 1 апреля 1858 г., в котором имелся особый раздел об управлении горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления. Это был первый официальный документ о так называемом военно-народном управлении.

Особый орган управления кавказскими горцами был учрежден 19 июня 1860 г. при главном штабе Кавказской армии под названием Канцелярия по управлению кавказскими горцами. В 1865 г. эта Канцелярия была преобразована сначала в Кавказское горское управление, а затем в Кавказское военно-народное управление. В 1883 г. был учрежден новый орган управления — Канцелярия главнокомандующего по военно-народному управлению Кавказского края. В 1905 г., в связи с восстановлением власти наместника на Кавказе, эта Канцелярия была переименована в Канцелярию наместника на Кавказе по военно-народному управлению. Она была ликвидирована только в феврале 1917 г.

В Дагестане действовало специальное положение, утвержденное в 1860 г., под названием «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». В Дагестанскую область вошел бывший Прикаспийский край, без Кубинского уезда, и весь горный Дагестан. Область была разбита на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Средний Дагестан, Южный Дагестан и Верхний Дагестан.

В Северном Дагестане находилось четыре управления: Даргинский округ с Сюргинским обществом; владение шамхала тарковского, Мехтулинское ханство, Присулакское наместничество, которое состояло из присулакских и других селений, не входивших в состав округов и ханских управлений. Южный Дагестан разделялся на три управления: Кайтаго-Табасаранский округ, ханство Кюринское, Самурский округ, включавший горные магалы, т. е. верховья Самура. Средний Дагестан подразделялся на четыре управления: Гунибский округ, куда входили территории нынешних Гунибского, Чародинского, Гергебильского, Унцукульского и части Кахибского районов, Казикумухский округ, ханство Аварское, территории нынешних Ахвахского и Цумадинского районов. Верхний Дагестан состоял из Бежтинского округа, куда входили территории нынешнего Тляринского, Цунтинского и части Цумадинского районов, а также территория Келебского общества.

Управление Дагестанской областью делилось на военное и гражданское. Первое подразделялось на управление войсками, управление туземным населением на особых правах и управление ханское. Гражданскими управлениями являлись Дербентское градоначальство и управление г. Порт-Петровском. Как гражданские, так и военные управления подчинялись начальнику Дагестанской области. Он же был командующим

войсками, действовавшим на правах командира корпуса. По гражданскому управлению он приравнивался в правах генерал-губернатору внутренних губерний, по управлению местным населением действовал на основании особого положения. Начальник Дагестанской области для производства дел по всем частям управления имел при себе штаб-командующего войсками и канцелярию, которая состояла из двух отделов: по гражданскому управлению и по управлению местным населением. Во главе каждого из военных отделов стояли начальники, в ведение которых входили округа, управлявшиеся окружными начальниками, и, кроме того, отдельное Присулакское наместничество, управляемое наибом. Ханства и владение тарковского шамхала находились в ведении этих начальников только в военном отношении. Военный начальник Верхнего Дагестана подчинялся непосредственно наместнику. Гунибский и Бежтинский округ непосредственно управлялись военными начальниками.

Округа подразделялись на наибства, во главе которых стояли назначенные наобы. В Кайтаго-Табасаранском округе были оставлены три правителя: в Кайтаго, в Северной и Южной Табасарани. В Даргинском округе было сохранено прежнее разделение по обществам, которыми управляли кадии, назначаемые правительством из фамилий, ранее управлявших этими обществами.

По общим законам империи, с некоторыми исключениями, управлялись жители Дербентского градоначальства и г. Петровска.

Судопроизводство в Дагестане велось по военно-уголовным делам — в комиссиях уголовного суда; по общим законам империи — в Дагестанском областном суде; по адату и шариату и по особым правилам, утверждавшимся в судебной практике, — в так называемом Дагестанском народном суде и горских словесных судах. Так называемый народный суд даже по форме не являлся народным, так как состав его назначался командующими войсками области из эксплуататорских элементов, хотя они и назывались депутатами «из народа». При феодальных владетелях и при Присулакском наместничестве были созданы словесные суды.

Председателем Дагестанского народного суда являлся помощник военного губернатора. Решения суда подлежали утверждению начальника области, от усмотрения которого зависело утвердить или представить определение суда со своим заключением на рассмотрение главнокомандующего Кавказской армией.

Окружные народные суды состояли из кадия и представителей богатой узденской верхушки от каждого наибства по одному члену. Они рассматривали дела, возникавшие по гражданским спорам и тяжбам всякого рода: воровство, ссоры, драки, увоз женщин, хотя бы они имели последствием увечье или даже смерть. Споры между мужем и женой, родителями и детьми, а также споры о наследстве окружной суд решал по шариату, а все остальные дела решались по адату.

Дела об измене, возмущении против правительства и поставленных им властей, о явном неповиновении начальству и тяжком его оскорблении, о разбое и похищении казенного имущества подлежали рассмотрению по военно-уголовным законам в комиссиях военного суда.

Командующему войсками Дагестанской области предоставлялось право применения оружия против возмущившихся и ушорствующих в неповиновении жителей, право суда и наказания по военным законам политических и других преступников и высылки из края в административном порядке «вредных» и «преступных» жителей. Даже военным и окружным начальникам было предоставлено право применения оружия против жителей, не испрашивая на то особого разрешения.

Сельские суды состояли из кадиев и выборных сельских судей. Они рассматривали дела по ссорам и недоразумениям между супругами, родителями и детьми, воровству, обману, утайке, сумма которых не превы-

шала 50 руб. На приговоры сельских судов допускалась апелляция в окружной суд. Правительство стремилось как можно больше ограничить применение шариата¹⁵⁰.

Для горских судов кассационных инстанций не существовало. Жалобы можно было подавать только военным начальникам, от которых и зависел исход дела. «Результатом всего этого была общая деморализация края — возникло множество по существу совершенно несправедливых споров по делам поземельным, наследственным и вообще исковым; умножилось воровство, убийства, увоз женщин»¹⁵¹. Даже обер-прокурор сената Н. Рейнеке, обследовавший деятельность горских народных судов Кавказского края, в том числе Дагестана, писал, что такой суд «деморализует, развивает сутяжничество, убивая веру в правосудие и подрывая авторитет судебной власти»¹⁵².

Ханская власть в Дагестане после окончания военных действий на Кавказе сделалась излишней и вскоре была ликвидирована. Одновременно с ликвидацией политической власти феодальных владельцев были освобождены рабы и часть зависимых крестьян. Всего получили свободу 1542 раба, в том числе во владениях кумыкских князей — 944. Часть рабов была освобождена безвозмездно, другая — за выкуп или с обязательством прослужить своим владельцам от четырех до шести лет. Размер выкупа составлял: за мужчину — от 100 до 180 руб., за женщину 100 руб., за ребенка — от 50 до 100 руб. В шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском было освобождено от всех податей и повинностей 4302 крестьянских двора, преимущественно узденей. Отменив все повинности и подати, которые крестьяне несли в пользу шамхала тарковского, хана мехтулинского и чанков (побочных детей) ханского дома, и обложив крестьян усиленным налогом, царское правительство не забыло, однако вознаградить шамхала и ханов. Оно выдало им единовременные пособия, увеличило размеры пожизненных пенсий, закрепило за ними большие земельные участки. Так, кюринский хан Юсуф в 1865 г., при ликвидации ханской власти, получил 4 тыс. десятин земли и пенсию в размере 5 тыс. руб. в год. Аварский хан Ибрагим в 1864 г. получил 4 тыс. руб. в год пожизненной пенсии и одновременно 30 тыс. руб. на покрытие своих долгов. Правитель Кайтага Ахмет-хан-бек получил 1523 десятины земли и 500 руб. в год пожизненной пенсии. Табасаранские правители получили: Эльдар-бек — 497 десятин земли и 400 руб. пенсии, Султан-Ахмед-бек — 500 десятин и 400 руб. пенсии. Хан мехтулинский Рашид получил 10 тыс. руб. единовременного пособия, 400 руб. пенсии и жалованье по чину с сохранением ханского имени. Князь Шамсутдин Тарковский получил 7 тыс. единовременного пособия и 5 тыс. руб. потомственной пенсии. Кроме того, за всеми ними сохранялись принадлежащие им имущества.

В связи с окончанием Кавказской войны в 1864 г. наместник Кавказа обратился к народам Дагестана со специальным обращением, в котором указывал, что население Дагестана освобождается от поставки рекрут, земля и леса являются собственностью населения, исключая руду и места, отведенные крепостям; что управление основывается на адате и шариате и содержится за счет государства, общества освобождаются от выставления милиции, за населением признается право заниматься ремеслом и торговлей, для чего открыты дороги в Грузию, Джаро-Белоканы, Шеку, Ширван, Кубу, Дербент и прочие земли, и, наконец, что вера, собственность и обычаи остаются неприкосновенными, исключая обычай кровной мести, который должен быть ликвидирован¹⁵³.

¹⁵⁰ См. С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, стр. 167.

¹⁵¹ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 194.

¹⁵² Н. Рейнеке. Горские народные суды Кавказского края. СПб., 1912, стр. 18.

¹⁵³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 111, л. 1.

Окончание Кавказской войны, ликвидация ханско-бекской власти, а также освобождение рабов и части зависимых крестьян объективно содействовали развитию экономики народов Дагестана. Однако политика царизма всячески тормозила это развитие. О льготах, сообщенных в обращении наместника, вскоре было позабыто. Население облагалось налогами и натуральными повинностями, собственность народа на землю и леса оспаривались, освобождение от поставки рекрут сопровождалось взиманием военного налога и т. д.

Открытие учреждений, предусмотренных «Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», и другие изменения по управлению произошли в следующие сроки: 12 июня 1860 г. был учрежден Дагестанский народный суд, 18 июня 1860 г. образовано управление г. Порт-Петровска, 1 июля 1860 г.—наибство Присулакское, 8 июля 1860 г.—управление начальника южного отдела и округа Самурского с судом и тремя наибствами, 24 июня 1861 г. из Терской области переданы в Дагестанскую область общества Ункратль, Чамалал, Технудал, Андия и Гумбет и образован Андийский округ с присоединением к нему Тиндальского и Хваршинского наибства Бежтинского округа.

25 ноября 1860 г. военное министерство возбудило ходатайство о создании дагестанской постоянной милиции и дагестанского конно-иррегулярного полка по тем мотивам, что большинство горцев приобрело военную профессию, а поэтому надо их занять. Полк должен был состоять из трех дивизионов, а каждый из них — из двух сотен. В состав милиции предусматривалось набрать 1287 человек. В том же году это ходатайство было удовлетворено¹⁵⁴.

В 1864 г. был образован Аварский округ, в 1865 г. — Кюринский округ, 29 ноября 1866 г. утверждено «Положение об управлении городом Темир-Хан-Шурой». Управление городом было возложено на городскую полицию во главе с полицмейстером с правом разрешения споров о гражданском иске на сумму до 100 руб.

20 апреля 1867 г. ханские управления в Северном Дагестане были упразднены и вместо них создан Темир-хан-шуринский округ, который был разделен на шесть наибств. Округ подчинялся начальнику управления Северным Дагестаном, ему же подчинялся и Даргинский округ, который также делился на наибства.

26 апреля 1868 г. было утверждено «Положение о сельском управлении в Дагестане». По этому «Положению» в сельских местностях предусматривалось следующее начальство: старшины, их помощники, кадии и сельские судьи и джамаат. Старшины, судьи и кадии утверждались в должностях по представлению окружного начальника областным начальником.

Авторы «Положения» стремились полностью ликвидировать режим, установленный Шамилем, т. е. вместо господства шариата утвердить господство адатов, вместо единоличной власти кадия и муллы — власть старшины, повысив его роль как главной фигуры низового органа военно-народного управления — сельского управления. «Адаты и вытекающие из них сельские управления, — писали авторы «Положения», — служат нам твердой опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ со здешним мусульманским духовенством, которое не может оставаться равнодушным к тому, что влияние его на народ год от году слабеет, главнейше от того, что оно лишилось права чинить суд и расправу»¹⁵⁵.

Сельские старшины и их помощники назначались. Авторы проекта «Положения» писали, что ввиду большого значения сельских старшин

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, д. 264, лл. 151, 160.

¹⁵⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 317, л. 39.

в Дагестанской области «было бы преждевременно и опасно назначенне их выбору массы населения»¹⁵⁶.

В связи с введением «Положения о сельских управлениях» политическая власть беков, управлявших бекскими селениями, формально была ликвидирована. Однако многие чиновники округов и наибств назначались из беков. Беки и лица, имевшие офицерские чины, были оставлены в составе сельских обществ, где они постоянно жили. Поэтому фактически сельское управление вплоть до ликвидации феодально-крепостнических отношений, т. е. до 1913 г., находилось в руках беков, которые продолжали беспощадно эксплуатировать крестьян. Духовенство только частично было устранено от управления, кадий входил в состав сельского суда и ведал религиозными делами. Допущение кадия в состав управления авторы проекта объясняют нежеланием создавать оппозицию правительству.

Хотя военно-народное управление в Дагестане было введено как временное мероприятие, оно сохранилось до свержения царизма. Каждый раз, когда возникал вопрос о введении гражданского управления в Дагестане, кавказская администрация находила разные причины, чтобы сохранить военно-народное управление. В отчете Кавказского наместника за 1863—1871 гг. говорится: «Что же касается Дагестанской области, то имея в виду, что в ней существует сплошное горское население, я не счел еще возможным прекратить в ней временный порядок управления»¹⁵⁷. Только 19 марта 1875 г., да и то не полностью, на территорию Дагестана с гражданским управлением были распространены общероссийские судебные уставы, однако с изъятиями, предусмотренными для Закавказского края. 1 января 1876 г. были открыты мировые суды в Дербенте, Порт-Петровске (ныне Махачкала) и Темир-Хан-Шуре. В связи с этим были упразднены областной суд и прокурорский надзор. Гражданские суды Дагестана находились в ведении Тифлиской судебной палаты и были подчинены Бакинскому окружному суду.

12 июня 1863 г. в Дагестане вместо должности начальника области была введена должность военного губернатора, которая просуществовала до свержения царизма. Дербентское градоначальство было упразднено. Здесь было введено упрощенное городское управление. В составе девяти округов Дагестана были организованы 42 наибства. Во главе наибства стоял наиб и при нем письмоводитель. По штатному расписанию полагалось иметь в каждом округе по одному врачу, одному старшему и одному младшему фельдшеру. Однако штаты эти никогда не были полностью укомплектованы, и большинство населения было лишено медицинской помощи.

25 мая 1895 г. в Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре было введено «Городовое положение» от 11 июля 1892 г. (в Темир-Хан-Шуре было введено упрощенное городское управление во главе с городским старостой). 22 декабря 1899 г. наибства в Дагестане были ликвидированы и взамен их образованы участки.

В 1865 г. все жители Дагестана были обложены единым налогом, который колебался от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. и более, и земским сбором. Особенно тяжелым бременем этот налог лег на зависимых крестьян, которые, кроме уплаты его, должны были отбывать все возрастающие повинности и подати бекам. Из 47 селений Темир-хан-шуринского округа четыре селения были обложены рублевым налогом на один дым, два селения — полуторарублевым, 25 селений — двухрублевым и 16 селений — трехрублевым.

Все население Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского и Казикумухского округов было обложено налогом в 1 руб. с дыма. В Кайтаго-Табасаранском округе жители 134 селений были обложены двухрублевым

¹⁵⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 317, л. 41.

¹⁵⁷ Там же, ф. 416, оп. 3, д. 1055, л. 16.

налогом с дыма. Жители же 58 селений вносили земский сбор по особому, усиленному окладу. В Кюринском округе в Южно-Табасаранском наибстве с дыма взимался двухрублевый оклад, в остальных наибствах — по-разному: от 50 коп. до 6 руб. 75 коп. В Самурском округе подымная подать составляла 1 руб. 50 коп., исключая пять селений, жители которых были обложены двухрублевым налогом. От налогов были освобождены должностные лица сельских управлений, служащие военно-народного управления, офицеры и их семейства, беки, чанки, всадники Дагестанского конного полка, прослужившие более 15 лет, и т. д. (до 10% всего населения).

В 1866 г. вместо военной повинности был установлен особый денежный сбор, составлявший по Дагестану 38 тыс. руб. В 1887 г. крупные землевладельцы, которые не платили подымного сбора, были обложены подешатинным налогом, который составлял 3630 руб. 89 коп. Всего было обложено 198 592 десятины. С десятины земель I разряда взималось 2,75 коп., а II разряда — 1,5 коп. По взысканию земского сбора Дагестанская область была разделена на несколько районов (максимум земского сбора на государственные повинности составлял 2 руб. 15 коп. и на губернские повинности — 98 коп., а минимум — соответственно 30 коп. и 13 коп.). С фабрично-заводских и торговых помещений, находившихся в городах, взыскивался двухпроцентный сбор с оборота. С 1890 г. этот сбор взыскивался и с фабрично-заводских и торговых помещений, которые находились вне черты городов. Оставались в силе натуральные повинности (дорожная, арубная, квартирная и воинская)¹⁵⁸.

Для иллюстрации приведем цифры за один год. В 1891 г. все виды налогов по Дагестанской области составляли 374 813 руб. 87 коп., из них подымная подать — 174 420 руб. 06 коп., земские сборы: на государственные повинности — 85 087 руб. 90 коп.; на губернские повинности — 44 217 руб. 06 коп.; подешатинный земельный налог — 8500 руб. 77 коп.; военный налог с мусульман — 43 714 руб. 10 коп.; двухпроцентный сбор с фабрично-заводских помещений — 18 873 руб. 96 коп.

Кроме того, в ведении Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области находился ряд оброчных статей: лесные дачи, зимние и летние пастбища и т. д. С них в 1891 г. поступило в казну 27 677 руб. 71 коп. Гербовый сбор составил 60 196 руб. 05 коп. Кроме того, солидный доход казна получала от акцизных сборов и т. л.

В 1897 г. в городах взамен подымной подати был введен государственный налог с недвижимого имущества. 12 июля 1900 г. население Дагестана было обложено вместо подымного налога государственным и оброчными податями. Замена подымного налога государственными и оброчными податями объяснялась тем, что земля, исключая частновладельческую, считалась государственной собственностью (впоследствии оброчные подати были заменены земельным налогом).

Налоговый пресс царизма и различные натуральные повинности, отбываемые государству и бекам, все более и более разоряли крестьянство, увеличивали число безземельных дворов, усиливали отходничество и обостряли классовую борьбу в деревне.

О своем тяжелом положении беднота сложила песню:

«Душу нужно — у меня и души не стало.
Кровь не хлынет у меня — и крови нет.
Нет и жены, чтоб над телом моим плакать.
Нет и сакли у меня, где бы труп обмыть.
Вот лишь бурка — пусть она заменит саклю...»

Протест крестьян против чрезмерного увеличения налогов, податей и

¹⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 223, д. 150. Отчет по военно-народному управлению за 1892 г., стр. 40.

повинностей бекам рассматривался царскими чиновниками как бунт против государства; виновные подвергались суровым наказаниям.

В 1861—1862 гг. произошли волнения крестьян Табасарани и Ункратле, восстания крестьян в Маджалисе 5 мая 1866 г. и в Ункратле в 1871 г. Последние два были прямым протестом против налоговой политики царизма. Наместник Кавказа в 1871 г. сообщал царю, что «в Ункратле жители сел. В. Хваршини по случаю взимания податей возмутились, убили своего набба Хаджиева, затем двинулись вниз по Андийскому Койсу, желая распространить восстание»¹⁵⁹. Царизм жестоко расправился с жителями этого участка: 1500 человек было выслано из Дагестана, населенные пункты были сожжены.

Ханы и мусульманское духовенство мечтали о былых временах, когда они являлись господами положения в крае; они старались использовать недовольство крестьян в своих интересах, направить крестьянские волнения по реакционному пути. Ярким примером этому может служить восстание 1877 г.

Восстание это было подготовлено и возглавлено лицами из ханских и бекских фамилий и духовенством, желавшим повернуть колесо истории вспять и снова надеть ярмо ханской власти на шею трудящихся. Немаловажную роль в провоцировании этого восстания сыграла турецкая агентура, которая активизировала свою деятельность перед русско-турецкой войной 1877 г. В 1876 г. в Дагестане было обнаружено 43 турецких подданных, многие из которых прибыли сюда с целью провокаций и диверсий против России. В этом же году в караногайских степях появились турецкие агенты — муллы и суфии, агитировавшие за войну против «неверных». Большую активность развили также еще сохранившиеся в Дагестане приверженцы мюридизма во главе с Гаджи-Магомедом из сел. Согратль и Алибеком из Чечни.

В самом начале русско-турецкой войны, в апреле 1877 г., Алибек-Хаджи поднял в Чечне восстание. В августе того же года, когда турецкие войска под Карсом одержали временную победу, реакционное духовенство вместе с турецкими агентами и потомками ханских фамилий подняли восстание в Дагестане. Имамом восставших был объявлен Гаджи-Магомед, сын шейха Абдурахмана-Хаджи из сел. Согратль. Согратль стал центром восстания. Магомед-Тахир ал-Карахи писал: «В 1294 (1877) г. в результате лживых сведений, будто бы русские не располагают никакими силами для оказания помощи своим солдатам, находящимся в Гунибе, согратлинцами был поднят бунт, чем вызваны в Дагестане большие волнения»¹⁶⁰.

Историк Гасан Алкадари в своей книге «Диван-аль-Муминун» так описывает события 1877 г.: «В это время, только что возвратившись из паломничества в Мекку, Алибек заявлял в Чечне, что он виделся с высшими турецкими правительственными лицами и с сыном Шамиля Гази-Магомедом и что эти лица рассказывали ему о том, что Турция располагает большими силами, что она несомненно победит Россию и освободит Чечню и Дагестан от русских и что сюда они пошлют войска и оружие. Одновременно в Согратле появились четыре турецких шпиона: Аббас, выставляющий себя за турецкого пашу, Тинавас, эмигрировавший из Дагестана в Турцию, Гаджияв, сын Дауда, и Микис-Али, эмигрировавший в Турцию из Закавказского округа. Они предъявляли согратлинцам и населению соседних аулов письма Гази-Магомеда о том, что Турция победит Россию, что в Дагестан придут турецкие войска с деньгами и оружием, что дагестанцы должны немедленно объявить восстание»¹⁶¹.

«Особенно усердно возбуждали народ хаджи, возвратившиеся из

¹⁵⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 52, л. 1.

¹⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 1, д. 18, л. 38.

¹⁶¹ Г. Алкадари. Диван-аль-Муминун. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 12.

Турции осенью 1876 г. и весной 1887 г., снабженные внушениями турецких властей, а также духовные лица, слышвшие учеными»¹⁶².

В сел. Телетль во главе восставших встал родня Кебед-Магомы, наиба Шамиля, которая занимала почетное положение при Шамиле: два сына Кебед-Магомы, служившие в созданной русским правительством постоянной милиции, и брат его Муртузали, прапорщик той же милиции.

В Казикумухском округе во главе восставших встали лица, принадлежавшие к прежнему ханскому дому — отставной майор¹⁶³ Джафар (сын умершего казикумухского хана генерал-майора Агалар-хана), вицхинский наиб ротмистр Абдул-Меджид и мугарский наиб штабс-капитан Фаталибек, также из ханской фамилии. Они рассчитывали вернуть права прежних ханов. Это подтверждается воззванием Джафара. В его обращении к ахтындам и рутульцам говорится: «Обществам Ихрекскому, Рутульскому, Ахтыпаринскому... Казикумухцы все остались мною довольны. Теперь пора доказать веру в ислам и вам и поднять знамя шариата. Если вы поднимете знамя выше и крикнете «ла-илла илла-ла», тогда у вас прозреют глаза и сердце ваше будет радоваться, если же нет, то я приду к вам с большим войском, которому конца нет; тогда вы не рады будете. К имаму Гаджи-Магомеду прибыл посланник от главы ислама — хонкера, теперь этот посланник находится при мне. Вот и все. Отвечайте мне, будете слушать меня или заставить вас силой оружия? Я, Джафар-хан, повелитель Казикумуха»¹⁶⁴.

Акушинские наследственные кадди встали во главе восставших в Даргинском округе, а в Кайтаго-Табасаранском округе — один из членов удийской фамилии, сын предпоследнего правителя Кайтага генерал-майора Джемав-бека. Он объявил себя удмием кайтагским и увлек за собой представителей некоторых кайтагских и табасаранских влиятельных фамилий. В Кюринском округе действовала группа восставших из Казикумуха во главе с Магомед-Али, потомком бывших кюра-казикумухских владельцев. Он объявил себя кюринским ханом и был утвержден согратлинским имамом в этом феодальном звании. В Самурском округе восставшими руководил бывший царский наиб Кази-Ахмед-бек, который также объявил себя ханом.

О шовинистическом характере восстания говорит тот факт, что гарнизон Казикумухской крепости был полностью уничтожен, хотя была возможность ограничиться взятием его в плен. Не только начальник округа Чембер был убит, но и русский врач, который лечил местное население¹⁶⁵.

Вдохновители и руководители восстания ставили своей целью реставрацию ханской власти и привилегий духовенства, а также ослабление русских войск на турецком фронте. В то время как руководившие восстанием реакционные элементы преследовали свои корыстные цели, трудящиеся крестьяне, участвовавшие в восстании, вели борьбу против колониального гнета царизма. Однако они быстро убедились, что обмануты, и восстание через два-три месяца потерпело поражение. В ликвидации восстания наряду с воинскими частями принимали участие дружины, состоявшие из местного населения.

Трезво мыслящие люди Дагестана резко осуждали восстание. Так, современник восстания историк Гасан Алкадари писал:

«Нежданно согратлинцы зря
Ошибкой злу открыли дверь»¹⁶⁶.

¹⁶² «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», т. VI, ч. II, Тифлис, 1910, стр. 38.

¹⁶³ Все феодальные владельцы, перешедшие на сторону России, получали от царского правительства военные чины и соответствующие оклады.

¹⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 1, д. 4, лл. 1—2.

¹⁶⁵ Там же, д. 18, л. 37.

¹⁶⁶ Г. А л к а д а р и. Асари-Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Махачкала, 1929, стр. 135.

Гази-Саид Гуссейнов из Кумуха писал: «Вы посудите, какое бедствие было внесено. Всем тем, кто слушает меня, я делаю твердое заветание никак не стать мюридом и никак не верить слухам, не подтвержденным глазами. В эту беду Дагестан был вовлечен слухами»¹⁶⁷.

Царское правительство основной удар направило против вовлеченного в восстание трудового крестьянства Дагестана. Многие селения были до основания разрушены, сотни участников были казнены. Более 3 тыс. человек, независимо от возраста, пола, степени вины, были высланы во внутренние губернии России, где многие погибли от тяжелых лишений и непривычных климатических условий¹⁶⁸. Почти все крестьянские хозяйства Дагестана были обложены трехрублевым сбором якобы для покрытия убытков, причиненных восстанием. Земли репрессированных жителей были взяты в казну. Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич оправдывал расправу с детьми и стариками тем, что «наказание одних главнейших зачинщиков далеко не всегда может служить спасительным примером и предупреждением для остального населения»¹⁶⁹.

Жестокость царских властей привела к противоположным результатам. Угнетенные крестьяне все чаще и чаще уклонялись от уплаты налогов казне, отбывания податей и повинностей бекам. Репрессии еще больше усилили ненависть трудового народа к царизму.

5. КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ ДАГЕСТАНА В XIX В.

В начале XIX в. Дагестан и в культурном отношении был отсталой окраиной царизма. Здесь не было ни одной светской школы, а религиозные школы — медресе — не давали светского образования. В примечетских школах обучали детей чтению корана, содержание которого для них оставалось тайной и затуманивало головы религиозным дурманом. Немногие получали в медресе и мечетях высшее образование и знали арабский язык. Большинство учащихся духовных школ становилось кадиями, муллами, дибрами.

Только единицы из числа получивших образование на арабском языке занимались математикой, астрономией, медициной и другими светскими науками, уровень которых был чрезвычайно низким. Отрицательную роль арабской школы как нельзя лучше охарактеризовал П. К. Услар. «Число людей, — писал он, — действительно знающих по-арабски, конечно, составляет незначительный процент народонаселения, но тлетворное влияние изучения этого языка отзывается в домашней жизни горцев, опутывает их от колыбели до могилы. Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, где, с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен. Немногие, особенно даровитые, пройдя в продолжение двух десятилетий длинный ряд таковых школ, образующих ученую лестницу, соразмеренную с знаменитостью преподавателей, приобретают положительное знание арабского языка и арабской литературы... Но... число выучившихся чему-нибудь незначительно. Во всяком случае, юноши, ничему не выучившиеся, в детском впечатлительном возрасте долго обращались с мертвой буквой, облеченной в мистическую форму, что сделало их недоступными к внушениям здравого смысла, тупыми, ожесточенными фанатиками»¹⁷⁰.

¹⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 1, д. 18, л. 39.

¹⁶⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, д. 43, лл. 107—108.

¹⁶⁹ Там же, д. 48, л. 109.

¹⁷⁰ П. К. Услар. О распространении грамотности между горами. ССКГ, вып. III. Тифлис, 1870, стр. 4.

Среди трудящегося населения были распространены религиозные произведения духовенства, вроде «турку» «назму» и др., усиливавшие фанатизм, призывающие терпеливо переносить трудности и невзгоды «на этом свете», чтобы за это получить вознаграждение «на том свете».

Религиозный фанатизм и суеверие, усердно распространявшиеся духовенством, служили реакционным силам дагестанского общества и серьезно мешали умственному развитию населения. Реакционные устои ислама отрицательно отразились на состоянии культуры и искусства населения Дагестана.

Установление прочных экономических, политических и культурных связей с великой русской нацией положило начало культурному подъему народов Дагестана, хотя этот процесс шел очень медленно в условиях колониальной политики царизма.

Русские ученые провели огромную работу по изучению истории, географии, этнографии, литературы, языка, а также природных богатств Дагестана. В этой работе принимали участие такие выдающиеся представители русской интеллигенции, как Д. К. Кантемир, Ф. И. Соймонов, А. И. Лопухин, И. Г. Гербер, С. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт, С. М. Броневский, П. Г. Бутков, Г. В. Абих, Д. Н. Анучин, А. Берже, П. К. Услар, А. И. Пирогов, В. В. Докучаев, М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович, И. И. Кузнецов, Е. И. Козубский, И. С. Костемеровский и многие другие.

С Дагестаном тесно связаны жизнь и творчество писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Поэт А. П. Полежаев, сосланный Николаем I на Кавказ, посвятил Дагестану две большие поэмы и ряд стихотворений. Жизнью горцев, их песнями и легендами интересовались великие русские писатели Лермонтов и Лев Толстой. Изучая устно-поэтическое творчество горцев, Л. Н. Толстой писал, что эти произведения представляют «сокровища, поэтически необычайные». Ознакомившись с эпосом «Хочбар», великий художник писал: «Песня о Хочбаре удивительная».

Непосредственная связь дагестанцев с представителями передовой русской науки, культуры и искусства имела огромное культурное значение.

XIX в. для Дагестана характеризуется вступлением на литературное поприще ряда историков, этнографов, литераторов из местных народностей, испытавших большое влияние передовых представителей русской культуры и науки. Серьезный вклад в изучение истории, этнографии и фольклора внесли дагестанцы Девлет-Мирза Сихалиев, Абдулла Омаров, Магомед-Эфенди Османов, Дауд Бутаев, Айдемир Черкеевский, Магомед Хандиев, Казанфар, Саид Габиев, Башир Далгат и др.

Прекрасно зная быт своего народа, непосредственно наблюдая процессы, происходящие в дагестанском ауле, эти историки, этнографы и фольклористы оставили весьма ценные работы. В 1883 г. в Петербурге была издана первая книга по кумыкскому фольклору, собранному Магомед-Эфенди Османовым. Аварские сказки, собранные Айдемиром Черкеевским, были напечатаны в типографии штаба войск Дагестанской области в 1867 г. и в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Магомедом Хандиевым были составлены грамматика аварских наречий, хрестоматия на аварском языке со словарем, разговорник на аварском языке. Он же перевел коран на русский язык.

В августе 1866 г. в Хунзахе и в Кумухе были открыты школы для обучения молодых аварцев и лакцев чтению и письму по азбуке, составленной П. К. Усларом¹⁷¹. Учителями в этих школах работали А. Черкеевский и А. Омаров. В конце 1866 г. во многих наибствах переписка с окружными управлениями велась на новом алфавите. В 1866 г. Омаров перевел работу Ушинского «Вода, воздух и их видоизменения». В 1867 г. он же

¹⁷¹ П. К. Услар провел большую работу по составлению алфавита и грамматики аварского, лезгинского, даргинского и лакского языков.

составил учебник по арифметике на лакском языке. Однако благородное начинание П. К. Услара, А. Омарова не было поддержано царским правительством, не желавшим насаждать национальные школы в Дагестане, и эти школы вскоре были ликвидированы.

XIX в. выдвинул на литературную арену ряд классиков дагестанской поэзии, вышедших из народа и тесно связанных с народным творчеством. Это были кумыкский поэт Ирчи-Казак (1830—1870), лезгинский поэт Етим Эмин (1839—1878), даргинский поэт Батырай Омаров (1831—1910), аварский поэт Махмуд из Кахаб-Росо (1873—1919) и др. Многие их песни дошли до нас в устной передаче.

Горячо сочувствуя страданиям своего народа, эти поэты смело выступили с идеей свободы человеческой личности. Их произведения правдиво отражают тяжелую жизнь трудящихся горцев и острую классовую борьбу в дагестанском ауле. Лучшие представители дагестанской поэзии XIX в., честно служа народу, беспощадно разоблачали обман и ложь феодальной знати и духовенства, бичевали старое, отживающее. Ирчи-Казак говорил:

«Коль важные дела приходится решать,
кого зовет заносчивая знать?»

Того, кто бестолков, того, кто недалек,
но лишь бы у него был полон кошелек,
но лишь бы у него угодлив был язык,
но лишь бы грубо льстить и подличать привык..
На сотню бедняков один едва ли есть,
чья признавалась бы заслуженная честь,
но и его удел печален и жесток».

За свое «вольнодумство» Ирчи-Казак был сослан в Сибирь, но и оттуда он посылал свои произведения, которые поднимали народ на борьбу против социальной несправедливости.

Лезгинский поэт Етим Эмин, обращавший свои надежды к грядущему, говорил перед смертью своим друзьям: «Не познав добра, не увидев счастливого дня, даже собака не умирает. А мы ведь люди, а не животные. Мир не останется таким. Будет какой-то новый, хороший мир, я его не увижу, но его узнают другие лезгины. Пусть же будут счастливы те люди, которые увидят этот светлый мир».

Произведения аварского поэта Махмуда из Кахаб-Росо носили антирелигиозный характер, в них воспевался действительный мир и человеческая любовь.

Большая роль принадлежала фольклору. В устном народном творчестве Дагестана есть разнообразные песни, нартские сказания, волшебные и бытовые сказки, пословицы и поговорки. Большое место в фольклоре занимают также колыбельные песни, причитания и т. д. Фольклор народов Дагестана этого периода представляет собой своеобразную летопись, в которой горцы воспроизводят свою историю, высказывают свои думы и чаяния. В фольклоре воспеваются справедливость, трудолюбие, жизнерадостность, любовь к народу. Лучшие черты характера народа выразительно показаны в эпических, исторических песнях и в лирике. Центральное место в устном народном творчестве занимает тема борьбы трудящихся горцев против феодалов и царского самодержавия. «Не опирайся на воду, не верь хану», — гласит дагестанская пословица.

Песни о Хочбаре, Парту Патиме, Айгази и о разгроме Надир-шаха, хотя и воспевали более ранний период антифеодальной борьбы и борьбы с иноземными захватчиками, в XIX в. пользовались у народов Дагестана большой популярностью.

Песни народов Дагестана многоязычны. Но чувство классовой солидарности и общность исторических судеб преодолевали языковые различия,

и социальные мотивы песен почти одинаковы. Феодалной верхушке общества, бездарным, тупым, но имеющим богатство и власть тиранам народ в своем творчестве противопоставлял людей из народа, героев, лишенных богатства, но благородных и отважных.

Одной из центральных тем фольклора XIX в. была тема женской доли. В многочисленных песнях, плачах, пословицах ярко отражалась горькая участь дагестанской женщины, ее экономическое и политическое бесправие и угнетенное положение.

Но создавались и антинародные песни о феодалных набегах на соседей и произведения, разжигающие ненависть к представителям иной веры.

К концу XIX в. в Дагестане, как было отмечено выше, происходит ломка патриархально-феодалной жизни, возникает капиталистический уклад, что приводит к формированию в городах Дагестана национального пролетариата с его передовой революционной идеологией. Среди угнетенного крестьянства все чаще раздаются голоса протеста против социальной несправедливости.

Первая русская революция громом прокатилась по Дагестану и вызвала революционные выступления не только городского пролетариата, но и крестьянской бедноты. В этот период складывается революционное творчество лезгина Сулеймана Стальского, которого М. Горький назвал Гомером XX в., и талантливого народного поэта аварца Гамзата Цадага.

Фактором развития культуры и просвещения было создание в Дагестане русских школ, в которых получали образование местные жители. Некоторые из окончивших эти школы продолжали образование в высших учебных заведениях в центральных городах России и приносили в Дагестан прогрессивные идеи. Первым русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г. В 1861 г. в Дербенте открылась трехклассная школа, в Темир-Хан-Шуре — четырехклассная школа с пансионом на 50 человек (25 местных и 25 русских). К началу 1862 г. были открыты школы в Ахтах на 44 человека, в Кумухе — на 15 человек¹⁷². В 1871 г. в светских школах Дагестана было 223 учащихся.

13 марта 1878 г. в Петербурге на заседании Кавказского комитета рассматривалась записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспеяния населения Кавказского края». Одним из многих вопросов этой записки был вопрос о состоянии просвещения на Кавказе. Министр просвещения в своем выступлении приводил данные, свидетельствующие о культурной отсталости Закавказья. Так, в Дагестанской области и Бакинской губернии на 1 млн. жителей приходилось лишь 13 народных школ. Из 56 тыс. учащихся в крае только 1342 были мусульмане, общее же число мусульман составляло более 2 млн. человек. Зато в 1700 мечетских школах Закавказья училось 19 тыс. человек. В указанной записке говорится, что школами были охвачены дети высших классов, «низший же класс сельского населения в христианских частях края и все мусульманское население Кавказа до сих пор, нужно сознаться, в весьма недостаточной степени были предметом правительственной заботы, в этом отношении и масса населения по-прежнему остается невежественной...»

Однако колониальная политика царизма вовсе не ставила себе задачу поднять культурный уровень кавказских народов. Это видно из того, что в 1898 г. на содержание школ в г. Дербенте отпускалось средств в три с лишним раза меньше, чем на содержание городской полиции (на содержание школ было выделено 1435 руб., а на содержание полиции — 4718 руб.). В 1901 г. на содержание школ в Темир-Хан-Шуре было отпущено 1609 руб., а на содержание полиции — 8641 руб.

¹⁷² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 38.

В конце XIX в. в Дагестане функционировало только 26 русских учебных заведений, в которых обучалось 1896 человек, в том числе 495 девочек. Эти заведения в основном были доступны лишь детям привилегированных сословий. В официальном отчете Дагестанского общества просвещения туземцев-мусульман говорится: «...в течение... почти полувекового периода число народных школ в Дагестанской области в конце 1904 г. достигло 19, из числа которых можно исключить Дешлагарскую, Озенскую и Чирюртовскую как находящиеся в поселениях с почти исключительно русским населением»¹⁷³. Во всех этих школах училось только 476 горцев, преимущественно дети богатей и чиновников. «В настоящее время,— говорится в отчете,— из шестисоттысячного населения Дагестана получивших высшее образование имеется только 17 человек (три медика, два юриста, два агронома, два горных инженера, два инженера путей сообщения, два инженера-техника, два инженера-технолога, один инженер-строитель и один окончивший курс факультета восточных языков) и несколько десятков строевых офицеров»¹⁷⁴.

Газета «Кавказ» писала в 1905 г., что одна школа в Дагестане приходится на 35 439 человек населения, в то время как в Черноморской губернии одна школа приходится на 1 тыс. человек, в Кубанской области и Ставропольской губернии — на 3700 человек. Во всех девяти округах Дагестанской области в 1905 г. было только 17 сельских школ, в которых обучалось 643 человека, в том числе только 63 девочки. На 1 тыс. человек сельского населения в Дагестане приходилось 0,03 школы и 1,07 учащихся¹⁷⁵.

Несмотря на то, что с населения собирали специальный сбор (школьный налог), народные школы на эти деньги не открывались. «30 лет население уплачивало этот сбор, который непроизводительно лежал без хозяина в депозитах Терского областного управления. Ни одной школы не было открыто до сих пор на эти капиталы, и только в Грозненской горной школе учреждены две стипендии для горцев»¹⁷⁶.

Между тем развивающаяся промышленность, сельское хозяйство и торговля нуждались в обученных кадрах. В связи с этим в 1904 г. в Дербенте была открыта школа садоводства, а в 1905 г. в Порт-Петровске — электротехническая школа. С 1911 по 1915 г. было открыто 38 школ. В сельских местностях к этому времени существовало 60 школ с 2212 учащимися. Но этими школами было охвачено менее 5% детей школьного возраста. В 1915 г. сеть светских школ в целом по Дагестану характеризовалась следующими данными (см. таблицу на стр. 78).

Национальный состав учащихся был таков (в%); русских — 43, горцев — 27, евреев — 12, грузин — 10,8, татар — 7,5, армян — 6,9, других национальностей — 1.

Примечательные духовные школы существовали почти во всех значительных селениях; в них в 1915 г. учились, по неточным данным, 6067 мальчиков и 525 девочек¹⁷⁷. Как было уже сказано, эти школы никаких положительных знаний не давали, они насаждали религиозный фанатизм и суеверия.

Оригинальная литература на родных языках почти не издавалась. Печатались только книги духовного содержания и переводная литература.

Дагестан издавна был известен как родина лучших апугов, хорового и танцевального искусства. Однако развитию искусства горцев всячески препятствовала колониальная политика царизма. Творческому развитию

¹⁷³ «Отчет о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман». Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 6.

¹⁷⁴ Там же, стр. 9.

¹⁷⁵ «Кавказ», 23 апреля 1905 г.

¹⁷⁶ Г. Б а е в. Работа наместника его величества на Кавказе среди горских племен Терской области. Владикавказ, 1907, стр. 10.

¹⁷⁷ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.», приложение 11.

Таблица 4

Учебные заведения	Число учебных заведений	Число учащихся	
		всего	из них девочек
Реальные училища	2	776	—
Мужские гимназии	1	294	—
Женские гимназии	3	841	841
Высшие начальные училища	3	434	48
Начальные училища	75	4241	1197
Церковно-приходские школы	7	424	174
Ремесленные школы	1	24	—
Школы садоводства	1	58	—
Всего	93	7092	2260
Из них:			
В городах	33	4880	1943
В сельских местностях	60	2212	317

народных талантов препятствовал резкий отпор со стороны невежественного, реакционного духовенства, а также консервативной феодальной верхушки.

Экономическая отсталость, наличие сильных пережитков патриархально-родовых отношений в быту, давление ислама на сознание масс, колониальная политика царского самодержавия были причинами низкого культурного уровня народов Дагестана.

Такова была безотрадная картина культуры, просвещения и искусства дореволюционного Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава II

ЭКОНОМИКА ДАГЕСТАНА

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И САДОВОДСТВО

Все народы Дагестана с незапамятных времен занимались сельским хозяйством и разнообразными видами ремесла. По археологическим данным, относящимся к середине II тысячелетия до н. э., жители приморской равнины Дагестана занимались земледелием и скотоводством¹.

Почвенно-климатические условия Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, а также предгорной зоны благоприятствовали широкому развитию полеводства и садоводства. По описаниям путешественников и других лиц, бывавших в Дагестане, основным занятием жителей плоскостного и предгорного Дагестана в XVIII—XIX вв. было земледелие. Они сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, хлопок, рис, занимались бахчеводством, виноградарством, мареноводством и шелководством.

Сельскохозяйственные работы начинались в марте. Для обработки земли применялся большой деревянный плуг с резалом и широким железным лемехом. В такой плуг обычно впрягали восемь валов или буйволов². Одному, двум и даже трем крестьянам не под силу было выставлять полное тягло, поэтому односельчане объединялись в товарищества. В записке Сословно-поземельной комиссии по Кайтагу говорится, что в терекемейском участке в плуг обыкновенно впрягают четыре пары буйволов, а так как среди поселян почти нет хозяев, которые имели бы буйволов на полный плуг, то в каждом плуге участвует несколько хозяев. Участок, предназначенный для одного плуга, распахивается и засеивается, хлеб жнет и молотится силами и средствами всех участников. При этом каждый участник выставляет рабочих и дает семена пропорционально рабочему скоту, использованному при распашке. Урожай (в зерне) также делится пропорционально рабочему скоту, использованному при распашке³.

При разделе общинной земли не имевшие рабочего скота получали особые участки от пяти до десяти саб земли⁴ либо несколько дворов (обыкновенно не более восьми) получали участок, равный участку, обрабатываемому одним плугом. Такие хозяева распахивали свои участки плугами, принадлежащими другим хозяевам, а за это помогали им обрабатывать и поливать их участки либо отдавали свои участки в аренду, за что получали $\frac{1}{3}$ часть урожая⁵. В северной Кумыкии, чтобы получить

¹ КСИМК, т. XIII, 1946, стр. 131.

² О. Евецкий. Указ. соч., стр. 32.

³ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1286 (132), л. 25.

⁴ Саб земли равняется $\frac{1}{12}$ десятины, три сабы составляют капан.

⁵ Участок, на котором была посеяна марена, оставался в пользовании хозяина до выкопки марены. Марена выкапывалась на четвертый год. При новом же разделе хозяин получал земли меньше на то количество, которое было занято под марену.

долю при разделе земли, надо было принимать участие в очистке и ремонте оросительного канала.

Боронование производили деревянной бороной или просто волокли связки хвороста. Прополку зерновых культур, исключая кукурузу, производили редко и недоброкачественно. Кукурузу пропалывали особыми мотыгами, у которых были длинные ручки, чтобы работнику не приходилось сильно нагибаться. Хлеб жали серпами (как мужчины, так и женщины), молотили на гумне молотильными досками, а затем молотили на водяных мельницах. В записке Д. Тихонова, Ф. Симоновича и А. Сереброва, датированной 1796 г., говорится, что жители Гамринского магала имели водяные мельницы, которые могли смолотить только две четверти зерна в сутки⁶.

На плоскости господствовали залежная, и двух- и трехпольная системы земледелия. В северной Кумыкии, частично во владениях шамхала тарковского и в большей степени в южной части плоскогорного Дагестана, применялось искусственное орошение. Обилие пашен, хорошие географические и климатические условия плоскости и предгорья давали населению этих районов возможность производить хлеб не только для себя, но и для продажи жителям некоторых горных районов, которым вследствие малоземелья и высокой плотности населения не хватало своего хлеба.

Плоскостной Дагестан имел хорошие и обширные пахотные поля. Здесь довольно широко было развито и садоводство, особенно виноградарство. Гербер писал о кумыках шамхальства Тарковского, что они «имеют изрядные виноградные сады, огороды, пашни и скотоводство, также собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»⁷. Жители Нижнего Кайтага «имеют виноградные сады, хорошие пашни... Каракайтахи питаются земледелием и скотоводством»⁸.

Тот же Гербер отмечал, что тавлинцы (т. е. аварцы. — Х.-М.Х.) имеют виноградные сады⁹. Броневский писал о северной Кумыкии: «Почва земли причитается к плодороднейшим на северной стороне Кавказа; и климат здесь теплее, нежели в прочих областях того же отделения, чему служат доказательством совершенное созревание винограда в садах, множество плодовых деревьев в лесах и с успехом разводимое в полях сорочинское пшено»¹⁰. Большое развитие в Дагестане получило мареноводство¹¹.

На плоскости преобладающими культурами были озимая пшеница и кукуруза; сеяли и другие злаки, в частности просо, ячмень, рис, разводили виноград, выращивали хлопок¹². Жители Кумыкской плоскости производили большое количество хлеба, который они продавали не только горцам, но и жителям Кизляра¹³.

В «Обозрении Российских владений за Кавказом» содержится подробная характеристика занятий жителей Дербента. Они занимались полеводством, садоводством, виноградарством и мареноводством, имели лошадей, ослов и крупный рогатый скот. Дербентцы сеяли пшеницу (1 тыс. четвертей) и ячмень (500 четвертей)¹⁴. Дербентская пшеница славилась величиной зерен, обильным урожаем; кроме пшеницы, сеяли рожь, ячмень, просо, табак, выращивали разные овощи, зелень, кукурузу, полбу и сорочинское пшено.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18479, л. 11.

⁷ П. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и об их состояниях в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1760, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 108.

⁹ Там же, стр. 133.

¹⁰ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 190.

¹¹ О. Евецкий. Указ. соч., стр. 57.

¹² П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. III. СПб., 1835, стр. 183.

¹³ См. «Акты», т. V, стр. 37.

¹⁴ «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. IV. СПб., 1836, стр. 170.

чинское пшено¹⁵. Своего хлеба им не хватало, так как пахотные площади сильно сократились: с 1807 г. по инициативе жителя Дербента Келбалая Гуссейна значительно выросли мареновые плантации, которые приносили их владельцам в пять-шесть раз больше дохода, чем посевы зерновых культур. Марена вытеснила посевы зерновых культур и даже садоводство и виноградарство. В 1830 г. корня марены было добыто около 34 тыс. пудов. К югу от Дербентской крепости земля была покрыта виноградными садами на протяжении четырех-пяти верст. В Дербенте насчитывалось 860 садов. Армяне из собственного и, видимо, приобретаемого у мусульман винограда выделяли до 30 тыс. ведер вина и до 4 тыс. ведер водки в год. Из фруктов в Дербенте выращивали персики, инжир, абрикосы; сеяли мак для добывания опиума¹⁶.

Включение плоскостного Дагестана в состав России в начале XIX в. положительно сказалось на хозяйственной деятельности населения этой части Дагестана. Сельскохозяйственные орудия стали совершенствоваться, намного улучшилась техника обработки земли и садов, расширилась сеть оросительных каналов. В связи с новыми потребностями рынка увеличилось производство зерна для продажи. Наметилась некоторая сельскохозяйственная специализация районов Дагестана по производству зерна, марены, фруктов и мяса.

Жители горного Дагестана занимались полеводством и садоводством так же искусно, как и жители равнинной части его. Как указывалось выше, концепция о заселении гор Дагестана только в эпоху бронзы и только людьми, знавшими одно лишь кочевое скотоводство, опровергается историческими данными. В горах Дагестана обнаружены предметы земледельческой культуры, относящиеся к позднему неолиту.

В далеком прошлом горы Дагестана были покрыты лесами. До наших дней сохраняются названия местностей, говорящие о том, что тут были леса. Из-за вырубki и эрозии почвы эти леса постепенно исчезли.

Мотыжное земледелие появилось в горах в глубокой древности, еще тогда, когда плоскость Дагестана занимали кочевые племена. Хотя отсутствие хорошей земли и необходимость затрачивать сверхчеловеческий труд для приспособления горных склонов под пахотные участки были серьезным препятствием в развитии земледелия, все же полеводство, а в отдельных районах и садоводство, занимало первое место в хозяйственной деятельности большинства горцев и в XIX в.

Мы не согласны с традиционным мнением, что основным занятием горцев Дагестана было скотоводство. Мы исходим из того факта, что во второй половине XIX в. более 70—80% крестьянских хозяйств в исследованных нами горных округах были безвечными. Таким образом, большинство горцев не было связано с основным видом животноводства — овцеводством. Крупный рогатый скот в горах не занимал большого места в общем балансе животноводческого хозяйства, так как требовал стойлового содержания в течение четырех-пяти месяцев, для чего горцы имели слишком ограниченные возможности: отсутствие крупного зернового хозяйства и обширных сенокосов. Среднее по мощности хозяйство имело две-три горских коровы (они были мелкие и малоудойны), две-три головы молодняка, одного вола, одного или двух ослов. Это поголовье, разумеется, не могло быть основным источником существования семьи из четырех-пяти человек.

За исключением небольшого числа хозяйств горцев, не имевших земли, все остальные, т. е. 80—90%, занимались полеводством и садоводством, и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского

¹⁵ См. Н. Данилевский. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846, стр. 84.

¹⁶ «Обозрение Российских владений...», ч. IV, стр. 170. См. также И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 201.

населения основным источником существования. Следует, однако, отметить, что земледелие не обеспечивало горца хлебом на весь год. Недостающее количество хлеба он приобретал в плоскостных районах Дагестана и за его пределами за счет реализации скромных продуктов своего животноводства и изделий ремесла, а также личного заработка на отхожих промыслах.

Горцам приходилось много трудиться, чтобы использовать крутые склоны гор под посевы, создавать пахотные участки в виде террас. Лишь в результате гигантского труда многих поколений в горах Дагестана появилось террасовое земледелие. Земельных массивов, которые легко можно было бы приспособить под пашни, в горах мало.

Трудно представить себе, как любовно и аккуратно занимаются горцы земледелием. У аварского народа сложились различные сказания о земледельческом труде горцев. Одно из сказаний повествует о том, как один трудолюбивый горец, желая выиграть время и скорее закончить работу, с вечера отправился с двумя быками и сохой в поле, куда и прибыл ночью. Раскинув бурку на землю, он улегся и заснул крепким сном. Наутро он легко нашел свою соху и быков, но при самом тщательном осмотре местности не мог отыскать принадлежащей ему земли. Раздосадованный тщетными поисками горец решил ехать обратно в аул, и когда с бранью поднял с земли бурку, то тогда только заметил, что именно она и прикрывала его пахотный участок.

Пахотные земли ценились на вес золота, но для пастбищ они не представляли никакой ценности.

В 50-х годах XIX в. А. Берже писал, что «нередко случается видеть, как горец при помощи крючьев и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу, имея длинное ружье на перевязи и кийжал, поднимается на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли»¹⁷.

Некоторые письменные источники и предания о состоянии земледелия в горах слишком мрачными красками рисуют трудности, с ним связанные. Так, Данилевский писал, что в Аварском ханстве жители часто вынуждены были приносить землю на голые скалы и, «цепляясь по оным, как серны», сеять по нескольку пригоршен проса¹⁸. В Аварии же нет пахотного участка, который нельзя было бы обработать при помощи горской сохи, «цепляться по скалам» не приходится. Хунзахское плато теперь свободно обрабатывается трактором.

Горцы сеяли не только просо, но и пшеницу, ячмень, кукурузу и другие культуры, в том числе технические (лен, коноплю). Мочульский сообщал, что в Аварии сеют голый ячмень, просо, овес, лен, коноплю, бобы и чечевицу, что там пахотные поля удобряются и до засева вспахиваются три раза. Земля ценится дорого в том случае, если она находится около воды и удобна для хлебопашества¹⁹. Он же сообщает, что горец обыкновенно ограничивается обработкой самого малого пространства земли, редко превосходящего то количество земли, которое в России крестьянин успевае т вспахать за один день²⁰. Дубровин писал, что койсубулинцы сеяли пшеницу, ячмень и овес, а салатавцы — пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, бобы и фасоль²¹.

В «Кавказском календаре» за 1886 г. говорилось, что в Дагестане пахотных «земель вообще мало, в особенности в нагорной полосе области,

¹⁷ А. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. «Кавказский календарь на 1859 г.», стр. 251.

¹⁸ Н. Данилевский. Указ. соч., стр. 67.

¹⁹ Мочульский И. Война на Кавказе и в Дагестане. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II, л. 70.

²⁰ Там же, ч. I, л. 103.

²¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871, стр. 499, 504

где каждый сколько-нибудь удобный кусок тщательно обрабатывается и где ценность земли, годной для садов и распашки, доходит до 1200 руб. за десятину. Население очень любит богатство в виде земли и недвижимого имущества вообще»²².

Чем объяснить, что горцы с древнейших времен остаются в горах и занимаются земледелием? Почему десятина земли в горах ценилась в 10—15 раз дороже, чем на плоскости? Дело в том, что в горах хороший климат, и от полеводства и садоводства горцы получали неплохой доход, а поэтому испокон веков занимаются этими отраслями хозяйства. Некоторые горские общества производили зерно не только для собственного потребления, но и на продажу. Так, например, садоводческий аул Голотль всегда продавал кукурузу и приобретал в обмен на нее скот. Жители селений Харахи, Гергебилъ, Урада и многих других селений горного Дагестана вывозили зерно на рынок. Конечно, в целом для всего горского населения своего хлеба не хватало, приходилось покупать его на плоскости, в Грузии, Азербайджане и в Терской области.

Н. Воронов, описывая занятия жителей ряда «вольных» обществ, отмечал, что даже дидойцы, живущие в высокогорной части Дагестана, «сеют... ячмень, пшеницу, весьма редко — бобы; при урожае зерно дает сам — 15—20»²³. Такой урожай не получали и на лучших землях плоскостного Дагестана. Броневский писал, что горцы сеют хлеб и на высоких горах, где часто встречаются обработанные поля «на весьма утесистых раскатах, которые обыкновенно доставляют богатые жатвы»²⁴. Жители сел. Урада, по данным Воронова, собирали урожай зерновых в количестве 12 тыс. саб; на один дым приходилось более 40 саб, а на одну душу в год 12 саб, т. е. в среднем по одному фунту зерна на душу в день. Гидатль издавна славился в Аварии изобилием хлеба и мяса, поэтому его называли благодатным краем²⁵. По сведениям, которые приводит Воронов в 1867 г., жители Куядинского наибства Гунибского округа в среднем на одну душу населения получили 8,5 саб продовольственного зерна²⁶. Яшников отмечает, что в Антльратле в высокогорных обществах сельскохозяйственные работы начинаются в мае и завершаются в конце августа; своего хлеба не хватает, и его покупают в Кахетии и в Белоканской области; садов и огородов не пмеют²⁷.

Горцы обрабатывали пахотные земли с большой тщательностью. Хотя техника земледелия была примитивна (пахали деревянной сохой с железным демехом и двумя отвалами, в которую впрягали одну пару волов), горцы искусно обрабатывали свои пахотные участки. Осенью, сейчас же после снятия урожая, поднимали зябь; ранней весной, перед яровым севом, в пахотный участок вносили большое количество удобрения (навоз, золу и пр.). Участок очищался от крупных камней.

У аварцев есть предание: один горец отдал быка, чтобы ему очистили пахотный участок от камней, но ввиду того, что участок после этого перестал давать урожай, он вынужден был отдать еще одного быка, чтобы снова забросать участок камнями. Дело было в том, что мелкий камень — мульч, закрывая поры, способствовал сохранению влаги в почве и нужно было удалять только крупные камни.

²² «Кавказский календарь за 1886 г.», стр. 203.

²³ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 13.

²⁴ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 278.

²⁵ Существует следующее предание. Один из жителей сел. Телетль пошел в Гидатль. День был дождливый, и пока он дошел до Гидатля, его овчинная шуба так намочка, что удлинилась на пол-локтя. Телетлинец решил, что Гидатль благодатный край, содействует удлинению шубы, и укоротил ее на пол-локтя. Вскоре в жаркий солнечный день он отправился обратно, и шуба его оказалась на пол-локтя короче, чем в Гидатле. Раздосадованный телетлинец сказал: «Насколько Гидатль благодатный, настолько наш Телетль неблагоприятный».

²⁶ Н. Воронов. Указ. соч., стр. 17.

²⁷ ЦГВИА, ф. ВВА, колл. 414, д. 300, л. 201.

Террасы, поврежденные ливнями, тщательно восстанавливались. Боронование не производилось — комки земли разбивались тяжелой мотыгой.

Женщины-горянки не давали пахотному участку зарастать сорняками и по нескольку раз в сезон делали прополку, причем руками вырывали сорную траву с корнями. Травы эта сушилась и служила кормом для крупного рогатого скота. В результате горцы в благоприятный год получали больший урожай, чем на плоскости. Жатву производили женщины особыми серпами. Хлеб резали у самого корня. Снопки вязали и укладывали в скирды мужчины. Дети собирали колосья так тщательно, что после них трудно было найти хотя бы один колосок. Хлеб возили в аул на ослах, либо женщины сами относили хлеб и укладывали его в специальный сарай, который находился около гумна, либо же устраивали из снопов под открытым небом большие скирды настолько искусно, что дождь не проникал вовнутрь и не вредил колосьям.

В отчете начальника Гунибского округа за 1890 г. говорится, что труд по обработке поля, за исключением пахоты, всецело лежит на женщине, которая «ледеет поле, как мать своего ребенка; она заботится о поливе, об уничтожении сорной травы, сама убирает хлеб, она же несет урожай на себе и везет на осле на гумно. И тут только, в молотье, принимает участие глава семейства»²⁸.

Молотье хлеба производили на вычищенном и утрамбованном гумне. Снопки хлеба развязывали и расстилали по гумну, образуя круг. В молотильные доски, подбитые снизу острыми кремневыми отщепами, впрягали пару волов; для тяжести на доски клали камень или на них становился тот, кто погонял быков по разостланному на току хлебу. Из колосьев выпадало зерно, а солома превращалась в мякину, которая служила, вперемежку с сеном, кормом для крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Зерно с мякиной собирали в кучу и мужчины веяли его, подбрасывая специальной деревянной лопатой; мякина отделялась и относилась ветром, а зерно падало тут же. Зерно очищали и в мешках относили домой, а мякину тщательно собирали и отвозили в сарай. День окончания молотья и день первой борозды отмечали как праздник.

На низинах, где потеплее, обычно сеяли кукурузу, которая подвергалась двукратной прополке с небольшим окучиванием вокруг каждого стебля. При этом выдирали лишние стебли, чтобы растение лучше развивалось. На поливных участках кукуруза орошалась несколько раз. Благодаря тщательной обработке отдельные стебли на хорошей земле имели по пять-шесть початков кукурузы. Когда кукуруза поспевала, стебли у корня подрезали и собирали в кучи, затем отделяли початки от стебля и коробки. Очищенные початки собирали в мешки и отвозили на ослах в аул, а стебли отвозили на места зимней стоянки скота. Кукурузные стебли разрубали на мелкие куски, размером 5—6 см, и, смешивая с сеном, давали животным. Початки кукурузы после лущения зерна использовались как топливо. Зерно высушивали на солнце, а затем в специальных печах. После этого его мололи на водяных мельницах, существующих в горах с незапамятных времен.

На том же участке, где сеют кукурузу, обычно сажают картофель и фасоль, а по краям террас — тыкву. Тыква вьется по стене террасы, несколько не мешая кукурузе. По краям террас сажают также фруктовые деревья с таким расчетом, чтобы тень их не падала на кукурузный участок.

В ежегодных обзорах Дагестанской области отмечалось интенсивное использование горцами имеющихся у них пахотных земель. «Населенные пункты..., в которых развито садоводство,— говорится в обзоре за 1901 г.,— большей частью расположены на крутых скатах ущелий, значительно выше уровня Койсу, возле ручьев боковых ущелий. Виноградники и фрукто-

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 3.

вые сады, разведенные на искусственно воздвигнутых террасах, обыкновенно спускаются от селений к Койсу и боковым ущельям, но если климатические, топографические и почвенные условия местности не препятствуют разведению садов, то, разумеется, террасы встречаются и выше с боков селений... Середина террас из года в год отводится под посевы кукурузы, главного и почти единственного хлеба населения этого района... Между кукурузой сеют тыквы, бобы и прочие культуры... Таким образом, узенькие полосы террас, созданные неимоверным трудом, заменяют собой в одно и то же время и виноградники, и плодовый сад, и пашню, и огород»²⁹.

Как видим, горцы выращивали на одном участке кукурузу, картофель, фасоль, тыкву и фрукты. В лощинах горцы сеяли кукурузу, пшеницу, коноплю, а повыше — просо, ячмень, овес, черные бобы, лен и т. д. Широко были распространены лук, чеснок, огурцы, морковь. Капуста, помидоры и картофель проникли в Дагестан из России во второй половине XIX в.

Кукуруза в Дагестан проникла, видимо, не ранее XVIII в. Для нее нет местного названия — ее называли сперва пшеницей, а потом стали добавлять название места, откуда она проникла. Так, аварцы называют кукурузу «цоросоротл», что значит пшеница из Цора, т. е. из Джаро-Белокал. Кумыки называют кукурузу «хажбудай» (будай — пшеница, а хаж — от слова *хаджи* — посетивший Мекку), т. е. пшеница, привезенная хаджи.

Как в горах, так и на плоскости земледелие часто сочеталось с садоводством, особенно у жителей речных долин, где климатические условия наиболее благоприятствовали садоводству. Садоводство имело огромное значение для жителей многих крупных населенных пунктов горного Дагестана, расположенных по долинам рек. Но в Дагестане не было селений, специализировавшихся на садоводстве, хотя было немало селений, где оно являлось основным источником дохода.

Готлиб Шобер в 1717 г. писал, что «предгорные лесосады наполнены изрядными плодовыми деревьями: яблонями, грушами, абрикосами, персиками шелковыми деревьями и лесным виноградом. В садах растет виноград, ягоды которого имеют до двух дюймов длины, прозрачны и почти без косточек. Вино из этого винограда едва уступает венгерскому, а когда старо — походит на португальское»³⁰.

Генерал Граббе писал в 1839 г., что сады аула Чирката во время осады Ахульго простирались по Койсу и по ущелью на расстоянии десяти верст. «Лезгины, — писал далее Граббе, — имеют весьма мало пашен и лугов, а поэтому почти не занимаются хлебопашеством и скотоводством. Главное занятие их в самом быту состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно; по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засеивается кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения, так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды и поэтому составляет главное его богатство... Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады». Относительно же садоводства аула Чиркей Граббе в том же году писал: «Я не видел пользы в разрушении богатейшего, населеннейшего и самого промышленного аула всего Дагестана, где находится до 7 тыс. жителей, которые разрабатывают виноградные сады, занимающие до 10 кв. верст»³¹.

²⁹ «Обзор Дагестанской области за 1901 г.», стр. 67.

³⁰ Г. Ш о б е р. Описание теплиц Святого Петра, при реки Терки находящихся. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, сентябрь, стр. 390.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II, лл. 65, 81.

Обилием садов известны дагестанские селения Куппа и Хаджал-Махи (по данным «Кавказского календаря», реализация фруктов дала им в 1891 г. 6 тыс. руб.)³². Ахты, Касумкент, Гимры, Могох, Чирката, Ашильта, Игали, Унцукуль Аракань, Гоцатль, Голотль, Ботлих, Муни, Агвали, часть селений Салатавии, Кайтага, Табасарани и другие славились качеством и разнообразием своих фруктов. В 1891 г. только в одном Аварском округе было собрано 47 312 пудов фруктов, из коих продано 15 829 пудов на 9238 руб.³³

Дубровин также писал, что койсубулинцы и салатавцы занимаются садоводством в местностях, прилегающих к Сулаку, что они разводят виноград, грецкий орех, курагу, вишню, а жители селений Зуботли и Миатли занимаются виноделием и ежегодно вырабатывают более 200 бочек вина³⁴.

Можно предполагать, что в предгорных зонах Дагестана садоводство в древности было еще больше развито, чем в рассматриваемый нами период. Это доказывается существованием лесосадов по полосе, которая тянется вплоть до берегов Черного моря. Так, Дубровин писал: «Сосна и виноград, береза и грецкий орех, рябина и тутовое дерево, огромные дубы, чинары, липа, осина и персики — все это составляет принадлежность лесной породы Салатавии»³⁵. Изумительные лесосады Кайтаго-Табасаранского округа являются подтверждением вышесказанного.

В садах Дагестана произрастают айва, яблоня, груша, персик, абрикос, слива, хурма, миндаль, тут, грецкий орех, вишня, черешня и пр. На плоскости разводили главным образом виноград. Кусты его опирались на таркалы, на зиму их закапывали в землю. В горах виноград вьется по ветвям других деревьев, подобно хмелю, и никогда не закапывается.

В 1915 г. сообщалось, что все селения нагорного Дагестана, расположенные по берегам Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского Койсу, занимаются главным образом садоводством и оно служит главной доходной статьей населения³⁶. Горные ущелья представляли собой естественные парники, превращенные трудолюбивым горцем в цветущие сады. Там поспевали персики, абрикосы, тутовник, хурма и другие сорта фруктов, требующих значительного тепла.

Продукты садоводства и виноградарства для большинства селений плоскостного и горного Дагестана служили не только для личного потребления, но и для продажи. Товарную продукцию давали садоводческие и виноградарские селения, которых в Дагестане было немало. Один Кайтаго-Табасаранский округ в 1900 г. имел 2826 садов и 473 виноградника: урожаем фруктов составил 350 тыс. пудов; было выкурено 17 456 ведер вина³⁷.

Разумеется, земледелие и садоводство не могли обходиться без искусственного орошения, так как в Дагестане не везде выпадает достаточное количество осадков и часто дуют восточные суховеи.

Плоскость Дагестана, изрезанную множеством рек, можно было бы оросить почти всю, однако большая часть площадей не орошалась. Иригация была развита в Южном Дагестане и на территории северной Кумыкии, где феодалы извлекали из иригации большую выгоду, взимая подать за разрешение пользоваться водой.

В Кумыкии в дельте Терека еще в первой половине XIX в. существовала система иригации для поливки посевов и садов. Правда, оросительные каналы имели небольшую протяженность: Сулак — Татаур — 59 верст

³² «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 149.

³³ Там же, стр. 150.

³⁴ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 499.

³⁵ Там же.

³⁶ «Дагестанские областные ведомости», 29 марта 1915 г.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 102, л. 155.

и Юзбаш — 35 верст³⁸. Многие оросительные каналы северной Кумыкии были прорыты после присоединения этой территории к России. От Терка был проведен канал длиной в 160 км (канал этот назывался «Войсковым»). Канал «Теречный юзбаш» был проведен от сел. Ново-Терки до Аграханского залива (43 км), Шабуро-Вартазаровский канал тянулся от Сулака до Акташа на 120 км, Юзбашский — на 35 км, Султан-Янги-Юртовский — на 16 км, Ханский канал в Дербенте, проведенный еще в XVII в., — на 27 км, Мутергинский (от Самура) — на 21 км. В бывшем Хасавюртовском округе Терской области до революции орошалось более 50 тыс. десятин земли. В Дагестанской области в старых границах, т. е. не считая Хасавюртовского округа, существовало более 200 оросительных каналов длиной более 900 км, которые орошали до 80 тыс. десятин земли³⁹.

Горцы строили водопроводы по таким скалам и оврагам, что и в наше время удивляешься их мастерству. По высоким, крутым и отвесным скалам они перекидывали деревянные желоба, по которым текла отведенная с верховьев рек вода. Она орошала пашни и сады, расположенные по бокам глубоких речных каньонов. «В Дагестане вода проведена, — писал П. Надеждин, — не в долины только — случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую, даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землю в трубах»⁴⁰.

Горцы добывали воду для орошения не только путем отвода ее из рек и каптажа источников, но и путем создания у подножий гор, состоящих из мягких пород, колодцев. В сел. Могох, в местности Тлияни, есть и поныне такой действующий колодец. В тоннель колодца можно войти не сгибаясь, на расстоянии 5—6 м от колодца находится резервуар воды, которая по маленькому открытому каналу вытекает наружу. «Лезгины имеют, — писал Добрынин, — старинные навыки по поливному земледелию, они искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения»⁴¹. На территории ряда горных аулов обнаружены подземные водопроводы с использованием гончарных труб.

Для полноты картины деятельности жителей Дагестана в области полеводства и садоводства приведем некоторые данные о количестве пахотных земель и садов по бывшим округам Дагестанской области. Оговоримся, что точного учета их не существовало. Площадь пахотной земли определялась количеством засеваемого зерна, однако мерки не были одинаковыми для всех округов. Площадь садов определялась числом корзин собираемых плодов. Таким образом, приводимые ниже данные приблизительны, а для Аварского и Самурского округов — преувеличенные.

В 90-х годах XIX в. в Темир-хан-шуринском округе было 68 354 десятины пахотной земли и 908 десятин садов. В среднем на один дым приходилось 3,7 десятины земли. В Даргинском округе было 10 196 десятин пахотной земли и только 40 десятин — под садами. В среднем на один дым приходилось 2,4 десятины всех земель, в том числе и пастбищ. В Аварском округе всех земель насчитывалось 186 294 десятины, сады давали 39 700 пудов фруктов. Пахотных земель на один дым приходилось в среднем до одной десятины. Площадь поливных участков в округе составляла 3200 десятин, орошаемых 86 каналами длиной до 50 верст.

В Андийском округе пахотной земли было только 7100 десятин, в среднем 0,5 десятины на дым. В Гунибском округе на один дым

³⁸ П. П. Надеждин. Кавказский край... Тула, 1895, стр. 63

³⁹ «Кавказский календарь на 1893 г.», статья «Дагестанская область», стр. 145—

146.

⁴⁰ П. П. Надеждин. Указ. соч., стр. 63

⁴¹ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, стр. 88.

приходилось в среднем 4,3 десятины всех земель; 32 оросительных канала длиной 180 верст здесь орошали 8750 десятин; под садами было только 73 десятины. В Казикумухском округе на один дым приходилось в среднем 4,8 десятины всех земель, из которых пахотных — 0,6 десятины, покосных — 0,4 десятины; садов не было.

В Кайтаго-Табасаранском округе на один дым приходилось в среднем 7,6 десятины всех земель, под садами было 2475 десятин. Оросительные каналы тянулись на 139 верст; они орошали 13 580 десятин. В Кюринском округе на один дым приходилось в среднем 4,8 десятины всех земель, под садами было 390 десятин, оросительные каналы длиной 150 верст орошали 13 375 десятин земли. В Самурском округе на один дым приходилось в среднем 20,8 десятины всех земель, площадь орошаемой земли составляла 4100 десятин, а длина оросительных каналов — 70 верст.

По всему Дагестану на один дом приходилось в среднем одна десятина пахотной земли, а по горным округам — много меньше.

В 1891 г. хлеба на душу в среднем приходилось:

В Кюринском округе	1,64	четвертей
В Гунибском округе	0,70	»
В Темир-хан-шуринском округе	0,57	»
В Кайтаго-Табасаранском округе	0,46	»
В Казикумухском округе	0,40	»
В Андийском округе	0,33	»
В Аварском округе	0,24	»
В Даргинском округе	0,14	»
В Самурском округе	0,11	»

По всему Дагестану на душу приходилось в среднем 0,54 четверти, т. е. около четырех пудов всех видов хлеба⁴².

Характерно, что на душу населения плоскостного Темир-хан-шуринского округа приходилось 0,54 четверти хлеба, в то время как в горном Гунибском округе — 0,70.

В Аварском округе в 1901 г. урожайность зерновых культур была сам-6, а в Темир-хан-шуринском округе — только сам-3⁴³, в 1907 г. урожайность в Аварском округе была сам-5, а в Темир-хан-шуринском — сам-4⁴⁴.

Горные округа: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский и Самурский — в 1845 г. дали 3 732 288 пудов зерна, что составляет в среднем на одну душу населения 9,8 пуда, не считая овощных и бобовых культур⁴⁵.

Нужно, однако, учесть, что большое число крестьян было малоземельным, поэтому одно земледелие никак не могло обеспечить существование трудящихся Дагестана. Нужно также помнить, что средние данные характеризуют только общую картину, не вскрывая глубокого социального неравенства.

2. ЖИВОТНОВОДСТВО

Другим важным и древним занятием жителей Дагестана было животноводство, особенно овцеводство.

Жители плоскостной и предгорной зоны Дагестана занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота (быков и коров, буйволов и буйволиц); у жителей горной зоны было развито овцеводство, разведение крупного рогатого скота занимало второе место. Отдельные горные

⁴² «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 153.

⁴³ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.», стр. 12.

⁴⁴ «Обзор Дагестанской области за 1901 г.», стр. 62.

⁴⁵ «Обзор Дагестанской области за 1907 г.», стр. 12.

общества имели большое количество крупного рогатого скота. Во всех зонах содержали лошадей для верховой езды, а в горах разводили мулов и ослов как вьючных животных. Из домашней птицы в горах разводили кур, а на плоскости — кур, уток, гусей и индеек.

Крупный рогатый скот плоскогорного Дагестана отличался от горного большей величиной и продуктивностью. Преимущество горного скота заключалось в выносливости и неприхотливости к кормам, что важно в горных условиях, где скоту приходится карабкаться по крутым склонам гор и нет возможности обеспечить его достаточным количеством кормов в зимний период, продолжающийся в горах в течение четырех-пяти месяцев. Продуктивность горного скота была низка: горная корова давала только 300—400 л молока за лактационный период.

Имея прекрасные пастбища и хорошие поливные сенокосы, жители плоскости и предгорья могли содержать немалое количество крупного рогатого скота. Зимой их скот находился в хуторах или в селениях и был обеспечен сеном, соломой и кукурузными стеблями, нередко и зерном. С весны до глубокой осени скот содержался на подножном корму на близлежащих пастбищах.

Горные общества Дагестана имели хорошие летние пастбища, но не имели, за редким исключением, зимних пастбищ. Жители гор еще могли кое-как заготовить небольшие запасы кормов для крупного рогатого скота, который в зимний период находился на стойловом содержании, но обеспечить кормами на зиму большое количество овец они не могли. В силу этого в горах выработалась отгонная система животноводства.

Отгонная система заключалась в следующем. В конце сентября овцы и козы, а иногда и крупный рогатый скот перегонялись на зимние пастбища, расположенные на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана, а также на равнины Азербайджана и Грузии. Овцы жителей Южного Дагестана спускались с гор на зимние пастбища Азербайджана. Овцы дидойцев и антльратльцев спускались на Приалазанские равнины. Овцы андийцев, гумбетовцев и салатавцев зимовали на кутанах Терско-Сулакской низменности; овцы лакцев, даргинцев и ряда обществ аварцев перегонялись на зимние пастбища Приморской низменности Дагестана. В перегоне овец весной в горы на альпийские пастбища, а осенью — на зимние пастбища и заключается отгонная система овцеводства. Эта система была сопряжена с трудностями. Надо было арендовать зимние пастбища, причем главным образом у феодалов, которые старались получить с овцеводов возможно более высокую арендную плату. На случай суровой зимы надо было заготовить корма и иметь кошары для овец, что обходилось дорого. В период скота, стрижки и дойки на зимовке требовалось большое число людей. Поскольку каждый, кто имел 50—60 овец, не мог самостоятельно нести все расходы, связанные с арендой зимних пастбищ и проведением зимовки, несколько хозяйств (обычно 10—15) составляли так называемый «кош» и все расходы распределяли между собой, пропорционально количеству овец. Подобный порядок, видимо, существовал длительное время. Об этом свидетельствуют нормы адата, по которым один из членов коша выбирался удаманом (главным) и ему подчинялись все чабаны.

Во второй половине XIX в. выделяются наиболее крупные овцеводы, которые сосредоточивают в своих руках основное поголовье овец и коз. Они приобретают летние и зимние пастбища и ставят мелкие овцеводческие хозяйства в зависимое от себя положение. Часто это приводило к тому, что крестьянин, имевший небольшое количество овец, становился чабаном крупного овцевода либо окончательно разорялся.

О заботах и выгодах, связанных с овцеводством, говорят аварские поговорки: «Кто хочет работы, пусть построит мельницу, кто хочет заботы, пусть забедет стадо овец»; «Когда стада соединяются, собаки дерутся, а

когда стада выделяются, пастухи дерутся»; «У кого нет овечьего стада, у того мяса мало, у кого нет осла, у того дров мало»; «Не покупай горы, не имеющей равнины, не покупай кутана, не имеющего горы»; «То, что обвалом уничтожено стадо,— это воля божья, но долю вины следует зачесть также пастуху».

Уход за крупным рогатым скотом в горах резко отличался от содержания овец и коз. Крупный рогатый скот, за редким исключением, зимой оставался в горах и находился на стойловом содержании. Хотя уход за скотом считался женской работой, мужчины принимали в ней участие, особенно тогда, когда скот находился на хуторе, а не в ауле. На хуторах скот оставался на ночь без всякой охраны. Один из членов семьи ежедневно ходил на хутор, чтобы кормить и поить скот, а вечером возвращался в аул.

Накануне весны каждое сельское общество подбирало общественных пастухов отдельно для каждого стада. Наем пастуха оформлялся на джамаате, что не было принято при найме чабана. Наем чабанов считался частным делом тех, кто имел овец,— они сами могли нанять чабана общества или индивидуально. Это объясняется тем, что овцеводство интересовало меньшинство членов джамаата, только ту его часть, которая имела овец.

Из волов и бычков составляли особое стадо, которое в мае переводилось на летние пастбища и оставлялось там до осени. Второе стадо составлялось из молочного скота. Утром пастух гнал коров на ближнее пастбище, а вечером пригонял обратно. Вечером коровам давали немного зеленой травы, которую приносила домой каждая женщина, возвращаясь с полевых работ. Коровы доились только два раза в день, вечером и утром.

У многих селений пастбища были расположены далеко от селения, и ежедневный перегон молочного скота на пастбище и обратно в аул весьма отрицательно отражался на продуктивности скота. Жители отдельных обществ весной перегоняли молочный скот на горные пастбища и держали его там до осени. В этом случае пастуха не нанимали, а семьи, каждая в отдельности или объединившись в группы, находились на летних пастбищах и занимались переработкой молока на масло, сыр и творог. Доить коров мужчине считалось позором, поэтому на пастбищах за молочным скотом ухаживали женщины и дети.

Третье стадо составлялось из яловых коров и ителей. Стадо это оставалось на пастбищах и только вечером загонялось в загороженные места — рор.

Телята и ослы составляли четвертое стадо. Для них отдельного пастуха, за редким исключением, не нанимали, а каждый дом по очереди выделял человека, который отгонял их на пастбища и вечером пригонял в аул.

Из коровьего молока горцы, за исключением келебцев и богосцев, сбивали масло. Молоко в широких гончарных сосудах отстаивалось до тех пор, пока не образовывалась сметана. Затем сметана снималась в специальные маслобойные гончарные кувшины. Через день или два масло перетапливалось. Из снятого молока делали творог, который засаливали. На сыворотке варили мамалыгу, сыворотку пили также с хинкали (вид пельменей). Из овечьего молока обычно делали брынзу. Доемлем, стрижкой овец и переработкой овечьего молока в брынзу занимались исключительно мужчины.

Об отгонном овцеводстве в Дагестане писали многие русские этнографы, историки и военные специалисты. Так, Гербер отмечал, что акушинцы и тавлинцы (аварцы) пригоняют около 100 тыс. овец на пастбища Нижнего Кайтага, «за что платят поплину»⁴⁶. Он указывал, что лезгины

⁴⁶ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 108.

Самурской долины имеют скот, который они меняют в Кубе на хлеб⁴⁷. Судя по договору 1812 г., жители Самурской долины перегоняли на территорию бывшего Кубинского ханства 55 тыс. овец⁴⁸. Евецкий писал, что каракайтаги, акушинцы и джунгутаевцы приходят со своими стадами во владения шамхала тарковского, рутульцы перегоняют скот в Кубинскую провинцию, а сургинцы — в Дербентскую⁴⁹. По описанию Яишникова, в 1831 г. богатые двory Антльратля имели восемь—десять коров и три-четыре лошади. Однако главное место у них занимали овцы, которые на зиму перегонялись в Кахетию⁵⁰. По данным Воронова, общества Тлейсерух и Мукратль, насчитывавшие 4 тыс. человек, имели 112 тыс. овец, что составляет в среднем на душу 28 голов⁵¹. Понятно, что такое количество овец зимой невозможно было содержать в горах.

Какое огромное значение для овцеводов имел перегон скота на зимние пастбища, видно из того, что в начале XIX в. предлагалось в качестве меры борьбы с непокорными обществами запретить им перегонять скот на плоскость⁵² или же захватить их овец, находившихся на зимних пастбищах⁵³.

По свидетельству Мочульского, богатые двory рутлубцев, келебцев, ратлу-ахвахцев в 1844 г. имели более 300 овец⁵⁴. В 1868 г. Н. Воронов указывал, что богатые телетлинцы имеют по 10 голов крупного рогатого скота и 300 овец⁵⁵.

П. Ф. Сви́дерский, работавший в 70-х годах окружным врачом в Маджалисе, писал, что южные кумыки разводят буйволов, которые высоко ценятся (один буйвол стоит 100 руб.)⁵⁶.

По данным «Кавказского календаря» на 1898 г., в Дагестане было 2 046 457 голов скота на 125 046 дымов. На один дым приходилось:

Лошадей	0,37
Ослов и мулов	0,26
Крупного рогатого скота	2,56
Овец и коз	13,23

Если учесть, что в то время одна лошадь стоила в среднем 30 руб., осел — 10 руб., корова или бык — 20 руб. и баран — 3 руб., то стоимость всего поголовья скота Дагестанской области составляла 13 млн. руб.

Поголовье скота в Дагестанской области с 1891 по 1915 г. оставалось почти стабильным. Об этом говорят следующие данные о количестве скота за ряд лет (см. таблицу на стр. 92)⁵⁷.

Из отчета податного инспектора Кюринского участка, в состав которого входили Кюринский и Самурский округа, видно, что в 1907 г. в этих двух округах было 400 тыс. овец, от которых получено 60 тыс. пудов шерсти. В частности, в отдельных селениях Самурского округа овец и коз было (в тыс.): Фий — 155, Куруш — 90, Ихрек — 30, Рутул — 22,5, Сумугуль и Шиназ — 20.

«В перечисленных здесь селениях,— писал податной инспектор,— овцеводство получило подворное развитие в одном только сел. Куруш,

⁴⁷ Там же, стр. 110.

⁴⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 1, д. 471, лл. 3—4.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414/301, л. 201.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 29.

⁵² «Акты», т. III, стр. 370.

⁵³ «Акты», т. II, стр. 773.

⁵⁴ Мочульский. Указ. соч., ч. II, л. 48.

⁵⁵ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 3, 1870, стр. 5.

⁵⁶ П. Ф. Сви́дерский. О горах Дагестана. Петровск, 1903, стр. 19.

⁵⁷ Для составления таблицы нами использованы данные: статья «Дагестанская область» в «Кавказском календаре на 1893 г.», стр. 152; «Экономическая справка Карганова и Даидбекова». СПб., 1902; «Обзоры Дагестанской области за 1910 и 1915 гг.», изданные в Темир-Хан-Шуре в 1911 и 1916 гг.

в котором очень редко можно встретить двор, имеющий несколько голов овец, а в остальных селениях овцеводство находится в руках нескольких очень богатых кулаков, которые скупают как зимние, так и летние выпасы и часто в таком количестве, что перепродают их другим не без выгоды для себя. Односельчане же у них служат только пастухами»⁵⁸.

Таблица 5

	1891 г.	1901 г.	1910 г.
Овцы	1 486 237	1 480 142	1 684 296
Быки и коровы	291 359	289 359	323 338
Козы	168 706	207 585	184 014
Лошади	45 854	44 541	37 972
Ослы	31 902	36 502	59 155
Буйволы и буйволицы . .	24 504	16 112	28 497
Мулы	752	—	1 011
Всего:	2 049 314	2 074 241	2 318 283

Нет никаких данных, характеризующих экономику животноводства по Дагестанской области в целом. Отрывочные материалы по отдельным округам далеко не точны и не дают полной картины доходов и расходов животноводческого хозяйства. Однако некоторые данные по Аварскому округу за 1891 г. могут дать приблизительное представление о доходности животноводства. Так, в 1891 г. было продано скота 5863 головы на 26 833 руб. и куплено 2338 голов на 11 033 руб. Приплод всего скота составил 35 669 голов, пало 21 749 голов. Продано шкур на 4022 руб. Шерсти собрано 2257 пудов, продано из этого количества 1352 пуда на 7825 руб. по цене 4 руб. и дороже за пуд. Насушено мяса 3725 пудов, из этого количества продано 176 пудов за 891 руб. (от 5 руб. 80 коп. до 6 руб. за пуд). В сыром виде продано мяса 838 пудов за 1676 руб. по цене 2 руб. за пуд.⁵⁹

Не имея данных о расходах по содержанию, кормлению и уходу за скотом, нельзя выявить степень рентабельности животноводческого хозяйства в Дагестане, однако можно безошибочно сказать, что овцеводство давало крупным собственникам большие доходы. Годинский из Гоцо и Парзуллаевы из Чиркея имели по 15—30 тыс. голов овец. Зимние пастбища и большая часть летних принадлежали крупным овцеводам. Сосредоточение скота и пастбищ в руках крупных овцеводов в основном происходило во второй половине XIX в. и особенно в 90-х годах.

Изучение материалов посемейной переписи 1886 г. показывает, что большая часть трудового крестьянства нагорного Дагестана не была связана с основным видом горного животноводства — овцеводством. По данным переписи 1886 г., из 2927 хозяйств Курахского наибства Кюринского округа 63,3% хозяйств не имели ни овец, ни коз; 22,4% хозяйств не имели крупного рогатого скота, а безземельные хозяйства составляли только 8,7%. Из 3935 хозяйств Уркарахского наибства Кайтаго-Табасаранского округа 83,2% хозяйств не имели овец и 26,6% хозяйств не имели крупного рогатого скота.

⁵⁸ Отчет Кюринского податного инспектора за 1907 г. ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 1, д. 3. лл. 72—73.

⁵⁹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 152—153.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показывает, что в Дагестане в земледелии было занято 436 084 души населения, в то время как в животноводстве — только 14 193 души⁶⁰.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., из 7359 хозяйств Аварского округа 73,3% хозяйств были безовечьими⁶¹. Из 4860 хозяйств разных горных округов, выборочно изученных Г. Г. Гусейновым по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., 81,7% хозяйств оказались безовечьими⁶². Даже по статистическим данным 1926 г., когда происходил процесс увеличения середняцкой прослойки крестьянства, из 152 тыс. крестьянских хозяйств Дагестана (более 100 тыс. хозяйств находилось в горной части Дагестана) 107 тыс. хозяйств, или 70,4% всех хозяйств, не имели овец⁶³.

По данным переписи 1897 г., по найму в сельском хозяйстве работало около 15 тыс. человек. Наемная сила применялась главным образом в хозяйствах крупных овцеводов; около 30 тыс. человек занимались ремеслом, все остальное сельское население было занято в земледелии и садоводстве. Что касается отходников, то в своем большинстве они в сезон сельскохозяйственных работ возвращались домой. Таким образом, в земледелии и садоводстве не принимало участия только 45 тыс. человек из 250—300 тыс. взрослого населения Дагестана. Можно ли после этого серьезно говорить, что в горной зоне Дагестана земледелие и садоводство играло для трудящихся второстепенную роль? Мы считаем, что нет. Основным занятием следует считать занятие подавляющего большинства населения, а таковым в горах было земледелие и садоводство.

Другое дело — высокогорная зона, где жители преимущественно занимались овцеводством.

У неземледельческого населения не могли бы сложиться поговорки, связанные с земледелием, например аварские поговорки: «Когда зерно наливается, колос нагибается»; «Голый ячмень сей в пыли, пшеницу сей в грязи»; «На крутом склоне не делай паши, на берегу речки не строй дома»; «Кто хочет разбогатеть, тот пусть сеет ячмень и держит кобылу»; «Летом паши поле, а зимой тощи печь»; «Не гляди на цвет неба, а гляди на вид земли»; «У не имеющего быка пахота худая»; «Избавь от паши, не получающей удобрения, избавь и от хозяйства, не имеющего паши»; «И бог любит поле, получившее удобрение»; «Кто не посеет весной, тот осенью не пожнет»; «Богатство пусть придет от паши, а смерть пусть наступит в постели»; «Если спина не нагреется летом от солнца, то зимой живот не согреется от бузы»; «Не вали навоз в чужое поле»; «У птицы на уме просяное поле»; «Пока спина не намочнет, поле не замочится».

Основным доводом тех, кто считает, что горцы — преимущественно скотоводы, а не земледельцы, является то обстоятельство, что продукция животноводства продавалась на рынке горцами, в то время как хлеб они вынуждены были покупать. Тем самым делают упор на товарность данных отраслей хозяйства, забывая, что основная масса овцеводческой продукции была сосредоточена в руках кучки сельских богачей.

Товарность той или иной отрасли хозяйства не может служить показателем того, является ли данная отрасль основным или второстепенным занятием населения. Подтверждением этому служат следующие данные: валовая продукция народного хозяйства Дагестана в 1913 г. в денежном

⁶⁰ «Первая всеобщая перепись населения 1897 г.». Дагестанская область, 1905, стр. 130.

⁶¹ Х.-М. Хапшаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 39.

⁶² Г. Г. Гусейнов. Национализация земли в Дагестанской АССР. Канд. диссертация, 1952.

⁶³ Г. Г. Османов. Подготовка массового колхозного движения в Дагестане. Канд. диссертация, 1954, стр. 51.

выражении (в ценах 1926—1927 гг., в червонцах) составила 78,5 млн. руб. Удельный вес валовой продукции по отраслям хозяйства составил в (%):

Растениеводство	53,46
Животноводство	40,46
Рыболовство	5,05
Охота	0,13
Лесное хозяйство	0,90

Товарная масса характеризуется (в %):

Растениеводство	31
Животноводство	41
Рыболовство	24
Охота	1,5

Товарность каждой отрасли хозяйства по отношению к валовой продукции следующая (в %) ⁶⁴:

Растениеводство	11,6
Животноводство	21,3
Рыболовство	88,7
Охота	100

Вряд ли на этом основании кто-либо станет утверждать, что рыболовство или охота являются основным занятием населения Дагестана.

Дело в том, что продукция животноводства, как правило, должна была быть реализована на рынке, так как в горах преобладало товарное овцеводство. Продукция же земледелия (зерно) целиком расходовалась на пропитание самих горцев, да еще приходилось прикупать хлеб. Недостаток зерна в горах объясняется малоземельем и большой плотностью населения на удобных землях. В Дербентском районе в 1925 г. на 1 га удобной земли приходилось 28 человек, а в Лакском районе — 134 человека. На 100 душ населения в Дербентском районе приходилось 96 га посева, а в Лакском районе — только 15 га ⁶⁵.

Никто серьезно не исследовал вопроса о причинах большой плотности населения горного Дагестана по сравнению с плотностью населения его равнинной части. Но и без глубокого исследования можно сказать, что сохранение высокой плотности населения в горной зоне обусловлено, кроме прочих причин, экономическими причинами, т. е. условиями существования в горах при сочетании разных отраслей хозяйства.

Вопрос о соотношении земледелия и животноводства в высокогорной зоне Дагестана нуждается в дополнительном изучении, поэтому мы только подчеркиваем, что даже жителям высокогорной зоны не чуждо было земледелие. Однако близость прекрасных летних пастбищ, а за перевалом Кавказского хребта и хороших зимних пастбищ благоприятствовали развитию у жителей высокогорной зоны животноводства.

Имеющиеся статистические материалы свидетельствуют, что животноводство было развито в Темир-хан-шуринском округе больше, чем в двух горных округах — Аварском и Казикумухском вместе взятых. Наибольшее развитие овцеводство получило в Самурском, Темир-хан-шуринском, Андийском и Гунибском округах. Что же касается крупного рогатого скота, то первое место по количеству занимает Темир-хан-шуринский округ, а последние места — Казикумухский, Аварский и Самурский округа. Таким образом, где много летних пастбищ, там в основном разводили овец, а там, где имелись большие возможности для заготовки кормов на зиму — крупный рогатый скот. В «Обзоре Дагестанской области» за

⁶⁴ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 36.

⁶⁵ Там же, стр. 26.

1915 г. подчеркивается, что недостаток пастбищных и сенокосных мест в Аварском округе не дает возможности широко развиваться скотоводству, что сена собирается так мало, что его едва хватает на зимние месяцы лишь для домашнего рогатого скота⁶⁶.

Начало неправильному освещению вопроса о занятиях населения горной части Дагестана в советский период положила книга «Современный Дагестан». Авторы ее правильно писали, что «указать, какая именно часть населения может быть отнесена к скотоводам, затруднительно, так как их сельскохозяйственная перепись, начатая в 1917 г., осталась неоконченной и, кроме того, большинство скотоводов занимается не исключительно разведением скота, имея также посеы или другие добавочные источники дохода». Однако эти же авторы через две страницы безапелляционно утверждали, что горцы являлись «кочевыми скотоводческими племенами»⁶⁷. По их трактовке горцы остались таковыми вплоть до 1925 г. Материал сельскохозяйственной переписи 1917 г. авторы книги не использовали и все свои выводы строили на основании выборочного изучения бюджета 27 хозяйств. Многие утверждения их ошибочны. Так, например, авторы книги делят все хозяйства Дагестана на чисто земледельческие (40%), смешанные (земледельческие и скотоводческие — 42%), чисто скотоводческие (10%) и хозяйства ремесленников (8%). Подобного деления в природе не существовало. Рядовое крестьянское хозяйство Дагестана всегда сочетало земледелие и скотоводство, главным образом разведение крупного рогатого скота.

Кроме того, в этой книге совершенно неправильно учитывается бюджет крестьянского хозяйства, не говоря уже о том, что самый выбор объекта учета является тенденциозным, так как авторы руководствовались желанием преподнести хозяйство горцев как животноводческое. Подобная работа только запутала вопрос о направлении хозяйства горцев и имела вредное практическое значение, так как ряд садоводческих колхозов принуждали заниматься овцеводством.

В настоящее время партия и правительство обращают особое внимание на развитие садоводства как в горах, так и на плоскости Дагестана⁶⁸.

Изучение сельского хозяйства Дагестана показывает, как гениально В. И. Ленин в 1921 г. нацеливал коммунистов Закавказья и Дагестана на развитие орошения⁶⁹. Орошение и электрификация — основа интенсивного ведения сельского хозяйства в Дагестане.

Таким образом, следует сделать вывод, что господствовавшее до настоящего времени мнение о том, что жители горной части Дагестана были преимущественно скотоводами, а не земледельцами, ошибочно. Данные посемейной переписи 1886 г., переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г., приведенные нами, убедительно показывают, что жители гор в своей основной массе занимались земледелием, хотя животноводство у них было одной из важных отраслей хозяйства. Что же касается занятий жителей высокогорной или альпийской зоны, то для них животноводство безусловно являлось основным занятием, но им не было чуждо и земледелие.

Для развития сельского хозяйства огромное значение имело широкое общение дагестанцев во второй половине XIX в. с русским населением. Дагестанцы постепенно перенимали производственные навыки и технику у работавших бок о бок с ними русских переселенцев. В начале XX в. в Дагестане было значительное число русских переселенцев: в некоторых

⁶⁶ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.», приложение, ведомость № 6, стр. 19.

⁶⁷ «Современный Дагестан», Махачкала, 1926, стр. 13—14, 16, 18.

⁶⁸ А. Д. Д а н и я л о в. Необходимое условие правильного использования природных и трудовых ресурсов. «Правда», 24 апреля 1957 г.

⁶⁹ См. В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 32, стр. 296.

селениях по 100 и более человек, а в сел. Царедаровке и урочище Дешлагар более 1000 человек.

Русские крестьяне-переселенцы и оседавшие в Дагестане отставные солдаты во второй половине XIX в. были проводниками более высокой земледельческой культуры. В Дагестан завозятся и внедряются в сельскохозяйственное производство картофеля, помидоры, свекла, лучшие сорта плодов и винограда, племенные производители крупного рогатого скота и овец, организуются плодово-виноградный питомник, показательные участки по травосеянию, производятся опыты по рациональному кормлению скота. На плоскости и в приморской полосе, начиная с 90-х годов XIX в., внедряются железные плуги и бороны, жатвенные и другие сельскохозяйственные машины. Увеличивается численность агрономического персонала, создается ветеринарная служба, открывается школа садоводства, овецводства и виноградарства.

К сожалению, ввиду неразработанности архивных материалов мы не располагаем конкретными данными, свидетельствующими о прогрессе сельского хозяйства всего Дагестана в результате присоединения к России. Однако мы имеем данные по Хасавюртовскому округу, которые ярко показывают огромную разницу между состоянием сельского хозяйства в первой половине XIX в. и в начале XX в. В первой половине XIX в. жители Хасавюртовского округа знали только деревянный плуг, молотильные доски и арбу без железного обруча; под посевы использовались незначительные массивы земель. По данным переписи 1917 г. видно, что у жителей Хасавюртовского округа уже были более усовершенствованные орудия, а именно ⁷⁰:

Плугов однолемешных	3296	Веялок	282
Плугов многолемешных	423	Косилок	85
Сейлок	51	Опрыскивателей	18
Жнеек	323	Соломорезок	16
Молотилок	116	Дробилок	18
		Конных граблей	560

Жители указанного округа имели под посевами более 25 тыс. десятин, они стали сеять новые для округа технические и кормовые культуры.

Аналогичный процесс происходил в сельском хозяйстве всей равнинной части Дагестана. Так, житель сел. Касумкент даже открыл склад железных плугов. В 1904 г. были выписаны шесть жатвенных машин ⁷¹.

Что же касается горной части Дагестана, то там наряду с дальнейшим развитием товарного овецводства стало интенсивно развиваться садоводство (по долинам рек), в сельское хозяйство начали внедряться картофель, свекла и морковь.

3. КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПРОМЫСЛЫ

Необеспеченность пашнями, низкая продуктивность скотоводства и большая плотность населения заставляли трудящихся горцев искать дополнительные источники дохода. Такими источниками были кустарные промыслы и отходничество. Кустарные изделия не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, в известной мере покрывавшие расходы по приобретению продуктов питания, главным образом хлеба.

Господствующей формой кустарной промышленности в Дагестане в начале XIX в. являлась домашняя промышленность, которую В. И. Ленин

⁷⁰ «Губернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.». По 52 губерниям и областям. М., 1921, стр. 205.

⁷¹ «Обзор Дагестанской области за 1911 г.», стр. 17.

характеризовал как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»⁷². В Дагестане крестьяне из поколения в поколение занимались домашними промыслами в свободное от сельскохозяйственной работы время, а свободного времени у крестьян было много не только потому, что сезон сельскохозяйственных работ в горах начинается только в мае и завершается в конце сентября, но и потому, что карликовое хозяйство горца не могло занять всех трудоспособных членов семьи. Это являлось «естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами»⁷³.

Наряду с этим еще задолго до XIX в. в Дагестане выделились ремесленные и кустарные центры, где ремесленники и кустари работали не только и не столько для собственных нужд, сколько на рынок (Кубачи, Амузги, Гоцатль, Сулевкент, Унцукуль, Кумух, Балхар, Анди, Микрах, Ахты, Карадах, Салта, Карата и др.). Особенно высокого развития достигли в Дагестане кузнечное, оружейное, медное и серебряное дело, ковровое производство и производство кавказского сукна и наплечных бурок. Некоторые дагестанские ремесленные и кустарные изделия распространялись не только по всему Дагестану, но и по всему Кавказу. Наконец, изделия отдельных селений, в частности ювелирные изделия кубачинцев, пользовались известностью и далеко за пределами Кавказа. В Кубачах и в ряде других селений домашняя промышленность отделилась от земледелия.

Кустарную промышленность Дагестана можно разделить на три главные отрасли: обработка шерсти, обработка металла, обработка дерева, кожи и глины.

Эти отрасли кустарной промышленности были развиты в большей или меньшей степени во всем Дагестане. Каждый округ славился каким-нибудь видом производства. Во многих отраслях кустарной промышленности горцы достигли совершенства и приобрели широкую известность, хотя техника оставалась примитивной. Изделия дагестанских кустарей отличались прочностью и тщательной отделкой.

Кустарным промыслом занимались как мужчины, так и женщины. По охвату населения кустарным промыслом и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе⁷⁴.

В Дагестане производилось более 40 видов кустарных изделий. Здесь изготовлялось все, что необходимо человеку в жизни. Дагестанцы носили одежду, обувь и головные уборы, изготовленные из домотканного холста, сукна и шелка, овчин и кож собственного производства. Дагестанцы изготовляли весь необходимый им сельскохозяйственный инвентарь, земледельческие орудия из металла и дерева, предметы домашнего обихода, холодное и огнестрельное оружие. Широко было развито производство ковров и других художественных изделий высокого качества. Изготавливались шелковые и бумажные ткани. В рапорте генерала Савельева от 11 мая 1796 г. на имя главнокомандующего Персидской экспедицией генерала Зубова говорится, что в Дербенте было 30 шелкоткацких и 115 бумагопрядильных фабрик⁷⁵.

В 30-х годах XIX в. в Дербенте существовало производство шелковой материи и бязи, а также обработка металла. Шелк вырабатывался на 40 станах; на каждом стане работало четыре рабочих, которые получали в день по 40 коп. Бязь производилась на 115 станах. Все эти 155 станов по производству шелка и бязи принадлежали 65 хозяевам. Четыре медника,

⁷² В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 285.

⁷³ К. Маркс. Капитал, т. 2, ч. II, стр. 238.

⁷⁴ См. О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

⁷⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. III, СПб., 1869, стр. 285.

имевшие у себя 12 работников, производили медные котлы, подносы, кувшины, чашки и пр. Медь они покупали в Кизляре и Астрахани по 7 руб. за пуд, а готовые изделия продавали из расчета 16 руб. за пуд. В городе работало 11 кузнецов с 19 мехами. Город имел также восемь мукомольных водяных мельниц⁷⁶.

Из этих данных видно, что город Дербент был в то время крупным центром обрабатывающей промышленности. Кустарная промышленность была разбросана по всему Дагестану. Урахинцы занимались прядением и тканьем конопли⁷⁷. О широком распространении среди даргинцев производства пенькового материала свидетельствует тот факт, что в кодексе уцмий Рустема, датированном началом XVII в., пеньковая ткань (по-даргински «хабцалдику») служит мериллом ценности, выполняя функцию денег. В одной статье этого кодекса говорится, например: «Тому, кто поймает вора, тысяча кари (мера длины, равная 11,5 вершкам.— Х.-М. Х.) хабцалдику и сто кари беку с пойманного вора»⁷⁸.

Производство мешков и паласов из пенькового материала было развито и в ряде селений Аварии.

Андийцы производили бурки, дидойцы — деревянную посуду, лакцы, кубачинцы, чохцы и согратлинцы — разные серебряные изделия, салтинцы обрабатывали кожу, араканцы и унцукульцы — дерево⁷⁹.

Остановимся на главных видах кустарного производства.

Обработка шерсти

Развитию шерстеобрабатывающих промыслов способствовало наличие в Дагестане большого количества овец. Из шерсти выделывалось кавказское сукно, наплечные бурки, ковры, сумахи, паласы, различные ткани, арбаши и хурджины (переметные сумы), попоны, войлок, чувалы, мешки, шерстяная обувь, чулки, носки, веревки, головные платки. Буцковский в 1812 г. писал, что андийцы, имея множество овец с отличной шерстью, занимаются преимущественно «выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся»⁸⁰.

Производство сукон было развито преимущественно в Андийском, Аварском, Кайтаго-Табасаранском, Казикумухском и Даргинском округах, частично в Гунибском округе. Из материалов переписи 1886 г. видно, что в сел. Ансалта производили бурки и паласы, в сел. Муни — около 100 кусков сукна, в сел. Карата — 200 кусков тонкого белого сукна, в сел. Кванада — 100 и в сел. Тлондода — 200 кусков⁸¹. В 80-х годах XIX в. в Дагестане было произведено бурок и бурочных изделий на 475 тыс. руб., арбабашей — на 275 тыс. руб., суконного товара — на 200 700 руб.⁸²

В начале XX в. в селениях Акуша, Кутиша, Мекеге, Улуая, Муги, Усиша, Ходжал-Махи и Цудахар выделывались исключительно тонкие и мягкие сукна из верблюжьей шерсти, которая в большом количестве закупалась в Астрахани⁸³.

⁷⁶ «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 178—180.

⁷⁷ Владимир Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. Путевые заметки. ССКГ, вып. 8, примечание к стр. 9.

⁷⁸ Текст кодекса Рустема приложен к статье А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним». ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 81.

⁷⁹ Н. Дубровин. Указ. соч. т. I, кн. I, стр. 503—514.

⁸⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, л. 66.

⁸¹ «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, стр. 139.

⁸² О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 283.

⁸³ «Обзоры Дагестанской области»: за 1902 г., стр. 30; за 1903 г., стр. 72; за 1904 г., стр. 34; за 1913 г., стр. 21.

В селениях Вихли, Цовкра, Кунди, Кая, Чукни, Арчи, Карата, Арчо, Тинди, Анчик, Хелет-люри и почти во всех селениях Келебского общества вырабатывались сукна естественного цвета шерсти, в том числе и совершенно белые, которые шли на изготовление верхней одежды, особенно чересок.

Производство ковров, сумахов, паласов, мешков, чулок, носков и других предметов было распространено повсеместно. Однако центром коврового производства являлся Южный Дагестан, особенно селения Микрах, Тепи-Пиркент, Ахты, Рутул, Гильяр, Магарамкент, Курах, Капир, Зизик, Куркент и др. В Темир-хан-шуринском округе делали арбабаши, в селениях Казанище и Гелли — высокого качества паласы.

Главными центрами производства наплечных бурок были селения Анди, Ансалта, Рикуани, Шодрода, Гагатль и Ботлих.

Изготовлением шерстяных изделий занимались преимущественно женщины. По переписи 1886 г., в сел. Анди (82 хозяйства) — 126 женщин, а в сел. Гагатль (59 хозяйств) — 76 женщины занимались преимущественно производством бурок⁸⁴.

Можно с уверенностью сказать, что в Дагестане не было ни одного селения, где бы женщины ни изготовляли каких-нибудь предметов из шерсти, начиная от высококачественных ковров и сумахов и кончая шерстяными веревками.

Сведения, собранные нами в сел. Ансалта, свидетельствуют, что производством бурок занимались только женщины в свободное от сельскохозяйственных работ время. Каждая женщина готовила шерсть (мытьё, расческа и крашение) в одиночку, а обкатку бурки производили вдвоем-втроем. Обычно женщины делали это в порядке взаимопомощи. Однако такой способ производства бурок постепенно уступал место крупному бурочному производству с применением наемной рабочей силы. В сел. Ансалта были скупщики, которые не только скупали готовые бурки для продажи, не допуская самого производителя даже на местные базары, но и закупали шерсть и раздавали ее женщинам для чистки и крашения. Затем в нескольких домах своих близких родственников скупщики открыли мастерские по производству бурок. Бурочницы работали за плату. Некоторые из них не имели связи с сельским хозяйством и жили на одной мизерной заработной плате.

Такая мастерская была организована, например, скупщиком Нурмагомед-Хаджи в 90-х годах XIX в. В его мастерской постоянно работали за плату многие бедные бурочницы. Подобные мастерские были организованы и в других селениях (Анди, Гагатль и т. д.). Однако производство отдельных бурочниц еще окончательно не было ликвидировано, не все они работали на мастерские.

В. И. Ленин указывал, что «отличие капиталистической мастерской от мастерской мелкого промышленника состоит сначала только в числе одновременно занимаемых рабочих»⁸⁵. Проникновение капиталистических отношений в кустарное производство Дагестана в конце XIX в. является фактом. В отдельных отраслях производства появился промышленный капитал, возникла капиталистическая работа на дому. Это были, однако, только элементы промышленного капитализма; господствующим оставалось мелкотоварное производство.

Обработка металла

Из металлообрабатывающих промыслов самым старинным является оружейный. История оружейного производства в Дагестане уходит в глубь веков. Центром этого производства было сел. Урбуган (по-даргински), или

⁸⁴ «Дагестанская область», стр. 135—137.

⁸⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 308.

Зирехгерет (по-персидски), или Кубачи (по-турецки), что означает «кольчужники». Высокое качество кубачинских изделий признавалось всеми писавшими об искусстве кубачинцев⁸⁶.

В дореволюционной литературе о кубачинцах существовало два мнения. Одни считали, что культура кубачинцев была целиком заимствована у персов и в ней нет ничего самобытного. Другое мнение сводилось к тому, что кубачинцы — по происхождению «фрашки», которые привезли эту культуру с собой. И в том, и в другом случае отрицалась самобытность кубачинской культуры. Это было следствием господствовавшей точки зрения, что горцы стоят на низком уровне общественного развития, что у них нет своей культуры и поэтому нельзя признать за ними самостоятельного искусства высокохудожественной обработки металла.

Советские ученые, и прежде всего Е. М. Шиллинг, доказали несостоятельность этих взглядов и самобытность кубачинской культуры, истоки которой уходят во II тысячелетие до н. э. Е. М. Шиллинг принадлежит огромная заслуга в изучении искусства дагестанских ремесленников и кустарей. Он написал ряд ценных работ по истории, орнаменту и технике производства дагестанских ремесленников, в первую очередь кубачинцев⁸⁷. Еще арабские географы писали о кубачинцах как о мастерах оружейного дела⁸⁸. Абу-Хамид Андалузи, живший в XII в., указывал, что «кубачинцы занимаются только изготовлением всякого рода оружия: кольчуг, шлемов, мечей, копий, луков, ножей, кинжалов и разной медной посуды, у них нет ни пашни, ни садов»⁸⁹.

Неизвестный автор писал в 1804 г. о кубачинцах: «Все жители сии, жены их, сыновья и дочери, достигшие десятилетнего возраста, суть ремесленники. Мужчины занимаются деланием панцирей, ружей, пистолетов, кинжалов, ножей, конских и оружейных приборов, также и женских поясов из золота и серебра, равномерно наводят на серебро золотую, а на железо золотую и серебряную насечку черни, в чем способствуют им малолетние их дети и самые жены, хотя последние большей частью упражняются в тканье самых лучших в горах сукон и холстов»⁹⁰. Д. Н. Анучин подсчитал, что в 1882 г. из 504 хозяйств кубачинцев только восемь занимались земледелием⁹¹. Б. Ф. Добрынин писал, что кубачинцы известны как оружейники еще со времен Сасанидов⁹².

Гербер отмечал высокое мастерство кубачинцев. Он писал, что кубачинцы изготовляют самые лучшие серебряные изделия, хорошие сабли, панцири, которые славятся не только в Дагестане, но и в Персии и Турции, что их оружие с большой охотой покупается⁹³.

Рейнегс работу кубачинцев сравнивал по качеству с работами мастеров Аусбурга и Карлсбада. Он писал: «На юго-запад от Каракайтака живет 1200 семейств одного племени, которые называют себя кубачами и

⁸⁶ Писали о кубачинцах многие, в частности: И. Г. Гербер, Я. Рейнегс, С. Броневский, Ю. Клапрот, Кастильон, Гамба, И. Н. Березин, Френ, Б. А. Дорн, Д. Н. Анучин, А. Берже, О. В. Марграф, И. Орбели, А. А. Иессен, А. А. Миллер, Е. П. Крупнов, Е. М. Шиллинг, Н. Баглазов, А. С. Башкиров и многие другие.

⁸⁷ Е. М. Шиллинг Дагестанские кустари. М., 1926; его же. Кубачи. Пятигорск, 1937; его же. Орнаментальное искусство Дагестана. «Народное творчество», № 1. М., 1937; его же. Ущуккуль. «Народное творчество», № 5, 1937; его же. Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом. СЭ, № 4—5, 1938; его же. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949; его же. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. «Доклады и сообщения исторического ф-та МГУ», 1950.

⁸⁸ СМОМПК, т. 38, стр. 52.

⁸⁹ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан. «Известия ИРГО», т. XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 357—449; Френ. О народе кавказском кубачи. ЖМНП, 8, 1840; Г. Алкадар. Асары-Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 16.

⁹⁰ «Краткое описание кавказских народов и побережных персидских городов». ЦГАДА, ф. Ермолова, д. 319, лл. 5—6.

⁹¹ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 424.

⁹² Б. Ф. Добрынин. Указ. соч., стр. 111; Г. Алкадар. Указ. соч., стр. 16.

⁹³ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 45.

которые относятся к числу старейших обитателей Кавказа. Все, даже самые дикие народы Кавказа, относятся к этому племени с особым уважением. Кавказские владетельные князья оставляют на хранение у этого народа излишки имущества или свои сокровища. Кубачинцы вежливы, спокойны, трудолюбивы: они очень ловкие и зажиточные люди, знающие персидский язык... Большая часть их занята торговлей, они также известные мастера, которые выделывают ружья, пистолеты, сабли, ножи и панцири. Их работа, золото- и сереброкузнечная, очень похожа на работу Аусбурга и Карлсбада. Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос и дорогую оценку. Такими же ценными являются и вышивки золотом и серебром, производимые их женами, которые, кроме того, ткнут еще красивые ковры, производят войлочные плащи и шерстяные ткани, служащие обычно для одежды их мужей. Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного. Садоводство также не имеет большого значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от соседних племен. Еще менее они занимаются животноводством. Их домашние животные только козы и лошади»⁹⁴.

С изобретением огнестрельного оружия кубачинцам пришлось менять свою специальность. Они прекратили производство кольчуг, панцирей, щитов и других предметов защитного вооружения и стали заниматься производством огнестрельного оружия. В конце XVIII в. Умма-хан Аварский написал следующее письмо кубачинцу Кади-Хаджи-Адда: «Вы всегда мои поручения лучше всех исполняли, ценю достоинство друзей, посылаю 700 руб. серебра с едущим с этим письмом Гасап-эфенди и рабом моим Иса. За эти деньги прошу купить на шесть человек полное вооружение со всеми принадлежностями, не исключая и пистолетов. Оправа оружия должна быть сделана серебром и иным по вашему искусству. Ремни должны быть сделаны с кольцами и полукольцами. За оставшиеся деньги купите шали, количество скажут мои люди, или одну шаль, лучше которой нет у вас и у нас, даже лучше той, которую Вы покупали мне раньше. Кроме того, отделайте этот пистолет из этого золота, приделайте к нему рукоятку и ударник, стоимость оплатите из этих же денег»⁹⁵.

Кубачи долгое время оставались центром производства огнестрельного оружия в Дагестане. Но в связи с появлением оружия заводской выделки кубачинцам пришлось опять менять свою специальность: они перешли на производство холодного оружия для удовлетворения нужд не только жителей Дагестана, но и всего Кавказа, особенно казачьих воинских частей и кавказских национальных воинских формирований. Кубачинцы стали производить кинжалы и шапки, португеп и пояса к ним, газыри, украшения верховой сбруи и седел, предметы женской и мужской одежды. По переписи 1886 г., в Казикумухском округе было учтено 2513 ремесленников, в том числе медников — 947, кузнецов — 276, серебряников — 608⁹⁶.

Лакские кустари работали не только у себя дома, снабжая базары Дагестана своими прекрасными изделиями. — они уезжали в разные города России и за ее пределы. Работали они в большинстве случаев в одиночку, имея при себе подмастерье (мальчика 14—15 лет). В редких случаях два-три мастера соединялись в компании. Большинство лакских кустарей на лето приезжало домой, а осенью опять разъезжалось. Но многие лакские кустари совершенно оторвались от сельского хозяйства, постоянно жили в городах. В художественной обработке металла лакские мастера не усту-

⁹⁴ Е. М. Шиллинг. Кубачи, стр. 17—18.

⁹⁵ Подлинник этого письма, как и многих других писем аварских ханов, хранится у учителя математики аранинской средней школы Хунзахского района Мансура Гайдарбекова из сел. Гиничулъ того же района; перевод сделан с арабского текста.

⁹⁶ «Дагестанская область», стр. 161.

пали кубачинским. Они так же хорошо владели гравировкой, филигранью, чернением и пасечкой, как и кубачинцы. Серьги, брошки, браслеты и другие предметы женского туалета они украшали драгоценными камнями.

Выделкой ножей, щипцов, молотков, топоров, подков занимались кустари из селений Куюда, Гагатль и др.⁹⁷

Знание ремесла в народе ценилось высоко, и горцы старались овладеть им. Аварская народная пословица гласит: «Хутор можно проесть, а ремесло никогда».

Значительное распространение получило в Дагестане производство клинков. В середине XIX в., кроме Амузги, Харбука и Лакии, клинки изготовлялись в селениях Карах, Чиркей, Аракалы, Гидатль бывшим артиллеристом и литейщиком ядер у Шамиля Гидатла Магомой, он же делал нарезные пистолеты. Самыми лучшими клинками считались клинки мастера Базалая из сел. Нижнее Казанище и его учеников Казахбия и Джалалдина. Клинки Базалая и других известных мастеров вывозились в Россию в большом количестве. Производство холодного оружия было развито и в сел. Икра Кюринского округа. В отчете дербентского губернатора за 1850 г. говорится: «После марены замечательны выделка азиатского оружия в Дербентском уезде и в Кюринском ханстве»⁹⁸.

Всего в начале 80-х годов XIX в. в Дагестане было произведено оружия, медной посуды и серебряных изделий на 500 тыс. руб.⁹⁹ Это производство получило в Дагестане столь широкое развитие, что накануне первой империалистической войны в сел. Нижнее Казанище было организовано специальное предприятие по изготовлению кинжалов.

Высокого качества производства достигли не только кубачинские, казкумухские и другие оружейники, но и ювелиры. Они выработывали изделия из серебра, украшенные художественной резьбой и сложными, тонко выполненными рисунками чернью, филигранью и позолотой. В 1894 г. в Гунибском и Даргинском округах было учтено 106 мастеров по серебру¹⁰⁰.

Художественные изделия дагестанских мастеров-златокузнецов, серебряников, ювелиров, гравировщиков, чеканчиков и оружейников пользовались заслуженной славой. Они высоко ценились не только внутри страны, но и за ее пределами¹⁰¹.

На краевой выставке промышленности и сельского хозяйства в 1889 г. в Тбилиси изделия дагестанских кустарей получили высокую оценку. Из 757 экспонатов кустарных изделий Кавказа 175 принадлежало дагестанцам, из 106 присужденных наград дагестанцы получили 46¹⁰². На Всероссийской выставке кустарной промышленности в Петербурге в 1902 г. кустари-дагестанцы также были награждены медалями за художественную ценность и техническое совершенство представленных экспонатов¹⁰³.

Среди ремесленников металлообрабатывающего производства, так же как и среди ремесленников других отраслей, происходили серьезные социальные изменения. Разбогатевшие ремесленники, занимавшиеся обработкой металла, в 90-х годах XIX в. в отличие от ремесленников, занятых в бурочном, суконном и ковровом производствах, выезжали в разные города России и организовывали крупные мастерские с применением наемной рабочей силы. Владельцы этих мастерских эксплуатировали своих бедных односельчан¹⁰⁴.

⁹⁷ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 156.

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 17.

⁹⁹ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 238.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 1, л. 8.

¹⁰¹ Е. М. Шиллинг. Кубачи, стр. 20.

¹⁰² «Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г.» — «Кавказский календарь на 1890 г.», стр. 57, 74.

¹⁰³ «Обзор Дагестанской области за 1903 г.», стр. 70.

¹⁰⁴ Е. М. Шиллинг. Кубачи, стр. 17.

Е. М. Шиллинг правильно отметил, что старой и очень характерной для Дагестана чертой является специализация производств по аулам¹⁰⁵. Эта специализация в области металлообрабатывающего производства коснулась многих селений, в частности группы селений, лежащих вокруг Кубачей. Так, в сел. Амузги изготовлялись клинки, которые для монтировки и окончательной отделки поступали в Кубачи. В Харбуке делались стволы для огнестрельного оружия, а затем холодное оружие. Жители сел. Кара-Корейша специализировались на выжигании древесного угля для кубачинских и амузгинских мастеров.

Специализация по аулам особенно развилась в Казикумухском округе, являвшемся вторым металлообрабатывающим центром Дагестана. Жители Кумуха были преимущественно ювелирами, жители Табахлы, Ури и Валтах — лудильщиками и никелировщиками, жители Хури — мастерами по обработке меди, хурукринцы — часовыми мастерами и ювелирами. Жители сел. Унчукатль делали разные предметы для украшения седел, уздечек и кавказских поясов. Происходило кооперирование труда ремесленников узких специальностей для изготовления готовой вещи. Кооперировались: кузнец, делавший клинок, мастер, изготовлявший ножны, рукоятки и наконечники, правировщик, выполнявший художественную отделку оружия¹⁰⁶.

Для производства огнестрельного оружия кооперировались: ствольник, мастер по изготовлению замков, сборщик и гравировщик¹⁰⁷. Даже изготовление одного только ствола проходило через несколько рук: один мастер изготовлял ствол вчерне, другой занимался нарезкой ствола, третий — шлифовкой и отделкой¹⁰⁸.

Д. Н. Анучин тоже обратил внимание на разделение труда, существовавшее у ремесленников. Он указывает, что клинки изготовлялись в Амузгах, стволы в Харбуке, монтировалось же оружие в Кубачах¹⁰⁹. Подобная специализация свидетельствует о высокой степени развития ремесленного производства.

Обработка дерева, кожи и глины

Обработкой дерева, кожи и глины в Дагестане, видимо, занимались повсеместно. Однако в связи с увеличением заводской выработки сельскохозяйственного инвентаря, посуды из металла и кожи эти отрасли кустарного производства к концу XIX в. локализовались в отдельных населенных пунктах Дагестана.

Обработка дерева была многообразна, начиная от изготовления деревянной конструкции для дома и до производства деревянных ложек и вилок.

Г. Я. Мовчал совершенно правильно отмечает в статье «Из архитектурного наследия аварского народа», что в строительстве домов в горах самую важную роль играет деревянная конструкция¹¹⁰. Отделка частей деревянной конструкции дома — пола, потолка, опорных столбов и балок, дверей и окон, а также шкафа-ларя (цагура) — требовала знания плотничного ремесла. Касаясь качества обработки деревянных конструкций дома в сел. Тидиб, Г. Я. Мовчал пишет: «Техническое качество работ — безукоризненное, разбивка правильная, углы прямые, плоскости ровные, поверхности гладкие. Все элементы выработаны топором и соединяются друг с другом без помощи других материалов (металла, клея и т. п.)»¹¹¹.

¹⁰⁵ Там же, стр. 32.

¹⁰⁶ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 210.

¹⁰⁷ Там же, стр. 210—211.

¹⁰⁸ Там же, стр. 212.

¹⁰⁹ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 426.

¹¹⁰ СЭ, 1947, 4, стр. 186—208

¹¹¹ Там же, стр. 191.

Описывая дом XIV—XV вв., Г. Я. Мовчан указывает, что опорные столбы дома и фасад ларя были украшены замечательной геометрической резьбой. На столбах и на ларе было 34 различных узора. Узоры имеются и на деревянных изделиях более позднего происхождения. Деревянные кровати, диваны, стулья и люльки украшались резьбой. Корыта разных размеров, солонки, чесночные ступки, дуршлагаи, ложки, вилки и прочая кухонная посуда делались из дерева. Станки для ковроткачества и суконого производства, а также необходимые для них инструменты изготовлялись из дерева. Из дерева же делалась посуда для измерения зерна и фруктов. Весь сельскохозяйственный инвентарь: соха, молотильные доски, лопаты и многие другие, — делались из дерева, только отдельные детали (например лемеха) делались из железа. Основные части музыкальных инструментов (шандур, чагана, чагур, зурна и круг бубна) также делались из дерева, причем многие из них украшались резьбой.

Дидойцы делали из дерева корыта, улья, а из ветвей — корзины и все это продавали в Сигнахе, Телаве и других местах Кахетии¹¹². Унцуккульские мастера, достигшие высокого уровня художественной обработки дерева во второй половине XIX в., до этого занимались производством кухонной посуды и домашней утвари¹¹³. Унцуккульские мастера довели художественную обработку дерева до совершенства. Они стали вытачивать из дерева (а также из железа и рога) изделия с серебряной инкрустацией: трубки, хлысты, палки, подсвечники, ножи, пепельницы, пудреницы, мундштуки, чернильные приборы и т. д. Унцуккульцы снабжали своей продукцией рынки Дагестана и курортных городов Северного Кавказа. Они экспонировали ее на различных выставках. Магомед Юсунов из сел. Унцуккуль ездил в Америку и наладил там производство разных изделий из дерева¹¹⁴.

Выделкой овчин и кож для местного потребления жители Дагестана занимались издавна. Шубы, шапки, ичиги, чувяки и бапмаки, различного рода сумки, ремни и пояса делались из овчин, кож и сафьяна, которые искусно изготовлялись в Дагестане почти повсеместно. Шорное дело наиболее развитое получило в Кайтаго-Табасаранском, Даргинском, Гунибском и в Темир-хап-шуринском округах.

Сапожное и бапмачное производство в значительной мере было развито в Даргинском и Казикумухском округах, где жители ряда селений жили в основном доходами от этого ремесла. Дагестанские кустари открывали сапожные и шорные мастерские в городах и селениях Терской области и Азербайджана.

Гончарные изделия производились в аулах: Балхар (Даргинский округ), Сулев-Кент (Кайтаго-Табасаранский округ), Непик и Джули (Кюринский округ). В 1903 г. начальник Гунибского округа в отчете писал: «Жители Корода, Гонода, Сальты занимаются выделкой кож»¹¹⁵. Воронов отмечал, что телеглинцы — хорошие каменщики¹¹⁶.

В 1900 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было 1374 кустаря и ремесленника¹¹⁷. В Гунибском округе в 1903 г. насчитывалось 1375 кустарей и ремесленников 12 специальностей, которые выработали изделий на 22 222 руб.¹¹⁸ В 1891 г. кустари Даргинского округа выручили от продажи своих изделий 266 тыс. руб.¹¹⁹ Кустари Аварского округа в том же году выработали изделий на 13 989 руб. В 1901 г. всех учтенных ремес-

¹¹² Мочульский И. Указ. соч., ч. II, л. 48.

¹¹³ В. П. Пожидаев. Деревообделочное производство в ауле Унцуккуль. Историко-этнографический очерк. Махачкала, 1931, стр. 13.

¹¹⁴ Там же, стр. 17.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 3.

¹¹⁶ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 3, 1870, стр. 5.

¹¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 102, л. 155.

¹¹⁸ Там же, ф. 72, оп. 2, д. 10, л. 45.

¹¹⁹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 157.

ленников было 16 673 человека, а через семь лет, в 1910 г., — 23 490 человек¹²⁰. В 1913 г. в Дагестане числилось 30,4 тыс. ремесленников¹²¹.

Число лиц, занятых в кустарных промыслах (в тыс. чел.) в Дагестане в 1914 г., и выработка их изделий (в тыс. руб.) показаны в следующей таблице¹²².

Т а б л и ц а 6

Промыслы	Число занятых лиц (в тыс. чел.)	Выработка продукции (в тыс. руб.)
Суконный	68,0	952,0
Ковровый	40,0	2000,0
Трикотажный	7,0	147,0
Бурочный	5,0	600,0
Медно-лудильный	3,5	157,5
Художественно-ювелирный	3,3	990,0
Слесарно-кузнечный	2,0	400,0
Сапожный	1,5	450,0
Кожевенный	1,4	420,0
Деревообделочный	0,6	240,0
Гончарный	0,2	36,0
Всего:	132,5	6392,5

Из таблицы видно, что большинство кустарей работало на шерстеобрабатывающих промыслах.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ремесло играло большую роль в экономике горцев Дагестана. Если стоимость всего поголовья скота по рыночным ценам в 1913 г. составляла 13 млн. руб., то годовая продукция кустарей стоила более 6 млн. руб. Следовательно, кустарная промышленность Дагестана была высоко развита и являлась одной из важных доходных статей в бюджете горцев.

Рыболовство, пчеловодство, охота и горный промысел

Незначительная часть населения плоскостного Дагестана занималась рыболовством как подсобным промыслом. Рыболовные места по берегу Каспийского моря от устья Терека до Самура принадлежали феодальным владельцам, которые отдавали их на откуп. Так, шамхал тарковский Абу-Муслим-хан заключил в 1837 г. контракт с коллежским ассессором Давыдовым о сдаче на откуп рыболовных промыслов, начиная от Аграханского залива и по р. Самур (исключая дербентские предгорные воды), за 4 тыс. руб. в год¹²³.

Промышленное рыболовство получило развитие в 90-х годах XIX в., когда стала возможна отправка рыбопродуктов во внутренние губернии России, т. е. после проведения железной дороги через территорию Дагестана.

С этого же времени в Дагестане возникают капиталистические предприятия рыбной и консервной промышленности.

Пчеловодство в Дагестане было известно везде. Пчелы содержались в ульях, сплетенных из хвороста и обмазанных глиной. Однако пчеловодством занимались только отдельные лица. Даже в крупном селении можно

¹²⁰ «Обзор Дагестанской области» за 1902 и 1911 гг.

¹²¹ «Обзор Дагестанской области за 1913 г.», приложение 7.

¹²² И. Р. Нахшунув. Прогрессивное влияние России на экономику Дагестана. Канд. диссертация. 1954, стр. 195.

¹²³ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 15.

было пайти только четыре-пять хозяйств, имеющих пчел. Мед ценился наравне с маслом, и пчеловоды получали немалый доход от продажи меда.

Охотничий промысел был слабо развит в Дагестане, и лишь отдельные любители занимались охотой. В горах охотились на тура, серну, дикую козу, медведя, куницу, лису (чернобурую), барсука, горную индейку и куропатку; на плоскости — на оленя, джейрана, дикого кабана, фазана, куропатку.

Соль добывали из соляных озер, расположенных на территории тарковского шамхала и кайтагского уцмья. Кроме того, в Андийском округе в селениях Нижнее Энхело и Кванхидатль добывали соль путем вываривания.

Дагестанцы умели изготавливать порох. Об этом имеется много сообщений. Военный министр Чернышов интересовался, каким путем горцы достают порох. Генерал Граббе в начале 1841 г. сообщил ему: «Во всяком почти значительном ауле есть люди, которые делают порох, и хотя в малом количестве, но достаточном, однако, и для употребления горцев и потому, что они берегут свои заряды. Селитру для пороха добывают они из известных им трав, серу же — из осадков серных источников»¹²⁴. 23 октября 1841 г. генерал Головин сообщил военному министру, что жители сел. Хоточ производят для продажи порох, а сера в изобилии добывается в селениях Могох (Чабти-Могох) и Чирката¹²⁵. Тиндинцы делали порох сами, оружие получали от куядинцев и харбукцев, свинец — из Тарков¹²⁶.

О. Евецкий отмечал, что «осетины и дагестанцы выделывают для своих надобностей изрядное количество пороха и пуль; пули делают из железа и кизилового дерева, обвертывают они последние свинцом»¹²⁷.

Селитру добывали в селениях Марага, Карчаг и Ничирас¹²⁸. В селениях Могох. Гоцатль и Гоцо добывали серу и производили порох¹²⁹. Жители сел. Чиркаты добывали серу для производства пороха. В 1891 г. на Чиркатинском серном заводе было добыто более 20 тыс. пудов серы, которая была продана в Баку за 21 тыс. руб.¹³⁰

В районе Моллакент, Чумлы, Янгикент, в местностях Сиртляр, Курляр, Хашкой добывали железную руду и делали необходимые для местного хозяйства земледельческие орудия¹³¹. Отдельные месторождения каменного угля, торфа, меди, свинца, серебра были известны населению и разрабатывались кустарным способом. На территории кайтагского уцмья были нефтяные колодцы, из которых жители брали нефть для освещения.

Отходничество

Недостаток в средствах к существованию вынуждал жителей Дагестана отыскивать их на стороне. Аварская пословица гласит: «Бедный человек ради саха зерна годы переваливает».

Многочисленные отряды горцев расходились по городам и селам Кавказа и Закавказья в поисках заработка.

В экономически более обеспеченных районах Северного Кавказа и Закавказья, а также на плоскости Дагестана горцы работали пастухами, косарями, землекопами, садовыми работниками и т. д. Горцы, знавшие ремесло, переходили со своими инструментами из аула в аул или устраивали мелкие мастерские в городах и селах. Кроме того, большое число

¹²⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, связка 840, д. 58, лл. 3—4.

¹²⁵ Там же, л. 5.

¹²⁶ Мочульский И. Указ. соч., ч. II, л. 55.

¹²⁷ О. Евецкий. Указ. соч., стр. 68.

¹²⁸ «Акты», т. VII, стр. 518.

¹²⁹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 159.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, стр. 160.

горцев сопровождало скот на зимние кутаны. Здесь часть горцев, не занятая непосредственно уходом за скотом, работала в ближайших к кутанам селениях в качестве батраков, домашней прислуги и пр.

Отходничество в той форме, в какой мы застаем его в первой половине XIX в., вероятно, существовало и в прошлом, так как экономическая необеспеченность, являющаяся основной причиной отходничества, была и раньше. Ошибаются те, кто считает, что отходничество появилось только после присоединения Дагестана к России. Вместе с тем нет сомнения, что отходничество стало сильнее развиваться в пореформенный период, особенно в 80—90-х годах XIX в. в связи с расслоением крестьянства Дагестана.

В письме начальника Кавказской области к военному министру от 10 апреля 1841 г. говорится: «Из всех мест по Кавказской области наибольшее стечение мирных горцев бывает в городе Кизляре, где занимаются они сбытом своих произведений, а также работами в садах и при береговых укреплениях р. Терека. Горцы приходят туда с весны и остаются до осени. Число их простирается от 10 до 22 тыс., иногда и более»¹³². В отчете дербентского губернатора за 1850 г. сообщается, что «весенние работы на маренниках привлекают сюда из нагорных обществ до 25 тыс. чел.»¹³³

В 1891 г. было выдано «на отлучку» 45 386 «билетов», а в предреволюционные годы в отходничество уходило более 90 тыс. человек, главным образом мужчин. Приводимая здесь таблица показывает численность отходчиков в 1913—1915 гг. по округам и количество земли и скота у этой категории населения¹³⁴.

Таблица 7

Округа	Число отходников		Пашни на душу (дес.)	Скота на душу (голов)
	всего	на тысячу жителей		
Аварский	3 286	87	0,18	3,7
Андийский	9 375	156	0,14	3,8
Гунибский	15 963	228	0,15	5,3
Даргинский	11 763	129	0,22	2,2
Казикумухский	12 069	220	0,15	3,3
Кюринский	8 600	104	0,45	2,1
Кайтаго-Табасаранский	3 828	63	0,36	2,8
Самурский	23 189	327	0,14	7,8
Темир-хан-шуринский	5 240	87	0,22	4,4
Итого:	93 313	155	0,22	3,9

Итак, основным фактором, вызывавшим отходничество, было малоземелье. В Гунибском и Самурском округах в среднем на душу населения приходилось: в первом — 5,3, а во втором — 7,8 голов скота; несмотря на это, больше всего отходников приходится на долю именно этих округов, так как в обоих округах не хватало земли. Более 70% населения этих округов вовсе не имело овец и коз (они были сосредоточены в руках клялаков-овцеводов).

Отходничество первой половины XIX в. нельзя сравнивать по своему значению с отходничеством 80—90-х годов XIX в., так как условия мест,

¹³² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 1.

¹³³ Там же, оп. 5, д. 372, л. 17.

¹³⁴ И. Р. Нахшуннов. Указ. соч., стр. 230.

куда уходили горцы на заработки, и условия их труда резко изменились в связи с проникновением капиталистических отношений и втягиванием Кавказа в общероссийский капиталистический рынок.

Усиление завода в Дагестан товаров фабрично-заводской промышленности, особенно во второй половине XIX в., привело к падению производства некоторых видов изделий кустарной промышленности и к сокращению числа занятых в ней лиц, главным образом мужчин. Однако фактический материал не позволяет согласиться с утверждением П. И. Лященко о том, что в Дагестане к началу нашего века под влиянием капиталистической конкуренции падала также выработка ковров и оружия, исчезло производство бурок. Напротив, расширение рынков сбыта в пореформенный период привело к дальнейшему увеличению производства как ковров и наплевных бурок, так и художественных изделий из благородных металлов и дерева, не встречавших конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности, а также холодного оружия, отличавшегося высоким качеством и художественной отделкой¹³⁵.

Для содействия росту производства этих изделий в Дагестане в начале XX в. были организованы музей кустарной промышленности и ковровая учебно-показательная мастерская, были приняты меры к внедрению в производство лучших образцов изделий и к снабжению кустарей усовершенствованными инструментами. Но эти меры были незначительны и не могли дать больших результатов.

Вместе с ростом ряда промыслов шел процесс общественного разделения — отделение промышленности от земледелия; развивались более высокие формы промышленности.

В пореформенный период, особенно в 90-х годах XIX в., крестьянская домашняя промышленность и ремесло перерастали в мелкотоварное производство, а последнее в отдельных отраслях — в простую кооперацию и раздаточную мануфактуру. Дагестан не знал или почти не знал распространенной в России и особенно в Западной Европе той формы мануфактуры, для которой помимо прочих ее признаков характерна концентрация наемных рабочих в специальных помещениях.

В металлообрабатывающем, шерстеобрабатывающем, художественно-ювелирном и некоторых других промыслах по мере усиления спроса на продукцию происходило дальнейшее разделение труда между производителями и выделение новых специальностей. Не только отдельные изделия, но и их составные части вырабатывались обособленными производителями, специализировавшимися на их изготовлении и проживавшими даже в разных аулах. Как было сказано выше, в производстве кинжалов и шашек кооперировались мастера нескольких профессий.

Разделение труда и кооперирование мастеров смежных специальностей было бы невозможно без скупщиков-посредников, которые располагали необходимыми средствами. Усиливался процесс классового расслоения кустарей, выделения небольшой эксплуататорской верхушки скупщиков и промышленников-предпринимателей, с одной стороны, и массы производителей, работавших на этих предпринимателей у себя на дому или в мастерской у предпринимателей — с другой.

О скупщиках бурок в сел. Ансалта Андийского округа нам рассказал председатель колхоза Нурмагомед Бурзиев. Кустари-бурочники из этого селения первоначально выделяли из своей среды наиболее опытных и предприимчивых людей и поручали им продажу своих бурок, за что платили условленное вознаграждение. Те, кто специализировался на торговле бурками, стали заниматься скупкой бурок. Таким образом появилась группа людей, которая занималась исключительно скупкой и продажей бурок. На этих операциях многие богатели, но и нередко разоря-

¹³⁵ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1948, стр. 565—566.

лись, так как поездки в далекие края были связаны с большим риском. Если скущик разорялся и превращался в несостоятельного должника, об этом объявляли всем жителям селения. При этом соблюдался определенный церемониал: на годекан (место сбора джамаата) собирався народ, которому эл (лицо, исполняющее решение джамаата или указание старшины) объявлял, что такой-то житель сделался несостоятельным должником, разорился. Объявление сопровождалось барабанным боем.

Все те, кому разорившийся скущик был должен, приходили в его дом и распределяли, вернее, захватывали все его имущество, а дом подвергали разрушению; сам должник навсегда покидал селение со своим семейством. Существование подобного адата подтверждается тем, что на аварском языке выражение «бить в барабан» получило переносный смысл и стало означать разорение или крупное несчастье в личной жизни.

Изъятие у крестьян части общественных земель казной, освобождение рабов и отдельных слоев зависимых крестьян, развитие товарно-денежных отношений, рост классовой дифференциации привели к вытеснению известной части крестьян из сферы сельскохозяйственного производства. Увеличение ввоза товаров фабрично-заводской промышленности из центральных районов России и падение в связи с этим цен на многие виды изделий местной кустарной промышленности привели к дальнейшему увеличению свободных рук в деревне. В то же время местная фабрично-заводская промышленность находилась на том низком уровне, что не могла обеспечить работой и десятой доли высвобождавшихся в деревне рабочих рук. Указанные обстоятельства, а также установление после окончания военных действий на Кавказе прочных связей Дагестана с другими районами Кавказа вызвали усиленный отлив мужского населения на заработки за пределы области.

Отходничество, получившее широкие размеры в Дагестане после присоединения к России, было в высшей степени прогрессивным явлением. «Перекочевыванья,— указывал В. И. Ленин,— означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивно думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии и в промышленности, и в столице и в захолустье»¹³⁶.

4. ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Обзор экономики Дагестана XIX в. приводит к коренному пересмотру установившегося в старой литературе взгляда на Дагестан, как на «каменный мешок», как на страну, абсолютно изолированную от внешнего мира.

Мы констатировали выше наличие значительного общественного разделения труда в Дагестане, существование с давних времен торговых связей с народами Закавказья, Северного Кавказа, с Кизляром и Астраханью (по морю и суше), ежегодный уход из Дагестана на заработки большого числа отходников. Кроме того, как указывалось в начале книги, система отгонного животноводства сталкивала значительную часть населения Дагестана с народами, жившими в Закавказье и на Северном Кавказе. Все это говорит о том, что Дагестан был экономически и политически связан с соседними народами.

¹³⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 212.

На плоскости в Дагестане существовали колесные дороги. Географические условия затрудняли общение, а в зимний период из-за снежных заносов и обвалов с частью высокогорных районов вовсе прерывалась связь.

Хозяйство нагорного Дагестана в начале XIX в. было в основном натуральным, что в известной мере определяло и состояние дорог. Все же, как правило, и в горном Дагестане существовали дороги, связывавшие населенные пункты между собой. Правда, это были не колесные дороги, а тропинки, по которым, однако, свободно могли продвигаться нагруженные лошади и ослы.

В первой половине XIX в., когда в ряде горных районов Дагестана происходили военные действия, тропинки сознательно приводились в негодность, так как бездорожье усиливало обороноспособность горцев. В 50-х годах XIX в. Берже и Дубровин указывали на отсутствие в нагорном Дагестане благоустроенных дорог¹³⁷.

Однако до начала активных военных действий дороги здесь были проезжими. Так, в записке участника экспедиции, посланной в Аварию в 1828 г., говорится, что экспедиция ехала из сел. Эндери по маршруту Хубар — Зубутль — Чирката — Цатаних — Хунзах. При этом в сел. Чирката экспедиция проехала по деревянному мосту, проложенному через Андийское Койсу¹³⁸. Автор записки отмечает, что, кроме этой дороги, есть еще более удобные дороги в Аварию: через Салатавию по маршруту Аргуани — Ихали — Хунзах и через Джунгутай по маршруту Аймаки — Гергебиль — Гоцатль — Хунзах¹³⁹.

Мочульский дал подробную характеристику горных дорог Дагестана. Он писал, что дороги в горах проложены по гребням хребтов и удобны от мая до октября. Дороги же из Темир-Хан-Шуры всегда проходима¹⁴⁰.

Горцы уделяли большое внимание дорожному строительству. Забота о дорогах была обязанностью сельской общины, ремонт дорог или устройство новых дорог начинали по решению джамаата. Для проведения дорог по крутым склонам гор требовалось много сил и средств; приходилось делать подпорные стены, сооружать мосты через узкие и крутые ущелья, а для подъема в гору устраивать лестницы из каменных плит. Следы старых дорог остались на многих скалах и утесах, напоминая о титанической работе наших предков, которые, борясь с суровой природой, прокладывали дороги для выхода на широкие просторы плоскогорья Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья.

Известны старинные дороги, связывавшие горный Дагестан с Северным Кавказом и Закавказьем. Это дороги через Ахты, Нуху до Баку; через Казикумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой, в Терскую область; через Чирката, Аргуни, Нижний Бурунтай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аймаки, Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; через Араканы в Джунгутай; через Левашы, Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрек, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; Дербент — Ахты — Нуха; Ахты — Куба — Старая Шемаха — Баку и т. д.

Большие работы по дорожному строительству в приморском Дагестане начались сейчас же после присоединения Дагестана к России. Был проложен почтовый тракт, соединивший Дагестан с главными почтовыми трактами Терской области и Бакинской губернии. Тракт этот имел длину 271 версту и проходил через Чирюрт, Кумтургалу, Темир-Хан-

¹³⁷ «Кавказский календарь на 1859 г.», стр. 251.

¹³⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 16.

¹³⁹ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 1, стр. 188.

¹⁴⁰ Мочульский. Указ. соч., ч. II, л. 24.

Шуру, Карабудахкент до Дербента. На протяжении этого тракта было построено 15 почтовых станций с помещениями для этапных команд и постов воинских частей. На станциях содержалась 91 тройка почтовых лошадей. Эти станции обходились государству в 51 622 руб. в год. В 1868 г. этот почтовый тракт из военного ведомства был передан в ведение Кавказского почтового округа.

В 30-х годах XIX в. было начато строительство стратегических дорог в горы силами войсковых частей и местного населения. Вдоль этих дорог позднее возникли укрепления Ахты, Кумух, Гуниб, Карадах, Хунзах, Ботлих, Чиркей и др. Дороги находились в ведении военного ведомства, а по окончании Кавказской войны поступили в ведение отдела путей сообщения Кавказского почтового округа и содержались за счет государства. Протяженность их к началу XX в. составила 443 версты.

В 60-х годах XIX в. было начато строительство дороги в Темир-Хан-Шуру через Атлыбуюн, так как дорога через Кумтуркала была неудобна, а разливы р. Шура-Озень иногда совершенно прерывали связь с Темир-Хан-Шурой. В этот же период дорожный отдел при губернаторе Дагестана и само население начали строительство дорог экономического значения, которые проводились в густо населенных местностях. Длина этих дорог составляла 352 версты, содержались они за счет земских средств. Все остальные дороги длиной 4500 верст и тропы длиной 3500 верст содержались за счет натуральной дорожной повинности населения¹⁴¹. Ахтынская военная дорога, проведенная в 40-х годах XIX в., соединяла Дагестан с Азербайджаном через горы по сокращенному маршруту. Житель сел. Хнов Али Халафат-оглы в 1847 г. был награжден золотой медалью за прехлетнюю усердную работу на Ахтынской дороге¹⁴².

Большинство шоссежных дорог в горы было проложено в 60-х годах XIX в. Так, от Порт-Петровска до Гуниба была проведена дорога протяженностью в 144 версты. В 1867 г. в Гунибе было открыто почтовое отделение, имевшее на этой дороге семь почтовых станций от Салтинского моста до Карадаха, далее через Голотль до границы Грузии и от Карадахского моста через Хунзах, Тлох до Ботлиха. Кроме того, строились дороги от Ишкартов через Бузну до Унцукуля — 16 верст, от Унцукуля на Цатанях, Хунзах — 14 верст, от грузинского сел. Сабуе по направлению к аваро-какегийской дороге до Кадорского перевала — 18 верст, от Ашильтинских гор на Гумбет — 7 верст, всего 309 верст. В эти же годы силами населения были построены колесные дороги: от Дешлагара через Башлы до Маджалиса и от Маджалиса до Великента на расстояние 55 верст, от Дербента до Хучни — 32 версты, от Кураха до Ричи — 77 верст, от Ахтов до Кубы — 36 верст, от Ахтов до Теплых вод — 7 верст, от Заи до Хунзаха — 17 верст, от Анди до границ Терской области — 9 верст. Всего жителями было построено 432 версты дорог.

За этот же период были построены железные, каменные и деревянные мосты через горные реки: Салтинский железный мост арочной системы через Кара-Койсу; Преображенский железный мост арочной системы через Андийское Койсу; деревянный мост взамен старого у сел. Тлох; каменный мост в Гунибе через Кара-Койсу; каменный мост через Казикумухское Койсу у сел. Цудахар; деревянный мост у сел. Голотль¹⁴³.

К концу XIX в. многие деревянные мосты были заменены железными мостами, в частности у селений Аракань, Голотль и Тлох.

О дорогах горного Дагестана Н. Воронов в 1886 г. писал: «Нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, и,

¹⁴¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 3—4, стр. 49—50.

¹⁴² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 696, лл. 1—3.

¹⁴³ «Отчет об управлении Дагестанской областью с 1 сентября 1863 г. по 1 октября 1869 г.» Темир-Хан-Шура, 1869, стр. 51—61.

однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне, не нуждающиеся даже и в дорогах, потому что поле и дорога равно проходимы. Здесь не то, здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество — своего рода подвиг, риск и во всяком случае большой труд, а между тем, общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью, и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрецивалась телеграфными проволочками»¹⁴⁴.

В горный Дагестан, в частности в Аварию, были проведены следующие дороги: Порт-Петровск — Темир-Хан-Шура — Леваша — Хаджал — Махи — Салтинский мост — Гуниб, протяженностью 144 версты; из Гуниба через Георгиевский мост в Карадах, затем вдоль р. Аварское Койсу до сел. Сабуз в Грузии — более 200 верст; Карадах через Хунзах и Ботлих до г. Грозного; от Темир-Хан-Шуры до Хунзаха через Аркаские горы, Аракань, Красный мост, Чалду, Гоцатль.

В 70—80-х годах только в одной Аварии была построена 431 верста шоссе и грунтовых дорог и на 50 верст тропинки переделаны в колесные дороги¹⁴⁵. В 1891 г. на дорожных работах было занято 345 321 человек и 755 подвод. На взрывных работах за этот год был израсходован 291 пуд пороха¹⁴⁶.

В 1914 г. во всем Дагестане было 795 км грунтовых и шоссе и дорог¹⁴⁷. Опрямная работа была проведена по строительству мостов, надолбов и подпорных стен на дорогах. К 1915 г. имелось 29 мостов с пролетом более 5 сажень, менее 5 сажень — 33, железобетонных — 6, рельсовых — 19, каменных — 8 и деревянных — 59, каменных водосточных сооружений, заменявших мосты, — 431, каменных надолбов — 3140, подпорных каменных стен — 26 572, топелей — 12¹⁴⁸.

В 1915 г. было закончено строительство железобетонного моста через Ахтычай, который соединял Лучекский участок Самурского округа со ст. Белиджи. Строительство железобетонных мостов в Дагестане проводила Екатеринославская фирма. Ею, в частности, построены мосты: через Самур с пролетом в 15 сажень, через Усухчай с пролетом в 12,2 сажень, Кумухский мост с пролетом в 13 сажень и др.¹⁴⁹ Дороги способствовали усилению экономических связей населения Дагестана, содействовали внедрению колесного транспорта (арба, фургон, фаэтон, тачанка и т. д.) не только на плоскости, но и в горах.

Исключительно большое хозяйственное оживление произошло в Дагестане после открытия железнодорожной магистрали. В 1893 г. Владикавказская железная дорога была доведена до Порт-Петровска, а в 1897 г. — до Дербента. В августе 1899 г. открылась железная дорога Дербент-Баку. В 1915 г. закончилось строительство Темир-Хан-Шуриной ветки железной дороги.

В связи с развитием транспорта увеличилось производство вина, консервов и других товаров. Так, производство вина возросло с 100,8 тыс. ведер в 1879 г. до 1483 тыс. ведер в 1903 г.¹⁵⁰ Добыча сельди по сравнению с 1893 г. увеличилась в 1907 г. в 26 раз¹⁵¹. Арендная плата за рыболовные участки с 650 руб. в 1892 г. поднялась до 69 023 руб. в 1905 г.¹⁵²

¹⁴⁴ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 3, 1870, стр. 19.

¹⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 24, оп. 3, д. 83, л. 24.

¹⁴⁶ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 165.

¹⁴⁷ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 3—4, стр. 49.

¹⁴⁸ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.», стр. 33.

¹⁴⁹ «Дагестанские областные ведомости», 1915, № 29.

¹⁵⁰ И. Р. Нахшунув. Указ. соч., стр. 295.

¹⁵¹ «Обзор Дагестанской области за 1908 г.», стр. 41—42.

¹⁵² И. Р. Нахшунув. Указ. соч., стр. 296.

Отправка грузов со станции дагестанского участка железной дороги в 1902 г. составила 407 тыс. ц против 21 тыс. ц в 1895 г.¹⁵³ В 1903 г. только со станции Дербент было отправлено 13 тыс. ц консервов, а в 1916 г. — 50 тыс. ц. Соответственно увеличился и завоз товаров в Дагестан. Заметно стала развиваться капиталистическая промышленность, и, как результат этого, возрастало число городских жителей.

Неоценимое значение имело проведение по всему Дагестану шоссейных и грунтовых дорог, а также капитальное строительство железных, железобетонных и деревянных мостов через бурные горные реки. Эти дороги способствовали усилению экономических связей народов Дагестана между собой и между соседними народами, что в свою очередь приводило к стиранию локальных экономических особенностей и втягивало Дагестан в русло экономического развития всей страны.

Развитие дорог в Дагестане сопровождалось созданием сети почтово-телеграфных учреждений, которых в 1915 г. в Дагестане насчитывалось 18 с 44 почтовыми ящиками. В этих учреждениях работало 113 почтовых чиновников и 95 служащих. Все округа Дагестана имели телеграфную и телефонную связь с областным центром — Темир-Хан-Шурай.

Дорожное строительство в Дагестане в XIX в. — яркое свидетельство, а сами дороги — убедительное вещественное доказательство прогрессивного значения присоединения Дагестана к России.

5. ТОРГОВЛЯ

Главным торговым центром Дагестана с раннего средневековья был Дербент¹⁵⁴. Ал-Истархи писал, что Баб-уль Абваб (Дербент) больше Ардебиля, служит портом Серира и других стран кяфиров (неверных), что из него вывозится полотняная одежда, там происходит оживленная торговля, в частности рабами. Это торговое значение Дербент сохранял всегда, то угасая, то расцветая в зависимости от внешних и внутренних факторов.

Торговые связи народов Кавказа, в том числе и Дагестана, с русским народом, как мы отмечали выше, уходят в глубь веков. Еще Киевская Русь и княжество Тмутаракань торговали с народами Кавказа и, в частности, западного побережья Каспия. В XV в. в Дагестане побывал Афанасий Никитин, ехавший в Индию на одном из двух торговых судов, которые потерпели аварию близ города Дербента¹⁵⁵.

С присоединением Казани и Астрахани к России открылся волжско-каспийский торговый путь. Сухопутная дорога из Астрахани в Закавказье также проходила через территорию Дагестана. С этого времени Дагестан вошел в орбиту торговых сношений России с Востоком.

Гербер писал, что жители сел. Тарки отправляют кучество в Персию и в Россию, что в Дагестане имеет место торговля рабами. Гербер отмечает, что в Дербенте находилось много персидских, грузинских, армянских и индийских купцов¹⁵⁶. В 1770 г. было дано указание не пропускать в дагестанские селения тех купцов, которые приезжают за рабами¹⁵⁷.

¹⁵³ «Обзор Дагестанской области за 1908 г.», стр. 42.

¹⁵⁴ К сожалению, о состоянии торговли в Дагестане в XIX в. мы не имеем разработанных статистических материалов. Ввиду этого нам пришлось по крупицам собирать материал, характеризующий состояние внешней и внутренней торговли Дагестана; нами использованы высказывания различных исследователей и переписка гражданских и военных чиновников, в которой характеризуется торговля Дагестана. Нам удалось также обнаружить архивные документы, проливающие свет на этот вопрос.

¹⁵⁵ А. Никитин. Хождение за три моря. М., 1950, стр. 10.

¹⁵⁶ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 33; С. Броневский. Указ. соч., стр. 313.

¹⁵⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 28.

Будучи заинтересована в вовлечении кавказских народов в экономическую связь с Россией, Екатерина II в 1762 г. издала указ об освобождении от пошлин товаров, привозимых от горских народов¹⁵⁸, а в 1765 г. было «сделано постановление, чтобы кабардинцы и кумыки не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре»¹⁵⁹. В этот период происходила оживленная торговля России с Дагестаном. В рапорте мурзы Канбулата Шикдякова от 27 февраля 1774 г. на имя кизлярского коменданта тверского войска говорится: «До приезда моего еще к удмию отправившихся отсюда для торга в Дербент с товаром здешних жителей тезиков (купцов.— Х.-М.Х.) Аличея Мамет Сеннова, Сейхана и Арсланбека Аджихановых и Кумачая захватил хайдацкий удмий в баранту имеющиеся при них товары: семи капсельярского три пуда, краски брусковой 12 пудов, отобрав, запечатал своею и тезика Аличея печатами»¹⁶⁰.

Указ Сенату от 2 января 1799 г. предусматривает значительное развитие торговли между Россией и азиатскими народами через астраханский порт и через кизлярскую, моздокскую, оренбургскую и другие таможни. В указе рекомендуется торговать железом (листовым, полосным, сортовым), а также инструментами, медью и другими товарами «во всяком отливном мастерстве»¹⁶¹.

В 1810 г. комитет министров утвердил специальное положение о развитии торговли с горскими народами. По этому положению предусматривалось создание меновых дворов по Кавказской линии¹⁶².

7 ноября 1810 г. исполняющий должность папгаузского инспектора дербентской таможенной заставы сообщил о прибытии из нагорного Дагестана товара на восьми вьюках. В его же рапорте от 4 декабря 1810 г. говорится о привозе коломенским купцом Шапошниковым разных товаров, в том числе хлопчатобумажных¹⁶³. Имеется журнальная запись чиновника дербентской таможенной заставы от 6 октября 1810 г. о вывозе в Баку 40 пудов меди в ломе дербентским жителем Мешади Расулом, трех мест разного товара в Кубу — губденским жителем Амзаковым, 170 ведер вина в Астрахань — жителем Кизляра¹⁶⁴. Зафиксирована просьба дербентского жителя о разрешении ему вывоза товаров в Кизляр¹⁶⁵.

В ведомости дербентской таможенной заставы за 1813 г. имеются данные о вывозе из Дагестана большого количества бурок, овчин, шафрана, паласов, тулупов и других товаров¹⁶⁶. 14 мая 1814 г. дербентская таможенная застава выдала свидетельство дербентским купцам о получении от них торговых пошлин за провоз товаров морем в Астрахань¹⁶⁷.

Об усилении торговли Дагестана с Кизляром и Астраханью свидетельствует тот факт, что 26 ноября 1814 г. министр финансов дал указание дербентской таможенной заставе выдавать без ограничения свидетельства купечеству на провоз товаров в Астрахань¹⁶⁸.

Жители гор не стояли в стороне от происходящей на плоскости Дагестана торговли. К ним проникали купцы, и сами горцы выезжали с товаром на плоскость и за пределы Дагестана. Интересный документ представляет собой письмо Умма-хана Аварского, относящееся к концу

¹⁵⁸ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 123.

¹⁵⁹ Там же, стр. 104, 106.

¹⁶⁰ «Известия Кавказского историко-археол. ин-та», т. III, 1925, стр. 142.

¹⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 17.

¹⁶² ЦГА ДАССР, ф. 1268, оп. 1/68, д. 575, л. 43.

¹⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 7.

¹⁶⁴ Там же, д. 2, л. 14.

¹⁶⁵ Там же, л. 33.

¹⁶⁶ Там же, д. 4, лл. 144—146.

¹⁶⁷ Там же, лл. 174—175.

¹⁶⁸ Там же, л. 206.

XVIII в. Из этого письма видно, что купцы-евреи, прибывшие в Аварию с товаром, были ограблены на территории Андалальского общества. Умма-хан писал Андалальскому обществу: «Вы были друзьями, но жители сел. Мегеб Мпрза причинил большой ущерб моему имуществу и моим гостям-евреям. Среди исламистов небывалый случай убийства еврея и ограбление. Относительно крови мы разберемся после моего возвращения из поездки. Имущества возвращено на 250 руб. меньше, чем было опраблено. Если подобный случай был бы со стороны моих людей, то я бы быстро разрешил этот вопрос. По этому поводу едет к вам Максуд-Кади, примите меры к удовлетворению опрабленных»¹⁶⁹.

За пределы Дагестана — в Кизляр, Астрахань, Нуху, Шемаху, Тифлис — дагестанцы вывозили сушеные фрукты, орехи, сукна, бурки, ковры и холодное оружие; в частности, в Грузию вывозили «в весьма большом количестве сукно разных доброт..., большей частью темных цветов, на одежду всех обитателей Грузии, шерстяные бурки в таком же количестве, оружие всякого рода в серебряной оправе с позолотой и без оной, попоны шерстяные для лошадей и покрывала для вьюков, шкуры куньи и лисьи, воск и шелк-сырец»¹⁷⁰. В Дагестан ввозили хлеб, рис, нефть, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные и шерстяные ткани русского производства, оружие огнестрельное, а также предметы роскоши и пряности¹⁷¹.

О значительном развитии дагестанской торговли в начале XIX в. свидетельствуют данные о Дербенте. Здесь было 420 лавок, принадлежавших 80 торговцам, при караван-сараях. Торговлей с другими городами занимались 25 человек. Хождение имели голландские червонцы, русские серебряные рубли, мелкие медные деньги и ассигнации, а также ширванские и кубинские абазы.

Большой помехой в развитии торговли Дагестана была его феодальная раздробленность. Торговля была сопряжена с большими расходами, так как каждый владелец, через территорию которого надо было проехать с товаром, взимал так называемый рахтарный сбор (торговую пошлину). Так, чтобы доставить товар сухим путем из Дербента до Кизляра, надо было платить рахтарный сбор в Дербенте, Тарках и Казииюрте в следующих размерах: с одной арбы товаров (от 40 до 50 пудов) в Дербенте — 2 руб. 50 коп., в Тарках — 5 руб. 20 коп., в Казииюрте — 3 руб. серебром. Сверх того, во владениях шамхала тарковского с каждого тая шелка — еще по 2 руб., а в Дербенте — по 1 руб. серебром. В Тарках взыскивали с одного пуда канцелярного семени 60 коп., с одного верблюда — 1 руб., с одной лошади и одной головы крупного рогатого скота — по 50 коп., с барана — 5 коп. За наем арбы до Кизляра надо было заплатить около 10 руб. Таким образом, сухопутная торговля вызывала накладные расходы на один пуд товара до 3 руб. 20 коп. Морской фрахт обходился только в 1 руб. 40 коп. серебром, но частые штормы и неудобство дербентской гавани мешали морской торговле.

По данным Броневского, в 1807 г. из Дербента и Ширвана в Кизляр было вывезено вина, риса, орехов, свежих и сушеных фруктов, меда, масла, рыбы, марены и других товаров на сумму 181 564 руб., а в г. Астрахань — на сумму 1 073 390 руб. Ввезено товаров из этих городов в Дагестан и в Ширван: из Кизляра на 160 028 руб., из Астрахани на 476 212 руб.¹⁷² Из Дербента вывозили в Кубу и Баку кожи и уксус, шелковые и бумажные материи, вино и водку; в Ширван — табак, воск, овчинные тулупы.

¹⁶⁹ Подлинник письма находится у Мансура Гайдарбекова из сел. Гиничуть Хунзахского района.

¹⁷⁰ «Акты», т. 5, стр. 334.

¹⁷¹ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 231.

¹⁷² Там же, стр. 454—457.

Русские ситцы, нанки и другие хлопчатобумажные товары, сахар, чай, посуда, металлические изделия, сундуки находили много потребителей в Дагестане. С жителей Дагестана с 1799 г. стали взysкивать пошлину за торговлю в Кизляре. По данным кизлярской таможни, за 1799 г. была собрана торговая пошлина на сумму 4801 руб., в том числе серебряной монетой — 4440 руб.¹⁷³

Об оживленных торговых связях дагестанских горцев с грузинами свидетельствуют хранящиеся в архивах деловые письма. В одном из них, относящемся к 13 июля 1802 г., говорится, что андухские, капучинские и карахские жители просят о позволении производить торговлю с Грузией. Закавказское купечество и ремесленники, которые прежде торговали с лезгинами, также просят позволить лезгинам производить торговлю по-прежнему в Грузии¹⁷⁴.

Один из аварских феодалов, Алисканди, обратился в 1802 г. к князю Цицианову с просьбой разрешить жителям обществ Хунз, Баклолал и Каралал ездить в Грузию для торговли, как и прежде¹⁷⁵. В 1807 г. Султан-Ахмед-хан Аварский просил Гудовича разрешить беспoшлинную торговлю с Грузией, на что был получен отрицательный ответ¹⁷⁶. В 1809 г. многие общества Аварии: Согратль, Маали, Шодрода, Ботлих, Анди и др., также просили разрешения на торговлю в Грузии и в пределах России¹⁷⁷.

В 1812 г. генерал Ртищев в ответ на просьбу Ансалтинского общества разрешить ездить в Грузию по торговым делам сообщил, что предоставит «всевозможные выгоды наравне с теми, каковыми пользуются российские подданные»¹⁷⁸.

Какое огромное хозяйственное значение имела для горцев торговля, видно из того, что князь Орбелиани предложил как меру борьбы с непокорными горцами запретить им торговлю, перегон скота на плоскость и продажу им хлеба¹⁷⁹.

Отношение к торговле горцев резко изменилось с назначением на Кавказ Ермолова. Вместо того чтобы использовать стремление горцев вести торговлю со своими соседями, Ермолов в порядке репрессий издал ряд приказов, стеснявших или совершенно запрещавших торговлю. Так, он приказал запретить аварцам проезд в Кахетию и в Нуху, захватывать все привозимые ими товары и «считать все это собственностью тех, кто представит начальству захваченных»¹⁸⁰. Так же было велено поступить с аварцами, если они окажутся в Шемахинском ханстве¹⁸¹. 18 ноября 1818 г. Ермолов отменил данное анухцам разрешение производить торг в пределах Грузии. Причиной, побудившей Ермолова принять эту меру, был слух, что андухцы поддерживают грузинского царевича Александра¹⁸². В 1823 г. Ермолов дал указание запретить армянам и евреям производить торг с аварцами¹⁸³. В 1823 г. Ермолов приказал не пропускать аварцев и андийцев на Кумыкскую плоскость¹⁸⁴.

После запрещения торговли с Грузией дидойцы 19 июня 1821 г. писали в Грузию, что они «находятся в унынии» вследствие того, что их караванам запрещено ходить в Грузию, что они с грузинами, «как спина

¹⁷³ «Акты», т. I, стр. 757.

¹⁷⁴ Там же, стр. 660.

¹⁷⁵ «Акты», т. II, стр. 755.

¹⁷⁶ «Акты», т. III, стр. 376.

¹⁷⁷ «Акты», т. IV, стр. 599—601.

¹⁷⁸ «Акты», т. V, стр. 614.

¹⁷⁹ «Акты», т. III, стр. 370.

¹⁸⁰ «Акты», т. VI, ч. II, стр. 26.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же, стр. 30.

¹⁸³ Там же, стр. 29.

¹⁸⁴ Там же, стр. 30.

и брюхо», и просили сохранить добрососедские отношения, как сохраняли их предки.

Крупным торговым и экономическим центром всего Кавказа и Закавказья в первой половине XIX в. был Кизляр. Он вел торговлю, с одной стороны, с Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской и другими губерниями, а с другой — с горскими народами. В 30-х годах XIX в. из 9 тыс. жителей Кизляра более 1 тыс. были купцы. В 1834 г. в Кизляре было продано русских и персидских товаров на 1130 тыс. руб.¹⁸⁵ Нами обнаружен документ о торговых связях горцев с г. Кизляром в начале 40-х годов. Это составленная жандармским подполковником Прянишниковым «Ведомость огнестрельному оружию, товарам, съестным припасам, фруктам и прочим предметам, привезенным мирными горцами в 1842 г. на продажу в г. Кизляр»¹⁸⁶.

В примечании к «Ведомости» этих товаров говорится, что они привезены горцами Северного Дагестана, преимущественно тарковскими жителями¹⁸⁷.

Амир-аджи-юртовская таможенная застава находилась на территории Северного Дагестана, и дагестанские товары в Кизляр проходили через нее¹⁸⁸.

Горские товары встречаются в ведомостях почти всех застав. Так, например, Червленной карантинной заставой в том же году засвидетельствовано 338 кусков сукна, 448 черкесок, три шапки, 175 бурок и т. д.

Наместник Кавказа Воронцов стоял за расширение торговых связей с горцами. Н. 1845 г. он писал, что «торговля есть одна из ближайших и действительных мер к сближению нашему с горцами и к упрочению наших сношений»¹⁸⁹. Он сообщил, что от горцев Кавказа на обмен и продажу в меновые дворы поступили: лес, мед, воск, бурки, войлок, самодельные

¹⁸⁵ П. Заблоцкий. Путевые заметки из Астрахани в Баку. «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 29, 1835, стр. 12—19.

¹⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, лл. 9—10. Было привезено: ружей — 1363 шт., штыкостов — 870, замков ружейных и пистолетов — 1144, кинжалов — 1337, огнив — 265, ножей — 109, ножиц — 260, набрусов роговых — 190, патронов деревянных — 80 пачек, чехлов ружейных — 142 шт., черкесок суконных — 762, сукна — 1398 кусков, поясов ременных — 2284, чукяк — 288 пар, бурок — 486, шуб овчинных — 1128, шапок — 453, шкур лисьих — 346, сафьянов выделанных — 5697, плетей кожаных — 340, седел — 38, кож воловьих — 146, масла коровьего — 49 пудов, кож овчинных — 1520 шт., краски марены — 265 кип, кошмы с войлоком — 140, платья шерстяных — 23, трубок деревянных — 2806, газырей — 220 пар, камней диких — 28, кувшинов медных — 290, глиняной посуды — 32 арбы, деловой лес — 1541 бревно, уголь — 96 арб, дров — 980 арб, плотов по р. Терек — 57, муки и пшеницы — 1289 мешков, сорочинского пшена — 848 мешков, ячменя — 118 мешков, муки — 89 мешков, чеснока — 129 мешков, черемши — 160 мешков, рыбы сушеной — 121 пуд, вязги — 5 пудов, икры паюсной — 9 бочек, меду — 60 пудов, клею рыбьего — 8 пудов, фруктов разного рода — 390 арб, свежих и сухих фруктов — 3104 мешка, птиц разных — 2949, лошадей — 1399, быков — 10 949.

¹⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, лл. 9—10.

В 1842 г. в г. Кизляр были привезены: аладжи — 1078 шт., тафты — 32 шт., шелковых платков — 468 шт., канауса — 6 шт., бязи — 13 836 шт., кумача — 1498 шт., ситца — 1514 шт., скатертей — 100 шт., ковров шерстяных — 153, бурмета — 5370 шт., одеял — 1841 шт., выбойки — 1878 шт., пестряди — 34 шт.

¹⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 101. В 1844 г. через эту заставу было проведено в Кизляр: сорочинского пшена — 35 чувалов (крупные мешки); ружей — 185 шт., кинжалов — 239, отверток — 90, ножей — 30, сафьянов — 6721, шапок — 241, ноговиц — 6 пар, газырей — 139 пар, шуб овечьих — 30 шт., зигунов — 172, поясов — 1347, сукна — 64 куска, шкур заячьих — 219, шкур лисьих — 1487, шкур волчьих — 31, шкур козьих — 2740, шкур бараньих — 2050, шкур куньих — 58, шкур кошачьих — 110, воску — 9 пудов 17 ф., пшаровар — 14, ружейных чехлов (или пузырей) — 29, паласов — 67, ножиц — 195 шт., яблок — 5 чувалов, башлыков — 6, пашек — 11, медных кувшинов — 26, марены — 21 чувал, саидалового дерева — 1 пуд, плетей — 13 шт., невыделанных воловьих кож — 53, икры паюсной — 7 пудов 30 ф., кишмиша — 15 пудов, абрикосов — 3 пуда, чернослива — 2 пуда, башмаков — 145 пар, замков ружейных — 300 шт., айвы — 3 чувала, сушеных дынь — 1 чувал, глиняной посуды — 3 арбы, бурок — 61, железных газырей — 60 шт.

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 1.

сукна, коиские уборы, серебряные мелкие поделки, масло, сало, овчины, шкуры диких зверей, скот, соломенные циновки, фрукты и т. д.¹⁹⁰

В 1885 г. было ликвидировано Управление для надзора за меновой торговлей и введено откупное содержание меновых дворов¹⁹¹.

В 40-х годах XIX в. из Дербента стала вывозиться марена высокого качества. Евецкий писал, что марены вывозятся ежегодно на 40 тыс. руб. серебром в Кизляр и на 65 тыс. руб. серебром в Астрахань¹⁹². По данным «Кавказского календаря», в 1850 г. в Дербенте было собрано 58 тыс. пудов марены и для ее обработки привлекалось до 20 тыс. горцев¹⁹³. Мареповодство начало развиваться и в шамхальстве Тарковском¹⁹⁴.

По данным отчета дербентского военного губернатора, через дербентский порт в 1845 г. было вывезено 80 250 пудов марены, 7196 пудов сушеной груши и 9045 пудов грецких орехов, а в 1854 г.— уже 130 396 пудов марены, 30 340 пудов груши и 47 038 пудов орехов¹⁹⁵. Реализация марены в 1845 г. дала 32 008 руб., в 1846 г.— 259 697 руб., в 1850 г.— 399 476 руб.¹⁹⁶

В 1843 г. через дербентский порт проходило только 36 судов с грузом на 80 980 руб. (хлеб, металлы, металлические изделия, фарфор и т. д.). В отчете за 1850 г. дербентский губернатор писал, что главным предметом вывоза была марена, которая направляется через Астрахань на Нижегородскую ярмарку и в Москву. Марены было вывезено в 1849 г. 72 632 пуда на сумму 399 476 руб. В 1854 г. на рейде в Дербенте и Низобате стояло уже 218 судов. Было вывезено 1034 пуда рыбы и 58 696 ведер вина¹⁹⁷.

Предметами ввоза были ковры из Персии, «красилье» и бакалейные товары из Астрахани, овощи, производством которых дагестанцы не занимались¹⁹⁸.

В 1850—1852 гг. железо и железные изделия привозились в Дагестан из России морем через Астрахань. Ежегодно в Дербент поступало до 40 тыс. пудов железа. Продавать железо по военным соображениям разрешалось только мирным горцам и не более 10 пудов в одни руки. В Порт-Петровск поступало 2500 пудов железных изделий и 1200 пудов железа, а также до 300 пудов чугуна¹⁹⁹.

В 60-х годах увеличился вывоз фруктов. Если в 1848 г. было вывезено только 9609 пудов фруктов, то уже в 1864 г.— 25 136 пудов.

Ввоз и вывоз товаров через Петровскую карантинно-таможенную заставу в 60-е годы XIX в. характеризуется следующими данными (в руб.)²⁰⁰ (см. таблицу на стр. 119).

Как видно из отчета начальника Дагестанской области, за 1863—1869 гг. через дербентский порт было привезено товаров на 4 691 636 руб. и вывезено на 88 610 917 руб. В 1891 г. из Дагестана было вывезено разного товара в количестве 666 400 пудов, а ввезено из Астрахани и Баку 1 336 442 пудов, главным образом мануфактуры, бакалейных товаров, леса, железных, чугунных и стеклянных изделий²⁰¹.

¹⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. I, д. 782-а, л. 8.

¹⁹¹ Там же, л. 106.

¹⁹² О. Евецкий. Указ. соч., стр. 57.

¹⁹³ «Кавказский календарь на 1852 г.», стр. 323.

¹⁹⁴ И. Березин. Указ. соч., ч. I, стр. 65.

¹⁹⁵ Отчет дербентского военного губернатора за 1854 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, д. 200, л. 36.

¹⁹⁶ Там же, д. 372, л. 55.

¹⁹⁷ Там же, оп. 8, д. 200, л. 5.

¹⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 17.

¹⁹⁹ Н. Дюкрусси. О торговле железом в Закавказском крае. «Зап. Кавказского отдела Русского географ. об-ва», кн. 2, 1853, стр. 48.

²⁰⁰ «Путеводитель по Дагестану». Тифлис, 1874, стр. 8—9.

²⁰¹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 161.

В Дагестане находился нефтееперевалочный пункт, через который было отправлено в 1900 г. 2 953 806 пудов нефти, 19 849 114 пудов керосина, 1 743 363 пуда газового масла, 248 884 пуда минерального масла, 153 365 пудов неочищенного дистиллата, 3 178 421 пуд мазута, 11 260 пудов бензина²⁰².

Т а б л и ц а 8

Годы	Ввоз	Вывоз
1864	1 348 544	122 108
1865	1 198 482	79 226
1866	1 301 930	- 6 074
1867	1 504 750	31 670
1868	1 711 744	186 644
1869	2 218 989	194 201

Правда, эти данные в целом не могут быть отнесены только к Дагестану, так как через Порт-Петровск проходили транзитные товары. Однако это свидетельствует о расширении торговли и увеличении грузооборота на территории Дагестана.

Внутренняя торговля в горах Дагестана в начале XIX в. была слабо развита и носила меновой характер. Мерилом ценности в разных частях Дагестана служили овцы, локоть холста или саба зерна. При наличии общественного разделения труда нельзя было обходиться без торговли. Как мы видели, большинство горцев не имело овец, но ни одна семья горца не могла обходиться без овчины на шапки и шубы; каждой семье, которая не имела овец, приходилось покупать овчины или приобретать их в обмен на зерно или фрукты. Кустарная промышленность по обработке шерсти тоже нуждалась в шерсти, кустари покупали ее на рынке или обменивали на свои изделия. Крестьянам были необходимы сельскохозяйственные орудия и другие предметы кустарной промышленности. Разносная торговля, господствовавшая в горах вплоть до второй половины XIX в., зиждилась в основе своей на обмене фабричных и кустарных изделий, особенно мануфактуры, на продукты животноводства, главным образом масло, сыр, а также шерсть. Эти продукты торговцы перепродавали в городах по более высоким ценам.

В начале XIX в. в Дагестане пользовались известностью как торговые центры селения Эндери, Араканы, Чох, Согратль, Казикумух, Цудахар, Анди, Акуша. «На бурки, — писал Дубровин, — андийцы ведут свою меновую торговлю. Ежегодно съезжаются туда торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки, отправляют их на линию и в Тифлис, а андийцам взамен их продают «красный товар», железо, оружие, соль и кукурузу»²⁰³.

Большим тормозом в развитии торговли, как было сказано выше, являлись феодальные торговые пошлины, так называемые рахтарные сборы. В 1831 г. эти рахтарные сборы были заменены в Закавказье таможенными сборами, в связи с чем было организовано Закавказское таможенное управление²⁰⁴. Военный министр писал 20 ноября 1837 г. министру финансов о необходимости уничтожить рахтарные сборы и в Дагестане. Барон Розен дал указание ежегодно выплачивать шамхалу тарковскому взамен его доходов от рахтарного сбора 5 тыс. руб. серебром, султану елисуейскому — 600 руб. серебром²⁰⁵.

²⁰² ЦГА ДАССР, ф. 24, оп. 3, д. 83, л. 23.

²⁰³ Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, стр. 500.

²⁰⁴ «Акты», т. VII, стр. 153.

²⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 59, л. 3

По свидетельству Мочульского, горцы Западного Дагестана занимались торговлей бурками, оружием (кинжалы), шерстяными тканями, шерстью, маслом, сыром, кожей. Соль они получали из сел. Кванхидатль или же из шамхальства тарковского, железо — из Грузии, торговыми центрами в горах являлись Хунзах и Кумух²⁰⁶. «На восточном Кавказе, — писал Берже, — андалальцы отличались предприимчивостью и в давнее время служили главными проводниками нашей торговли с горцами»²⁰⁷.

В 1841 г. генерал Ключки фон Клугенау писал, что некоторые горцы производят всю торговлю с андалальцами и казикумухцами через Гидатлинский мост и что захват этого моста принудит горцев покориться²⁰⁸.

Дубровин сообщает, что в начале XIX в. Андия являлась большим торговым центром, куда свободно приезжал каждый торгующий и даже мог там остаться на жительство. Предметами торговли были лошади, оружие из Кубачи, из Персии и Турции, бурки, стоившие от 3 до 5 руб. Существовал торг людьми, как и в сел. Эндери²⁰⁹. «Свинец, олово и медь, — писал Мочульский, — горцы покупают у евреев в Тарках, Дербенте, Кубе и во владениях союзных ханств»²¹⁰.

Из отчета за 1843 г. начальника Каспийской области, в состав которой входила и часть Дагестана, видно, что крупные базары в области были в 20 пунктах. Общий оборот исчислялся в 363 610 руб. серебром.

В середине XIX в. на плоскости большое торговое значение приобрели Дербент, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура. В 1857 г. в Темир-Хан-Шуре 117 строений и 108 лавок принадлежали торговцам²¹¹.

В 1864 г. оборотный капитал в Дербенте составлял 8 млн. руб. серебром (ввиду отсутствия кредитных учреждений ростовщики давали торговцам ссуды, получая высокий процент). В Дербенте было произведено разных местных изделий на 1 066 053 руб. В том же году было ввезено в Дербент товаров на 51 997 руб., пришло 230 судов.

В связи с разразившимся хлопчатобумажным кризисом и открытием алмазника цены на марену в 1864 г. упали. В 1857—1859 гг. пуд марены стоит от 7 до 9 руб., а в 1864 г. — только 4 руб. Производство марены резко снизилось. Мареноводы разорились²¹². В то же время повысились цены на фрукты. Так, например, в 1848 г. пуд прущ в Дербенте стоит только 30 коп., а в 1864 г. — 1 руб. 20 коп. Пуд грецких орехов в 1858 г. стоит 55 коп., а в 1864 г. — 1 руб. 26 коп.

В районах Дагестана, охваченных военными действиями, развитие торговли было сильно затруднено.

После прекращения военных действий в торговлю стали постепенно втягиваться все селения Дагестана; ремесленники и кустари начали все больше производить товаров для реализации на внутренних рынках и для вывоза за пределы Дагестана. Начали поступать на рынок продукты скотоводства и садоводства.

Меновая торговля начинает уступать денежной, расширилась существовавшая в горах разносная торговля.

По переписи 1886 г., в одном только Даргинском округе было 186 торговцев, большинство которых вело разносную торговлю²¹³. В крупных населенных пунктах появились базары, в окружных центрах и слободах, где были сосредоточены воинские части, открылись постоянные магазины.

²⁰⁶ Мочульский. Указ. сч., ч. I, стр. 115.

²⁰⁷ А. Берже. Кавказ. «Живописная Россия», т. IX, 1883, стр. 82.

²⁰⁸ «Кавказский сборник», т. 32, стр. 453.

²⁰⁹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. II, стр. 500.

²¹⁰ Мочульский. Война на Кавказе и Дагестан. ЦГВИА, ф. ВУА, 6528, ч. I, л. 83.

²¹¹ Е. И. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры. СМОМПК, вып. 19, 1894, стр. 41; «Акты», т. 12, стр. 415.

²¹² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, д. 31, лл. 438—463.

²¹³ «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков. Тифлис, 1890, стр. 81.

«В каждом пятом или десятом селении Дагестана,— писал О. В. Марграф,— еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары. Из земледельческих и садовых округов привозят семена на посев, фрукты, пеньковые изделия; женщины выносят свои сукна, ковры, паласы, готовые черкески, а другие — шелковые и металлические ленты; медники сидят со своей посудой, оружейники разложили кинжалы, шашки, винтовки, пистолеты; овцеводы пригнали на продажу стада овец. Все меняют, покупают, продают»²¹⁴.

В 1891 г. ежедневные базары бывали в следующих селениях Дагестана: в Нижнем Дженгутае, Чирюрте, Губдене, Левашах, Уллуая, Акушах, Урара, Мекегах, Цудахаре, Хаджал-Махах, Балкаре и Урахи Даргинского округа; в Хунзахе и Унцукле Аварского округа; в Гунибе, Карадахе, Гергебиле, Чохе и Согратле Гунибского округа; в Кумухе, Кули и Кая Казикумухского округа, в Маджалисе, Кубачах, Дешлагаре и Харбуке Кайтаго-Табасаранского округа; в Касумкенте и Курахе Кюринского округа; в городах Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Порт-Петровске.

Среднегодовой оборот хунзахского базара в 90-х годах XIX в., по приблизительным данным, составлял 50 тыс. руб.²¹⁵

В 1892 г. житель сел. Гиничуть М. Омаров открыл духан и мелочную торговлю в укреплении Карадах с суммой оборота в 500 руб. Там же была лавка отставного фельдфебеля О. Я. Букася с оборотом 300 руб. В ауле Гергебиле были открыты три лавки мелочной торговли. В самом Гунибе было три магазина, один из них имел оборот в 10 тыс. руб. В селениях Чох, Согратль, у Салтинского моста и в других местах открылись магазины и лавки по торговле мануфактурой и другими товарами²¹⁶.

В 1898 г. в Казикумухском округе было 36 мануфактурных лавок, а в 1899 г.— 37 с оборотом каждой в 5 тыс. руб.²¹⁷ В самом сел. Кумух образовался крупный торговый дом Нурадиновых — дагестанских миллионеров²¹⁸. В 1899 г. в Гунибском округе существовало 30 лавок по торговле разными товарами.

В 1900 г. в городах Дагестана было семь складов вина и спирта, 37 винных погребов (кроме того, в селениях было еще восемь). Погребов для продажи виноградных вин в городах было пять, в селениях — два; трактиров в городах — 35, духанов — 68 и в селениях — 17. Питейный доход в этот год составил 255 712 руб.— на 51 802 руб. больше, чем в 1899 г.; табачный доход — 138 540 руб., нефтяной доход — 11 482 руб. (против 172 302 руб. в 1899 г., что объясняется отсутствием запаса керосина на складе в этом году).

Фруктово-виноградно-водочных заводов было: усовершенствованных — 3, неусовершенствованных — 33, из коих действовали 25 заводов, где было выкурено вина на 683 540 руб. Пивоваренных заводов было три, из них один в Порт-Петровске и два в Темир-Хан-Шуре; выварено пшва 95 013 ведер (на 8115 руб. акциза). Табачные плантации занимали 36 десятин, собрано табаку первого сорта 300 пудов, низшего — 1649.

В Порт-Петровске были следующие предприятия: две табачные фабрики, рыбный промысел (в самом городе) с 15 рабочими, пекарни, молочные, булочные, кондитерские, аптекарский магазин, завод искусственных минеральных вод, склад лесных материалов, портняжные и сапожные мастерские, часовые мастерские, мастерские золотых дел мастеров, склад сахара, железный и скобяной магазин, керосиновые резервуары, магазины галантерей и обуви, мануфактурный магазин, мучная и бакалейная торговля, парикмахерские, мебелированные комнаты, пивная лавка, склады вина,

²¹⁴ О. В. Марграф. Очерки кустарной промышленности Северного Кавказа. М., 1882, стр. XXXV—XXXVI.

²¹⁵ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 161.

²¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 1, д. 12, л. 8.

²¹⁷ Там же, оп. 2, д. 5, лл. 1—9.

²¹⁸ Там же, д. 4, лл. 1—7.

постояльный двор, ресторан, трактир, отделения пароходных обществ «Лебедь», «Кавказ и Меркурий» — всего 238 предприятий.

В Темир-Хан-Шуре было 285 предприятий с годовым оборотом от 2 тыс. до 10 тыс. руб. каждое ²¹⁹. В апреле 1890 г. здесь было продано: пшеничной муки — 3475 пудов, кукурузной муки — 972 пуда, овса — 2780 пудов, ячменя — 2015 пудов, кукурузы — 470 пудов, пшена — 140 пудов ²²⁰.

В 1907 г. в Аварском округе было 83 торгово-промышленных предприятия, из них 11 — при слободе у крепости Хунзах.

В 1891 г. по округам было выдано 913 торговых свидетельств, в том числе по Темир-хан-шуринскому округу 128, по Даргинскому — 44, Аварскому — 33, Андийскому — 27, Гунибскому — 51, Казикумухскому — 191, Кайтаго-Табасаранскому — 229, Кюринскому — 103, Самурскому — 107; на отлучку из Дагестана по торговым делам выдано 386 билетов ²²¹. В 1895 г. были выданы торговые свидетельства по Темир-Хан-Шуре: купцам второй гильдии — 78 годовых и 4 полугодовых; билетов на выезд годовых — 97 и полугодовых — 5; на мелочной торг было выдано свидетельств годовых — 179, полугодовых — 14 ²²². В 1899 г. в Гунибском округе было выдано 109 торговых свидетельств ²²³, в 1900 г. в Казикумухском округе — 182, большинство на разносную торговлю ²²⁴. В 1902 г. по Аварскому округу было выдано 163 торговых свидетельства, в Андийском округе — 108 ²²⁵. В 1907 г. в Андийском округе было выдано 108 торговых свидетельств, из них на разносную торговлю — 46 ²²⁶, в Казикумухском округе было выдано 182 торговых свидетельства, из них на разносную торговлю — 113 ²²⁷. В 1915 г. в Кюринском округе было выдано 270 торговых свидетельств ²²⁸.

По переписи населения 1897 г., в Дагестане торговлей было занято 10 350 человек, или 1,8% населения ²²⁹.

На рынках Казикумухского и Гунибского округов в 1903 г. были следующие цены: в Казикумухском — пуд пшеницы стоил 1 руб. 30 коп., пуд овса — 1 руб., ячменя — 1 руб., магара — 1 руб. 10 коп., бобов — 1 руб. 20 коп.; в Гунибском — пуд масла — 10 руб., кожа — 90 коп., войлок — 2 руб. 50 коп., лошадь — 40 руб., осел — 10 руб., мул — 50 руб., бык — 30 руб., корова — 15 руб., баран — 5 руб., коза — 3 руб., курица — 15—20 коп. ²³⁰

К 1915 г. сел. Ахты превратилось в крупный торговый центр, в нем жпло 6623 человека и было 113 лавок, в том числе 16 мануфактурных. За этот год на ахтынском базаре для продажи забито 3668 голов крупного и мелкого скота, продано более 20 тыс. пудов шерсти на 140 тыс. руб., 1182 пуда сыра на 8410 руб., на 110 500 руб. скота, 200 тыс. пудов зерна. От продажи скота и продукции сельского хозяйства было выручено 300 500 руб. ²³¹

Если в 1886 г. в Дагестане купцов было только 267 человек, то в 1913 г. их стало 740; если в 1892 г. по Дагестану было выдано только 2680 торговых свидетельств, то в 1914 г. — 3465.

Начиная с 60-х годов XIX в., усилилась купля и продажа земли. Земля на одну сабу посева в 1864 г. в нагорном Дагестане стоила 30—50 руб.,

²¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 6, лл. 1—58, 59—118.

²²⁰ Там же, ф. 2, оп. 2, д. 18, л. 7.

²²¹ «Кавказский календарь на 1893 г.», стр. 161.

²²² ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 8, л. 58.

²²³ Там же, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 153.

²²⁴ Там же, л. 153.

²²⁵ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. 29.

²²⁶ Там же, лл. 28—29.

²²⁷ Там же, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 112.

²²⁸ Там же, л. 23.

²²⁹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.» Дагестанская область, 1905, стр. 188.

²³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 10, лл. 37, 42.

²³¹ Там же, ф. 79, оп. 3, д. 5, л. 22.

покосный участок на 100 выюков сена стоил 70—75 руб. В Южном Дагестане саба земли стоила 50 руб. В райятских селениях Южного Дагестана саба земли стоила только 3 руб. В южной части Кюринского округа десятина стоила до 200 руб. В 1898 г. в Порт-Петровске было открыто агентство Донского земельного банка по ссудам под залог недвижимого имущества ²³².

В 1910 г. петровсклй порт посетилу судов:

Т а б л и ц а 9

	Пришло	Ушло
Паровых	1551	1537
Военных и казенных	3	3
Парусных и барж .	201	192
Итого	1752	1732

Всего было ввезено и вывезено товаров на 84 513 672 руб. ²³³

Из всего сказанного можно сделать вывод, что присоединение Дагестана к России способствовало не только росту и расширению торговли, но и изменению ее характера: из меновой в начале XIX в. она к концу века превратилась в денежную. Торговлей стали заниматься не только городские жители, но и жители сельских местностей. В Дагестане возникло купечество, которое сосредоточило в своих руках большой капитал, начало скупать земли, продавать их и сдавать в аренду.

В документах о всеобщей переписи населения 1897 г. помещена следующая таблица, показывающая занятия населения Дагестана (в процентах к общему числу населения) ²³⁴.

Т а б л и ц а 10

Занятия	Самодельное население			Все население		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Сельское хозяйство	72,91	49,84	69,0	79,68	79,47	79,08
Горный промысел	0,17	0,09	0,17	0,19	0,19	0,19
Обрабатывающая промышленность	5,02	16,20	6,54	5,01	6,58	5,81
Передвижение и сообщение	1,18	0,08	1,03	0,81	0,59	0,70
Торговля	2,15	1,45	2,05	2,09	2,02	2,05
Административно-сословная и общественная служба	1,38	0,45	1,25	1,22	1,09	1,16
Свободные профессии	0,02	—	0,02	0,01	0,01	0,01
Вооруженные силы	6,02	—	5,19	2,83	0,18	1,49
Деятельность и служба частная, прислуга и поденщики	6,74	10,91	7,31	5,85	5,98	5,91
Обеспеченные личными средствами и средствами содержания от казны и частных лиц	2,67	11,01	3,81	1,78	1,83	1,81
Неопределенные занятия	1,74	9,97	3,87	1,52	2,06	1,79
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

²³² Там же, ф. 2, оп. 2, д. 60, л. 10.

²³³ Там же, ф. 21, оп. 4, д. 69, л. 206.

²³⁴ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.» Дагестанская область, 1905, стр. VI.

Данные этой таблицы свидетельствуют, что главным занятием населения Дагестана к концу XIX в. было сельское хозяйство: полеводство, садоводство и животноводство. Второе место занимали поденщики. В категорию поденщиков, видимо, входили постоянные и сезонные рабочие, батраки из числа беднейших крестьян. На третьем месте стоит обрабатывающая промышленность, главным образом обработка шерсти, металла и дерева.

Приведенные выше цифры свидетельствуют также о значительном общественном разделении труда в Дагестане.

Проведение железнодорожной линии на территории Дагестана, сооружение морских пристаней в Дербенте, Порт-Петровске и строительство дорог, связавших горные округа между собой и с плоскостью — все это сыграло огромную роль в развитии торговли в Дагестане.

Если в Дагестане, в особенности в горной его части, в первой половине XIX в. преобладала натуральная форма хозяйства и меновая торговля, то происходившее здесь во второй половине XIX в. общественное разделение труда и возникновение товарного производства привели к денежной торговле, к усилению торговых связей как внутри области, так и с соседями.

Основными предметами вывоза из Дагестана до 90-х годов XIX в. были скот и шерсть, марена и шафран, сушеные фрукты и орехи, шерстяные сукна и бурки, ковры, сумахи и паласы, холодное оружие. В Дагестан ввозили главным образом хлеб, рис, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные ткани и бакалейные товары.

По мере укрепления политических и экономических позиций России на Кавказе Дагестан втягивался в орбиту ее капиталистического развития. Под стимулирующим воздействием более развитых в центральных районах производственных отношений быстрее росли производительные силы области, более интенсивно вызревали элементы капитализма.

Хозяйство Дагестана все больше превращается в составную часть всего народного хозяйства России и занимает определенное место в системе территориального разделения общественного труда в стране. С конца XIX в. наряду со скотом, шерстью и кожевенным сырьем, плодами, виноградом и овощами возрастает вывоз из Дагестана рыбы, консервов, вина, бязи, художественных изделий из благородных металлов и дерева.

Разложение натурального хозяйства, развитие транспорта, расширение рынка, повышение техники земледелия, связанное с применением привозных сельскохозяйственных орудий, — все это усилило процесс перерастания местного купеческого капитала в промышленный и способствовало привлечению капитала извне. В результате в Дагестане были созданы предприятия винодельческой, рыбной, консервной, деревообрабатывающей, металлообрабатывающей, текстильной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности.

Развитие промышленности, транспорта, торговли и организация в связи с этим кредитных учреждений сопровождалась формированием рабочего класса и местной национальной буржуазии в городах и кулачества в деревне. Однако капиталистический способ производства не был господствующим. В городах в промышленности преобладали капиталистические отношения, а в сельском хозяйстве равнинной части Дагестана только начинал развиваться капиталистический уклад. В горной части Дагестана в крупных овцеводческих хозяйствах и в кустарных промыслах, особенно в районах их наибольшего распространения, также возникали капиталистические отношения.

К началу первой русской революции 1905—1907 гг. эксплуатация рабочих в городах и зависимых крестьян в деревнях усилилась. В 1905—1907 гг. рабочие организовывали политические забастовки, в ряде районов Дагестана имели место выступления крестьян против феодального гнета беков, доходившие до вооруженного столкновения с регулярными частями царских войск, ограждавших беков от народного гнева. Как забастовки рабочих, так и крестьянские выступления в этот период проходили под руко-

водством большевиков, в числе которых были и представители дагестанских народностей.

Только 12 мая 1913 г. были освобождены 70 тыс. крестьян Дагестана от феодальной зависимости. «Освобождение» было проведено с большой выгодой для беков: они за 1913—1915 гг. получили от казны около 300 тыс. руб. выкупной платы, которую «освобожденные» крестьяне должны были вносить в казну в течение 20 лет равными долями. Принятие закона об «освобождении» крестьян было продиктовано революционными выступлениями рабочих и крестьян против царизма, с одной стороны, и желанием царского правительства путем выгодной для дагестанских феодалов реформы притушить остроту классовой борьбы трудящихся, которая могла перерасти во всеобщее восстание против существующего строя, — с другой.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНА В XIX в.

1. К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ И ХАРАКТЕРЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Оценка общественного строя равнинного Дагестана не вызывала у советских историков спора. Что же касается общественного строя горного Дагестана, то на этот счет и на сегодня нет единого мнения. В силу этого мы считаем целесообразным больше внимания уделить в нашем исследовании горному Дагестану.

Дореволюционная историография безоговорочно считала, что в горном Дагестане в XIX в. господствовал родовой строй, который М. М. Ковалевский называл тухумным¹. Ковалевский сравнивал дагестанский тухум с прокезским родом. А. В. Комаров и многие другие рассматривали «вольные» общества Дагестана как объединение племен, а сельские общины объявляли общинами родовыми.

Советская историческая наука постепенно отходила от огульной трактовки общественного строя народов бывших окраин царской России как родового и на основе исследования производительных сил и производственных отношений определяла общественное развитие этих народов более точно и правильно.

Однако серьезно этот вопрос не изучался, и поэтому в работах некоторых историков мы находим старую трактовку. Так, один из них, не подкрепляя своего тезиса фактами, утверждал, что в «вольных» обществах Анди, Технуцал, Каралал, Чемалал, Багулал, Ункратль, Тинди, Дидо, Томс, Лхвах, Анцух, Гапуча, Джурмут, Анцрос, Ухнада, Глейсерух господствовали в XIX в. «патриархально-родовые» начала². Между тем, как мы увидим ниже, в обществе Ункратль, в селениях Кидиб и Саситль, до 40-х годов XIX в. существовали крупные феодалы, которым принадлежали огромные пространства горных пастбищ³. Многие перечисленные здесь общества платили подати аварским ханам. Автор не обратил внимания на тот факт, что в каждом из этих обществ господствовала не родовая, а частная собственность малых семей на дома, скот, сады, сенокосы, пахотные и даже отдельные лесные участки. Малой семье принадлежали продукты ее труда, за вычетом податей феодалу.

При первобытнообщинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Между тем в горном Дагестане господствовала частная собственность на средства производства. К XV—XVI вв. здесь существовали ханы, беки и другие владельцы, имевшие большие участки горных пастбищ, приносивших им доход в виде продуктов животноводства. Они имели также пахотные

¹ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 140.

² «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 70.

³ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 512.

земли, а для их обработки — крепостных крестьян — бывших рабов, наделенных землями. Кроме того, хан считался владельцем и тех земель, которые принадлежали отдельным сельским обществам, платившим ему подати. В XIX в. и дагестанское узденство не было однородным. Среди узденей были и богачи, и безземельные, и не имеющие скота бедняки, жившие заработком от отхожих промыслов, и батраки, работавшие по найму. Одни тухумы были привилегированными, другие — бесправными.

Таким образом, в горной части Дагестана в XIX в. существовали феодальные отношения, а не отношения первобытнообщинного строя.

В своей статье «К вопросу об особенностях феодализма Дагестана» С. В. Юшков находил шесть различных стадий развития феодализма в Дагестане и между ними еще множество ступеней. Основным мериллом для установления этих стадий и ступеней для автора была удаленность того или иного района Дагестана от Каспийского моря: чем ближе район к морю, тем больше развит был в нем феодализм⁴. Этот своеобразный географический подход к вопросу не мог, однако, объяснить существования в горах, далеко от моря, Аварского, Казикумухского и Цахурского ханств и отсутствие ханств у самурских лезгин, равно как у акушинских даргинцев, расположенных ближе к Каспийскому морю. Более того, известно, что шамхалы, уцмьи, мехтулинские ханы, а до образования Елисуйского султанства и цахурские ханы, имели в прошлом свои резиденции далеко в горах: шамхалы — в Казикумухе, уцмьи — в Кала-Корейше, мехтулинские ханы — в сел. Аймаки, а цахурские ханы — в Цахуре.

Нам удалось установить, что в горах Дагестана существовали ранее не известные исторической литературе феодальные образования, в частности шамхальства в Гидатле, Анди и Аргуани, феодальные фамилии в различных обществах в Аварии, в селениях Ругуджа, Андых, Телетль, Тидиб, Гинта, Урада, Гонода, Сиух, Цалкита, Моксох, Мехельта, Гоцатль, Мушули, Шотода, Тукита, Кедиб, Саситль и др., где лучшие земли, притом больших размеров, принадлежали этим феодальным фамилиям. Жители этих селений вплоть до начала движения горцев под руководством Шамиля отбывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати.

Некоторые историки писали, что аварский хан имел земли всего вдвое больше, чем среднее узденское хозяйство. Однако нам удалось обнаружить, что он имел более 3 тыс. десятин земли, в том числе более 400 десятин пахотной.

После ухода шамхалов из Казикумуха в Тарки, на равнину, в XVI в. возникло Казикумухское ханство, члены которого были выходцами из шамхальской фамилии. Казикумухские ханы владели почти всеми горными пастбищами лакцев. Жители многих селений отбывали им подати и повинности. В XVIII в. казикумухские ханы присоединили к себе часть даргинцев и кюринских лезгин, на территории которых было создано в 1811 г. Кюринское ханство.

В Акушинском обществе мы находим наследственных кадиев во главе с главным акушинским кадием, который в первой половине XIX в. управлял всеми акушинскими даргинцами, получая от казны наравне с другими феодальными владельцами содержание в размере 500 руб. Акушинские даргинцы входили в состав Казикумухского шамхальства еще до переселения шамхалов из Казикумуха в Тарки. Вассальные отношения к шамхальству у акушинских даргинцев сохранялись вплоть до 1820 г.

Игнорируя фактический материал об общественном строе горцев Дагестана в XIX в. и следуя старой теории родового строя, автор предисловия к изданному в Грузии «Сборнику архивных документов о Шамиле»⁵ писал, что горцы Дагестана не ушли дальше первобытного строя и что они еще

⁴ Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. I. Свердловск, 1938, стр. 66—70.

⁵ Сб. документальных материалов «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Тбилиси, 1953, стр. III.

в XVIII в. исповедовали первобытную религию. Автор не знает, что во многих горных районах Дагестана задолго до ислама была распространена христианская религия, памятники которой там сохраняются и поныне. Кроме того, имеются книги, принадлежащие перу дагестанцев и датированные XIV—XV вв.; в сел. Ботлих, входившем в состав Технучальского общества, в XVI в. существовало медресе, в котором переписывались арабские книги. В Южном Дагестане имеется масса арабских надписей, относящихся к XI—XII вв.

К сожалению, покойный С. К. Бушуев придерживался той же неверной концепции в своей дискуссионной статье о мюридизме⁶.

От ошибки в вопросе об общественном строе горцев Дагестана не свободны и некоторые современные дагестанские исследователи.

Так, Ш. И. Михайлов заявляет, что «в начале XIX в. в Дагестане сильно стала развиваться торговля, преимущественно с Востоком. Одним из главных путей являлась Авария. Появилась аварская торговая буржуазия, интересы которой пришли в противоречие с феодальными отношениями. Движение крестьянских масс против феодалов было использовано торговой буржуазией»⁷. Получается, что к началу XIX в. Авария была страной не только развитого феодализма, но и находилась на грани буржуазной революции!

А. Тамай в статье «К вопросу о феодализме в истории Дагестана» справедливо писал, что «Дагестан, вне всякого сомнения, являлся страной феодальных отношений еще задолго до XIX в.; начало процесса феодализации Дагестана теряется в глуби веков»⁸. Но в доказательство этого положения А. Тамай приводил лишь сообщение Ибн-Хаукала о том, что в г. Дербенте была гавань для судов и развитая торговля. Однако одна торговля не может определить тип общественно-экономических отношений, а Дербент никак не может быть показателем для всего Дагестана, тем более горного. К сожалению, тезис о господстве феодальных отношений в Дагестане не был у А. Тамая подкреплён конкретным материалом.

В 1954 г. научная сессия Дагестанского филиала АН СССР одобрила наш тезис, высказанный в докладе об общественном строе Дагестана в XIX в., что в горной части Дагестана, включая сюда Аварию, Лакию, Даргинию, Кайтаг и Лезгинию, преобладали феодальные отношения, переплетавшиеся с пережитками патриархально-родовых отношений, а на равнине Дагестана, включая сюда владения кумыкских князей, шамхальство Тарковское, ханства Мехтулинское, Дербентское, Кюринское и равнинную часть Кайтагского уцмийства, — развитые феодальные отношения.

Не менее запутан вопрос о земельной собственности в Дагестане.

Официальные органы царской России отрицали существование частной собственности крестьян и сельских общин на землю в Дагестане. Основным доводом для этого служило отсутствие у населения юридически оформленных документов о поземельной собственности. В действительности же горцы рассматривали свои мюльки как безраздельную собственность: мюльки продавались, переходили по наследству, могли быть подарены.

Отрицание существования частной собственности на землю в Дагестане было выгодно царизму, так как давало ему возможность объявлять большие земельные массивы в Дагестане собственностью государственной казны. Казна имела в 1905 г. в Дагестане, без Хасавюртовского округа, более 120 тыс. десятин земли. На заседании междуведомственного совещания 20 декабря 1912 г. представители министерства внутренних дел, финансов, Главного управления землеустройства и земледелия и государственного контроля царской России заявляли, что «принадлежность населению Дагестанской области и Закатальского округа, а равно нагорных районов Терской и Кубанской областей, прав поземельной собственности представ-

⁶ С. К. Бушуев в О кавказском мюридизме. «Вопросы истории», 1956, № 12.

⁷ «Малая советская энциклопедия», т. I, стр. 49.

⁸ «Революционный Восток», 1935, № 5, стр. 116.

ляется недоказанной». В силу этого было решено, что «все без различия земли, ... укрепленные за жителями в составе селений, подлежат на общих основаниях обложению выкупными платежами»⁹. Особое мнение по этому вопросу высказал председатель названного совещания сенатор Никольский: «Подробное исследование правовых оснований землевладения в указанных местностях Кавказа приводит к убеждению в принадлежности горцам их земель на правах собственности... Местные исследования показали, что многие из горцев владеют недвижимостями, купленными у других горцев на основании актов купли-продажи, хотя совершенных, правда, домашним, а не формальным порядком»¹⁰.

Однако междуведомственное совещание отстояло свое мнение, и все земли, как общинные, так и частные мюльки, были признаны государственной собственностью и облагались не поземельным налогом, как частные земли, а государственной оброчной податью.

В 1904—1906 гг. поземельным налогом были обложены частные земли бывших ханов, беков и других земельных собственников, всего 350 800 десятин, а оброчной податью были обложены 105 507 238 десятин крестьянских земель (общинных и частных)¹¹.

По вопросу о земельной собственности ханов, беков и чанков также не было единодушного мнения. Одни утверждали, что подать и повинности местным феодалам-правителям служили платой за управление. Председатель сословно-поземельной комиссии по военно-народному управлению Кавказа Сандрыгаило считал, что правители Дагестана (феодалы) не имели частных земель. «Вся история Дагестана до присоединения к России, — писал он, — представляет собою непрерывный ряд кровавых войн и столкновений между различными правителями и „вольными“ обществами, при которых не могло возникнуть понятие о земельной собственности. Земля составляла ценность лишь для поселян, и они действительно владели ею. Беки являлись только правителями народа, их власть и право измерялись силой, а так как сила зависела от количества подвластных, то каждый из них всеми путями стремился к увеличению числа подвластных. Отношения земельные совершенно отсутствовали. Предметом обложения являлась не земля, а рабочая сила, при разделе наследства делилась не земля, а дым подвластных»¹².

В наиболее законченном виде это мнение изложено в статье мирового посредника Казикумухского отдела Поцхверова¹³. Он пишет, что подати платились за труд управления. Сперва якобы все общество доставляло продукты для хана и их слуг, а потом эта повинность распределялась между членами общества, и каждый дым вносил соответствующую долю. Кроме того, народ предоставлял в пользование хана участок пастбища для лошадей его нукеров. «Дагестанские феодалы, — указывал автор, — и не думали бы о закреплении за собой земли в собственность, если бы специальная дербентская поземельная комиссия, работавшая с 1848 по 1852 г. ошибочно не распространила на них рескрипт 6 декабря 1846 г. о поземельных правах феодальных владетелей». Поцхверов также считал, что объем повинностей, отбываемых ханам и бекам, зависел не от количества земли, а от наличия рабочей силы. Это якобы видно из того, что количество земли, приходившейся на долю раята, не соответствовало размеру повинностей. Так, например, в сел. Марага один дым, имеющий 5,5 десятин, отбывал беку подати и повинности на сумму 41 руб. 50 коп., а в сел. Мугатыр — на 51 руб.

Сторонники указанной концессии считают, что пошлины за провоз товара, за покупаемые на территории феодала фрукты, за сбор марены, плата

⁹ ЦГИА СССР, ф. 718, оп. 1, д. 758, л. 7.

¹⁰ Там же, л. 8.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 2, д. 4, л. 133.

¹² Там же, ф. 2, оп. 3, д. 139, лл. 158—159.

¹³ «Дагестанские областные ведомости», 1916, № 35.

беку за право выхода замуж, аробная повинность и др.,— все это носит административный характер. Однако они забывают, что любой хан, прежде чем стать ханом, должен был быть экономически сильнее других. Сила его заключалась в земельной собственности. Сделавшись ханом, он мог использовать все возможности для дальнейшего захвата общинных земель и превращения их тоже в свою собственность. Но феодал был не только земельным собственником, а обладал и политической властью, возможностью внеэкономического принуждения, диктовал своим подданным выгодные для себя условия. В частности, бекам Терекемейского участка в свое время было выгодно получать подати по числу плугов, так как было много пустошавших земель и учесть обрабатываемую землю бек мог только по наличию плугов, совершенно так же, как в Грузии учитывалась она по однодневной пахоте. В основе и здесь лежит земля, а не плуги.

Ханы имели право жаловать свои земли по своему усмотрению, они по феодальному праву переходили по наследству.

Сословно-поземельные комиссии, действовавшие в Дагестане в разное время, также стояли на позиции отрицания поземельной собственности феодалов, исходя из ошибочного мнения, будто в мусульманских провинциях Закавказья и в Дагестане не существует ни феодальной собственности, ни крепостного права. Так, например, министерство юстиции 21 августа 1844 г. дало официальное заключение о порядке производства дел по спорам крестьян, касающихся отбывания ими повинностей. В заключении говорилось, что «в Азии, включая Грузинский край, крепостного состояния нет, что это противно самому корану и что всякая мера, возбуждающая мысль о признании существования крепостного права в мусульманских провинциях, может иметь вредное влияние на умы жителей по всему Закавказскому краю»¹⁴. Между тем отношения крепостного права фактически господствовали в мусульманских провинциях. Феодал мог убить, выколоть глаза, лишить всего достоинства за малейший проступок крепостного крестьянина. Феодал был на своей территории полновластным деспотом. Положение дагестанских раят, чагаров и терекемейцев мало чем отличалось от положения крепостных крестьян.

Утверждение ислама, что все мусульмане — братья и равны между собой, что земля принадлежит тому, кто ее «оживляет», ложно и рассчитано на обман угнетенных.

Официальные документы и историческая литература не отрицают существования крепостного права в Грузии. Между тем отношения зависимых крестьян к ханам и бекам в Дагестане имеют очень много общего с отношениями, которые существовали в Грузии. Так, в Имеретии все поселяне делились на четыре категории: азнаури, мсахури, глехи и моджалабе. Эти же категории мы наблюдаем в Дагестане, в частности в бывшей Кумыкии. Азнаури — это по существу кумыкские сала-уздени; они могли иметь своих крестьян и занимали сравнительно привилегированное положение у помещиков; мсахури — юридически свободные, но экономически зависимые от феодалов крестьяне, вроде дагестанских трестепенных узденей; глехи — это дагестанские райаты; наконец, моджалабе — это рабы.

Подати и повинности, которые получали грузинские феодалы, имеют большое сходство с теми, которые отбывались в Дагестане. Так, в Грузии зависимые крестьяне были обязаны отработать на помещика от 10 до 50 дней с каждого дыма в год. Эти повинности похожи на повинности дагестанских чагар и терекемейцев. Натуральные подати в Грузии имеют также, как мы увидим ниже, огромное сходство с податями и повинностями, которые отбывались зависимым населением Дагестана. Таким образом, признавая существование феодальной собственности на земли в Грузии, нельзя не признать того же для Дагестана. Политика царского правительства в отношении феодалов сводилась к утверждению за ними права зе-

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 637, лл. 6—7

мельной собственности, усилению их политических позиций и закреплению за ними крестьян.

В 1824 г. Ермолов издал особое положение о взаимоотношениях крестьян и беков в Кубинской провинции. По этому положению беки имели право управлять деревнями, получать за это десятую долю урожая и пользоваться имениями по установленным обычаям. Таким образом, права беков были закреплены юридически. Более того, Ермолов положил начало раздаче бекам деревень, ранее им не принадлежавших. Он писал, что «беки должны иметь участие в управлении тех деревень, кои имеют они по наследству или получают от правительства в вознаграждение заслуг, как Эмир-Гамзабек с братьями, за коими утверждаются наследственные их деревни в вознаграждение оказанного усердия и сверх того дается им несколько деревень, в особенной грамоте означенных, равно как и Ибах-беку»¹⁵.

Раздача земель и селений бекам мотивировалась тем, «чтобы беки не могли относить к новому правительству уменьшения средств их существования». Считая, однако, что беки управляют деревнями и получают подати не на основе их земельной собственности, а в силу административной власти, беков предполагали лишить права управления и получения податей. Лишение это намечалось компенсировать уплатой суммы, равной получаемому ими с деревни доходу. Однако Комитет по устройству Закавказского края нашел, что право беков сходно с правами помещиков в России и что для спокойствия края было бы удобнее и полезнее не отнимать у беков имения, а на известных условиях подтвердить их права на земли. В 1842 г. царь предоставил право военному министру Чернышеву на месте решить вопрос о правах беков¹⁶.

Еще до приезда Чернышева в Тифлис начались волнения среди агаларов и беков в связи с ограничением их прав. Статс-секретарь Позен и военный министр Чернышев, проверив положение дел на месте, дали следующие указания: «Беков оставить при управлении имениями на прежнем основании. Наблюдать, чтобы помещичьи крестьяне не выходили из повиновения помещикам, и не делать помещикам напрасных притеснений. Изыскать средства к обеспечению способа существования агаларов и их родственников, объявив им, что правительство войдет в их положение»¹⁷.

С момента назначения наместником Кавказа М. С. Воронцова произошел крутой поворот в сторону укрепления феодальных привилегий ханов, беков, агаларов и чанков. Воронцов старался создать в лице крепостников опору царского правительства.

Рапорт наместника царю от 24 марта 1846 г. по вопросу о поземельных правах беков и агаларов основывался на следующих принципиальных положениях: «отдача бекам и агаларам земель, ошибочно и с большим вредом для нас от них взятых; торжественное объявление, что крепостного владения здесь не было и быть не может, почему в проекте крестьяне названы поселянами, живущими на владельческой земле (мюлькодар табаги), с назначением определенных обоюдовыгодных повинностей и старание привязать беков и агаларов к земле и, так сказать, принудить их обращать больше внимания на земледелие»¹⁸.

К рапорту была приложена записка генерал-лейтенанта Ладинского «Об определении обязанностей поселян и владельцев по земле в мусульманских провинциях Каспийской области», где говорится: «Я убедился опытом, что грубые понятия мусульманской черни, привыкшей смотреть на вещи только наглядно, могут быть руководимы не иначе, как сильным и ближайшим влиянием своего высшего сословия... Правительству легче привязать к себе несколько частных лиц и, пользуясь их влиянием на народ, действовать по своим видам без крупных мер, нежели непосред-

¹⁵ «Акты», т. VI, ч. II, № 146, стр. 64.

¹⁶ ЦГАИД, ф. 1268, оп. 1, д. 234, лл. 35—37.

¹⁷ Там же, д. 671, ч. I, лл. 33—34.

¹⁸ Там же, оп. 2, д. 234, л. 3.

ственно управлять самою чернью, которая без того представляет много затруднений по ограниченности понятий и дикости нравов, доселе не изменившихся»¹⁹.

Ладинский далее пишет, что в мусульманских провинциях существует три рода прав владения имуществом: по праву «Мюльк Халисе» — земли и поселенные на них люди (прикрепленные к земле) прежде были собственностью ханов и пожалованы бекам со всеми доходами, или же земля издревле принадлежала частным владельцам, и они заселили ее пленными и беглыми из других провинций; по праву «Мюлька» земля является собственностью владельца, а населяющие ее райты отделяют владельцу земли часть урожая и отбывают ему определенные обычаем повинности; по праву «Тиула» земля и поселяне принадлежат казне, а беки, владеющие ими временно, получают доходы, прежде поступавшие в казну.

Ладинский предлагал всех зависимых назвать казенными поселянами, сохранить и узаконить различные подати и повинности бекам, но запретить поселянам переселяться с владельческих земель, на которых они живут²⁰. Другими словами, Ладинский предлагал ввести явный режим крепостного права, хотя тот же Ладинский писал, что в мусульманских провинциях Закавказского края нет и не может быть крепостного права, что закон мусульман вообще запрещает владеть людьми на основе крепостного права, «за исключением лиц из идолопоклонников»²¹.

Проект Ладинского о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области был в Петербурге оценен как ультракрепостнический. В заключении Министерства государственного имущества по этому проекту говорится: «Составленный генерал-лейтенантом Ладинским проект положения о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области, присвоив поселянам наименование казенных, поставляет их в совершенном и всегдашнем повиновении и подчиненности владельцам земли, которым предоставляет полицейский за ними надзор, разбирательство возникающих между ними споров и жалоб, право наказания их за нерадение и леность, с воспрещением поселянам переселяться с владельческих земель, на которых имеют жительство... В других областях свободные поселяне, живущие на владельческих землях, заключают между владельцами определенные условия, имеют право переходить на казенные земли»²². Даже Министерство внутренних дел также неодобрительно отнеслось к проекту. В его заключении говорится, что «у поселян проектом Ладинского решительно отнимается право переходить с земель владельческих... Кроме того, такое сильное укрепление поселян к земле владельца может остановить успехи земледельческой промышленности в крае и развитие благосостояния поселян»²³.

Кавказский комитет, долго обсуждавший проект Ладинского и предложения Воронцова, первоначально тоже отрицательно отнесся к нему. Было решено издать только рескрипт о правах владельцев (был издан 6 декабря 1846 г.). Однако позднее проект Ладинского был разбит на два проекта («О взаимных отношениях агаларов и поселян, живущих на землях, им возвращенных» и «Об отношениях поселян, живущих на землях, принадлежащих и возвращенных бекам Шамахинской губернии») и утвержден 28 декабря 1847 г. и 5 августа 1852 г.²⁴

Правительство продолжало принимать меры к усилению феодального сословия путем закрепления за владельцами ранее не принадлежавших им земель с живущими на них людьми. Так, например, князь Аргутинский-

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 234, л. 6.

²⁰ Там же, л. 10.

²¹ Там же, л. 11.

²² Там же, л. 69.

²³ Там же, л. 97.

²⁴ Там же, оп. 10, д. 61, ч. 1. «О принятии мер к освобождению зависимого сословия Закавказья из помещичьей зависимости», лл. 482—483.

Долгорукий, командовавший войсками в Южном Дагестане, 14 апреля 1847 г. писал Воронцову о передаче четырех деревень Кюринского ханства с общим числом 238 дворов «в потомственное владение дочери предпоследнего казикумухского хана Нуцал-хана — Шамай-бике, находящейся теперь в замужестве за помощником правительницы Казикумухского ханства подполковником Абдул-Рахман-беком»²⁵. Дальше он писал: «Я всегда был и конечно буду того мнения, что гораздо полезнее отдавать деревни бекам — этим владельцам в мусульманском народонаселении края людям, потому что, связывая таким образом их собственные выгоды с выгодами правительства, мы приобретаем в них таких приверженцев, которые сохранят нам тишину и покорность в своих деревнях»²⁶. По этим же мотивам Аргутинский-Долгорукий 16 декабря 1846 г. просил Воронцова передать бекам в потомственное владение 15 деревень Кюринского ханства с общим числом 754 дома. В 1847 г. он ходатайствовал о предоставлении брату мехтулинского хана Али-Султану деревни с одним кутаном (пастбищем)²⁷. Все эти деревни предлагалось исключить из казенного ведомства и освободить жителей от взноса податных денег и хлеба в казну, оставив за ними только земскую повинность и службу в милиции. Подати и повинности бекам, разумеется, сохранялись.

Как уже отмечалось, Кавказский комитет стоял на иных позициях и с этим предложением не согласился. Вторично рассмотрев вопрос 5 ноября 1849 г., Кавказский комитет постановил: «Комитет остается при прежнем мнении, что отдача некоторых деревень Кюринского ханства в вечное и потомственное владение кюринским и казикумухским бекам неудобна потому, что изменит и стеснит быт поселян сих деревень, лишив их права на землю, которою они ныне пользуются, и заставив отбывать в пользу беков такие повинности, которых они не отбывают вовсе»²⁸. При этом Кавказский комитет считал возможным подати, которые отбываются для казны, обратить в доход бекам и дать им пустующие участки земель из казенной или так называемой ханской земли²⁹.

Разница между селениями, перешедшими по наследству от предков и полученными во временное владение за усердие правительству, постепенно стиралась. Никто не контролировал, какие селения принадлежат бекам на правах временного владения, и беки использовали все лазейки для того, чтобы они переходили в их частную собственность³⁰. Деревни Бамматулы и улусского магала, отданные Мехти-шамхалу только в пожизненное владение, остались за шамхалом наследственно.

Практика дарения земель существовала в Дагестане и до присоединения его к России, однако дарились земли только потомственным бекам и чанкам. Но в Дербентском ханстве было широко принято одаривать и служилых беков. Передавались селения, где проживали райаты, чагары и терекемейцы. Подати уступали или продавали любому, кто хотел их приобрести. Постепенно дарованные и захваченные земли и деревни заносились в камеральные описания как бекские, и это было достаточным основанием, чтобы признать за беками право собственности на них. Согласно рескрипту от 6 декабря 1846 г., все деревни, находившиеся во владении беков Южного Дагестана, были за ними закреплены как собственность.

Политика укрепления феодальной собственности по отношению к ханам последовательно проводилась до ликвидации ханств в Дагестане, т. е. до 60-х годов XIX в., а по отношению к бекам — до середины 1913 г. Все это привело к усилению экономических и политических позиций всех

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 3, л. 3.

²⁶ Там же, оп. 5, д. 3, лл. 1—2.

²⁷ Гидулянов. Указ. соч., стр. 66.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 3, лл. 7—8.

²⁹ Там же, лл. 74—75.

³⁰ «Акты», т. IX, № 218, стр. 202—203; «Шамхалы тарковские», ССКГ, вып. 1, стр. 71.

феодалов в дореформенный период, а бекского сословия — в пореформенный период.

Земельная политика царизма в Дагестане искусственно тормозила возможный в условиях присоединения Дагестана к России социальный прогресс. В Дагестане была официально запрещена продажа земель; в связи с этим был упразднен поземельный кредит. Запрещение продажи земель и сохранение зависимости крестьян от беков вплоть до 1913 г. содействовало сохранению устоев феодализма и задерживало проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство. В журнале Сословно-поземельной комиссии 18 августа 1886 г. записано: «Земли в собственность крестьянам не отдавать, имея в виду опыт России, где наделы были проданы и образовался пролетариат»³¹. Страх перед пролетариатом не давал покоя царским чиновникам Закавказья. Вскоре, однако, военный губернатор Дагестанской области вынужден был просить разрешение на продажу земель в Дагестане. После длительной переписки было решено, что земли могут продаваться и покупаться только местными жителями. Все же, несмотря на формальный запрет, земли продавались и приезжим; в числе землевладельцев Дагестана было немало русских, азербайджанцев и др.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРЦЕВ

Одним из ранних документов об общественном строе Аварии является летопись XIV в. Мухаммеда Рафи. В ней говорится: «Во владении аварском, иначе называемом Танус, — это есть самое могущественное из дагестанских владений и родник неверных — жил презренный государь, негодный тиран, творец всякого дурного и всего строгого и жестокого; его имя было Серагке, а прозвище Нусал»³². Мухаммед Рафи свидетельствует, что хан Суракат получал доходы со всех владений и подати со всех обитателей, «начиная от страны черкесов до Шемахи, за исключением небольшого городка Акаро»³³. Подати взимались натурой: зерном, баранами, крупным скотом, мехами, тканями, фруктами, овощами и т. д. Если кто-нибудь убивал кого-либо из своего племени, то убийца платил 100 баранов; если ранил — платил одного быка; пойманный в воровстве платил одного быка. В случае смерти государя с каждой деревни взималось на его похороны по одной лошади. В год воцарения нового государя с каждой деревни взималось пять быков. С каждой деревни и города брали по корове и по два барана для брачного пира каждого члена ханской фамилии.

В резиденцию аварских ханов, повествует летопись, в качестве арабского наместника был послан Амир-Ахмед. Сын Сураката ушел в Тушетию, где собрал войско и тайно ночью прибыл на Хунзахское плато, укрыл войско у своих прежних подданных, на что те охотно пошли, так как были недовольны арабским наместником, и, выбрав удобный момент, напал на Амир-Ахмеда и убил его. Он также умертвил всех мусульман, которые жили в этом городе. После этого аварские ханы 24 года подряд вели борьбу с арабами и, наконец, приняв ислам, остались ханами в своих владениях.

«Все дагестанские правители, — пишет Мухаммед Рафи, — происходят от детей Хамзата и детей Аббаса (дядей пророка Магомета. — Х.-М. Х.), исключая султанов Аварии. Они же из рода султанов Урус (русских). И нет людей в государстве их (Аварии) из числа коренных мусульман»³⁴.

Арабский историк Масуди в книге «Луга золота и рудники драгоценных камней» пишет, что Серир принял христианство около VI в. «У них

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 3, л. 44.

³² «Дербенд-наме». Тифлис, 1898, стр. 165—166.

³³ На вершине одной из гор, неподалеку от резиденции хана Сураката Тануси, есть развалины старинного города Акаров, который, по преданию, нес у Нусала постовую службу, за что был освобожден от податей; возможно, что «Алол», встречающийся в сочинениях Ибн-Русте, и есть Акаро.

³⁴ «Дербенд-наме», стр. 181.

был некогда, как они говорят, нуцал Суракат. Сначала, ревностный христианин, он вел удачные войны с арабами и даже как-то одержал над ними блестящую победу»³⁵.

Арабские географы, в частности Ал-Истархи, рассказывают, что в период ликвидации Сасанидской династии, т. е. в начале VII в., когда арабы завоевали Персию, последний из Сасанидов — царь Ездержерд — якобы бежал от арабов и послал впереди себя в Дагестан верного человека со своей казной и царским золотым тронем. Царя Ездержерда убили в пути, посланный же его прибыл вместе с тронем и богатствами в горный Дагестан и якобы сделался там царем. Он стал называть себя Сахиб-ас-Серир, что значит «владелец золотого трона», а подданные его якобы стали называться серирами. «Власть там до сих пор принадлежит его потомкам, — писал Ал-Истархи, — говорят, что трон этот был сделан для одного из Хосроев в несколько лет»³⁶. Это своего рода «варяжская» теория. Конечно, ничего подобного не было. Аварский хан так же, как и многие другие дагестанские феодалы, был, по-видимому, одним из родовых старейшин или военачальников племени, который впоследствии превратился в хана с наследственной властью.

Надпись на полях одной арабской книги, находившейся в личной библиотеке ныне покойного народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса, гласит, что Суракат и его брат Кагруман являются потомками фараонов, неверными, что они, собственно, хазары, которые обосновались сперва около Чирюрта, где построили неприступную крепость и высокие башни, организовали там выплавку железа, стали и золота, и что этот Суракат стал главой Аварии и был страшным деспотом; резиденция его находилась в Танусе.

Другим, гораздо более достоверным документом является написанное на арабском языке завещание Андуник-нуцала, датированное 1485 г. н. э. Существуют два списка этого завещания: один, найденный и переведенный с арабского на русский М. С. Саидовым, и другой, найденный нами в 1946 г. в сел. Андых у колхозника Ислам-Дибера и тогда же переведенный Гамзатом Цадаса на аварский язык. С аварского на русский перевод сделан нами. Приводим текст.

«Завещание Андуника, сына Ибрагима, владельца территории Авар, почтенного, великого, владельца силы, побед и мощи, своему племяннику Булач-нуцалу, владельцу территории Авар, да направит всевышний бог его на верный путь. О мой племянник, возьми-ка ключи Авар в свои руки: первые — алигиличинцев, вторые — джунгутаевских владельцев, третьи — гумбетовских владельцев, четвертые — владельцев Анди, пятые — каратинцев, шестые — бактлухлинцев, седьмые — хучадинцев и Семиземелья. Если ты возьмешь указанные ключи, то соль, мед, виноград, железо, рыба и остальное все, в чем человек нуждается, — у тебя и в твоём распоряжении. А иначе все от тебя и от твоего народа отторгнется. Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны запада — это Миясугатян (буквально «часовня Миясу» — недалеко от Ботлиха, в сторону Агвали. — *Х.-М. Х.*), вторая — со стороны востока, из середины аула Гоцатль, третья — со стороны юга, от Хучада до Голотлинского моста, четвертая — со стороны севера от Салагоры до Таргу. Затем обрати внимание на свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 250 тыс. воинов, из них 60 тыс. табасаранского, 50 тыс. хайдакского, 100 тыс. кумухского падишаха, 40 тыс. — нуцала, и они храбрее всех. Мой племянник, постарайся преодолеть эти границы и не уступи чужому даже пяди своей земли, если ты являешься владельцем, подобно твоим храбым предкам.

³⁵ ССКГ, вып. 29, 1901, стр. 71.

³⁶ СМОМПК, вып. 29, 1901, стр. 49.

Составлено завещание визирем кади Али-Мирза из Анди во время собраний владетелей на Андийской горе в 890 хиджры (1485 г. н. э.—X.-М. Х.).».

Из приведенного документа явствует, что аварские ханы были главными среди семи аварских владельцев, которые, видимо, были вассалами аварского хана. Об этом же свидетельствует и Гербер, сообщающий, что все аварцы находятся под властью нуцала по имени Уммахан и что аварская земля разделена на несколько уездов, имеющих каждый своего владельца³⁷.

Завещание устанавливает границы собственно Аварии и называет вассальные аварскому хану владения. Казикумухский шамхал назван падишахом, т. е. главным над всеми феодалами Дагестана. Как видно из завещания, аварские «вольные» общества в большинстве своем входили в состав ханства. Однако в те годы, когда Гербер был в Дагестане, т. е. в 20-х годах XIX в., отдельные «вольные» общества были самостоятельными (жители их названы Гербером тавлинцами в отличие от подданных аварского хана, которые названы собственно аварами). «Сии тавлинцы, — пишет Гербер, — разделены между собой на многие уезды, которым каждому несколько деревень подлежат, так долины их сами разделяются, и тяжело им самим из уезда в уезд или из долины в долину между горами проезжать»³⁸. Гербер сообщает далее, что тавлинцы податей не платят и управляются выборными старшинами.

Возникает вопрос, насколько достоверно существование перечисленных в завещании семи аварских владений.

Полевое исследование, проведенное нами в Аварии, дало ценный материал, позволяющий ответить на этот вопрос.

Османов Аббас, 70 лет, из сел. Кидиб, в августе 1953 г. рассказал нам, что в центре сел. Кидиб до настоящего времени сохранились развалины домов, принадлежавших последним кидибским бекам, которых называли «алдамилал» по имени одного из них — Алдам. Алдам был, по преданию, седьмым потомком аварских нуцалов. В этом же районе старик Карагиши рассказал нам, что далекие предки его были выходцами из аварского ханского дома, жили в Ункратле, в сел. Кидиб, что они происходят из фамилии аликлычичев; в 40-х годах XIX в. все взрослые члены семей беков были в их собственном доме сожжены мюридами, спаслось только несколько малолетних детей, которые были взяты на воспитание жителями других селений.

Это сообщение заинтересовало нас, и мы продолжили поиски материалов о кидибских беках. Прежде всего обратил на себя внимание тот факт, что среди иноязычных народностей: богудал, чамалал, тиндал и др., компактно расположены селения Саситль, Сильда, Гако, Кидиб, Хваршины, Митради и Сихалах, жители которых говорят только на аварском языке, причем территория, занимаемая ими, носит аварское название Ункратль, что значит «четыре земли». Выяснилось, что жители этих селений являются выходцами из Аварии и платили кидибским бекам подати за пользование их землей. Можно предположить, что земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Аликлыч, а так как эта территория была расположена на границе с Тушетией, то, может быть, аварские ханы решили обеспечить безопасность своих владений, поселив там аварцев и поставив во главе их одного из своих нуцалов.

На существование кидибских беков указывает также записка из фонда генерала Кюки фон Клугенау «О некоторых обществах Дагестана», составленная в 1839 г. В этой записке говорится, что разорение трех ту-

³⁷ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315, лл. 84—85.

³⁸ Там же, л. 82.

шинских селений в 1837 г. было учинено под руководством князей Амир Хамзы и Молачи, которые были правителями Ункратля. Эти князья получали от этих тушинских селений подать, «Селения Кидиб, Саситль и Сильда, — говорится далее, — они считают своей собственностью, так как земля им принадлежит, и поэтому они получают с каждого двора в год по одному барану, по сабе пшеницы и по три рабочих дня»³⁹. Известным подтверждением является ходатайство перед правительством некоего Алдамишвили, являющегося потомком кидибских беков, о возврате ему имени его предков.

Джунгутайские владельцы, о которых идет речь в завещании, известны позже как мехтулинские ханы; древняя их резиденция — аварское сел. Аймаки. В завещании также говорится о гумбетовских владельцах; о существовании их свидетельствуют многочисленные факты, они приводятся ниже. Здесь укажем на ту же записку Кюлки фон Кругенау: «Гумбетовские беки овладели землями до самого Терека, и теперь потомки их живут в сел. Брагунах, а дома их до сих пор еще целы в сел. Мехельтах»⁴⁰.

В Андии был привилегированный тухум шамхалов, которые связывали свою родословную с шамхалами тарковскими. В полукилometре выше сел. Анди стоят развалины бывших ханских построек под местным названием «Рехедолотль», что значит «имение ханов».

О существовании каратинских феодалов мы не смогли обнаружить каких-либо данных. Известно только, что Карата впоследствии входила в Аварское ханство. Возможно, что аварские ханы присоединили Карату к своей территории после составления завещания. В начале XIX в. некто Курбан Каратинский имел сношения с Цициановым и Ртищевым. Они присылали ему подарки, а он в свою очередь обещал помощь войсками, если это потребуется. Однако установить, был ли этот Курбан беком или выборным старшиной, пока не удалось.

О гидатлинском шамхале существует предание, которое нам рассказали жители сел. Хучада Кахибского района Магомед Нурмагомедов и Гашим Цахиллов. В сел. Хучада жили не гидатлинцы, а представители другого племени, вероятно, ахвахцы. Они имели своего хана, которого называли шамхалом, он враждовал с гидатлинским шамхалом; последний призвал на помощь аварского нуцала, и они решили совместно напасть на Хучаду. Они договорили одного из слуг хучадинского шамхала, чтобы тот дал сигнал, когда шамхал со своими нукерами выедет в соседнее селение. Слуга дал условный сигнал — вывесил из окна во всю длину пятиэтажной башни шамхала длинный кусок белой материи. Увидев это, войска аварского нуцала и гидатлинского шамхала напали на Хучаду и сожгли все селение, часть людей перебили, а часть взяли в плен. Хучадинский шамхал, ничего не подозревая, возвращался из поездки и наткнулся на засаду, был схвачен и убит вместе со своими людьми. Сохранилась башня, фундамент стен которой имел ширину 3 м. Башня эта была превращена в четырехэтажный жилой дом. Когда все жители Хучады в 1944 г. переселились в сел. Дагбаш Андалальского района, дом был разрушен, но стена осталась.

После гибели хучадинского шамхала территория Хучады досталась гидатлинскому шамхалу, который переселил в Хучаду из каждого гидатлинского селения по одной семье, всего шесть семей. По имени глав этих семей в Хучаде образовалось шесть тухумов, и каждый тухум знает, из какого селения они переселились. Так, например, Паридалал переселился из сел. Хотода, Настикилал — из сел. Мачада, Онколал — из сел. Урада и т. д. При раскопках в этом ауле обнаруживаются следы пожара. Предание согласуется с указанием завещания о гидатлинском шамхале.

³⁹ Институт истории АН СССР, ОРФ, Б, разд. V, д. 12, стр. 147—148.

⁴⁰ Там же, стр. 161—162.

В списках адагов Гидатлинского общества, датируемых 1660 г., изданных Дагестанским филиалом АН СССР, подробно говорится о гидатлинских шамхалах⁴¹.

Кроме того, нами обнаружена запись, датируемая 1885 г., принадлежащая одному из внуков Сурхай-хана Аварского — Гебеку, где он пишет, что «сын хучадинского шамхала после разорения Хучады и убийства отца бежал в сел. Тинды, где жил четыре года, а потом переселился в сел. Ратлуб-Ахвах». В этой записи подробно говорится об уничтожении хучадинских шамхалов и захвате их резиденции Хучады. Автор добавляет, что он списал сказанное из документа, составленного по просьбе сына хучадинского шамхала и заверенного печатью его отца.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в Гидатле были шамхалы. Потомки гидатлинских шамхалов жили в селениях Тидиб, Урада и Гинта, владели большими пастбищами в горах, называемых и теперь «Шамхальскими горами», и получали подати от жителей многих селений. В 1885 г. они пытались восстановить свои права и написали прошение о том, что до появления в горах Шамиля их предки и они сами получали доход от селений Кособ, Тунсода и Ахвах, жители которых были их подданными. «Шамиль уничтожил наших главных предков, — писали просители, — и запретил нам пользоваться от означенных селений сбором, а потому покорнейше просим распоряжения Вашего сиятельства о возвращении нам прежних прав пользования доходом с означенных селений»⁴².

О батлукских владельцах нам удалось добыть следующие сведения. 80-летний житель сел. Батлук Магомед Сулейманов и другие рассказали нам, что старейшина тухума Атагилал с согласия двух других тухумов был избран ханом и стал называться Балук-ханом. Только один он имел право молотить хлеб в ауле, остальным запрещалось возить снопы в аул. Батлукский хан женился на дочери аварского хана. Дочь свою Монаршал-Урижа он выдал замуж за одного из беков аварского ханского дома. Балук-хану батлукцы приписывают установление адатной нормы о цене крови. После сближения с аварскими ханами, рассказывают батлукцы, жителям сел. Верхний Батлук было разрешено поселиться на территории Нижнего Батлуха, а еще раньше они жили в горах на хуторе Бекаколо, что значит «хутор бека». Это соответствует действительности, так как жители Верхнего Батлуха — выходцы из Хедолазальского общества, они и теперь имеют там родственников.

О родственных связях, существовавших между аварскими ханами и кайтагскими владельцами, говорит тот факт, что владельцы Кайтага и Аварии совместно выступили против казикумухского падишаха и сломили его могущество. По этому поводу летопись Мухаммеда Рафи говорит: «Те из потомства князя мучеников (Хамзе. — Х.-М. Х.), которые в продолжение этих беспокойств были живы из числа кайтагских, а именно: Мухаммед-хан, Эмир-хан и Эмир-Хамзе, нашли убежище у повелителей Аварии и обязались клятвой быть их союзниками и делить с ними добро и зло во всех случаях и обязанностях. Тут произошли между ними и князьями кумухскими страшные войны и адские распри, которые продолжались много лет и последствиями которых было то, что царь аварский послал письмо и посланников, избранных из числа мудрых и красноречивых людей, к султану Каутер-шаху в страну турок, жители которой приняли религию ислама еще со времени Омара, сына Хаттаба, и предложил союз и дружбу согласно законам соседства и на условиях взаимной помощи в войнах со своими врагами и недоброжелателями. Такой союз был основан с обеих сторон на дружбе, согласии и братстве. Каутер-шах взял прекрасную дочь царя аварского в жены сыну своему Кей-Кобаду, а прелестную

⁴¹ См. Х.-М. Хашаев и М. С. Саидов. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 5, лл. 3—4

сестру последнего выдал за Саратана, сына царя (аварского. — Х.-М. Х.). Каутер-шах тогда повел своих турок с востока, а Саратан с князьями хайдакскими направил войска аварские с запада против Кумуха»⁴³.

Не все достоверно в этом тексте, но доля истины в описании Мухаммеда Рафи, бесспорно, имеется.

О принадлежности в начале XVII в. аварским ханам Технупальского общества свидетельствует следующая запись в конце переписанной от руки арабской книги «Мишгадж», в которой собраны все шариатные нормы о наказаниях и преступлениях: «Закончена переписка настоящего экземпляра книги от рук грешного, беспомощного раба божьего, нуждающегося в его милосердии и прощении Асхаба-бину-Хусейна в медресе кадия Омара-бину-Хаджи... в ауле Ботлих, подвластном иуцалу, в 1027 г. хиджры» (1618 г. — Х.-М. Х.)⁴⁴.

Большое значение для характеристики социально-экономических отношений аварцев имеет датируемый началом XVII в. кодекс законов Умма-хана Аварского. Точная дата составления этого кодекса неизвестна. Переписчик кодекса — Хадис из Андыха — указал, что законы эти были изданы Умма-ханом, умершим в 1044 г. хиджры, т. е. в 1635 г.

М. М. Ковалевский приложил много усилий, чтобы отыскать кодекс Умма-хана. «Древнейшим сборником дагестанских адатов, — писал Ковалевский, — за невозможностью отыскать текст аварских, надо признать те, которые в пределах Кайтагского удийства редактированы были в XVI в. Рустем-ханом»⁴⁵. Кодекс Умма-хана был найден, и полный текст его в переводе на русский язык опубликован только в 1948 г.⁴⁶ Характерными особенностями кодекса Умма-хана являются: допущение кровной мести и наряду с этим широкое применение штрафов за членовредительство; малое число статей о гражданских взаимоотношениях (следствие господства натурального хозяйства), отсутствие расследования (основная тяжесть представления доказательств падает на потерпевшего и на истца): широкое применение присяги как доказательства; отсутствие каких-либо указаний о семейном и наследственном праве, что объясняется господством шариата в этой области; наличие некоторых попыток установить нормы государственного права, в частности распространение ханской власти на «бо», т. е. на близлежащие «вольные» общества; абсолютная определенность меры наказания; отсутствие заметного деления между материальным и процессуальным правом.

Кодекс Умма-хана узаконяет права и привилегии узденей. «Если уздень убьет раба, то с него взыскивается только диат в пользу владельца, а если раб убьет узденя, то взыскивается диат с владельца раба, а раб изгоняется на три года в канлы».

Кодекс узаконяет обычай брать ишкиль. По обычаям аварцев, ишкиль можно было брать не только с имущества самого должника; он распространялся и на имущество тухума и того сельского общества, к которому принадлежал должник. Если имущество, главным образом скот должника, нарушившего долговые обязательства, было захвачено кредитором, то сельская администрация предлагала должнику немедленно возратить долг, а в случае несостоятельности члены его тухума должны были погасить долг. По получении долга захваченный скот или вещь немедленно возвращались владельцу. Но не всегда вопрос разрешался так мирно. Нередко должник не давал угонять свой скот, и на этой почве происходили кровавые столкновения. Ишкиль не мог быть распространен на скот лиц привилегированных сословий и на скот, находящийся на

⁴³ «Дербенд-наме», стр. 179—180.

⁴⁴ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, оп. 2, д. 199.

⁴⁵ М. М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана. «Юридический вестник», 1888, стр. 524.

⁴⁶ Х.-М. Хапиев. Кодекс Умма-хана Аварского. М., 1948.

пастбищах, расположенных близ резиденции ханов, на которых, видимо, пасся скот ханов и их приближенных. Кодекс гласит: «Тот, кто с намерением кражи и грабежа или ишкиля угонит скот с горы Гучута-меер, подвергается штрафу в 5 овец и обязан вернуть угнанный скот владельцу». Прежде чем применить ишкиль, должник, не заплативший в срок долга, подвергался по кодексу Умма-хана взысканию пени в размере половины его долга. Ишкиль брался не только с должника и его родичей, находящихся в пределах ханства, но и с проживающих вне ханства. В последнем случае кредитор обязан был обратиться к местной администрации, которая составляла письмо властям той местности, где жил должник. Если по получении письма они не принимали мер к обеспечению уплаты долга, то кредитор имел право захватить имущество должника, его любого сородича или члена его общины.

По поводу ишкиля М. М. Ковалевский говорил: «Такой захват встречается в праве всех вообще народностей, переходящих или только что перешедших от родовой к государственной форме общежития»⁴⁷.

В кодексе Умма-хана основное внимание уделено уголовному праву. Господствующими видами наказания являются изгнание преступника, штрафы и компенсации за ущерб. Этому посвящены 66 статей из 104, причем 43 статьи говорят о тяжелых уголовных преступлениях; убийству посвящено 14 статей, ранениям и увечью — 29. Преобладание статей, говорящих о преступлениях и наказаниях, является характерным для всех ранних правовых кодексов. Вопросам, относящимся к административной деятельности ханства и его местных органов власти, посвящено 10 статей; вопросам купли, продажи и залога — 7; захвату чужого имущества (ишкиль)⁴⁸ — 5; о присяге и порядке взыскания (диата) говорят три статьи; сватовству и охране личности женщины посвящено 3 статьи; грабежам и нападениям одного аула на другой — 4. Остальные статьи касаются незаконного использования чужого рабочего скота, порядка изгнания преступника, методов установления размера раны и др.

По кодексу Умма-хана, не влечет за собой наказания убийство кровника или члена его семьи до примирения. Если родственники убитого до примирения сожгут дом своего кровника, то с кровника диат не взимается. По обычаям древних аварцев, тухум убитого нападал на дом, в котором скрывался убийца, и разрушал или сжигал его вместе с убийцей. Убийство родственника убийцы после примирения считалось тягчайшим преступлением: «Если после того, как кровника выслали из аула, родственники убитого убьют брата кровника или другого его сородича, то с убийцы взыскивается 100 голов овец; кроме того, он обязан вернуть диат, который получил от своего кровника, и вся его семья осуждается на вечное изгнание без права возвращения в аул».

Кодекс делает попытку защитить родственников убийцы от родственников убитого. «Если родственники убитого разорят имущество родственников убийцы или будут терроризировать их, не разрешать выходить из дома, то с виновных взыскивается причиненный ущерб и, кроме того, ежедневно по одной овце до тех пор, пока они публично не раскаются в совершенном».

Частная собственность строго охраняется кодексом. Убийство вора, находящегося в бегах и не имеющего имущества, считается вполне законным. Предусмотрено вознаграждение тому, кто совершит такое убийство. Более того, кодекс требует, чтобы родственники вора сами убили его; если же они не хотят его убить, то должны возместить все убытки, причиненные воров. «Если родственники вора убьют его, то все на этом кончается. Если они его не убьют, то администрация воеводства должна им предло-

⁴⁷ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 131.

⁴⁸ Насильственный захват чужого имущества в обеспечение долга.

жить: „Вы убейте его. Если убить не хотите, то возместите весь ущерб, который он причинил. Если у вас нет достояния для возмещения, тогда идите вы прочь от нас за воров, оставьте наш край, мы не ваши и вы не наши“». Подобные требования предъявляются не только к родственникам вора, но и ко всей общине, если вор был ей передан.

Основным мериллом стоимости в Аварии были овцы и медь в слитках. Денежное обращение, видимо, почти отсутствовало, хотя в кодексе изредка и упоминается о дирхемах.

Кодекс свидетельствует о том, что каждое селение Аварии еще в начале XVII в. имело определенную территорию: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, при этом нарушив обычай края и нормы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого соседнего аула взыскивается 10 овец».

По кодексу Умма-хана трудно установить формы государственного устройства аварского ханства, но одно бесспорно, что ханы опирались на сельских старейшин и сельских судей. Выбор сельских судей, по кодексу Умма-хана, происходит с согласия старшин бо⁴⁹. «Без надлежащего разрешения администрации бо, — говорится в кодексе, — нельзя назначать ни сельских судей, ни глашатаев».

Шариат оказал серьезное влияние на кодекс Умма-хана. Если кто не согласен с решением администрации бо, записано в кодексе, то должен обратиться к муфтию. Кодекс требует, чтобы каждый аул имел дибира (муллу); аул, в течение месяца не имеющий дибира, ежедневно, до назначения дибира, вносит штраф по одной овце.

Следовательно, духовенство в ханстве занимало видное место: муфтии и дибирь разбирали спорные дела на основании шариата; шариат был официально признан ханской властью, ханство вовсе не было против распространения шариата, как об этом говорят некоторые историки. Конечно, ханство рассматривало штрафы как солидный источник своего дохода, а поэтому не очень охотно передавало уголовные дела на рассмотрение муфтия в порядке шариата. Кодекс оговаривает случаи несогласия с решением муфтия. Все это не мешало ханству использовать религию ислама для упрочения своей власти.

Штрафы, которые предусмотрены кодексом Умма-хана, чрезвычайно велики. Высокие штрафы в ранних правовых кодексах объясняются тем, что они выплачивались всем коллективом — сначала родовой, а потом сельской общиной, а не индивидуально. Узы родства в XVII в. и в Аварии были сильны, и, как правило, тухум или же в целом сельская община выручали своих родичей.

Нам удалось обнаружить письма аварских ханов и некоторые записи на обложках арабских книг о прошлом отдельных обществ Аварии. Любитель-краевед Мансур Гайдарбеков, преподаватель аранинской средней школы, собрал большое число писем, принадлежащих аварским ханам, жившим во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. Некоторые из этих писем он перевел с арабского на аварский язык.

Интересны записи на обложках арабских книг, особенно на обложках коранов, принадлежавших главным мечетям. Нами, в частности, обнаружены записи на обложке корана в сел. Нижний Батлук, которые содержат нормы обычаев, а также соглашение двух тухумов жить в мире. Найден мирный договор между селениями Хунзах и Голотль и другие документы. Эти письма и записи характеризуют взаимоотношения между аварскими ханами и сельскими общинами.

⁴⁹ Слово «бо» аварское, буквально означающее «войско». Но оно употребляется для обозначения союза сельских общин определенной территории.

В письме Магомед-нуцала (отца известного в конце XVIII в. Умма-хана Аварского) на имя Каратинского общества, входившего в состав Аварского ханства, предлагается не препятствовать жителям сел. Тукита проводить дорогу через территорию Каратинского общества.

В письме к «Западным горцам» (шо-видимому, оно касается технуцальных жителей) содержится совет жить в мире с обществами Караты и Тукита до тех пор, пока он (Магомед-нуцал) не вернется из поездки к казикумухскому Магомед-хану.

В договоре между Магомед-нуцалом и подвластными ему обществами и обществом сел. Игали, входившим в Койсубулинское «вольное» общество, говорится, что общество Игали обязуется изловить девять воров, скрывающихся у них, взыскать с них двукратную стоимость краденого и возратить жителям обществ, входящих в ханство. Хан и его общества в свою очередь обязуются изловить девять воров, скрывающихся у них, взыскать с них ту же стоимость и возратить обществу Игали. Сельское общество Игали выступает здесь как суверенное юридическое лицо по отношению к ханству.

На основании этих писем можно заключить, что при Магомед-нуцале специальных органов власти ханы на местах еще не имели; они опирались на силу и авторитет входящих в ханство сельских обществ, которые по указанию хана могли применить силу по отношению к тому или иному обществу, не повинующемуся хану. Порядок и спокойствие внутри каждого общества обеспечивали сельские органы власти, на которые хан и опирался, осуществляя свою политику.

В письме к Магомед-нуцалу и Магомед-Мирзе жители сел. Энхело сообщают, что они, так же как и аварцы (имеются в виду жители аварского плато, т. е. жители всех селений, входящих в Хедолаальское общество), являются подданными аварских ханов, что жители сел. Алах захватили их ослов, что они с алахцами воевать не могут и не хотят и потому просят дать указание алахскому обществу возратить ослов. Интересно отметить, что даже территория, собственно Аварии рассматривалась не как территория ханства, а как территория Хедолаальского общества, куда входила и резиденция ханов — Хунзах. В письме на имя нуцала (неизвестно от какого сельского общества, полагаем, что от общества сел. Хунзах) говорится, что два квартала, нижний и верхний, заключили между собой соглашение жить мирно. В обеспечение мира были даны на хранение нуцалу вещи, но поскольку жители верхнего квартала насильственно захватили овец жителей нижнего квартала и учинили стрельбу, то просят залог ликвидировать. Письмо подписано «Хочо» и «Кодол Махамад». Общество Цатаних пишет Магомед-нуцалу и Магомед-Мирзе, что люди нуцала, бросив охрану башни, ушли; просят срочно прислать новых людей для охраны башни (сел. Цатаних расположено на границе с Койсубулинским обществом, которое не входило тогда в состав Аварского ханства). В письме к Магомед-нуцалу жители Караха сообщают, что гидатлинцы напали на них, но наказаны за это, что они очень рады поддержке хана, который прислал своего представителя с письмом. Они дают хану обещание идти с ним в поход в Грузию. Из этого письма видно, что Карахское общество находилось в союзе с аварскими ханами.

Таким образом, влияние аварских ханов на соседние общества бесспорно. Магомед-Мирза и сын Магомеда-нуцала Булач были убиты в 1767 г. в Ширване в междоусобной войне с Фатали-ханом Кубинским. В 1774 г. Магомед-нуцал, собрав большое войско и соединившись с бывшим ширванским ханом — слепым Агаси-ханом, желая отомстить Фатали-хану, завладел Шемахой. Однако Фатали-хану удалось разбить войско Магомед-нуцала и Агаси-хана. Магомед-нуцал со своими приверженцами, заняв укрепленное место выше Шемахи и уничтожив все свое имущество, решил сражаться. Фатали-хан хитростью, якобы для переговоров, зама-

нил его в свою палатку, где предательски убил вместе с почетными лицами, его сопровождавшими⁵⁰.

После Магомед-нуцала ханствовал сын его Умма-хан, о котором А. А. Неверовский писал: «Располагая тогда огромными средствами, он вполне воспользовался своим положением и заставил платить себе дань грузинского царя Ираклия, ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекинского и пашу ахалцихского с тем условием, чтобы не причинять более вреда их владениям»⁵¹. По словам Неверовского, сумма этой дани составляла 85 тыс. руб. серебром в год. «После этого,— продолжает Неверовский,— можно сказать без преувеличения, что ни одно владетельное лицо в Дагестане не достигало до той степени могущества, как Омар-хан Аварский»⁵².

Могущество этого аварского хана здесь преувеличено, но несомненно, что Аварское ханство было в то время довольно сильным, многие «вольные» общества входили в его состав и зависели от него. От некоторых менее надежных «вольных» обществ хан держал заложников из самых влиятельных фамилий.

В упомянутой работе Сереброва, Тихонова и Симоновича Аварское ханство не описано. Однако в приложенной к этой работе таблице указано, что Умма-хан имел под своей властью около 30 тыс. дворов, 90 тыс. жителей и получал доход в 150 тыс. руб.

Аппарат управления ханством был несложен: хан имел нукеров, судью, тайного советника и секретаря двора.

В 80-х годах XVIII в. Умма-хан сделался грозой для соседних ханов. Он организовал поход на Фатали-хана и держал его в осаде в Сальянах в течение девяти месяцев, после чего был заключен мир, по которому Фатали-хан обязался уплатить Умма-хану доходы Сальяпского владения, выдать за него свою дочь Пери-Джихан-ханум и уплатить контрибуцию в 200 тыс. руб.⁵³ Умма-хан получал также ежегодную дань от Ираклия II в размере 5 тыс. руб. серебром.

С течением времени Умма-хан стал распространять свое влияние на все общества Аварии. Одни находились в полной зависимости от него и платили подати, другие по его требованию выставляли войска для участия в различных походах.

Приводим некоторые письма, характеризующие влияние Умма-хана.

Письмо Умма-хана конца XVIII в. обществу сел. Годода: «Прошу помочь Сурхаю получить подати с жителей сел. Уриба. Подати эти проданы Сурхаю жителем сел. Годода Таймазом»⁵⁴. Умма-хан пишет старшинам сел. Андых, Кайтмазу и Амир-Али по поводу того, что Магомед, сын Сурхая, отобрал лошадей, принадлежащих жителям сел. Батлайчи: «Предложите Магомеду, сыну Сурхая, вернуть лошадей и самого его пошлите ко мне. Если он выиграл дело, я разрешу его спор и прикажу Малачилаву удовлетворить его иск. Если не выиграл, то дадим то, что полагается по адату. Прикажите, чтобы он поехал и вернул лошадей по-братски». Письмо Умма-хана обществу Ахваха: «Вы хорошо помните свою присягу и наше условие. Житель Ахваха Тамазалов проиграл дело о краже лошадей

⁵⁰ «Кавказ», 1847, № 48; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 81—82. В работе А. Сереброва, Д. Тихонова и И. Симоновича, посвященной в основном описанию Дагестана, в разделе «Краткое историческое описание северной и южной дагестанской Персии», где речь идет о войнах Фатали-хана, аварский хан назван Мерсел. Вероятно, это ошибка. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 82—105.

⁵¹ А. А. Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848, стр. 34.

⁵² Там же, стр. 35. Умма-хан именуется в некоторых источниках Омар-ханом, Омма-ханом и Ома-ханом.

⁵³ «Кавказ», 1847, № 48; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 87; ЦГВИА, ф. ВУА. д. 18474, лл. 82—105.

⁵⁴ Интересно, что подати можно было продавать.

у нашего жителя. Предложите выдать стоимость лошадей подателю этого письма. Если вы этого не сделаете, то я впрямь не буду соблюдать наши договорные условия».

Характерно, что Умма-хан — гроза соседних ханов, несомненно обладающий репающим влиянием на окружающие общества, не приказывает, а, ссылаясь на договор и присягу, выступает в роли третейского судьи. Чем это объяснить? Основной причиной является то, что феодализм в горах не был достаточно зрелым. Экономические позиции ханства еще были слабы, ханы не успели узурпировать собственность всех обществ и отдельных узденей. Ханы и ханское сословие не могли не считаться с отдельными обществами, где родовая демократия была еще жизнеспособной. Продолжительность сохранения подобных отношений в Аварии можно объяснить слабым развитием производительных сил в горах, где расширенное воспроизводство было тогда почти невозможным. Из года в год, из века в век повторяющийся процесс простого воспроизводства в рамках сельской общины не мог привести Аварию к развитым феодальным отношениям. С другой стороны, ханы были заинтересованы в сохранении мира внутри Аварии, так как в противном случае они не могли иметь обеспеченного тыла и устоять в столкновениях с соседними народами. Аварские ханы не имели постоянной вооруженной силы, за исключением небольшого числа нукеров. В своих военных походах они опирались на ополчения, которые выставляли не только общества, входящие в состав ханства, но и общества, находящиеся с ханами в союзнических отношениях и сохранявшие самоуправление.

Умма-хан играл видную роль во всем Дагестане. Он обратил на себя внимание враждебных России государств, в первую очередь Турции. Турция посылала Умма-хану много подарков и не без пользы для себя. Ей удалось склонить на свою сторону Умма-хана, придерживавшегося в начале 80-х годов XVIII в. русской ориентации и отказавшегося тогда принимать участие в движении шейха Мансура.

В начале XIX в. Умма-хан устроил поход на Грузию, где в сражении был разбит русскими и грузинскими войсками. После этого вскоре Умма-хан умер и аварским ханом стал Султан-Ахмед-хан.

* * *

Аварское ханство в начале XIX в. имело следующие границы: с востока — Мехтулинское ханство, с юго-востока — Казикумухское ханство, с юго-запада — территория джарцев, с севера — земли койсубулинцев. Почти все «вольные» общества Аварии, насчитывавшие до 40 тыс. дворов, размещались на этом огромном пространстве⁵⁵.

По данным докладной записки русской экспедиции, посетившей Аварию в 1828 г., в то время в Аварском ханстве насчитывалось 37 селений с 5895 дворами узденскими, т. е. свободными от всяких податей, и 160 селений с 14 843 дворами податных (в это число входило несколько селений крепостных крестьян: Ках, Тлаилух, Хиниб, жители которых были раятами хана). Общества: Куядинское, состоящее из 24 селений с 2381 двором, Гидатлинское, состоящее из 19 селений с 3769 дворами, Келебское, состоящее из 8 селений с 1358 дворами, и Каралальское, состоящее из 18 селений с 2659 дворами, — должны были выставлять воинов нуцал-хану⁵⁶. По данным Берже, в 1828 г. аварскому Нуцал-хану Абусултану были подвластны 272 селения с 130 тыс. жителей⁵⁷.

⁵⁵ «Материалы из истории Дагестана», т. III, ч. I, Махачкала, 1940, стр. 185—196.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Кавказский календарь на 1859 г.», стр. 264.

По свидетельству Я. Костенецкого, «Авария не только владела многими, теперь уже от нее зависимыми обществами, но и была единственной повелительницей в этой части гор, и от ханов ее трепетали все соседи»⁵⁸.

В 1958 г. в сел. Харадерих Хунзахского района М. Нурмагомедов обнаружил среди старых арабских книг перечень селений, плативших в XVIII в. подати аварскому хану. Этот список также свидетельствует о распространении власти хана на многие общества Аварии, впоследствии ставшие «вольными»⁵⁹.

В начале XIX в. угнетаемые аварскими ханами крестьяне пытались сложить с себя непосильные подати и повинности, о чем свидетельствует письмо аварского хана Даргинскому обществу, датированное 1802 г.: «Привет вам, дорогие братья старейшины, дибирь и алимы, всему даргинскому джамаату от Султан-Ахмеда...»

Некоторые райаты, кажется, хотят освободиться от податей, приводя необоснованные доводы. Они хотят подняться от райатского состояния до узденства. С них полагается дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов, с посевов. Мы это получали по наследству от предков.

Ни полной меры, ни даже полмеры не берется с них несправедливо. Теперь они хотят освободиться от всех этих сборов, насильно захватить наше имущество и присвоить его. Но это им не удастся, хотя, поверив всяким разбойникам и клеветникам, у них и возникла надежда удержать принадлежащее нам.

Мы наши братья, поэтому мы послали к вам с приветом Алибека, чтобы он поговорил и посоветовался с вами. Мы хотим направить против них войско, чтобы проучить их, сколько это возможно, чтобы они не отказывались выплачивать подати. Это легко сделать.

Если вы поможете нам в этом деле, то и мы поможем вам, когда вы будете в этом нуждаться. Мы знаем, что вы отличаетесь дисциплиной и благородством...

Мы подумайте, посоветуйтесь и нам отвечайте. Остальное вам расскажет Алибек. Привет»⁶⁰.

В переписке аварских ханов, относящейся к началу XIX в., этот период называется «смутным» временем в связи с восстаниями крестьян.

Салатавские аварцы до 40-х годов XIX в. находились в зависимости от кумыкских князей. А. М. Буцковский в 1812 г. писал, что салатавские аварцы «до прибытия кумыков в настоящую Кумыцкую область уже на слых местах сидели, но питаюсь частью овечьими стадами, кои зимой в горах не находят пастьбы, и будучи кумыками как заперты, сии причины уважительно принудили их по завоевании кумыками понизовьев покориться сям последним, так что ныне андреевские и кистековские князья, коим они подвластны, земли их своими почитают. Сям князьям платят они дань баранами и хлебом и обязаны по вызову сопровождать оных в воинственных походах и во всегдашней быть готовности к посылкам, платя сверх сего за землю малую часть деньгами. Они все почитают себя узденями, но разделяются на два рода, из коих простые прислуживают старшим; крепостные же суть иноземные пленники, кои находятся в полной власти их»⁶¹.

Закатальские и джарские аварцы были независимы от аварских ханов и управлялись старшинами, имевшими во многих случаях наследственную власть. Подполковник Коцебу в 1826 г. составил подробное описание закатальских аварцев. Характерным для этих обществ было то, что они

⁵⁸ Я. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб., 1851, стр. 6.

⁵⁹ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 2195.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Подполковник Буцковский. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, л. 58.

выступали как коллективные феодалы по отношению к другим селениям. жители которых считали кешкелодержателями, т. е. зависимыми крестьянами, обрабатывающими чужую землю. Так, например, обществам Джары, Закаталы и Богами, составившим 1260 дворов, принадлежало 20 населенных пунктов с 1861 двором, которые платили им подати⁶².

Коцебу, как и прапорщик Яишников⁶³, считают, что земли, занимаемые джарцами, до XIII в. принадлежали кахетинским царям. Однако вопрос этот требует специального исследования.

Койсубулинцы тяготели то к шамхалу тарковскому, то к аварскому хану. Гергебилы и окружающие селения одно время входили в состав Мехтулинского ханства и управлялись старшинами.

Андалальское общество в начале XIX в. управлялось кадием, хотя в отдельных сельских общинах, кроме дибера, выбирались и старшины из сильных и привилегированных фамилий. В начале XVIII в. андалальцы находились под влиянием казикумухских ханов, а с аварскими ханами были в союзных отношениях.

В начале XIX в. в Аварии существовало четыре вида собственности на землю: 1) ханские земли, 2) ханские, бекские и чанские мюльки, а также мюльки лично свободных уздений, 3) общинные земли и 4) вакуфные земли.

Хан как глава ханства имел земли, главным образом горные пастбища, почти во всех частях Аварии. Эти земли находились в пользовании отдельных обществ, которые платили хану подать продуктами скотоводства, земледелия и садоводства. Кроме того, хан имел свои мюльки, которыми он лично распоряжался и на которых работали раяты и бывшие рабы, наделенные ханом землей и обязанные ему податями и повинностями, а также зависимые уздени. По данным переписи 1886 г., в Аварском округе бывших раят числилось 1038 мужчин и 1030 женщин, а в Андийском — 821 мужчина и 811 женщин.

Ввиду специфических социальных, географических и климатических условий пастбищные горы и мюльки хана не были сосредоточены в одном месте, а находились в разных местах Аварии. Мюльки беков и чанков находились на территории тех селений, где они жили.

На правах частной собственности владели мюльками и лично свободные уздени, которые составляли большинство Аварского общества. В состав обычного мюлька горца входили: несколько участков пахотной земли, сенокосные участки на несколько вьюков сена, сад, если селение было садоводческим. Постройки и сельскохозяйственные орудия также составляли частную собственность узденя. Богатая узденская верхушка владела пахотными, покосными и пастбищными землями, садами и лесными участками. Их собственность приближалась к собственности феодалов.

Сельская община или несколько сельских общин сообща имели выгоны, пастбищные горы и кое-где леса, которыми на равных началах могли пользоваться все члены. На самом же деле их использовала лишь зажиточная часть сельской общины, так как многие рядовые члены общины были лишены скота. Земельные богатства были распределены между отдельными сельскими обществами неравномерно. В результате этого некоторые крупные общества выступали в качестве своего рода коллективного феодала по отношению к мелким и слабым обществам, которые несли определенные повинности в пользу первых.

Вакуфные, или мечетские, земли образовались в результате завещаний и пожертвований. Они распадалась на земли, принадлежавшие непосредственно мечетям и сдававшиеся для обработки отдельным лицам за услов-

⁶² Подполковник Коцебу. Сведения о чарских владениях, 1826. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18498, лл. 1—11.

⁶³ Прапорщик Яишников. Военно-статистическое описание земли, занимаемой джарскими племенами, 1830. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 301, л. 168.

ленную часть урожая, и земли, находившиеся в пользовании наследника с обязательством вносить в мечеть определенную завещателем долю урожая или определенное количество продуктов животноводства. Вакуф распространялся не только на пахотные земли и сенокосы, но и на сады, леса, постройки и на животных. На эти средства мечети содержали духовенство, а также готовили в медресе кадры.

Определить, какое точно количество земель в Аварии принадлежало тем или иным группам или классам общества в начале XIX в., не представляется возможным. В записке, приложенной к «Положению о поземельном устройстве государственных крестьян Дагестанской области» от 12 февраля 1900 г., председатель Комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Сандрыгайло сообщил, что с истреблением аварских ханов и беков были прекращены все повинности, которые отбывались жителями Аварии ханам, бекам и чанкам⁶⁴. Это обстоятельство затрудняет восстановление картины феодальных отбшений в Аварии. Но данные, добытые нами в архивах и у отдельных лиц, проливают некоторый свет на этот вопрос.

Ханские земли. Конфискованные в период господства в Аварии мюридизма ханские, бекские и чанкские земли были переданы в пользование сельских обществ; по восстановлении Аварского ханства в 1859 г. часть этих земель была возвращена собственникам, но значительная часть осталась у малоземельных обществ. После ликвидации Аварского ханства все ханские земли были взяты в казну и составили оброчные статьи военно-народного управления.

В письме военного губернатора Дагестанской области податному инспектору Аваро-Андийского округа от 31 декабря 1901 г. говорится: «С введением в 1868 г. в Аварском округе государственной подати бывшие ханские земли Аварского округа поступили в ведение казны и были отданы в пользование жителей этого округа за однажды установленную плату, а именно: горы Багда-меер и Сайсута за 55 руб. 90 коп. и пастбищное место около сел. Мистерух (Чолкай, Ротлан) за 19 руб. в год обществу этого селения; горные пастбищные места Хурдутль-Бак, Сагальды и Нухлуть — за 55 руб. 80 коп. обществу сел. Ингердах; часть покосных мест Хурдутль-Бак — за 88 руб. в год обществу сел. Харахи; пахотные поля и сенокосные места около сел. Хиндах — обществу этого селения за 17 руб. 60 коп. в год; пахотные поля Теки — обществу сел. Мушули за 24 руб. в год; пахотные поля и сады около селений Большие и Малые Амуши — обществам этих селений за 56 руб. в год... Приблизительная площадь арендуемых жителями земель следующая: Хурдутль-Бак — покосная часть, Хурдутль-Бак — горная пастбищная часть, Сагальда, Нухлуть, Багда-меер, Салта, Чолкай-Ротман — в общем по 100 дес., хиндахские участки — 250 дес., сады и пашни в Больших и Малых Амушах — 2 дес.»⁶⁵

Аварский наиб Али-Клыч в 1866 г. писал, что «жители аула Белгатой (ныне находится в Чечено-Ингушской АССР.— Х.-М. Х.) Тучалов и Хайдарбек в сопровождении кунака их — андийца Суллаева отправились когда-то к аварскому хану Умма-нуцалу с гнедой лошастью в подарок ему и с просьбой от всего общества уступить гору, лежавшую по направлению к Белгатой. Аварский хан отправил просителей в Андию, передав распоряжение андийцу Мухаммеду Алибекову отдать гору белгатойцам... Эти данные изложены в выписке из старой книги, содержание которой, передаваясь нашими предками потомству, дошло и до нашего времени. Выписка эта сделана в 1146 г. хиджры (в 1734 г. н. э.— Х.-М. Х.)»⁶⁶. Это свидетельствует о том, что гора возле аула Белгатой была ханской.

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 139-а, л. 7.

⁶⁵ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. 1.

⁶⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, лл. 13—14.

В 1890 г. в Аварском округе земель, находившихся в ведении казны (министерство государственных имуществ), по отдельным наместствам было: в Хунзахском — 14,75 десятин пахотной, 220,5 — покосной и пастбищной; в Цатанихском — 40 десятин пахотной и 175 пастбищной; в Батлукском покосной 702,5 десятин — следовательно, ранее это были ханские земли ⁶⁷.

В архивах мы обнаружили данные о размерах следующих ханских земель: покосный участок Тобот в 5 десятин ⁶⁸, пастбищные горы Алагада-меер в 300 десятин, Матлас в 250 десятин ⁶⁹, Парси-меер в 200 десятин ⁷⁰. Площадь гор Гортлахун-меер, Тассахун-меер ⁷¹ и Хунда-меер ⁷² не указана, но можно предположить, что площадь каждой из них составляла не менее 200—300 десятин, так как за аренду двух из них платили 150 руб. ⁷³

Из документа о передаче в 1907—1911 гг. бывших ханских земель из ведения военно-народного управления в ведение местных управлений государственных имуществ видно, что в Аварском округе было передано бывших ханских земель около 3 тыс. десятин, из коих пахотных — 421, сенокосных — 400, садов — 2 десятины, пастбищных гор — более 2 тыс. десятин ⁷⁴.

Потомок аварских ханов Фатали-Сурхай-хан-оглы к концу XIX в. имел 404,25 десятин земли ⁷⁵. Из заявления сына Сурхай-хана Аварского на имя даря (во время его пребывания на Кавказе в 1871 г.) видно, что лица ханской фамилии владели населенными землями. Он пишет: «Род мой владеет всей Аварией. Ныне от правительства производится выдача моей матери 270 руб. и мне самому 500 руб. в вознаграждение за доход с 13 принадлежавших мне деревень» ⁷⁶.

Сурхай-хан являлся сыном Гебека, брата Умма-хана Аварского, от узденки, поэтому ему досталось только 13 деревень, тогда как дети ханши Баху-Бике владели всеми остальными зависимыми от ханов деревнями.

Подтверждение принадлежности земель ханам можно почерпнуть из заявлений сельских обществ и отдельных лиц на имя царя в том же году. Это прошение об освобождении от податей за пользование пастбищными горами, пахотными участками и сенокосами, ранее принадлежавшими аварским ханам.

Жители хутора Тумагари просят закрепить за ними землю Бекьюль-Бак, ранее принадлежавшую ханам и находившуюся в их пользовании ⁷⁷.

Сын капитана Мирза-бек-Нуцал-хана Сурхай-Мирза подал заявление о возвращении ему кутана Аруша, принадлежавшего его отцу. По поводу этого заявления в деле говорится, что «согласно высочайшему повелению от 26 июня 1868 г. за № 229 взамен кутана Аруша, бывшего во владении его отца и приносившего дохода 400 руб., за неопределением точных границ земель, из коих должен быть отведен в пользование Сурхая участок, равный кутану Аруша, он получает с князя тарковского по 320 руб. ежегодно и, кроме того, в пользование его передана одна пастбищная гора, приносящая доход по 80 руб. в год» ⁷⁸.

Общество Кванхидатль просит разрешить пользоваться лесом, который был отнят в период юридиказма как принадлежавший аварским ханам ⁷⁹. Жители сел. Ингердах просят оставить им земли Хурдутль-Бак,

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 18, л. 14.

⁶⁸ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. 1.

⁶⁹ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 139-д, л. 128.

⁷⁰ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 119-д, л. 7.

⁷¹ Там же, л. 9.

⁷² Там же, д. 142-б, л. 180.

⁷³ Там же, д. 119, л. 9.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 2, д. 303, лл. 11—12.

⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 69, лл. 3—4.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 5.

⁷⁷ Рук. фонд ИИЯЛ, ист. отд., оп. 2, д. 198, стр. 6.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, лл. 556—557.

⁷⁹ Там же, л. 517.

Сагалади и Нухлутль и освободить от оброка и от платы 1 руб. 40 коп, с каждого стада овец, выгоняемого на гору Парси-меер. Эти земли принадлежали раньше аварским ханам, а жители платили хану подати⁸⁰. Житель сел. Кваниб (Кахибский район) Магомед-Дибир Магомедов просит вернуть ему земельный участок под названием Кудияб-Хур, находившийся в пользовании его отца и принадлежавший ранее ханам⁸¹. Общество Сиух просит оставить в его владении летние пастбищные горы Хунда-меер, Багда-меер и Оргичу-меер; за Хунда-меер общество платило хану 10 раталов (один ратал равен 6 фунтам) коровьего масла, за Багда-меер — 90 мер (одна мера равна 16 л) молока, за Оргичу-меер — по одному барану со стада в год. В момент подачи заявления сиухцы арендовали эти земли у казны за 160 руб. в год⁸².

Жители селения Орота просят оставить у них горы Тассахун-меер и Горглахун-меер, в прежнее время составлявшие собственность аварских ханов, а затем перешедшие к казне⁸³. Жители сел. Тануси просят вернуть им часть горы Арах-меер, которая была отобрана как принадлежащая ханам для пастбы лошадей хунзахского гарнизона⁸⁴. В пользовании жителей селений Зибирхали, Годобери и Шодрода находилась бывшая пастбищная гора, принадлежавшая хану, за которую казна получала арендную плату в размере 100 руб. Они просили оставить у них лесной участок под названием Ачабуково⁸⁵.

Жители сел. Харахи просили оставить у них ханские земли: сенокосные, под названием Хардутль-Бак, и пахотные — в местности Текита⁸⁶.

Общество Унцукуль просит вернуть им четыре горы, находящиеся между селениями Унцукуль и Ишкарты⁸⁷.

Чаще всего в архивах вместе с приведенными прошениями находятся и справки официальных лиц, в которых говорится о сумме налога с этих земель как бывших ханских, а затем отошедших в казну.

Ряд материалов указывает на различные феодальные повинности, которые несли жители населенных пунктов, находящихся во владении ханов. Ибрагим-хан Аварский до лишения его ханской власти в 1863 г. получал различные подати от раят узденских обществ на сумму 1300 руб. в год⁸⁸. Андийцы платили аварскому хану восемь бурок и одного быка за использование пастбищ на Халатаб-меер⁸⁹.

В сел. Голотль (в нынешнем Кахибском районе) пять дворов должны были отбивать ханам по две сабы виноградного сока. В 1871 г. эта натуральная подать была заменена денежной — по 4 руб. с двора, которая поступала в казну⁹⁰. Подати хану платили жители сел. Местерух (Ахвахский район)⁹¹ и др.

Власть аварских ханов распространялась на жителей Аргунского ущелья и селений Черных гор, расположенных вне Аварии (в Чечено-Ингушской АССР). Они платили аварскому хану со 100 баранов одного барана и обязаны были отдавать воинов по его требованию⁹².

Из приведенных данных явствует, что аварские ханы были значительными земельными собственниками.

⁸⁰ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 515.

⁸¹ Там же, л. 518—519.

⁸² Там же, л. 517.

⁸³ Там же, д. 5, л. 204.

⁸⁴ Там же, л. 252.

⁸⁵ Там же, л. 253.

⁸⁶ Там же, л. 524.

⁸⁷ Там же, л. 521.

⁸⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113, л. 78.

⁸⁹ Там же, д. 203, л. 13.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 546.

⁹¹ Там же, л. 549.

⁹² Там же, ф. 300, л. 66.

Бекские и чанские мюльки. В период движения мюридизма были истреблены многочисленные беки и чанки, поэтому материал об их земельной собственности, за редким исключением, не сохранился. Тем не менее отдельные данные, добытые нами в архивах и путем опроса местных жителей, свидетельствуют, что беки жили во многих селениях Аварского ханства и «вольных» обществ, владели большими земельными угодьями и что односельчане платили им подати и несли для них повинности.

Существуют два противоречивых мнения о происхождении аварских беков и чанков. Одни считают, что они происходят от аварских ханов, а другие — от казикумухских шамхалов. Мы же считаем, что беки, носившие фамилии шамхалов, в частности андийские и аргуанийские, происходят от известных шамхалов тарковских, а остальные — от аварских ханов.

Будковский в 1812 г. писал: «Весь участок между правым берегом Сунжи и подошвою Черных гор принадлежал прежде аварского происхождения князьям Турловым, но лет 80 как жившие до того в горах чеченцы, разумножившись по недостатку земель и междоусобиями, вышли из гор на понизовья Аргуна и Сунжи, вытеснив с тех мест упомянутых Турелвых, с обещанием, однако же, некоторой за земли сии им платы, но вскоре толико усилились, что и сию повинность с себя сложили»⁹³. Далее говорится, что князьям Турловым принадлежали нефтяные ключи в 17 верстах от Терека, что они ежегодно продавали по 500 бочек нефти по 16 руб. за бочку медными деньгами⁹⁴. Полковник Юрьев в 1823 г. по поводу тех же князей Турловых писал, что «часть гумбетовцев платила подать аргунийским бекам Теркау, жившим на берегах Терека»⁹⁵.

На полях одной арабской рукописи найдена следующая запись о завещании Мухаммеда, сына Турарава (из фамилии Турловых): «Мухаммед, сын Турарава, завещал для своих похорон 300 овец и одну четверть дахи от аула Орота, из которой будут погашены все долги: погасить половину стоимость быка жителю сел. Голотли, половину стоимость телки — жителю сел. Симару, две трети стоимости быка Элениласулаву из аула Обода, половину стоимость телки и одного барана — жителю из аула Обода, одну овцу — жителю аула Батлуха, кобылу — Гайдару из Шотода, лошадь — жителю аула Захри; отдать три барана в мечеть Хунзаха, три барана — в мечеть Тлараха в месяц Рамазана, два барана — в мечеть Голотли, лошадь — тому, кто едет в Хадж (в Мекку). Для каффарата (раздача милостыни) он завещал тридцать овец, затем подарить двух овец цу-дахарпу...»⁹⁶.

В селениях Киди и Саситль жили беки по фамилии Алдадилал, которые владели двумя пастбищными горами под названием Эчеда-меер и Тулдух-меер. Это подтверждается заявлением Алдамишвили, потомка одного из уцелевших беков фамилии Алдадилал, поданным на имя царя в 1871 г., в котором он просит возвратить ему имения, отобранные при мюридизме. Официальная справка, составленная по поводу его заявления, гласит: «Фамилия кидинских беков — Алдамишвили; выходцы из Аравии, а по другим сказаниям ведут род от грузинских князей Караловых. До 1844 г. кидинские беки не хотели признавать над собой власть Шамиля и не пристали к мюридизму. Шамиль, желая наказать беков, окружил в том году сел. Киды, истребил большую часть его жителей: горы и земли, принадлежавшие кидинцам, причислил к байтульманным (собственность казны имама.—

⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, Военно-топографическое описание Кавказской губернии, л. 62.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, д. 6550.

⁹⁶ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, оп. II, д. 199; перевел с арабского М. Саидов. Видимо, фамилия этих беков не Турлов, не Теркау, а Турарав, как написано в завещании. По родословной аварских ханов, турарав (буквально «убежавший») — прозвище, а настоящее имя — Догу-нуцал, сын Андуник-нуцала, умершего в 1635 г. Он воевал с обществом Орота и вынудил его платить подати.

Х.-М. Х). После покорения Дагестана земли эти были взяты в казну... Кидинские беки составляли в Дагестане враждебный элемент мюридизму и со времени покорения Дагестана во всех случаях оказывали свою преданность правительству, в особенности во время бывшего возмущения в том обществе осенью 1871 г., когда они первыми вышли с оружием для подавления мятежа»⁹⁷.

В сел. Гоцо 19 хозяйств чанков пользовались податями с 16 узденских хозяйств, имели пахотные участки на 370 сабов посева, сенокосов — на 5120 пудов и пастбища в 9 кв. верст в местности Арах-меер⁹⁸. Уцелевшие после искоренения мюридизма четыре хозяйства этих чанков подавали заявления на имя царя в 1871 г. с просьбой вернуть им захваченные в период мюридизма пахотные участки в самом сел. Гоцо и пастбища у горы Арах-меер⁹⁹. В сел. Моксох 17 привилегированных хозяйств получали подати от 11 хозяйств вольноотпущенников. В сел. Гоцатль беки и чанки владели лучшими землями, пользовались податями от жителей сел. Уздал-Росо¹⁰⁰. Благодаря покровительству своего родственника, Гамзат-бека, гоцатлинские беки и чанки не были истреблены, и в 80-х годах XIX в. их было в Гоцатле 85 человек, беков — 32 и чанков — 53.

По неполным данным Комиссии по определению сословных прав, в Аварском, Андийском и Гунибском округах было более 100 человек из ханских фамилий.

В селениях Цалкита и Андых было около 15 хозяйств беков и чанков. В Андых чанки сообща владели территорией под названием Рапутль-Бак, составлявшей около 100 десятин пахотной и покосной земли. Жители сел. Андых были обязаны отдавать чанкам трехдневный удой молока от всех овец и три дня в году работать на них.

В Андийском округе было около 30 чанков.

В ряде селений Гунибского округа жили чанки, в частности в селениях Телетль, Уриб, Зиури, Гоготль, Урада, Тидиб, Гинта, Ругуджа и др.

В августе 1884 г. в Гунибе чанки, жившие в селениях Телетль, Гонода, Ругуджа, Ури, Зиурп и Гоготль, члену Комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края показали: «Наши предки переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства, и мы происходим из рода казикумухских ханов.

Времени переселения наших предков мы определить не можем: это было давно. Документы наши уничтожили мюриды Шамиля.

Земли, которыми мы пользуемся, большею частью получили по наследству от отцов и частью купили в разное время.

У нас... Шамиль отобрал родовые земли... но русское начальство возвратило нам... одну треть, а две трети остались в руках сельского общества.

Наши предки... жили сначала в Голотле, в Аварии: три брата переселились оттуда в разные селения (Телетль, Гоготль, Гонода), обязав жителей Голотля платить им за земли, которые остались в их пользовании. Плату..., следовавшую нашему предку, получали мы, потомки, до появления Шамиля, а он лишил нас этой платы...»¹⁰¹

Далее следует указание на то, что чанки имели леса и пастбищные горы, полученные по наследству и купленные ими.

«...Мы слышали от отцов, что в древние времена пользовались с разных мест доходами, но откуда и какими, не знаем теперь. Мы вместе с узденями пользуемся пастбищью на джамаатских пастбищах и, где есть, джамаатскими лесами и общественными угодьями и водами на одинаковых правах. Но в собственные участки лесов отдельных хозяев как джанков, так и узденей

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 512.

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 121, л. 343.

⁹⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 514.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 21, лл. 31—32.

¹⁰¹ Там же, оп. 3, д. 139-а, л. 8.

без позволения хозяина посторонний не может входить и пользоваться, кроме ругуджинских джанков. Все мы отбываем, наравне с узденями, денежные и натуральные повинности...

По своим делам мы не обязаны судиться в сельских судах, если сами того не пожелаем.

Мы, телетлинские и ругуджинские джанки, имеем земель больше узденей...»¹⁰²

Чанки, жившие в сел. Циалкита, с 6 дымов своих односельчан получали по одной мере пшеницы и с тех, у кого были овцы — по одному барашку¹⁰³.

Уздени андалальского общества с ненавистью относились к бекам и чапкам, о чем выразительно свидетельствует следующее решение узденей Андалальского общества:

«Если житель андалальских аулов во время выхода по тревоге убьет бека, то следует со всего населения округа в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок зерна.

Если андалалец нанесет рану лицу бекского происхождения, то выкуп и возмещение берут на себя все жители округа.

Если кто-нибудь из беков убьет одного из андалальцев, то общество вносит в пользу наследников убитого шестьдесят мерок зерна.

Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или женится на их (беков) женщине, то с него взимается штраф — триста баранов.

С того, кто доносит бекам, взимается сто баранов.

С того, кто доносит из одного аула в другой аул, взимается штраф — один бык.

Если один из нас убьет одного из беков и родственники убитого попросят сведения у одного из нас или у жителей нашего аула и если жители аула или один из них выдаст родственникам убитого эти сведения, то с жителей аула взимается штраф три быка, а с отдельного человека — один бык.

Если один из нас передаст беку путем продажи или другой сделки дом или иное недвижимое имущество, то с него взимается штраф — триста баранов, а имущество переходит в распоряжение общества.

Если один из нас получит у беков лошадь или оружие за услуги, то стоимость полученного им конфискуется в нашу пользу.

Если один из нас посетит бека или останется у беков три дня без уважительной причины, с него взимается сто баранов.

Если один из беков отбирает у одного из нас овцу или другое имущество стоимостью одной овцы и потерпевший извещает об этом по округу, то всем нам запрещается принимать бека к себе в гости и давать ему что-либо заимообразно.

Если один из нас даст ему пищи или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык.

Если между беком и одним из нас возникнет тяжба, то разбор дела принадлежит нашему обществу: нашим людям воспрещается судиться с беком в другом обществе без нашего разрешения. С нарушителя взимается штраф — один бык.

Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет «Я раб или нудалчи» (бек), то с него взимается сто овец»¹⁰⁴.

К концу XIX в. и началу XX в. в Аварии сохранилось 73 хозяйства записных крестьян (с. Цельмес)¹⁰⁵. Они платили подати чанкам Чупановым и Гунашевым, проживавшим в сел. Шотода, в размере одной меры пшеницы с дыма за пользование земельным участком Гаджилютль.

¹⁰² ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 86, лл. 1—3.

¹⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-а, л. 8.

¹⁰⁴ Рук. фонд. ДНИИЯЛ, ф. 1679, лл. 30—32.

¹⁰⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1227.

Таким образом, следует признать, что феодальная собственность беков и чанков на землю в Дагестане существовала везде, не исключая даже такого высокогорного общества, как Ункратль. Немногочисленность зависящих в горах объясняется, с одной стороны, недостаточной зрелостью феодализма, с другой — специфической особенностью феодализма в горах, где земельная собственность заключалась, главным образом, в горных пастбищах, что не требовало приложения труда и закрепощения крестьян.

Не только жители собственно Аварского ханства испытывали феодальный гнет, но и жители многих сельских обществ, которые считались независимыми от ханов, так как они вносили арендную плату за пастбища.

Мюльки свободных крестьян. Мюльками на правах неограниченной частной собственности владели лично свободные крестьяне-уздени, которые входили в состав сельских обществ. Но основную массу земель составляли летние альпийские пастбища и выгоны, находившиеся в общинном пользовании¹⁰⁶.

Пахотных земель по переписи 1886 г. показано в Аварском округе 12 443,5 десятины, которые якобы находятся в общинном владении; графа о частных землях по этому округу вовсе отсутствует. Между тем земли эти не общественного владения, а частного, так как в общественном владении пахотных земель в горах почти не было. Данные, относящиеся к Андийскому округу, также показывают, что пахотные земли были в частном владении.

Количество пахотных земель по Аварскому округу в переписи заведомо преувеличено, так как при расчетах исходили из 7 пудов посева на одну десятину, в то время как, например, по Гунибскому округу нормой считалось 15 пудов посева на десятину¹⁰⁷. В Гунибском округе по переписи 1886 г. всех земель было 166 423 десятины¹⁰⁸.

В частной собственности крестьян всех трех аварских округов в 1886 г. было 68 501 десятина пахотных, покосных и садовых земель. А всех земель числилось 672 980 десятин. В ведомости о количестве земельных угодий в Аварском округе за 1890 г. значится, что пахотной, покосной и пастбищной земли в частном владении было 21 620 десятин, или в среднем 2,3 десятины на один дым. В общинном владении пахотных, покосных земель и садов не было, а пастбища составляли 164 112 десятин, леса — 4018 десятин¹⁰⁹.

Наличие частной собственности на пахотные и покосные земли, на сады, скот и постройки у узденей в Аварии подтверждается данными Хунзахского окружного суда, в котором рассматривались дела по гражданским спорам. В селении Нижний Батлух мы обнаружили часть реестра упомянутого окружного суда, относящегося в 1861—1862 гг., где имеются подробные записи о предмете спора, доказательствах и принятых решениях.

Ниже приводим описание наиболее характерных гражданских дел, рассмотренных этим судом.

1861 г. Дело № 2. Юсупова из сел. Могох (Аварский округ) предъявила иск к Абакардибиру из сел. Нижнее Инхо о том, что он, будучи опекуном сирот, присвоил себе их пахотный участок размером на две сабы посева. Ответчик доказывал, что он купил этот участок за 15 руб., но суд установил незаконное присвоение этого участка и удовлетворил иск Юсуповой, закрепив спорный участок за сиротами.

Дело № 3. Пирбудагов из сел. Могох предъявил иск к наследникам Сурхая из сел. Харахи о том, что Сурхай незаконно присвоил его лошадь. Опекун наследников отрицал факт присвоения лошади, но истец путем присяги свидетелей доказал свой иск. Дочь Сурхая заплатила истцу за лошадь:

¹⁰⁶ Свод статистических данных, стр. 132.

¹⁰⁷ Там же, стр. 143.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 18, л. 14.

одного осла, которого суд оценил в 22 руб., одно ружье, стоимостью 5 руб., двух козлов, стоящих вместе 5 руб. 50 коп., и 4 сабы проса.

Дело № 13. Юсупова из сел. Хариколо предъявила иск к бывшему мужу Омару о возвращении урожая, полученного с пахотных участков, которые принадлежат ей: 15 сабов овса, 5,5 сабы ячменя и 11 руб. кебинных денег. Иск был удовлетворен.

1862 г. Дело № 42. Чанки из сел. Гоцатль предъявили иск обществу Гоцатль о податях от сдачи в аренду выгона. Спор был решен по маслагату, а именно: весь доход от аренды делится на три части — одна часть поступает в мечеть, другая — чанкам, а третья — сельскому старшине — выходцу из чанков, а если старшина будет из узденей, тогда старшему из чанков.

Дело № 43. Купчая запись. Капитан Али-Клыч (происходит из беков сел. Гонада, переселился в Хунзах, где был наибом. — Х.-М. Х.) купил пай мельницы у жителя сел. Хунзах Нурмагомедова за 90 руб.; мельница находится на берегу речки, около дома Али-Клыча.

Дело № 44. Али-Клыч купил покосный участок в местности Калакурдиб, он же купил у Хайдарбегова Магомеда покосный участок за 60 руб.

Дело № 48. Али-Клыч купил у Ахмедова Магомеда из Хунзаха пахотный участок за 10 руб., у Алибегова Газиява — за 4 руб., у Испаги — за 12 руб., у Алмаса — за 6 руб. и у Алиева за 8 руб.

Дело № 49. Али-Клыч купил пахотные участки у жителей сел. Танусп Султанова Магомеда, Алиева Гаджиява, Халилова Гусейна, Магомедова Кайтмаза, Мирзоева Гаджиява, Гусейнова Магомеда, Газиева Ханали, Алибулатова Омара и др.

Дело № 50. Али-Клыч купил у Алискандиева Муртазаали пай на хутор и пахотные участки за 120 руб.

Дело № 51. Он же купил у жителя сел. Чондотль Гимбатова Чупана развалину хутора и на 40 сабов пахотные участки за 400 руб.

Дело № 68. Гаджи Магомедов Омар из сел. Хунзах предъявил иск к жителям сел. Гозолоколо Магомедову Ибрагиму и Инусову Мачаху о том, что у них находится его дом и два пахотных участка, присвоенных ими незаконно 40 лет тому назад, т. е. в 20-х годах XIX в. Суд за давностью в иске отказал.

Дагестанский областной народный суд, руководствовавшийся обычаями и шариатом, рассмотрел в 1894 г. иск о признании законным завещания жителя сел. Кудали Магомеда Амиралова, который завещал треть своего имущества в мечеть, если у него не будет наследников. Эта одна треть составлялась из 13 пахотных участков и имущества на тысячу рублей¹¹⁰.

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что у свободных крестьян-узденей в частной собственности находились пахотные земли, сады, покосы, мельницы, дома, скот и т. д.

Земельная собственность сельских общин. Сельская община отдельно или несколько сельских общин вместе владели выгонами, пастбищными горами, частично сенокосами, лесами, кос-где и оросительными каналами. Де-юре все члены сельских общин имели право пользоваться этой обширной собственностью, но де-факто пользовались ею только те члены общины, которые имели скот. Деревенская беднота, лишенная скота, естественно, не могла пользоваться своим правом выпаса скота на общинных пастбищах, вместе с тем не могла требовать от общества, чтобы оно разрешило им сдавать в аренду ту часть общинной земли, которая приходилась на их долю. Сельская община в целом выступала как юридическое лицо, и только по решению сельского схода общинная земля могла быть сдана в аренду или отчуждена. Сельскому сходу (джамаату) фактически диктовала общинная знать, которая пользовалась наследственным правом занимать должности старшины, члена сельского суда или кадия.

¹¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, д. 15, л. 2.

Не все сельские общества в Аварии имели одинаковое количество общинных земель. Поэтому между многими сельскими общинами сложились отношения господства и подчинения. Богатые и мощные сельские общины выступали в качестве коллективных феодалов по отношению к слабым общинам, которые находились в зависимости от первых и несли подати и повинности или же вынуждены были платить арендную плату за разрешение пасти скот на летних пастбищах.

Таким образом, сельская община выступала как собственник части земли и на этом основании имела некоторые права по отношению к своим членам.

Ни аварские ханы, ни их беки и чанки не успели еще полностью захватить общинные земли, хотя борьба за это не прекращалась до начала движения мюридизма. Сказание о Хочбаре свидетельствует о длительной борьбе аварских ханов за обладание гидатлинскими землями. Ханам удалось сжечь Хочбара на костре, но покорить Гидатль им так и не удалось.

Если, по далеко не точным данным посемейной переписи 1886 г., во всех трех аварских округах, как мы указали выше, числилось всей земли 672 980 десятин, а из них под пашнями, сенокосами и садами в частном владении находилась 68 501 десятина, то в общинном пользовании оставались выгоны, пастбища, леса и другие земли — всего 604 479 десятин. Из этих приблизительных данных видно, что в общинном пользовании находилась большая часть земли, главным образом пастбища.

Но означает ли это, что частная собственность на земли, являлась придатком общинной собственности? Нет. В частной собственности находились все пахотные, сенокосные и садовые земли, доходы с которых служили источником существования большей части населения, пастбища же служили главным образом для разведения овец.

Ввиду неурегулированности земельных отношений в Дагестане многие сельские общины вели между собой тяжёлые дела о праве владения пастбищными горами, выгонами, о праве пастбы скота на пастбищах других селений, о праве пользования водой для орошения и т. д. При этом каждое общество старалось выпрять дело с соседним обществом, не жалея для этого усилий и средств, не останавливаясь, когда это возможно, перед захватом земли насильственным путем.

Сельские общества выступали как юридические лица и отстаивали свои интересы в суде. Так, например, Дагестанский народный суд рассмотрел спорное дело между обществами сел. Куппа Даргинского округа и сел. Кудали Гунибского округа. Из решения этого суда от 28 января 1865 г. видно, что гора Тарки-меер когда-то принадлежала мехтулинским ханам. «Семь поколений тому назад один из ханов Мехтулы передал эту гору кудалинцам на том же основании, на каком владел сам, и с того времени до разорения Куппы Шамилем куппинцы пользовались непрерывно горою Тарки-меер, внося кудалинцам положенный издревле доход за пользование, а именно: 60 сабов хлеба и двух козлов. Суд оставил эту гору в пользовании куппинцев и сохранил за кудалинцами право получения податей»¹¹¹. 4 февраля 1888 г. суд рассматривал иск, предъявленный Карахским обществом Гунибского округа жителю сел. Ташканур Даргинского округа Яхья-Муса-оглы. На суде было установлено, что Яхья-Муса за 600 руб. арендовал пастбищные горы, принадлежащие Карахскому обществу¹¹².

Сдача общинных пастбищных земель в аренду широко практиковалась в Аварии. Средства, полученные за пастбища, расходовались на благотворительные и религиозные цели.

Как было сказано, крупные и мощные общины объединяли вокруг себя мелкие и маломощные, причем во многих случаях получали с них подати

¹¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 235, оп. 3, д. 1, л. 3.

¹¹² ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, д. 9, лл. 2, 8.

якобы за покровительство. «Наряду с вольными союзами общин мы встречаем в Дагестане, — отметил М. М. Ковалевский, — и такие, которым предшествовал факт насильственного подчинения более могущественным более слабым»¹¹³. Антльратль, будучи сильным союзом обществ, получал подати с дидойцев. «Дидойские племена были им (обществам.— Х.-М. Х) вроде крестьян, — пишет Норденстамм, — и платили ежегодную дань»¹¹⁴. При царе Ираклии некоторые грузинские селения, в частности «Сабуй, Шильда, Алмати и другие, платили дагестанскому обществу Капучи по 5 абазов, одной курице, по десять хлебов, одной тулке водки; деревни Кварели, Гвазо, Чекани и Казетани платили такую же дань анцухам, за что сии два общества по востребованию царя Ираклия должны были из своей среды формировать ополчение и действовать с ним там, где царь прикажет»¹¹⁵. Общество Хунзах получало с селений Нита, Накитль и Датунай подать в размере 10 мерок зерна с каждого дыма; эта подать отбывалась до 90-х годов XIX в.

Жители сел. Эчеда платили обществу Тинды по два барана с дыма, а другие окружающие общество Тинды селения отбывали дорожную повинность. Подобные факты были не единичны в Аварии, они распространены и в других районах Дагестана. Рутульцы получали дань от ряда селений продуктами, а с шиназцев — готовой одеждой. Рутульское общество полностью разрушило сел. Русу за отказ от уплаты дани¹¹⁶.

Вакуфные земли. По архивным данным, в Аварском округе в 1890 г. вакуфные земли составляли 572,75 десятины¹¹⁷. По данным на 1905 г., вакуфные земли в Гунибском округе составляли 2152 десятины, а в Андийском — около 500 десятин¹¹⁸. В 1915 г. по всему Дагестану в распоряжении мечетей находилось вакуфной земли более 13 тыс. десятин. Всех мечетей было 1702¹¹⁹, в которых состояло 5 тыс. человек служителей культа — кадии, муллы, дибирь, и будуны.

Мечети получали доходы не только от вакуфов, но и от других обязательных пожертвований, в частности зяката, который поступал с золота, серебра, пшеницы, ячменя, сушеного винограда, со всех видов скота. По шариату положен зякат: с 5 мерок зерна — одна мерка, с 5 верблюдов — одна овца, с 26 верблюдов — верблюд, с 30 быков — теленок, с 40 овец — овца, с 30 мискалов золота — 2,5% (фунт — 87,5 мискалов). В день религиозного праздника уразы-байрама от всех лиц вносилось в мечеть по шесть фунтов зерна.

В 1915 г. на учете мечетей Дагестана числилось 17 тыс. бедных и сирот, которым полагалась доля зяката, львиная же доля всех поступлений шла духовенству.

* * *

Глубокое неравенство аварского общества, эксплуатация бедных богатыми нашли свое отражение в народном фольклоре и пословицах. Например: «Не верь теплоте зимы и мягкосердечности хана»; «Хан хорош, когда он лежит в могиле»; «Веревка не удержит неба, а деспот — земли»; «Камень, катящийся в пропасть, не имеет глаз, так же как люди нудала не имеют совести» и т. д. Ярко рисует ханский гнет аварская сказка «Хан и сова». Содержание ее таково. Был хан, знающий язык птиц. Однажды, собираясь идти на охоту, хан позвал сову и предложил составить ему ком-

¹¹³ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 163.

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, штабс-капитан Норденстамм. Описание Антльратля, колл. 414, д. 301, 1831, л. 197.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Рук. фонд ДНИИЯЛ, рукопись Л. Б. Панек, стр. 56.

¹¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 101, л. 203.

¹¹⁸ Там же, ф. 2, оп. 4, д. 101, л. 68.

¹¹⁹ «Обзоры Дагестанской области за 1910, 1915 и 1916 гг.»

панию. Сова летела над головой хана и все время пела ему хвалебные песни, а затем начала хвалить свою дочь-красавицу. Хан спросил сову, не согласится ли она выдать за него свою дочь. Сова ответила: «Да, соглашусь, при условии, если дадите калым — 15 опустошенных аулов». Хан спросил, где ему взять столько опустошенных аулов? Сова ответила: «Если будешь еще один год ханствовать, то таких аулов будет не 15, а 30». Рассерженный хан стал стрелять, но сова улетела.

Духовенство в Аварии было многочисленным и пользовалось огромным влиянием на население. Оно было сильно и экономически, так как всякие поборы от населения, прямо предусмотренные шариятом, не только обеспечивали нужды духовенства, но и давали возможность накапливать богатства. Многие кадии и дибирь имели свои крепкие хозяйства, в которых работали верующие. Духовенство не только экономически, но и идейно работало трудящихся. Фольклор разоблачает жадность, обман, ложь и недостойные поступки духовенства. «Ввиду долгой засухи,— говорится в одном рассказе,— все мужчины и женщины во главе с дибиром вышли молиться богу, чтобы он ниспослал дождь. Дибир уговаривал всех, чтобы они до возвращения домой готовили много еды и раздавали бы милостыню, чтобы бог не гневался на них. Когда вернулись в селение, мужчины пошли в мечеть для совершения вечернего намаза, а женщины исполнили наставления дибира, в частности и жена дибира приготовила много еды, чтобы ее раздать. Когда дибир пришел домой и увидел это, он, разъяренный, бросился бить жену за то, что она расточительна. Рыдая, жена ответила ему, что ведь он сам целый день наставлял готовить побольше, чтобы раздать милостыню; дибир ответил ей: „Это не относится к тебе — жене дибира“».

Социальное неравенство было и среди узденей.

Во второй половине XIX в. из среды узденства выделяются крупные земельные собственники и собственники скота, которые эксплуатируют труд батраков и поденных работников. Возникает деревенская буржуазия — кулачество.

Процесс расслоения крестьянства в Аварии из года в год усиливался. К концу XIX в. у 78 хозяйств богатых узденей Аварского округа было 938,5 десятины земли, у 32 таких же хозяйств Гумбетовского участка Андийского округа — 778 десятин. Как правило, узденская верхушка в Аварии закушала земли на плоскости; так, крупный собственник Н. Годинский имел 93 десятины земли в сел. Гоцо Аварского округа и 2871,5 десятины земельных пастбищ в Темир-хан-шуринском округе и более 15 тыс. овец. Богач из сел. Чох Антик Нурмагома имел на плоскости 1400 десятин, Макашариф — 1758 десятин, Мамалав — 1156 десятин, Пари-Гимбатбек-Кизы из Хунаха (вдова наиба Али-Клыча) — 1400 десятин, Пейзула Дадиев из сел. Нижний Чиркей имел 4518 десятин земли¹²⁰. Он же имел в 1886 г. 14 тыс. овец¹²¹.

За неимением каких-либо статистических данных, характеризующих расслоение аварского крестьянства, мы вынуждены были использовать данные переписи, проведенной в Дагестане в начале 1917 г. (к сожалению, данные переписи не разработаны и не обобщены). Для анализа процесса расслоения нами обобщены данные по 7359 хозяйствам, из которых не имели рабочего скота (волов) 3848 хозяйств, или 54,2%; овец и коз — 5382 хозяйства, или 73,3%; совершенно не имели земли 198 хозяйств, или 2,7%¹²².

Благосостояние большинства бедняцких и середняцких хозяйств все время ухудшалось. Имела место пауперизация бедняков.

Марксизм-ленинизм учит, что при первобытнообщинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства.

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 196, 199, 200.

¹²¹ «Свод статистических данных», стр. 127.

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 94, лл. 118—121.

Приведенные материалы об аварском обществе служат, на наш взгляд, достаточным основанием, чтобы твердо заявить об отсутствии в Аварии в XIX в. первобытнообщинного строя, как это безуспешно пытались доказать некоторые исследователи Дагестана.

На основании всех приведенных выше фактов отношения, господствовавшие в Аварии, могут быть охарактеризованы только как феодальные с многочисленными пережитками первобытнообщинного строя.

3. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЛАКЦЕВ

В отличие от Аварии, где живет множество народностей, говорящих на 13 языках, Лакия представляет собой страну, где компактно живет один народ, говорящий на одном лакском языке. Лакцы имеют богатую историю. Их общественный строй во многом совпадает с общественным строем аварцев, однако феодальные отношения в Лакии были более развиты, чем в Аварии. В Лакии существовало ханство, известное под названием Казикумухского, его история уходит в глубь веков.

По словам авторов дагестанской летописи, арабский полководец Абумуслим назначил шамхала наместником Дагестана, выбрав для него резиденцию — Казикумух¹²³. Это положение противоречит фактам. В период арабского завоевания Дагестана полководца Абумуслима в Дагестане вовсе не было. П. Ханыков утверждает, что в Дагестане смешивается имя Абумуслима, поднявшего знамя аббасидского восстания в Хорасане, с именем арабского полководца Маслама, который действительно побывал в Дагестане и устраивал военные экспедиции в горные районы¹²⁴. Алкадарри также отмечает, что завоевателем Дагестана был не Абумуслим, а Маслама бен Абдул-Мелик¹²⁵.

Смешение этих лиц, по нашему мнению, объясняется тем, что арабская литература проникла в Дагестан на несколько веков позже походов Маслама через Ширван и Хорасан. Поэтому известному по арабской литературе в Хорасане Абумуслиму приписывается завоевание Дагестана и распространение ислама. Более того, ему же приписывается строительство мечети в Казикумухе в VII в. Масуди же утверждает, что жители Кумуха в X в. были еще христианами¹²⁶.

Факты свидетельствуют о том, что Кумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно, видимо, до появления в Дагестане арабов, и было одним из сильнейших. Власть его распространялась в отдельные периоды истории на весь Дагестан. Согласно «Дербенд-наме» шамхал казикумухский собирал подати со всего населения Дагестана.

«Народы Караха ежегодно платили шамхалу 500 голов овец, народы Кусрахи — 300 голов овец, а для наследника шамхала — 400 голов овец, за предоставление им пастбищ, принадлежавших шамхалу (гора в Кусрахи), — 1000 голов овец. Народы Хидалал за каждые 4 года должны были платить по одной овце с дома, народы Чамалал — 500 голов овец, Тиндал — 20 быков, Арчу — 130 овец, а для наследника шамхала — 30 баранов, Хумз — 700 баранов, 700 мерок пшеницы и 60 мерок меда, Анди — по одному быку и 8 штук войлоков. С городов Кадар и Аркас — половину того, что было назначено для Хумза, с жителей Тумал — по барану и по мерке пшеницы с каждого дома¹²⁷. С города Костек — с каждого дома по рыбе, с города Таргу — с каждого дома два саха рису. С Губдена — 100 баранов, с Кайтага — 170 буйволов, Усиша и Акуша — 100 быков. С жителей Сюрха

¹²³ «Тарихи Дагестан». — «Дербенд-наме», Тифлис, 1898, стр. 174—175.

¹²⁴ Н. Ханыков. Археологические известия. «Кавказ», 1850, № 52.

¹²⁵ Г. Алкадарри. Указ. соч., стр. 20.

¹²⁶ СМОМПК, вып. XXXVIII, стр. 40. Кумух стал называться Казикумухом только после принятия ислама, в XI—XII вв. Арабское слово «кази», или «гази», означает «судья» или «святой».

¹²⁷ Мерка — 14 кг, сах — 6 фунтов

(Сюргинский участок.— *Х.-М. Х.*) — с каждого дома по одному дирхему, с жителей селения Цудахар — 50 быков, с жителей Унчукатль и Кукби — 6 ослов, навьюченных маслом. С города Зараг Керан (Кубачи) за пользование пастбищной горой — 30 мерок пороху и 50 баранов. С жителей селения Иргана — по мерке хлеба и за пользование пастбищной горой Заштеб — 80 овец, с жителей Баклал (Гумбет) — 30 быков и 30 баранов. За пользование пастбищными горами Цагур и Голода — 50 овец, с общества Риш-ор и Мукрах — 70 баранов, с общества Каралал (кюринцы) — 100 жеребцов и 100 кобыл»¹²⁸.

Эти сведения говорят о былом могуществе шамхалов. Как мы указывали выше, в завещании Андуника 1485 г. говорится о шамхалах как о падишахах Дагестана, главных повелителях, имевших до 100 тыс. воинов.

Шерафедин Али в своей работе «История Темирбека» пишет, что в 1396 г. шамхалы жили в Казикумухе¹²⁹. Спустя 70 лет после этого А. Никитин посетил Тарки¹³⁰, и тогда шамхалы продолжали жить в горах. В 1560 г. в Тарках стал жить только наследник шамхала¹³¹.

Из высказывания грузинского посла по поводу похода князя А. Хворостинина в 1560 г. против шамхала вытекает, что этот поход в Тарки не причинил шамхалу особого вреда, так как столица его находилась в Казикумухе¹³².

Чупан-шамхал, владевший всем краем от границ Кайтака Кюринского округа, Аварии и р. Терека до Каспийского моря, умер в Буйнаке в 982 г. хиджры (1574 г. н. э.). Его сыновья разделили между собой все государство. Эльдар выбрал местопребыванием Буйнак и Тарки. Магомед — Казаниши, Анди — Кафыр-Кумук, Герей — Гамри. Они управляли своими уделами независимо друг от друга, но общий правитель-шамхал выбирался: поочередно им становился старший из этих четырех семей¹³³.

Горный Казикумухский удел обособился и образовал самостоятельное ханство. До этого и долгое время после этого выборы шамхала происходили в Казикумухе. «При вступлении шамхалов в управление шамхальством требовалось, чтобы они были признаны в этом достоинстве акушинским кадием. Признание это выражалось в том, что при торжественном принятии шамхалом своего титула он садился на камень и акушинский кадий возлагал ему на голову папаху. Обряд этот впоследствии стал совершаться в Тарках и сохранился до последнего времени властвования шамхалов»¹³⁴. Акушинцы являлись непосредственными соседями шамхалов в Казикумухе. Кроме того, из сообщения воевод г. Тарки на имя московского государя, основанного на допросе участника похода А. Хворостинина некоего Алагина, видно, что в Дагестане в конце XVI в. насчитывалось более 20 удельных владений. Акушами тогда управлял уздень шамхала Бурунчи¹³⁵.

В 1589 г. столицей шамхалов становится Тарки. К этому же времени Буйнак сделался резиденцией наследника шамхала. Таким образом, казикумухские шамхалы с этого времени остаются на плоскости, хотя связи с Казикумухом не теряют. В Казикумухе имеется шамхальское фамильное кладбище, где похоронен Сурхай-шамхал, умерший в 1640 г.¹³⁶

Первым казикумухским ханом после ухода шамхалов на равнину был Алибек, который принимал в начале XVII в. активное участие в шамхаль-

¹²⁸ «Дербенд-наме», стр. 176—177; А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 53.

¹²⁹ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 16, т. 6.

¹³⁰ А. Никитин. Хождение за три моря. М., 1950.

¹³¹ «Полное собрание русских летописей», т. XIII, 2-я половина, СПб., 1906, стр. 330.

¹³² ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 57.

¹³³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88.

¹³⁴ «Путеводитель по Дагестану», Тифлис, 1871, стр. 87.

¹³⁵ А. Тамай. «Революционный Восток», 1935, № 5 (33), стр. 123.

¹³⁶ Л. И. Лавров. Некоторые вопросы истории лаков. КСИЭ, 19, 1953, стр. 5.

ских делах на стороне Султан-мута¹³⁷. У него было два сына: Сурхай-шамхал и Гирей. Они оба умерли при жизни Алибека, один оставил семерых сыновей, а второй — одного по имени Сурхай. В Аварии имеет широкое распространение запись на арабском языке о том, что пять сыновей Гирея после драки с Сурхаем, во время которой Сурхай лишился кисти руки, ушли из Лакии и обосновались в Аварии. Чолак Сурхай (однорукый) стал ханом казикумухским. Он известен своей протурецкой ориентацией в период Восточного похода Петра I.

В XVIII в. Казикумухское ханство сильно расширилось, оно присоединило к себе Баркун-Даргва, ряд селений Андалальского общества, сел. Арчи, часть селений, расположенных по ущелью Кара-Самура. Еще Гербер указывал, что «Сурхай их (кюринцев. — Х.-М. Х.) подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтобы от него отделены были. Также иные между собой не только за едино стоят, но хазикумухи (казикумухи. — Х.-М. Х.) и нижние дагестанцы с ними крепко соединились»¹³⁸. Гербер указывает далее, что Сурхай-хан содержал свое войско в течение четырех месяцев, платя каждому солдату по 25 коп.¹³⁹ Сын Чулак Сурхая, Магомед-хан, захватил Нухинское и Кубинское ханства и некоторое время ханствовал в этих владениях. Сын Магомед-хана Шахмардан-бек перешел на сторону Фатали-хана кубинского и управлял северной частью Кюри и Гюлейским магалом; затем, отделившись от Фатали-хана, присоединил Кюринский магал и образовал самостоятельное Кюринское ханство, которое после смерти Шахмардан-бека и изгнания его сына Аслан-бека было присоединено к Казикумухскому ханству Сурхай-ханом II¹⁴⁰.

В начале XIX в. магалы Агул-дере и Ахмарлу попали под управление того же Сурхай-хана II¹⁴¹.

В описании Дагестана Д. Тихонова и А. Сереброва, относящемся к 1796 г., говорится, что Казикумухское владение включает в себя горную долину, которая состояла тогда из 150 деревень, в которых жило до 30 тыс. жителей, и около 100 деревень кюринских с населением до 12 тыс. человек, что Сурхай-хан II получал оброк со всех этих деревень и, кроме того, пошлыны с прогоняемых для пастбы стад овец до 80 тыс. руб. ханскими деньгами¹⁴².

Ахвердов писал в 1804 г., что владение Казикумухское довольно обширно, может собрать от 7 до 8 тыс. войска, что хан совершенно ликвидировал воровство путем применения суровых наказаний: „смертной казни, отрубания рук и выкалывания глаз“¹⁴³. Через два года, в 1806 г., А. Кремский сообщал, что Сурхай-хан II может собрать не 8 тыс., а 18 тыс. войска, что он берет налог со своих деревень и пошлыны с прогоняемых через его владения стад скота в 8 тыс. руб. ханскими деньгами¹⁴⁴.

В 1811 г. от Казикумухского ханства отделилось ханство Кюринское. Казикумухское ханство после выделения из него и ахмарлинского магала состояло из 104 селений; из них 9 были раятскими, в которых жило около

¹³⁷ Султан-Махмуд, рожденный от дочери Уаун-Черкеса (узденя), остался без удела, братья обошли его. По преданию, он собрал войско из аварцев и черкесов и силой заставил братьев уступить ему всю территорию за левым берегом Сулака (территория нынешних Хасавюртовского и Бабаюртовского районов). После этого происходила борьба за престол в Тарках между Султан-Махмудом и остальными сыновьями шамхала.

¹³⁸ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315. Описание Гербером дагестанских провинций, л. 76.

¹³⁹ Там же, л. 74.

¹⁴⁰ Г. Алкадар и. Указ. соч., стр. 76; С. Габиев. Лаки, СМОМПК, вып. 36, Тифлис, 1906, стр. 4.

¹⁴¹ Колоколов. Описание Табасарани, 1831, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л. 5.

¹⁴² Д. Тихонов и А. Серебров. Описание Дагестана, 1796, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 65.

¹⁴³ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 319. Краткое описание кавказских народов и бережных персидских городов, лл. 17, 18.

¹⁴⁴ Там же, д. 322. Описание Дагестана и Шарвала, лл. 6, 10.

8 тыс. человек: Сумбат, Сухи, Хурхи, Цица, Чирах, Тухчар и др. Большинство населения ханства составляли уздени, которые частично были обязаны платить ханам и бекам подати; меньшинство — раяты и бывшие рабы, на правах крепостных крестьян.

Собственность феодалов — ханов и беков — заключалась в летних пастбищных горах. Магомед-Мирзе, хану казикумухскому, принадлежало более 40 пастбищных гор, которые сдавались в аренду. Доход хана от этих гор составлял 2500 голов овец ежегодно¹⁴⁵. Полученных овец хан распределял по селениям своего ханства для продажи. Старшины сел принуждали сельчан покупать овец за установленную ханом цену. Собранные таким образом деньги доставлялись хану. В условиях животноводческого хозяйства плата за пользование пастбищами по существу является феодальной рентой, так как ханы, захватив основные звенья животноводческого хозяйства — пастбища, поставили животноводов в зависимое положение.

Значительные земельные площади в Казикумухском ханстве были также сосредоточены в руках беков и духовенства. Здесь, как и в Аварии, было несколько селений, заселенных бывшими рабами, обязанными платить ханам различные подати. В сельских общинах существовали отдельные тухумы уже освободившихся лагов (рабов). В 1865 г. в Казикумухском ханстве числилось 40 человек неосвобожденных рабов¹⁴⁶.

К эксплуататорскому классу принадлежали ханы, беки, чанки и высшее духовенство. К эксплуатируемым относились раяты, лаги (рабы) и зависимые уздени. Классовая борьба иногда принимала острые формы. Так, известно восстание табахлинских узденей против казикумухских ханов. Хану расправились с восставшими. Аул их был сожжен, часть жителей переселилась в другие места.

«Все горные пастбища, — сообщает С. И. Габиев, — за исключением некоторых, которые считались собственностью отдельных обществ, являлись собственностью хана; жители ханских селений Урими, Мукарки и других ежегодно давали хану по одному быку, масло и сыр в неопределенных размерах; жители сел. Мухар — по 15 вьюков дров и по одному курдюку, жители сел. Камахи — по 15 вьюков дров и по одной туше барана, жители сел. Вехли, кроме дров, по 1½ курдюка и по 30 дачу ячменя, жители селений Хусраинского магала — по два даталя масла»¹⁴⁷.

Жители узденских селений также не были свободны от приношений и подарков хану, они по очереди делали ему «подарки», состоявшие из масла, кур и яиц. На обложке одной арабской книги имеется запись, где говорится, что в сел. Шовкра «очередь по доставке кур хану дошла от Бутта до его брата Магомеда, сына Омара»¹⁴⁸. Хан отдавал свой скот и даже своих собак жителям селений на содержание, либо предлагал доставить сено и солому. Арчинское общество платило хану по быку, по 90 овец и по три коровы ежегодно.

Жители многих селений Кюринского общества, Луткуля и Ялаха Самурского общества фактически стали крепостными беков Казикумухской ханской фамилии.

Казикумухские ханы, жившие в старой резиденции, унаследовали прежние права и привилегии шамхалов. В этом убеждаешься при изучении не только вопросов земельной собственности и землепользования, но и ремесла, его специализации. Казикумух сыграл в условиях горного Дагестана ту же роль, что средневековый город в Западной Европе. Расположенные вокруг Казикумуха селения можно сравнить с цехами средневекового города, так как каждое селение специализировалось по производству какого-нибудь одного изделия, а все селения, вместе взятые, производили

¹⁴⁵ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1679, л. 85.

¹⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-в, л. 4.

¹⁴⁷ С. Габиев. Указ. соч., стр. 86.

¹⁴⁸ Там же, стр. 88.

все, что было необходимо для удовлетворения потребностей в одежде, вооружении, украшениях, даже в кулинарии. Недаром дагестанцы Кумух называли городом (сахар).

Лакия отличалась пестротой земельных отношений. Здесь имелись хапские, бекские и чанкские земли, мольки свободных узденей, пастбища и выгоны, принадлежавшие отдельным общинам или нескольким общинам сообща, вакуфные земли, принадлежавшие мечетям. В сел. Казикумух, кроме ханов, беков и чанков, крупными землевладельцами были лица из фамилии кадия. Так, например, в 1905 г. Камиль-кади-оглы имел 243 десятины земли, Максуд-Мустафа-оглы 375 десятин и т. д.

По данным отчета начальника Дагестанской области, в 1871 г. в Казикумухском округе было 74 бека и 820 чанков¹⁴⁹.

В 70-х годах XIX в. разбогатевшая верхушка узденства стала закупать не только отдельные пахотные участки, но и целые горы пастбищ. Во второй половине XIX в. цены на землю баснословно поднялись. С. И. Габиев указывает, что 40 кв. саженей земли стоили в Казикумухском округе 400—500 руб.

После смерти последнего казикумухского хана — Агалар хана — в 1860 г. земли его были распределены между родственниками, а 2571 десятина хапских земель была взята в казну¹⁵⁰.

По данным посемейных списков 1886 г., в Казикумухском округе числилось 10 340 дымов, 4542 десятины сенокосов, 6736 десятин пахотных земель, 39 880 десятин пастбищ, 650 десятин лесов. Всего земли — 51 808 десятин. В среднем на один двор приходилось 5 десятин всех земель, из них пахотных земель — 0,65 десятины, в то время как 47 хозяйств землевладельцев имели 3622 десятины¹⁵¹. Мечетских земель было более 2 тыс. десятин.

По данным переписи 1886 г., в Казикумухском округе феодалам платили следующие подати: жители сел. Бурхи (19 дымов) платили Абдул-Фачи за пользование горой Мачаллаши ежегодно по 4 батмана сыру (2 пуда) и 3 батмана масла; 45 дымов за пользование горами Чшпяр, Лашаар и Аруалу вносили ежегодно 9 баранов. Жители сел. Чаравалю (39 дымов) отбывали подать (тамач) членам фамилии Абдул-Фачи по быку и 60 руб. в год за пользование горой Сунь-Зульту; 24 дыма сел. Хулиса — 14 руб. 72,5 коп. в год за пользование их землями. Жители сел. Хурхи за пользование хапским наделом платили ханам 76 руб. в год. С переходом этих земель в казну деньги вносились в казну. Некоторые жители сел. Гомиат платили ханам 30 руб., которые затем стали вносить в казну. Кроме того, они платили Абдул-Халику (из Кумуха) тамач в размере 35 руб. в год за пользование его землями. Некоторые хозяйства сел. Тухчар платили ханам через год по 99 руб.

Из журнала Сословно-поземельной комиссии от 18 августа 1886 г. видно, что в 1864 г. сел. Буркихан состояло из 21 дыма узденей, 43 дымов райт, 5 дымов цеммущих переселенцев и 5 дымов беков. Предок этих беков Сеид был вселен в Буркихан Сурхай-ханом. Между райтами и зависимыми узденями, с одной стороны, и беками — с другой, возник спор о размерах податей и повинностей; 24 сентября 1864 г. между спорящими сторонами был заключен маслагат (мировая сделка) на следующих основаниях:

«1. Уздени и райты за пользование лесом, чередуясь между собой, обязаны платить бекам с каждых 12 дымов в год двенадцать баранов, т. е. в один год платят первые 12 дымов, во второй — другие 12 дымов и т. д.

2. Деревни Буркихан имеет зимние пастбищные места, разделенные на 11 участков, из коих два Сурхай-ханом были отданы Абдул-Гафур беку, а

¹⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

¹⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 128.

¹⁵¹ Там же, лл. 128—130.

остальные жителям. Один из общественных участков передается бекам, так что беки будут владеть тремя участками тех пастбищ, а общество — иметь 8 участков. Общество разделяет восемь участков между имеющими овец.

3. На Буркиханской летней горе беки пасут вместе с обществом свой скот, но в случае отдачи на откуп плата принадлежит всецело одному обществу и беки не имеют доли в ней.

4. Жители Буркихана дают бекам (ясак): имеющий овец, при одном и более пастухе, одного барана. При создании одного стада овец, принадлежащих разным хозяевам, но при одном пастухе, то с такого стада беки получают также одного барана.

5. Райаты обязаны давать бекам: а) в год с каждого дыма по девяти саб зерна; б) в год с каждого дыма по одной овце; в) в год со всего населения райатов шестнадцать батманов масла и г) кто имеет десять и более ульев — вносит один улей»¹⁵².

Жители сел. Чирах за ханский надел платили подать в сумме 100 руб. Некоторые жители селений Сумбат и Вачи за ханский надел платили подать в сумме 132 руб.; 28 дымов из сел. Кая за пользование пахотной землей «Лухчив», «Цума» и «Бурхусун», принадлежащей кадиевой фамилии, ежегодно платили по восемь баранов, а 23 дыма за пользование пахотной землей в местности Хараллей — по 30 сабов хлеба в год. Некоторые жители в сел. Цица и Сухи платили ханам 42 руб.¹⁵³

В 50-х годах XIX в. в Казикумухском округе 16 селений отбывали ханам и их потомкам подати продукцией сельского хозяйства и работой¹⁵⁴.

Совершенно недооценивалось в литературе значение вакуфных земель и вакуфов вообще, а между тем вакуфы являются ярким примером угнетения трудящихся мечетями и духовенством. Правда, это угнетение было завуалировано религией ислама, но существо дела от этого не изменяется. Мечетских земель в Казикумухском округе было более 2 тыс. десятин. Вакуфы лежали на землях, домах, животных и т. д. Приводим таблицу поступлений в 1900 г. в мечети Казикумухского округа доходов от вакуфов¹⁵⁵.

Эти опромные сборы в пользу мечетей тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся.

Т а б л и ц а 11

От вакуфов на пахотные земли			
Хлебом в зерне	2789	пуд.	Печеным хлебом 4000 пуд. 36 ф.
Жиром	448	» 26 ф.	Мясом 97 » 22 »
Айвой	11	» 30 »	Сыром 6 » 19 »
Толокном	631	» 18 »	Маслом 3 » 27 »
Нефтью	1	» 16 »	Солью 2 »
Баранамн	284	шт.	Окороками баранов 178 шт.
От вакуфов на покосы			
Жиром	108	пуд. 31 ф.	Сыром 7 пуд. 20 ф.
Мясом	82	» 34 »	Маслом 2 » 18 »
Хлебом в зерне	39	» 11 »	Нефтью 1 »
Печеным хлебом	65	» 30 »	Айвой 3 » 5 »
Баранамн	188	шт.	Толокном 2 » 3 »
			Окороками баранов 91 шт.

¹⁵² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. I, д. 3, лл. 25—26.

¹⁵³ «Свод статистических данных», стр. 157.

¹⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-а, л. 7.

¹⁵⁵ Там же ф. 21, оп. 4, л. 8, лл. 90—91.

От вакуффов на пастбищные горы

Баранами	770 шт.	Жиром	11 пуд. 5 ф.
Маслом	20 ф.	Мясом	4 » 21 »
Хлебом в зерне . . .	4 пуд. 22 ф.	Окороками баранов	344 шт.
Печеным хлебом . . .	17 »		
Айвой	21 ф.		

От вакуффов на дома

Баранами	15 шт.	Маслом	2 пуд. 4 ф.
Айвой	3 пуд. 7 ф.	Мясом	7 » 13 »
Жиром	12 » 7 »	Хлебом (в зерне)	11 » 21 »
Печеным хлебом . . .	39 » 35 »	Толокном	8 » 20 »
		Солью	4 »
		Нефтью	8 » 16 ф.

От вакуффов на леса

Баранами	15 шт.	Жиром	3 ф.
Хлебом (в зерне) . . .	10 пуд. 29 ф.	Толокном	4 пуд. 14 ф
		Печеным хлебом . . .	2 »

Сдавая мечетские земли бедноте на издольных началах, духовенство забирало половину урожая. Кроме того, значительная доля бюджета крестьянина уходила на всякие подаяния и пожертвования в мечеть, на зякат, сах в день уразы-байрама и т. д. Кадии и муллы получали особую плату за раздел имущества, за омовение мертвого, за обручение и заключение брачного договора и т. д.

Крестьяне, приносящие в мечеть шариатский налог, руководствовались религиозными чувствами, исполняли как бы свой долг перед религией. В действительности мечети угнетали трудящихся не меньше, чем светские феодалы.

К сожалению, некоторые авторы, исследующие социально-экономические отношения Дагестана, уделяют недостаточное внимание вопросам вакуфной собственности и угнетению трудящихся духовенством.

В Казикумухском округе были развиты специфические сервитуты. Существовало три вида сервитутов: «барт-урту», «духра» и «ках»¹⁵⁶.

«Барт-урту» — это право весеннего выпаса скота на земле, принадлежащей другому лицу или другому обществу. Срок обычно — три весенних месяца, до 1 июня. Однако «барт-урту» мог ограничиваться и несколькими сутками.

«Духра» — право пастбы скота в осенние месяцы обычно начиная с половины августа и до ноября; фактически же это право могло продолжаться до «барт-урту».

«Кях» — право пастбы скота на пахотных участках после снятия урожая хлебов. Тот, кто имел право «ках», мог запретить владельцу пахотной земли производить озимый сев. Чтобы осенью произвести посев на своей собственной земле, владелец должен был получить согласие того, кто пользовался правом «ках». За уступку права «ках» полагалось платить 2 руб. 85 коп. с десятины. Поскольку после уборки хлебов на пахотном участке почти ничего не оставалось, так как хлеб убирался чисто и солома срезывалась с корня, то фактически пользоваться этим правом не представлялось возможным. Это право давало доход только в тех случаях, когда на этом участке производился осенний сев.

Сервитутное право распространялось на значительные земельные массивы сельских обществ и частных землевладельцев. Так, например, на всех покосных и пастбищных землях сел. Багеклю лежал сервитут «барт-урту», на покосах общества Кара, на пастбищах Ярта-суну и Сундаралу, принад-

¹⁵⁶ «Кавказ», 1908, № 294—296.

лежащих селениям Чукна, Куркли, лежало право «духра». Право «ках» лежало на землях, на 550 сабах посева, принадлежащих обществу сел. Кума. При «духра» и «барт-урту» размер пастбищ измерялся числом баранов, причем на одного барана полагалась одна десятая. Так, например, на земле общества Кумух в местности Кунрах лежало право «духра» на 10 баранов. Это значит, что площадь выпаса составляла 10 десятин. Кто владел этим правом, мог пасти не только 10 баранов, а гораздо больше. Площадь посевов измерялась количеством сабов. Так, например, иметь право «ках» на 12 сабов означало иметь право «ках» на одну десятину.

Общество Чирах имело право «барт-урту» в течение трех недель ежегодно на двух горах, принадлежащих восьми узденям из сел. Казикумух. За пользование этим правом все общество сел. Чирах каждые восемь лет уплачивало владельцам земли по четыре быка. Соглашение об уплате четырех быков состоялось в Дагестанском народном суде в 1864 г.; видимо, эти пастбищные горы принадлежали ранее ханам и бекам и были куплены богатыми узденями. Жители же Чираха, видимо, за пастьбу платили ханам подати. Если бы это было иначе, то по адату чирахцы могли пользоваться правом выпаса бесплатно.

Возникновение сервитутного права в Казикумухском округе А. Стрельбицкий объясняет тем, что жители не могли различать права собственности от права пользования. Это объяснение не вскрывает причины появления сервитутного права.

На наш взгляд, оно возникло в связи с неравномерностью распределения земель между обществами и различной потребностью в земельном угождении, из-за земельного голода, необходимости прогона скота весной в горы и зимой на зимние пастбища через земли других селений, но главным образом — в связи с наличием собственности на земли. Право перегона скота и попутного выпаса его, вероятно, покупалось за определенную плату, но поскольку документов об этом не сохранилось и из поколения в поколение право это переходило к наследникам, то сервитуты рассматривались как институты обычая. При спорах важно было установить, пользовались ли этим правом прежде¹⁵⁷.

В 1885 г. сельское общество Турчи возбудило ходатайство перед главноначальствующим на Кавказе о том, что владельцы пахотных полей терпят убытки из-за того, что не могут производить осеннюю пахоту на своих полях, так как лица, имеющие права на осеннюю пастьбу, т. е. на «ках», препятствуют этому, требуя плату за уступку их права на осеннюю пастьбу. Владелец земли должен был платить тому, кто имел право на «ках», 3 сабы с каждой засеянной сабы хлеба¹⁵⁸.

Начальник Казикумухского округа в рапорте на имя Комиссии по урегулированию сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области 26 сентября 1885 г. по этому вопросу сообщил: «Из числа пахотных полей, на коих имеется „ках“, некоторые составляют общественную собственность целого селения, а некоторые — частную личную собственность отдельного хозяина. „Нахом“ пользуются не только отдельные посторонние лица, но на некоторых полях и целые сельские общества, и могут быть как односельчане с хозяевами полей, так равно лица и другого селения; право на „ках“ образовалось с издавна от продажи полей на особых условиях и потому существует не во всех селениях округа»¹⁵⁹.

Жители сел. Хосрек возбуждали ходатайство о ликвидации права дочери Агалар-хана Мая-ханум-бике на «ках» и мотивировали это тем, что она не имеет скота и сдает право на «ках» в аренду, что причиняет убытки обществу¹⁶⁰.

¹⁵⁷ «Плановое хозяйство», № 3—4, 1928, стр. 37.

¹⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 7, лл. 1, 3.

¹⁵⁹ Там же, л. 4.

¹⁶⁰ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 142-б, л. 137.

Дагестанский народный суд рассматривал спор между арендатором Табахлинской горы «Турчи-даг» Шахмиловым и жителями сел. Куми, которые отстаивали свое право на «барт-урту», т. е. на веселый выпас скота на указанной горе. Начальник округа сообщал в суд, что право куминцев возникло в результате захвата¹⁶¹.

Сервитуты могли возникнуть по ханским актам дарения, в результате насильственного захвата земель для временного выпаса скота у слабого сельского общества, кроме того, в результате уступки обществом права пользования землей на срок в виде возмещения цены крови, и, наконец, владелец земли или владельцы общества могли предоставить право пользования за определенную плату на срок и бессрочно.

Таким образом, сервитуты возникли в Казикумухском округе не из-за отсутствия понятия о частной собственности, напротив, они являются следствием уже существующей собственности за землю.

Различные формы сервитутов объясняются специфическими условиями ведения хозяйства в Казикумухском округе.

Совершенно иной вопрос о праве членов сельской общины выпасать свой скот на общинных пастбищах, а после уборки сена и урожая также и на покосах и пахотных полях частных лиц. Стрельбицкий не прав, когда он сравнивает эти права членов сельской общины с сервитутным правом, называя их внутренними сервитутами. В данном случае мы имеем дело с правами, которые связаны с членством сельской общины, вытекающие из былой общинной собственности на землю, т. е. с некоторыми пережитками общинной собственности. Общество имеет право пастись общественное стадо не только на общинных покосах и пастбищах, но и на частновладельческих землях, принадлежащих членам этого общества, так же как частные лица имеют право пастись свой скот на общинных землях. Здесь взаимная уступка права пользования. Общество могло ограничить частного владельца-овцевода, запретить ему пользоваться определенными пастбищами, если он был крупным овцеводом и если другие члены общины от этого терпели убытки.

Стрельбицкий указывает, что «ничего не возражая против выпаса крупного рогатого скота, лошадей и ограниченного количества баранты для домашних надобностей, владельцы земель с поразительным единодушием возражали против допущения на пастбища баранты, содержащей с промышленными целями, требуя, чтобы барантовладельцы для этой цели пастбища арендовали».

Стрельбицкий отрицает факт уступки права пользования землей за вознаграждение и причиной возникновения сервитутов считает только захват чужих земель. Захват земель является следствием существования собственности на землю, а если существовала собственность, то она могла быть и уступлена добровольно за определенную плату.

Лакия — типичная горная область, здесь как нельзя лучше проявились особые специфические черты феодализма в горных условиях. Прежде всего, основной формой собственности феодалов в Лакии явилась собственность на горные пастбища, которые сдавались в аренду сельским обществам или отдельным овцеводам.

Пахотные и покосные участки феодалов были вкраплены в массивы, принадлежащие сельским обществам, и так же сдавались отдельным лицам на пользование за определенную плату. Этим объясняется то обстоятельство, что в некоторых сельских общинах платили хану подати только отдельные дворы, а не все жители общины.

Положение крепостных крестьян здесь занимали только бывшие ханские рабы, освобожденные и посаженные на ханские земли, они платили подати и выполняли различные повинности по требованию хана или его бека.

¹⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 98, л. 47

Политическая власть хана распространялась не только на зависимых узденей и раят, но и на все население Лакии, хотя хану приходилось считаться с богатыми и большими узденскими тухумами.

4. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАРГИНЦЕВ

Даргинцы — один из многочисленных народов Дагестана. Топонимика приморского Дагестана от Махачкалы до Дербента свидетельствует, что даргинцы занимали эти места в период раннего средневековья, до арабского завоевания, а позже были оттеснены в горы. Спустя много веков началось постепенное обратное движение даргинского народа на плоскость, вызванное увеличением населения и благоприятной обстановкой, сложившейся на плоскости. Однако основная масса даргинцев осталась в горах. Резиденция уцмий из Кала-Корейша в горах через Уркарах, Маджалис и Башлы постепенно переместилась на плоскость в Яшип-Кент.

Следует указать, что стремление выйти из гор и обосноваться в выгодных условиях равнины характерно для всех владетелей Дагестана, особенно в конце XV и в начале XVI вв.

К началу XIX в. даргинский народ оказался разделенным на ряд политических и административных образований. Акушинское, Мекегинское, Цудахарское, Усиштинское, Мугинское и Урахинское «вольные» общества вместе с Сюргинским обществом составляли Союз акуша-сюргинских даргинцев. Часть даргинцев (общество Вуркуи-Даргуа) еще в XVIII в. вошла в состав Казикумухского ханства. Значительная же часть даргинцев вместе с южными кумыками и терекемейцами находилась в составе Кайтакского уцмийства. Остановимся на характеристике общественного строя акуша-сюргинских даргинцев.

В начале XVIII в. Гербер указывал, что до 1725 г. акушинцы считались вольными, а с этого года они согласились находиться под протекторатом уцмий ¹⁶². Однако Гербер отмечает далее, что подданными уцмий они не считают себя и подати ему не платят, а к войне собираются за плату и в надежде на добычу ¹⁶³. Через 70 лет после Гербера Д. Тихонов и А. Серебров писали, что акушинцы и цудахарцы «находятся под протекцией шамхала, податей шахмалу не дают, но если случится, что нужно будет вооруженное войско, то просят их по доброй воле, а иногда за плату, а принудить их не может. Главная пужда их — это зимние кутаны на территории шамхальства» ¹⁶⁴.

Бларамберг и Ковалевский в 1831 г. сообщали: «Акушинцы, или акушдарги, в горах, удаленных от берега морского на 100 или более верст, к юго-западу от Тарку, граничат с мехтулинцами, казикумыками и Каракайтагским округом. Владельцев не имеют, но каждая деревня управляется особым старшиною, избранным из среды народа. Они состоят под покровительством шамхала, через которого большую часть имеют сношения с русскими; между тем имеют также из своего сословия первенствующее лицо под именем кадия, который пользуется исключительным народным уважением, решает с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя при том духовною властью» ¹⁶⁵.

Стоявший во главе Акушинского союза кадий имел наследственную власть, хотя формально совершался традиционный церемониал по «избранию» кадия. В «выборах» участвовали представители всех обществ Акушинского союза. Кадий должен был знать богословские догматы и шариат. Процедура его «избрания» происходила следующим порядком: представители всех обществ Акушинского союза собирались в определенном месте,

¹⁶² ЦГАДА СССР, ф. Ермоловых, д. 315, л. 45.

¹⁶³ Там же, л. 72.

¹⁶⁴ Д. Тихонов и А. Серебров. Описание Дагестана, 1796. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 5.

¹⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 301, л. 216.

называемом «Дюзи майдан» (Кярбука дирка), и располагались в шести шатрах, по количеству «вольных» обществ. Они выделяли выборщиков-стариков, которые уходили на совещание, оставив кандидата на пост кадия с представителями народа. Правда, кандидат мог быть только из одной фамилии. Посоветовавшись, старики посылали из своей среды двух уполномоченных чаушей (глашатаев) к представителям народа и объявляли кандидатуру кадия. Если представители народа не возражали, кадий считался избранным.

Главный кадий, имевший резиденцию в сел. Акуша, разбираал важные дела по шариату и адату, объявлял войну, собирал ополчение, назначал сотенных командиров, должен был командовать войсками и идти в бой впереди всех. Он руководил всеми обществами Акушинского союза. В каждом обществе, в свою очередь, находились кадии, подчиненные главному акушинскому кадию. В их руках была сосредоточена как светская, так и духовная власть. Для разбора спорных дел в селениях «избирались» карты¹⁶⁶ из людей знатных и знающих местные обычаи. Число их зависело от величины селения. Кроме этих картов, избирались еще карты от джамаата («джамаатла холате»), которые контролировали деятельность «шила холате» — аульных судей. В случае обнаружения какого-либо нарушения в рассмотренных делах они ставили вопрос на обсуждение джамаата, при этом виновные в незаконном рассмотрении дел освобождались от должности и подвергались штрафу в пользу общества. В обществах Цудахарском и Мекегинском карты избирались только из определенных фамилий, за которыми признавалось исключительное право выдвигать картов. В селениях, где не было кадиев, обязанности их исполняли муллы и будуны, которые также избирались «всем обществом, сроком на один год». Чаушей назначали по очередному наряду на один год. Их обязанность заключалась в передаче народу распоряжений кадия и в исполнении приговоров. В каждом из обществ Акушинского союза чауши имели свои особые названия. В Акушах их называли «бараман», в Муге — «кувесла», в Мекеге — «ибахур», в Сюрге — «чдла», в Успша — «кулгул», в Урахи — «куала» и в Цудахре — «урчем»¹⁶⁷.

23 декабря 1819 г. Ермолов дал инструкцию о порядке управления даргинскими обществами, в которой говорилось: «Вы обязаны вперед исполнять следующее: сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены. В нуждах даргинского народа относиться к главнокомандующему здешним краем, ибо нет над вами никакой другой власти. Наблюдать, чтобы во владениях даргинских не было пристанища неприятелям и изменникам России и не иметь с ними никакой связи. Изоблачать перед обществом людей, вредных по выгодам и спокойствию, ибо великий государь желает тишины и счастья своим верноподанным. Наблюдать, чтобы народ даргинский имел приязнь и дружбу со всеми народами, подданными российскому императору. Войска собирать только для охранения своих границ, но без воли главнокомандующего не входить в чужие земли. Не брать участия в распрях соседственных народов и не давать никому помощи без повеления главнокомандующего. За сим наблюдать строго, ибо за сие ответственность много будете. Сим средством желаю я возвратить спокойствие Дагестана...»¹⁶⁸

В этой же инструкции говорится, что бывший акушинский кадий Магомед Кади не обеспечил спокойствия, а поэтому удален и вместо него назначается Зухум-кади. «Отныне, — говорится в инструкции, — кадии будут назначаться главнокомандующим»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ На даргинском языке картов называют «шила холате» (буквально «аульные судьи»).

¹⁶⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 5, д. 67, л. 35.

¹⁶⁸ Там же, л. 38.

¹⁶⁹ Там же.

По данным переписи 1886 г., в частной собственности у 18 807 дворов Даргинского округа было 10 тыс. десятин пахотных, 1843 десятины покосных земель¹⁷⁰.

По данным на 1915 г., в Даргинском округе было всех земель 66 422 десятины, куда входили усадьбы, сады, пашни, сенокосы и пастбища¹⁷¹. Если исключить сады, пашни и сенокосы, находящиеся в частной собственности, то выгоны и пастбища, которыми владели сельские общины, составляли 54 554 десятины¹⁷². Вакуфные земли составляли только 204 десятины¹⁷³. Кроме того, по всему округу было 581,5 десятины, принадлежащих владельцам, облагаемых государственным поземельным налогом¹⁷⁴.

Сюргинское общество состояло из 16 населенных пунктов. Во главе его также стоял кадий. Сюргинское общество изъявило покорность России в 1819 г. и согласилось ежегодно платить казне 400 руб.

По данным переписи 1886 г., в Сюргинском обществе было 2550 дымов, 10 844 души обоего пола, 1197 десятин земли, 12 390 голов рогатого скота и 33 213 голов овец. В среднем на один дым приходилось 0,47 десятины земли, 5 голов крупного рогатого скота и более 13 голов овец.

В социально-экономическом отношении акушинские и сюргинские даргинцы не отличались резко от аварцев и соседей своих, лакцев. Здесь были, главным образом, частные мюльки, куда мы включаем и собственность кадиев, рядовых узденей и разбогатевшей деревенской верхушки; община имела в собственности выгоны и пастбища. Характерным является то, что многие сельские общества Акушинского союза совместно владели пастбищными горами.

Как в Акушинском, так и в Сюргинском союзах мы не находим чисто феодальных землевладений, если не считать собственности кадиев, которые имели мюльки больше по размерам, чем рядовые уздени. Мы склонны думать, что акушинские и сюргинские даргинцы, одновременно освободившись от власти казикумухских шамхалов и кайтагских уцмиев, не сохранили чисто феодальной собственности, за исключением одной горы, когда-то принадлежавшей шамхалам и поныне называемой «Шамхал-тав», которая находилась в совместном пользовании сельских общин Акушинского союза¹⁷⁵.

В начале XIX в. после семилетней войны с кайтагским уцмием Каба-Даргуа (10 селений отделились от него и присоединились к Акуша-Даргуа; в 1819 г., как было указано, Акуша-Даргуа и Каба-Даргуа вступили в русское подданство с обязательством платить 2 тыс. голов овец в год казне). Отдельные сельские общества, имевшие в своей собственности много пастбищных гор, часть из них сдавали в аренду. Так, общество Мекеги сдавало в аренду пастбищные горы «Урхукла» и «Дубурти» и получало ежегодно 400 руб., общества Сюргинского союза сдавали мелкие пастбища в аренду, получая за это 450 руб. и 30 баранов¹⁷⁶.

Главное селение Акушинского союза — Акуша — захватило основные земли союза в свои руки и поставило в зависимое положение все сельские общины, расположенные близко от него, вследствие чего эти общества вынуждены были арендовать землю у Акуши¹⁷⁷.

По данным посемейных списков 1886 г., сельское общество Акуша име-

¹⁷⁰ «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков. Тифлис. 1890, стр. 78.

¹⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 13, лл. 38—39.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ «Дагестанская область», стр. 39, 70.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ В. А. Никольская. Этнографическое описание даргинского колхоза. В сб.: «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 21.

ло в исключительном пользовании: поливных земель на 4000 сабов посева (здесь 1 саба = 1 пуд. — Х.-М.Х.), неполивных — на 1900 сабов посева в совместном пользовании с 12 отселками Акуши; сенокосов на 400 арб сена в исключительном пользовании (1 арба = 12 пудам) и еще столько в совместном пользовании с теми же обществами; два участка леса, под названием «гумры» и «урцубах», в совместном пользовании с теми же селениями; пять пастбищных участков в исключительном пользовании; две пастбищные горы, «Урхукла» и «Дубурти», в совместном пользовании с селениями Муги, Усиша, Цудахар, Мекеге.

Богатые уздени из сел. Акуша имели до 10 тыс. овец¹⁷⁸. Даргинские общества прибегали к аренде зимних пастбищ у кайтагского уцмийа и у шамхала тарковского, за что платили им высокую арендную плату.

Процесс дифференциации крестьян в даргинских сельских общинах происходил интенсивней, чем в Аварии. Здесь наблюдается также неравенство тухумов, наличие рабов, накопление крупного и мелкого рогатого скота, а также земель в руках богатых узденей. Власть кадиев стала наследственной. Одной из отличительных особенностей этих обществ является господство духовных лиц, начиная от главного акушинского кадия и кончая кадием аула.

В 1855 г. в Даргинском округе числилось 20 человек неосвобожденных рабов. На полях рукописи, хранящейся в мечети даргинского сел. Гапшима, имеется следующая запись без даты: «Бек, сын Газали, официально освободил своего раба Георгия за 60 годовалых овец с условием, что он в течение шести лет будет вносить в кошце каждого года по десять овец. Свободны его дети, как и их мать, Гельди, жена Георгия, которая была освобождена, когда она была еще маленькой»¹⁷⁹.

Там же имеется другая запись об освобождении раба Чуну за сто годовалых овец с условием, что он в течение десяти лет будет давать в конце каждого года по тридцать аббасов серебра и стоимость одного быка¹⁸⁰.

О значительном богатстве отдельных крестьян говорит следующий документ: «Когда после акушинской победы (1819 г.— Х.-М. Х.) приказано было от генерала покоренным дагестанцам выдать нам всех русских, скрывающихся у них беглецов, тогда один акушинец привел старого русского солдата и, прощаясь с ним со слезами, давал ему две тысячи руб. серебром, прибавляя к тому еще двадцать коров и пятьдесят баранов»¹⁸¹. Этот акушинец тогда рассказал, что 18 лет тому назад, будучи в крайней бедности, он принял солдата в свой дом и выдал за него свою дочь. Труд солдата обогатил его, а поэтому он разделил имущество и его долю хотел вручить ему. Но солдат отказался получить все это, взял только 400 рублей.

По описанию Вилльер де Лиль-Адама, мекегилский старшина Кадилла Баганд имел много земли и 5 тыс. овец, а все имение его оценивалось в 50 тыс. руб.¹⁸² Он же указывает, что у богача в Хаджал-Махах, у которого он остановился, имеется большой фруктовый сад¹⁸³.

Отдельные уздени имели собственные зимние пастбища. Так, житель сел. Мекеги Омар Гасан в 1870 г. купил у карабудахкентского бока 240 десятин земли; в 1905 г. Хадиджат, Айшат и Рукият, дочери Баганд-кадия, владели 425 десятинами земли; житель сел. Мекеги Амадзи Магомед оглы имел 14 десятин земли; Мусаев Георгий Александрович из сел. Хаджал-

¹⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, посемейные списки 1886 г. Общество Акуша.

¹⁷⁹ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 199, л. 5.

¹⁸⁰ С. Кунды находится в Лакском районе, в бывшем Вицхинском участке. Можно предполагать, что этот бек не жил в сел. Гапшима, а корец, на котором имеется надпись из Кунды, перенесен в Гапшима.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 482, д. 128, л. 22.

¹⁸² В. де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки). ССКГ, вып. 8, 1873, стр. 13.

¹⁸³ Там же, стр. 20.

Махи — 17 десятин земли¹⁸⁴; наследник Абдурашида из Урари Сюргинского общества имел 12 десятин; Магомедов Муса в сел. Каякент — 451 десятину¹⁸⁵; врач Далгат из сел. Урахи в Табасаране — 726 десятин («Иван Кутан» и «Исмаил Кутан»)¹⁸⁶. В качестве главного феодала в Акушинском обществе выступает духовное лицо — кадий, — который имел более 500 десятин земли. Кроме того, он распоряжался всем фондом зягата, вакуфа, общественными суммами и штрафами.

Привилегированное положение духовенства в Акушинском союзе подтверждается тем, что в Урахинском обществе по обычаям за убийство кадия полагалось выходить в канды, кроме убийцы, его семи родственникам¹⁸⁷. Претензии по подозрению допускались ко всем жителям, исключая кадиев, картов, мангушей, будунов и хаджей.

Акушинский и Сюргинский союзы — это единственные в Дагестане союзы «вольных» обществ, где официально вся светская власть была сосредоточена в руках духовенства. Мы объясняем это положение тем, что Акуша-Даргуа, Таба-Даргуа и Сюрга, оторвавшись от удмийства Кайтагского, а также от шамхалов казикумухских, оказались предоставлены сами себе. Духовенство воспользовалось этим и захватило политическую власть¹⁸⁸.

Сословно-поземельная комиссия считала, что кадиям следует присвоить дворянское звание¹⁸⁹.

Таким образом, акушинские и сюргинские даргинцы, составляя часть даргинского народа, находились на стадии феодального развития. Власть феодала-удмий то распространялась на них, то отступала. Вместе с тем и другие соседние феодалы, в частности шамхал тарковский и хан казикумухский, старались привлечь акушинских даргинцев на свою сторону. Однако Акушинский и Сюргинский союзы «вольных» обществ сохраняли относительную самостоятельность по отношению к этим феодальным образованиям. Но сами эти союзы оказались под властью кадиев, являвшихся духовными феодалами.

Хотя все население Акуша-Сюргинского союза считалось свободными узденями, однако далеко не все были равны экономически и, как следствие этого, не все занимали одинаковое положение в политическом отношении. Во главе союза стоял главный кадий, фамилия которого приобрела право наследственно занимать эту должность. Ниже на иерархической лестнице стояли кадии каждого союзного общества, а еще ниже — сельские кадии. Среди узденского населения были богачи — собственники земель и скота. Отдельные фамилии узденей считались привилегированными, а другие — бесправными. Особенно бесправны были тухумы, предки которых считались рабами.

Даргинцы Акуша-Сюргинского сообщества были втянуты в феодальные взаимоотношения и соседними феодальными образованиями — Тарковским шамхальством, Кайтагским удмийством и ханством Казикумухским. Главное селение акушинского союза — Акуша — выступало в качестве коллективного феодала по отношению к 12 мелким сельским обществам, находившимся в экономической и политической зависимости от него.

Показателем глубокого социального неравенства и господства частной собственности является установление размера кебинных денег в Акушинском союзе в зависимости от имущественного положения невесты¹⁹⁰.

¹⁸⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 115, 118, 121.

¹⁸⁵ Там же, ф. 80, оп. 2, д. 4, л. 79.

¹⁸⁶ Там же, оп. 3, д. 18, л. 81.

¹⁸⁷ «Адагы даргинских обществ», ССКГ, вып. 7, Тифлис, 1873, стр. 3, 7.

¹⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, д. 9, лл. 8—9.

¹⁸⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1301, л. 8.

¹⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 108, л. 2.

Наименование сельских обществ	Количество кебинных леяег, руб.					
	Девицам			Вдовам		
	бедным	средним	богатым	бедным	средним	богатым
	По Акушинскому участку					
Левашиинское	50	80	100	30	40	80
Чоглинское	—	150	—	—	70	—
Хахитинское	—	50	—	—	30	—
Кутишинское	—	100	—	—	50	—
Кака-Махинское	50	100	150	—	50	—
Наскентское	100	100	150	70	70	100
Эбдаль-Аинское	70	70	150	70	70	100
Сулейманкентское	60	60	100	60	60	100
Уллу-Аинское	70	70	100	40	40	70
Харлапкинское	60	60	100	—	60	—
Акушинское	—	180	—	—	180	—
Мугинское	30	70	100	30	70	100
Шухтинское	—	100	—	—	60	—

Все сказанное позволяет сделать вывод, что акушинские и сюргинские даргинцы находились на такой же стадии общественного развития, на какой находились аварцы и лакцы, т. е. здесь тоже к началу XIX в. господствующими были феодальные отношения, переплетавшиеся со значительными пережитками патриархально-родового быта.

Кайтагское уцмийство

Власть уцмий в изучаемый период распространялась от берегов Каспийского моря в глубь гор до Каракайтага. В уцмийство входили жители гор и равнины. По этим признакам Кайтаг делился на две части: Верхний и Нижний. Верхний считался узденским, а нижний — райтским.

В Верхнем Кайтаге, населенном почти исключительно даргинцами, в начале XIX в. было 32 селения, 2502 двора и 11 063 человека; в Нижнем Кайтаге — 25 селений, 3530 дворов, 18 421 человек. Во всем уцмийстве было около 30 тыс. человек. Райтских дворов насчитывалось около 2 тыс., главным образом в терекемейской части¹⁹¹.

История Кайтагского уцмийства уходит в глубь веков. Одному из уцмиев, Султан-Ахмеду (XVI в.), приписывается установление норм феодального права о различии между беками и чанками. А. Бакиханов указывает, что этот уцмий основал местечко Маджалис на пустом месте, где прежде собирал народ для совещания, определил разницу между словами «бек» и «чанк» (сын бека, рожденный от равного брака, должен называться беком, в противном случае — чанка). Составил кодекс, которым руководствовались во всем уцмийстве, основал магал в Терекеме¹⁹².

Замечательным документом для характеристики общественного строя кайтагских даргинцев является кодекс уцмий Рустема.

Кавказоведы А. В. Комаров, а за ним Ф. И. Леонтович считали, что сборник адатов кайтагского уцмий Рустема составлен в XII в. Однако Олеарий, побывавший в 1628 г. в Кайтаге, упоминает о том, что уцмий Рустем держит свой двор в местечке того же имени¹⁹³.

¹⁹¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 8, л. 25, «Кавказ», 1867, № 7.

¹⁹² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

¹⁹³ «Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Москву и Персию в 1633, 1636, 1639 гг.» М., 1870, стр. 976.

Более того, рукопись этого сборника хранилась в дербентском музее и, по свидетельству М. М. Ковалевского, на ней была надпись следующего содержания: «После смерти отца своего Хан-Магомеда-уцмия он (Рустем.— Х.-М. Х.) вступил во владение Кайтагом, что случилось в 1601 г. Умер же он в начале 1631 г. Рустем-хан получил две прамоты от Шах-Аббаса персидского в 1609—1610 годах, а третью — от Шах-София в 1629 году»¹⁹⁴.

Следовательно, уцмий Рустем, автор сборника адатов, ханствовал с 1601 по 1631 г., и к этому периоду надо отнести появление названного сборника, т. е. почти одновременно с кодексом Умма-хана Аварского.

Таким образом, в определении даты составления сборника у Комарова и затем у Леонтовича произошла ошибка, а Бакиханов ошибочно приписал составление этого сборника уцмию Султан-Ахмеду.

М. М. Ковалевский, назвав сборник Рустема «народной правдой Дагестана», писал: «Этот сборник является одним из интереснейших памятников кавказского права, памятник, заслужившим не меньшего внимания, чем армянский кодекс Мехитара-гоша или законы грузинских царей — Георгия Черного, Агбуги и Вахтанга VI»¹⁹⁵.

Сборник кайтагского уцмия содержит постановления об убийствах, краже, прелюбодеянии, оскорблении женщины, грабежах, поджогах, гражданских сделках, о порядке управления и, наконец, о соблюдении постов и молитв.

Каждая глава сборника начинается со слов: «Кто будет беречь рот свой, того и голова будет спасена». Предписывается, чтобы без ведома бека кадий не читал законы.

«Чтение этих постановлений, — говорится во вводной части сборника, — кусок шелковой материи (или три рубля денег) с того, в чью пользу будет решено дело. Бек должен давать чтецу лошадь. Не читать для того, кто не умеет от бека бумаги с приложением его печати. Если же кадий прочитает для того, у кого нет письменного позволения от бека, то с него, с кадия, взыскать одну лошадь в пользу бека». Таким образом, рассмотрение дел по сборнику было доходной статьей бека.

Денежные отношения в Кайтаге в этот период были слабо развиты, а поэтому функции денег выполнял хапцалдику¹⁹⁶, однако в отдельных случаях сборник предусматривает взыскание штрафа деньгами.

Сборник признает кровную месть. За убийство мужчины с целью грабежа взыскивалось 7 пеней и изгонялось в канлы семь человек родственников грабителя. Убийство женщины, сопровождавшееся грабежом, считалось особо тяжким преступлением, и виновные в нем подвергались взысканию 14 пеней и к изгнанию принуждались 14 человек из родственников убийцы.

Воровство по кодексу уцмия считалось тягчайшим преступлением. Убийство вора, подстрекателя и грабителя по кодексу не влечет за собой наказания. «Кто уьет вора в своем доме или в стаде, — говорится в сборнике, — того оставлять безнаказанным». Тому, кто поймает вора, 1000 кар¹⁹⁷ хапцалдику и 100 кар — беку с пойманного вора. С того, кто поймал вора и отпустил его, полагался штраф 100 кар хапцалдику в пользу общества. Если родственники грабителя или вора убьют того, кто убил грабителя или вора, то с виновных взыскивалось две пени и двое изгонялись в канлы.

Разрешалось убить вора, пойманного на месте преступления. Если вор не был пойман на месте преступления, он подвергался высокому штрафу и свою невиновность должен был доказать очистительной присягой со своими

¹⁹⁴ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 234.

¹⁹⁵ М. Ковалевский. Дагестанская «Народная правда». «Этнографическое обозрение», кн. 4, М., 1890.

¹⁹⁶ Хапцалдику — грубая пеньковая материя.

¹⁹⁷ Кар — мера длины, равная 11,5 вершкам.

соприсяжателями в числе от 7 до 40 человек в зависимости от того, где было совершено хищение, кроме того, должен был возмещать стоимость украденного в десятикратном размере.

«Если освобожденный раб,— говорится в кодексе,— прикоснется к жене узденя, то с него взыскивается 100 руб. в пользу общества».

Грабеж и поджог также наказывались строго, а причиненный ущерб взыскивался в десятикратном размере. Если поджигатель не сознавался, то он должен был дать очистительную присягу с 40 соприсяжателями.

Известный нам по кодексу Умма-хана Аварского ишкиль применялся и во владениях кайтагского удмня, но с некоторыми еще большими ограничениями. Так, например, нельзя было брать ишкиль из стада: за нарушение этого правила виновный подвергался штрафу в 100 кар ханчалдику. Это объясняется тем, что в общественном стаде пахотился скот многих тухумов, а ишкиль в Кайтаге распространялся только на имущество того тухума, к которому принадлежал должник. Более того, в стаде мог находиться и скот привилегированных сословий. Ишкиль также не разрешалось брать с имущества кадия, чауша и муталима (учащегося в медресе). За нарушение этого правила налагался штраф 3 руб. 60 коп.

Сборник Рустема предусматривает ограничение перехода крестьян и целого общества с одного места на другое. Если кто-либо хотел отделиться от общества, то должен был уплатить беку откуп в 100 руб. Если какое-либо село целиком желало отделиться от Кайтагского общества, то с него взыскивался откуп в 300 руб. Отделение от тухума считалось преступлением, и отделившийся не имел права требовать за убийство своего родственника ни пени, ни крови.

Наибольший интерес представляют нормы государственного права, изложенные в сборнике Рустема. Наряду с требованиями безусловного повиновения бековой власти, определяются и обязанности бека и вводятся для него известные ограничения, по всей вероятности, вызванные опасением чрезмерного усиления власти беков — вассалов хана.

По тревоге, поднятой беком, все должны были немедленно идти к нему. Кто не выходил, с того взыскивалось 1000 кар ханчалдику. Без вызова бека крестьянин не имел права ходить к нему, за нарушение налагался штраф в 100 ханчалдику.

Бек под страхом смещения обязан был для решения спорных вопросов каждый год собирать суд из представителей общества. «Если бек учиняет беззаконие, то его в этом остановить. Если бек не накажет преступника, то самого его удалить. Никого не оставлять без наказания: ни вора, ни грабителя». Бек не должен был предпринимать поход, не посоветовавшись с «благоразумными людьми». Если же он это сделает, то его подвергли штрафу в 300 руб. в пользу общества. Кто отказывался следовать этим постановлениям, того изгоняли из общества.

Сборник Рустема кончается интересными изречениями: «В государстве — без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске — без разумного предводителя, а в селе — без головы добра не будет. Смотри, бек, говори правду. Муж правды прославляется и власть его остается навеки. Земля не съедает тело того, кого бог благословит прославить ее. Смотрите, кайтагцы, принимайте правду: правдивое государство прославляется и никогда ни в чем не раскаивается»¹⁹⁸.

Сборник Рустема отражает более высокую ступень общественного развития, чем кодекс Умма-хана Аварского. Он вводит новые понятия, не известные кодексу Умма-хана: подстрекательство и неосторожность. Более четко выражено в нем правовое положение беков и привилегии феодализирующейся общинной знати, а также духовенства. Шире применяются денежные взыскания. В нем ярче выступают черты классового общества.

¹⁹⁸ ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 87—88.

О могуществе уцмий кайтагского свидетельствует ряд авторов, которые побывали в Дагестане. Так, Гербер указывает, что в 1728 г. от уцмий Ахмет-хана кайтагского зависели: феодал Султан Махмуд Утамышский, также сильные общества, как Акуша, Кубачи, и ряд аварских селений¹⁹⁹.

Спустя 70 лет после этого Д. Тихонов и А. Серебров писали, что уцмий получает доходы от одной только пошлины за провозимые через его территорию товары — 45 тыс. руб.²⁰⁰

В фонде Сословно-поземельной комиссии имеются следующие данные об источниках доходов уцмий:

1. Рахтарный сбор с караванов (пошлина за провозимые товары.— X.-М. X).

2. Доходы от сдачи в аренду пяти ятагов (зимних пастбищ).

3. Доходы от сдачи в аренду пастбищной горы «Андара-чп».

4. Доход от нефтяных колодцев на «Неуг Кутанс».

5. Доход с соленых озер.

6. Доход от податей с жителей магала Каба-Даргуа (пшеница и ячмень), с жителей магала Ицари и Шарь (баранами, сизязи (грубый холст) и медом).

7. Доход с мельницы и ореховых деревьев у сел. Башлы.

8. Доход от выкопанной в уцмийских кутанах марены.

9. Доход от части штрафов, взысканных в сел. Башлы²⁰¹.

Основную часть своих доходов уцмий и беки получали от жителей Нижнего Кайтага — терекемейцев, которые являлись крепостными и испытывали тяжелый феодальный гнет. Они были выходцами из Туркмении и поселились здесь еще в начале XVII в. на свободных землях феодалов с условием платить им подати и отбывать повинности, которые из года в год увеличивались по воле уцмий или беков.

Земли в терекемейской части было в пзобилии, обработка зависела от наличия рабочего скота. Уцмий и беки выбрали наиболее выгодную для себя форму эксплуатации крестьян: установили размер податей в зависимости от количества рабочих буйволов или быков.

Карл Маркс отмечает, что в Сицилии сарадины «ввели налог на землю — джизье; напротив, уничтожили подать, которой римляне облагали животных, служивших для земледельческих работ»²⁰².

Совпадение формы повинностей, установленных римлянами в Сицилии и существовавших в XIX в. в Дагестане, можно объяснить только тождеством условий, породивших эту форму, т. е. большим количеством необработывавшихся земель. Мы уже отмечали, что в основе обложения по плугу или по рабочему скоту лежит собственность на землю.

Одни селения в Терекемее отбывали подати в размере 20 сабов пшеницы, 5 сабов ячменя с плуга, а другие — 10 сабов пшеницы и 10 сабов ячменя. С хозяйств, имеющих две пары буйволов, взымалось вдвое больше, с имеющих одного буйвола — половина.

Хозяйства, которые не имели рабочего скота, не освобождались от податей. Они отбывали подати в одних селениях в размере 5 сабов пшеницы, а в других — 2 саба пшеницы и 2 саба ячменя. Кроме того, раяты сеяли беку рис, расходуя для этого половину своих семян, а урожай делили пополам. С каждой пары буйволов взыскивали по одному чала соломы, с одного буйвола — чала, с мельницы — от 5 до 15 сабов пшеницы, с тутовых садов — 1—3 калыфа шелка, в зависимости от размера сада и т. д.²⁰³

Кроме податей, от терекемейцев уцмий получал за сдачу в аренду 13 ятагов (зимних пастбищ) от 700 до 1000 баранов, за каждый пуд

¹⁹⁹ ЦГАДА СССР, ф. Ермолова, д. 315, л. 45.

²⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 18474, ч. 1, лл. 8—11.

²⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, лл. 1—2.

²⁰² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, стр. 36

²⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 108, л. 3

проданной марены — 10 коп., а за сдачу на откупное содержание маренных плантаций в терекемейской части — 200 руб. серебром, от сдачи нефтяных колодцев на откуп — 500 руб. серебром. Пошлины за провозимые товары составляли 1507 руб. серебром²⁰⁴.

В материалах Сословно-поземельной комиссии нами обнаружена следующая ведомость о доходных статьях уцмья, составленная генералом Вреде в феврале 1821 г.

Ведомость

о статьях, с которых бывший уцмий Адильхан пользовался доходами

Название статей	Ежегодный доход по каждой статье отдельно
Таможенная дамга в Дербенте	На откуп за 1000 руб. серебром
В Терекемее нефтяные черные колодцы	На откуп от 500 до 700 руб. серебром
С марены в деревнях: Башлах, Янгикенте, Маджалисе, Улу-Терекемее, Джумикенте, Берикее, Салике, Великенте, Хан-Мамед-Кале, Карадагах, Татларе, Падаре и др.	Брал с каждого пуда с покупателей по 10 коп. серебром
За отдачу на откуп марены в деревнях Янгикенте, Хан-Мамед-Кале, Калике, Татларе, Карадагах, Падаре и Великенте, в коих жители не должны продавать на сторону, кроме взявших оные на откуп	Получал от 20 до 50 руб. серебром за каждую деревню
С шести деревень, в Терекемее состоящих, от каждой пары хлебопахотных буйволов или быков	Брал пшеницы по 20 сабов и по пяти сабов ячменя
Шелку-сырца с каждого жителя, делающего оный, и с сборщика такового	Взыскивалось с первых по два метка, а с последних по одному
С садов тутового дерева	По одной сабе шелковичного семени
С тринадцати ятаг пастбищных	Брал баранов и барашков от 700 до 1000
С каждого пастуха, живущего в ятагах при баранах	По одному караваю сыра
С живущих в деревне Янгикент жидов, сеющих табак	От девяти батманов десятый
С каждого вьюка привезенного через Кубачл шелка	По одному червонцу

Из означенных по сей ведомости доходов некоторыми пользовался Эмир-Гамзатбек, а доходы состоящей в Дербенте таможенной, дамга которой 10 марта сего года собирается в пользу казны, хранятся в ведении дербентского коменданта²⁰⁵.

Беки не отставали от уцмья в угнетении терекемейцев, положение которых мало чем отличалось от положения рабов. О произволе беков в отношении терекемейцев комендант г. Дербента 15 июня 1839 г. доносил дагестанскому военно-окружному начальнику, что в терекемейской части «правлящие беки деревнями, кои им даны за заслуги их или их предков, разделяя семейства, из них мужского и женского пола людей продают и даже часто дарят другим, в другие деревни и города, чем самым ощутительно жители терпят угнетение»²⁰⁶.

²⁰⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 910, лл. 2—3.

²⁰⁵ Генерал-майор барон Вреде. Фонд штаба отдельного кавказского корпуса, архив 106. Цит. по рукописи, находящейся в фонде ДНИИИЯЛ, д. 1286.

²⁰⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 1224, л. 49.

Главнокомандующий пражданской частью на Кавказе констатировал, что «подчиненное отношение райат к своим бекам выражено наиболее сильно в плоскостной части Южного Дагестана, где этому способствовало, отчасти, влияние соседних Персии, Турции, а отчасти то обстоятельство, что плоскостная часть Южного Дагестана заселена выходцами из Персии и мусульманских провинций Закавказья, занявшими свободные земли на условиях отбывания известных податей и повинностей в пользу пригласивших их правителей»²⁰⁷.

О тяжелом характере угнетения терекемейских жителей свидетельствуют «Адаты об отношениях терекемейских райатов к бекам»:

«1. Вся терекемейская земля с состоящим на оной лесом, кустарниками, камышом и водою есть собственность бека. Жители терекемейских деревень на землю и воду права не имеют, а раздает оные жителям каждой деревни дырга — распределитель, поставленный беком, и кевха; дырга у одного убавляет землю, другому прибавляет с ведома или по приказанию бека. Райат не может промолвить слова или жаловаться на большинство и на малость находящейся в пользовании его земли, а в обоих случаях должен быть доволен тем, что имеет. Райаты за пользование бекской землей платят ему установленную подать — чихиш — и служат ему.

2. Когда жители не имеют возле жительствуемой ими деревни достаточного пространства земли, тогда бек, если пожелает и найдет для себя выгодным, отводит некоторым из них или всем им участок земли из своих кутанов на неопределенное время и отнимает участки, когда пожелает. Бек волен в этом отношении, он удаляет их от земель своих кутанов, когда видит в том свою выгоду.

3. Когда терекемеец, имея достаточное количество земли, будет просить у своего бека земли или позволения на переселение в другое место, тогда удовлетворение его землею или позволение на переселение зависит от произвола бека.

4. Когда райат переселяется с позволения бека, тогда берет с собою все свое движимое имущество, но недвижимое имущество, как-то: дом, мельница и проч. угодья — остаются в ведении бека.

5. Когда райат провинится или невинный захочет уезжать, т. е. скрытно переселиться из бекской деревни в другое место, и бек узнает о том, тогда бек отбирает от того райата все его имущество движимое и недвижимое, а потом высылает его с семейством из своей деревни.

6. Когда бек заставит райата противу воли последнего переселиться из его деревни, тогда райату представляется продать дом, мельницу, толчею, сад и проч. угодья односельцу и потом переселиться со всем своим имуществом движимым.

7. Когда бек пожелает построить себе дом, тогда райаты помогают ему доставлением камней и глины и проч. нужных предметов, бек платит только каменщикам. Райаты служат беку с арбами и без арб во всем его деле.

8. Если бек имеет табун кобылиц, то райаты всякий год устраивают для табуна его чалы (землянки) на указанном им месте и кормят табунщика.

9. Если бек имеет стадо баранов и рогатого скота, то райаты всякий год делают для стада его на указанном им пастбищном месте чалы и конюшню.

10. Когда в зимнее время на поле, по сильному холоду, не бывает для бекского скота и для кобылиц корму, тогда для прокормления во время зимы бек раздает их райатам и собирает их весной.

11. Если бек имеет баранов, то райаты везут на ятаг бревна, хворост и все нужное для постройки зимовника для баранов.

12. Бек одного из райатов выбирает себе в кунаки, пристаёт у него, когда приезжает в деревню, имеет стол на его же счет, но за то дает ему

²⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142-г, л. 19.

землю и воду больше противу его односельцев, без жребия, и подати с него не взыскивает, а нукера, мало ли их или много, пристают у других райтов в деревне. Райты по очереди должны кормить их лошадей и их на все время нахождения их в деревне.

13. Когда к беку придут гости из Кайтага, Гапш, Ганка, Сюрги, Акуши-Дарга или из шамхальства по службе или для приятного препровождения времени, на все время их пребывания райты довольствуют их и их людей по очереди, если пришельцы были из узденей.

14. Когда приезжает в гости к беку один из беков, тогда бек останавливает его у райта, который кормит его и его лошадь на все время его пребывания.

15. Когда же бек посылает своих лошадей с 20 или с 30 нукерами весною на поле на свежий корм на кутанах или же когда бек едет на горячие воды со многими нукерами, тогда райты обязаны доставлять от себя всем им хлеб и даже воду.

16. Когда бек едет в деревню узденей для заседания в сборище их на продолжительное время (это было в прежних временах), тогда все нужное на стол его присылается из райтских деревень на все время нахождения его в том сборище.

17. Когда бек нуждается в скотине для зарезания или для отдачи просящему, тогда дырга и кевха по приказанию его берут одну у одного из райтов, а у кого больше, нежели сколько нужно, бек зарезает ту скотину или отдает просящему. Зато, если хозяин скотины был беден, то бек освобождает его от подати, но от таковой богатого хозяина не освобождает.

18. Райты за пользование бекской землей платят беку: с пары рабочего скота 20 саб пшеницы, пять саб ячменя и одну чалу саману, а не имеющие пары и ни одной скотины платят пять саб пшеницы.

19. Райты засевают для бека на состоящих у них в пользовании землях 4 дышлака, т. е. 20 саб чалтика, и полученный с этого семени урожай жнут, молотят и после обращения в пшено доставляют в дом бека.

20. Когда райты выкапывают дикую марену, тогда платят беку при продаже оной с пуда сушеной по 50 коп. При продаже засеянной марены платят то же.

21. Прежде в терекемейских деревнях была торговля, и за право торговли беки взыскивали с торговца деньги даже до 200 динаров²⁰⁸, смотря по величине их капитала.

22. С шелка, полученного с шелковичного сада, бек получает $\frac{1}{10}$, т. е. дагьяк, а с шелка, полученного с полевых шелковичных деревьев,— по нескольку.

23. Со всякого фрукта, с чеснока, лука и огурцов, бек взыскивает дагьяк.

24. За смертоубийство, за тяжелое поранение и даже за маловажное, когда вышла кровь и рана нанесена с обдуманном заранее намерением, за увод женщины, за взятие им руки ее бек взыскивает штраф одного отборного из буйволов у виновного. За воровство, даже за маловажное, бек взыскивает с виновного в свою пользу такого же буйвола.

25. Кто уклоняется от службы беку или же не выполнит службу, кто станет драться с дыргою или кевхою или кто по требованию бека не явится к нему, с того взыскивается штраф — один отборный буйвол.

26. Бек, не имеющий дойных скотин, берет буйволицу и корову у райтов, имеющих таковые, держит их у себя весною, летом, осенью и возвращает оных хозяевам зимою, если будут живы, а если падут у бека, то бек вознаграждает за них хозяев. У состоятельных богатых райтов бек брал скотины от 1 до 6 штук.

²⁰⁸ Динар — червонец.

27. Когда посредник нечаянно будет убит во время драки двух человек или будет только ранен, тогда бек взыскивает с виновного (с чьей руки причинена смерть или рана) в штраф одного буйвола.

28. Когда подать, взысканная с райтов, не достает на содержание бека, тогда он берет нужное ему количество пшеницы у тех своих райтов, у коих хлеба больше, нежели сколько им нужно. Бек не покупает, когда у подвластных его много. Когда бек не захочет брать у них пшеницы, тогда вызывает всех кутанов²⁰⁹, принадлежащих обществам, которые пашут и сеют для бека хлеба столько, сколько пожелает.

29. Когда бек держит лошадей в деревне, то райты доставляют для оных весной и летом траву и сено, а осенью саман и ячмень и сверх того кормят конюха.

30. Когда бек хочет жениться, женить брата или сына, тогда он два раза с райтов собирает деньги от 5 до 50 руб., смотря по состоянию каждого райта, раз при посылке нишана²¹⁰ и раз после угощения, бала²¹¹.

31. Бек, когда желает, раздаст райтские дворы, т. е. райтов, своим нукерам из узденей; как бы раздача имущества с указанием, какой двор, которому нукеру должен платить и служить. Беки давали нукерам много райтских домов.

32. Когда бек переселяется с семейством из горской деревни в нижнюю, терекемейскую, на пребывание в продолжение зимы, тогда по наказанию самого бека очищаются для его помещения райтские дома на все время пребывания его в деревне, райты обязаны доставлять ему дрова каждый день, корм для лошадей, свозить пшеницу его на мельницу и после привозить муку, очищать конюшню и дать караульщика.

33. Бек имеет нукеров из терекемейских деревень. Нукеры эти, имея лошадь, оружие, платья от себя, несут службу бека, едут по делам его службы в Акуша, Дарга, шамхальство, в Кубу и Шемаху и расходы при этих поездках делают от себя же и платят подать, чихиш называемую; они свободны только от арбяной повинности.

34. Некоторым из терекемейских нукеров за отличное усердие их по службе бек дарит лошадь, скот и другие вещи, но когда нукер, получивший подарки, станет просить увольнения, уклоняется от верховой службы и захочет служить арбою, тогда должен возратить беку все полученные от него подарки, в противном случае бек взамен подарков взыскивает от него всю стоимость оных и в уплату таковой отбирает от него даже то, что составляет необходимое его пропитание, ибо бек не обязан дать ему подарки, а напротив, он должен нести службу его наравне с другими терекемейскими нукерами.

35. Райты обязаны для бека производить посев хлеба, исправлять и очищать каналы, поливать, жать и возить хлеба его на хоршаны, молотить и перевозить пшеницу в дом бека.

36. Терекемейские жители служили нам лошадей и арбою, а кто не имеет лошади и арбы, тот служит сам лично, словом, они должны нести для нас всякую удобную нам службу, и нет службы, которую бы терекемец не был обязан нести для нас, беков²¹².

Содержание этих феодальных адатов свидетельствует о том, что терекемейцы имели только многочисленные и разнообразные обязанности по обслуживанию беков, а правами не пользовались. Здесь в неприкрытой форме выступает власть феодала, ярко отражается господство и подчинение, доведенное до крайнего деспотизма. Каждый двор терекемейских крестьян в 60-х годах XIX в. выплачивал бекам в среднем по 15 руб.

²⁰⁹ Плуг, в который запрягали восемь буйволов, составлял один кутан.

²¹⁰ Деньги, шелковая материя, которые жених после засватания девушки посылает ей в дом.

²¹¹ Угощение, даваемое во время пребывания невесты в доме жениха.

²¹² Архив канцелярии наместника на Кавказе, 1867 г., св. 8714, д. 35—45. Цит. по ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 2, лл. 1—4.

серебром. Кроме того, они были обложены государственными налогами. Пресс двойного гнета вызывал ропот и возмущение, однако изменить свое положение они были не в состоянии.

Иная картина была в Верхнем Кайтаге. Узденских магалов здесь было восемь, и каждый магал составлял отдельный и «независимый» союз; толембе в случае угрозы нашествия иноплеменников все магалы и другие части Кайтага составляли общий союз под названием Уцмий-Даргуа и под предводительством самого уцмья. Феодалный гнет здесь ослаб после переселения уцмья на равнину. Многие жители были свободны от податей. Однако некоторые платили подати и отбывали повинности в пользу уцмья и беков. Капитан генерального штаба Прушановский отмечал, что почти все горные магалы в прошлом находились под юрисдикцией уцмья кайтагского, платили подати, в частности даже вышеупомянутые Каба-Даргуа, Сюрга и др. «Но с уничтожением уцмийства, после уцмья Адиль-хана, — пишет Прушановский, — из одного целого кайтагского народа, привыкшего столетиями признавать над собою власть, породились несколько демократических обществ, независимых одно от другого и не признающих власти русского правительства»²¹³.

Уздени некоторых селений Верховного Кайтага платили уцмью натуральные подати: масло, мед, сыр, овец и т. д. Так, жители сел. Уцари платили уцмью 30 баранов, 30 ягнят, 20 козлов, 20 козлят. Жители сел. Шари — 20 баранов, 20 ягнят, 10 козлов, 10 козлят и двух нетелей. Жители сел. Чагры — 21 батман масла; жители сел. Сона-Кара обязаны были давать девять веревков для увязки вьюков с маслом, которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукера и один шерстяной чумал для нукера. Подати эти по конфискации имений и доходов уцмья долгое время поступали в казну в том же виде, а потом взамен этого жители были обложены земским сбором по 2 руб. со двора.

Жители сел. Абдашка платили маслом, а жители сел. Турата вносили либо масло, либо сизязи, либо хлеб.

Право на взимание этих податей принадлежало тому, кто носил достоинство уцмья; беки же подобных прав по наследству не получали²¹⁴.

Е. М. Шиллинг писал, что обязательства кубачинцев перед уцмием заключались в уплате годовой натуральной повинности, особых взносов за проезд через землю владельца (в том числе и взносов за провозимые товары), в плате за пользование пастбищными участками, принадлежащими уцмью, в подчинении уцмью при решении дел, касавшихся взаимоотношений между Кубачами и другими обществами, и в признании за ним прав «внешнеполитических»²¹⁵.

Наследник уцмья объезжал все узденские селения и производил суд над узденями вместе с сельскими судьями.

Жители магала Маджалис-Ката (селения Маджалис, Дарша и др.) и Верхний Терекемей (Янги-Кент, Чумли и др.) находились также в зависимом положении. Зависимость эта выражалась в том, что они обязаны были доставлять дрова и колючки для ограды сада в дом бека. В магале Маджалис-Ката жители доставляли беку две арбы дров и одну арбу колючки, а также сено, саман и траву для содержания одной лошади, приносили бекских кунаков нукерами по желанию.

Среди узденских селений особое место занимало Башлы. Уцмий имел право пасти свой скот на землях башлинцев и мог отдавать их пастбища в аренду, однако с уплатой обществу Башлы части дохода (восемь баранов с каждого ятага). В пользу уцмья поступала половина штрафов, взыскивавшихся в сел. Башлы за убийство, воровство и увоз женщины. Суд башлинцев был не зависимым от уцмья.

²¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2512, л. 81.

²¹⁴ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1286, лл. 93—94.

²¹⁵ Е. М. Шиллинг. Кубачи. Пятигорск, 1937, стр. 22.

Жители одного из шести кварталов сел. Башлы считались по происхождению чагарами, но уже ко второй половине XIX в. они смешались с узденями. В собственности жителей Башлы находились небольшие участки пахотных земель, расчищенных из-под леса. Они принадлежали каждому отдельному хозяину как мюльк; остальные земли находились в общинном владении.

Общественные пахотные и покосные земли переделялись ежегодно между всеми жителями поровну: сначала земля делилась на шесть равных участков по числу кварталов, а потом уже каждый квартал делил доставшийся ему участок на равные части по числу дворов; если в каком-либо квартале было больше дворов, то избыток дворов причислялся к тому кварталу, где их меньше.

Сел. Башлы имело общественный выгон и лес. В числе общественных земель были пастбища, отдававшиеся на откуп. От сдачи пастбищных мест в аренду и предоставления права выкопки дикой марены на общественных землях Башлинское общество получило доход от 600 до 900 руб.; от сдачи на откуп нефтяных колодцев — до 900 руб., за отдачу на откуп соляных озер каждый двор получал от одной до двух саб соли, смотря по количеству сбора.

Доходы эти шли на уплату казенных податей, жалования двум мангушам, шести чаушам, двум ночным караульщикам и трем конным чапарам, которым платили по 30 руб. в год.

Почти все пахотные и покосные земли в узденской части Кайтага составляли мюльки, т. е. собственность каждого отдельного хозяина; только в магале Ирча-Муль шесть селений имели общинные покосные места в совместном пользовании. В сел. Кишия в магале Ганк было небольшое общинное покосное место. Эти общинные покосы делились между всеми хозяевами на равные участки по жребью.

Пахотные земли в большинстве селений, за исключением магалов Ирча-Муль и Кара-Кайтаг, составляли незначительные участки: в сел. Кубачи только шесть хозяев имели пахотные земли величиною от 3 до 10 саб посева.

Кроме мюльков, почти во всех селениях были пахотные и покосные земли, принадлежавшие мечетям. Земли эти по роду пользования можно разделить на три категории: к первой принадлежали земли, которыми пользовались наследники завещателя с уплатой вакуфа; ко второй — земли, переданные в распоряжение общества, которыми пользовались жители села тоже с уплатой вакуфа; к третьей — земли, находившиеся в непосредственном распоряжении мечети, которые отдавались жителям села в аренду с условием внести в мечеть определенную часть урожая. За земли двух первых категорий вакуф с пахотных земель вносился пшеницей, а с покосных — салом. Из этой пшеницы выпекался хлеб, который раздавался всем, кто приходил на вечерний намаз в месяц Рамазана; сало употреблялось на освещение мечети.

В магале Уцари мечетские земли были разделены между жителями, которые платили в мечеть по 10 батманов печеного хлеба с каждой сабы земли.

В общинном пользовании большинства селений этой части Кайтага находились пастбищные горы.

В Гамринском магале у узденей общинных земель было больше, чем мюльков. Общества Утамыш и Мюрего имели земли в совместном владении и излишки сдавали в аренду. Жители селений Гичи-Гамри и Мама-Чула платили утамышскому кадию и чаушу 120 пудов пшеницы за пользование землями, принадлежащими обществу Утамыш. Часть жителей сел. Каякент считались раятами; они платили подати Амир-Чупан беку (уцмийского происхождения) и Амирхан-беку (потомку местных гамринских беков).

Каякент имел свое управление в составе картов, кадия, мангуша и тулгаков. Карты имели право пользоваться водой на двое суток больше, чем рядовые райты, а при разделе земли получали участок по своему выбору. Апелляционные жалобы на решение картов жители Каякента подавали своим бекам; таким образом, официально сельская власть здесь была придатком бекской власти.

В 60-х годах XIX в. удмийское и бекское управление в Кайтаге, как и везде в Дагестане, было ликвидировано, образован Кайтаго-Табасаранский округ. В связи с этим часть удмийских земель была взята в казну, удмийские райты обложены усиленным налогом, а бекские райты и зависимые уздени продолжали платить подати и отбывать повинности бекам. Однако во второй половине XIX в. произошли серьезные экономические изменения, которые неуклонно приводили к разрушению сословного землевладения и возникновению новой прослойки богатой узденской верхушки в деревне, которая сосредоточила в своих руках много земель и скота. Однако феодальная собственность на землю и в конце XIX в. оставалась значительной.

В Кайтаго-Табасаранском округе в начале XX в. мы находим следующие формы земельной собственности: казенные земли, образовавшиеся за счет изъятия земель удмия, отдельных беков и сельских обществ; земли, принадлежащие бекам и чавкам, как населенные, так и ненаселенные; мюльки, принадлежащие крестьянам-узденям; общинные земли, главным образом пастбища и выгоны, и мечетские земли.

Перепись 1886 г. указывает на следующие казенные, владельческие и общинные земли, находящиеся в пользовании крестьян: пахотных — 29 339 десятин, покосных 5634,2 десятины, пастбищных — 36 342 десятины, под садами — 244 десятины, под лесом — 36 788,4 десятины, под выгонами — 2329,2 десятины, соляных рядов — 15 десятин²¹⁶. Казенных земель в 1905 г. было 26 348 десятин²¹⁷. В частновладельческие земли входило 26 756 десятин, находящихся в пользовании райтских селений.

По данным 1915 г., в Кайтаго-Табасаранском округе числилось 68 378 десятин частновладельческих земель и только 28 924 десятины, принадлежащие сельским общинам и отдельным крестьянам; вакуфных земель было 920 десятин.

Приведенные ниже данные свидетельствуют о глубоком классовом расслоении также и горного Кайтага.

По данным посемейной переписи 1886 г., в Уркарахском наибстве было 3935 хозяйств, из них 1046 хозяйств (26,6%) не имели рогатого скота, а 72,9% хозяйств не имели лошадей, но зато 24 хозяйства имели 443 лошади, или 26,2% всех лошадей. Совершенно не имели овец и коз 3286 хозяйств, или 83,2% хозяйств наибства, зато 42 хозяйства сосредоточили у себя 27 008 овец, или 56% всего поголовья овец в наибстве. Не имевших ослов, мулов и прочего скота составляли 75% всех хозяйств. Не имеющих вовсе пахотных земель было 22,5% хозяйств, не имеющих сенокосов и других угодий — 28,7% хозяйств.

Отдельные хозяйства Уркарахского наибства достигали значительных размеров. Так, например, хозяйство Абу-Бакара Нурбагад-оглы из сел. Уркарах имело 45 лошадей, три осла, 70 саб пахотной земли, 20 саб покоса, 6 тыс. овец; Умалат-бек оглы имел 57 лошадей, двух ослов, 2 тыс. баранов, 70 саб пахотной земли и 15 саб покоса; Магомед Бумудар-оглы — 30 голов рогатого скота, 32 лошади, осла, 500 овец и 45 саб пахотной земли; Наби Хализ-оглы — 8 голов рогатого скота, 10 лошадей и 1000 овец²¹⁸.

²¹⁶ «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья». Тифлис, 1890, стр. 186—188.

²¹⁷ Там же, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 13—14.

²¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, п. 5, д. 42, лл. 51—52, 101—102, 126—127, 128—129.

В сел. Дибгаша хозяйство Магомед-Расула Омар-оглы имело 40 голов крупного рогатого скота, 30 лошадей, четырех ослов, 2 тыс. овец, 45 саб пахотной земли, 5 саб покоса. Абдулла-бек Раджаб-оглы из этого же селения имел 25 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей, двух ослов и 1100 овец, 50 саб пахотной земли и 5 саб покоса²¹⁹.

По данным посемейных списков 1886 г., во всем Кайтаго-Табасаранском округе более 13% хозяйств не имело никакого имущества²²⁰. Всего хозяйств было 15 510. Из 113 населенных пунктов округа 48 отбывали подати и повинности бекам²²¹.

В Кайтаго-Табасаранском округе в 1894 г. жило 58 668 узденей и 290 беков и чанков²²².

Конечно, в свете этих фактов нелепо говорить о том, что Верхний Кайтаг не знал классового деления, как это утверждали некоторые дагестанские историки.

По данным Временной поземельной комиссии, в 1908 г. в Кайтаго-Табасаранском округе в 40 селениях было 3662 дыма, подлежавших освобождению от зависимости беков с выкупной платой в 18 612 руб.²²³

35 узденских хозяйств владели 6866 десятинами земли, в частности Муртазали-Кичи-оглы из сел. Утамыш имел 1152 десятины, Чанту-паша-Гаджи-оглы — 1264 десятины; в сел. Александркент Дарха-Ахмед-оглы — 809 десятин и т. д.²²⁴

Отдельные беки из удийской фамилии в 1905 г. в Нижне-Кайтагском участке имели земли: в сел. Чумлы: Айханум-бике Уцмиева — 1533 десятины, Абдул-Меджид-бек Уцмиев с братьями — 1254 десятины, в сел. Туменляр Казий-бек Уцмиев — 1270 десятин и т. д.

* * *

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что у даргинцев в XIX в. господствовали феодальные отношения. В горной части они были менее развиты и переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений, а в равнинной части, особенно в терекемейской, господствовало неприкрытое крепостное право, связанное с худшей формой господства и подчинения — восточным деспотизмом.

5. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЛЕЗГИН

Лезгины являются одним из коренных народов Дагестана. Живя на территории, граничащей с Закавказьем, и занимая важные для общения дороги, лезгины еще в начале нашей эры входили в состав местных государственных образований.

В записке А. Ф. Десимона от 1839 г. «О бывших „вольных“ обществах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ»²²⁵ приводятся сведения о том, что персидский царевич Нуширван²²⁶, проживавший в Дербенте, услышав, что в горах имеются целебные источники, для проверки послал туда своего брата Шах-Бану с несколькими нукерами. Получив от Шах-Бану одобрительные сведения, Нуширван послал 60 семейств персов и 300 воинов, чтобы они основали там селение

²¹⁹ Там же, д. 44, лл. 227—228, 246—247.

²²⁰ «Свод статистических данных», стр. 106.

²²¹ Там же, стр. 169, 173, 177, 181, 185.

²²² Е. П. Козубский. Памятная книжка Дагестана, стр. 330.

²²³ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1224, л. 35.

²²⁴ ЦГА ДССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 144.

²²⁵ Десимон ссылается на рукопись, полученную им от ахтынского жителя Абдуллы Эфенди, который сообщал, что рукопись эта была списана Рефи Ширванским в 712 г. хиджры (1296 г. н. э.) с ветхой тетради, датированной 318 г. хиджры (902 г. н. э.)

²²⁶ Иначе Ануширван — благословенный.

и построили бани. Нуширван установил подати с жителей за пользование банями. Когда Нуширван стал шахом, почетные жители селения обратились к нему через Шах-Бану с просьбой сложить с них подати. Нуширван удовлетворил их просьбу. После смерти Шах-Бану селение, носящее его имя, перешло к его сыну Шах-Саяну, который управлял им 12 лет.

Вскоре хазарский каган, как рассказывает книга «Ахты-намэ», завоевал Дербент и часть Южного Дагестана. В лезгинском сел. Микрах он построил крепость и назначил туда некоего Сам-Сама. Между Микрахом и Ахтами происходили постоянные столкновения. К половине VIII в. арабы заняли часть Южного Дагестана и продолжали покорять остальную часть. Сестра арабского предводителя Абумуслима по имени Юмуд-Маминад захватила Кала-Кюру и долго осаждала Микрах. Правитель Ахтов Дервиш-ай добровольно присоединился к ней. После семимесячной осады Микрах был взят в результате измены помощника Сам-Сама Эмир-Кага. Сам-Сам был убит, Эмир-Кага был назначен правителем Микраха (в сел. Микрах и теперь есть тухум Сам-Сам). Эти сведения можно считать легендарными. Но следующее описание Десимона заслуживает внимания:

«По вторичном оставлении арабами Дагестана, около X столетия, возникло в Ширване царство Ширван-шахов, династии Сасанидов, и имело влияние на большую часть Дагестана. Неизвестно, были ли „вольные“ общества покорны Ширван-шахам, но впоследствии, по вступлении на персидский престол шахов Софийского поколения, видно, что общества эти были опять завоеваны персами силою оружия»²²⁷.

О влиянии Ширван-шахов на лезгинские общества свидетельствует и тот факт, что Ширван-шах Султан-Халил в 1477 г., боясь усиления шейха Джунейда, подговорил против него табасаранцев и лезгин, которые убили шейха Джунейда около сел. Гапца и истребили 1000 его воинов. Сын шейха Джунейда, Шейх-Гайдар, осаждавший Дагестан в 1499 г., также был убит жителями Дербента. Десимон сообщает, что сел. Ахты, как видно из грамот персидских шахов Софийского поколения, в 976 г. хиджры, или в 1560 г. н. э., было дано в управление некоему Шах-Гусейн-беку, а в 1014 г. хиджры, или в 1598 г. н. э., Эю-беку.

Во время шаха Надира и несколько прежде вступления его на престол (1732 г.) Ахтынское общество находилось под покровительством дербентского начальника и ширванского главного управления. После смерти шаха Надира как Ахты, так и другие общества Самурской долины находились в зависимости от Кубинского ханства, а с момента присоединения к России до 1839 г. — от коменданта г. Кубы²²⁸.

Д. Тихонов, Ф. Симонович и А. Серебров в 1796 г. писали, что «Ахты (имеются в виду общества Ахты-пара, Докуз-пара и Алты-пара. — Х.-М. Х.) граничит с провинцией Кюра, принадлежащей Хамутаю-хану казикумухскому, с Рутульским владением, а к югу и западу окружается оное Кавказскими снеговыми горами.. Общества эти управляются народом, состоя под наследственным начальником, и разделяются на 3 округа, заключающие в себе до 30 деревень»²²⁹. О рутульцах говорится, что у них управление народное под наследным начальником и что они разделяются на общества Рутул, Цахур и Кялаль, «из коих каждое называется по имени главного селения»²³⁰. По сведениям А. Ф. Десимона, в Самурском округе было более 6 тыс. дворов и 50 тыс. жителей.

²²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 18488; А. Ф. Десимон. О бывших «вольных» обществах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ, лл. 1—7.

²²⁸ Там же, л. 8.

²²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 18474, л. 43.

²³⁰ Там же, л. 114.

Поэтому считаем неправильным, когда, игнорируя исторические факты, о лезгинах пишут как о народе, который в XIX в. не знал государственности и находился чуть ли не в первобытном состоянии.

Н. Ханыков в статье «Археологические известия» (1850) дал подробный анализ арабских надписей, обнаруженных в Южном Дагестане: в Рутеле обнаружено 9 надписей, в Лучеке — 1, Цахуре — 6, Гильмице — 2, Сюгюте — 2, в Ахтах — 5 и в Риче — 1. Из 26 надписей 11 относятся к VI в. хиджры (XII в. н. э.), 5 — к VII в. хиджры (XIII в. н. э.), остальные — к более позднему периоду. Изучение этих надписей показало, что Южный Дагестан был местом, где раньше других дагестанских провинций распространился ислам, где происходили крупные исторические события, связанные с восточными государственными образованиями. «Превосходство памятников кувфической письменности Самурского округа, — писал Ханыков, — перед всеми другими местами Дагестана ясно указывает нам, что там преимущественно и скорее, чем где-либо, принялся и привился арабский элемент, внесенный туда последователями пророка огнем и мечом; что эпохою процветания его должно считать конец XII и начало XIII в. нашего летосчисления»²³¹.

В надписи, найденной в Риче, говорится, что в 637 г. хиджры туда пришли татары, с которыми ричинцы сражались. Ханыков доказывает, что это были войска Батыя. Другая надпись, найденная в Цахуре, относится к периоду правления Ширван-шаха Халил Уллы, современника Шахруха, сына Тимура, т. е. к XV в. н. э. В этой надписи рассказывается о боях, которые произошли между войсками Халил Уллы и Эскендера, сына Кара-Юсуфа, главы туркменского племени «Черный баран». Эскендер занял Ширван и углубился во владения Ширван-шаха до крепости Аджиахур, где оставался целый год, пока не пришел на помощь Халил Улле Шахрух со своими войсками (до 838 г. хиджры, или 1435—1436 гг. н. э.). «Надпись эта, — пишет Н. Ханыков, — тем интересна, что она явно доказывает, что и Самурский округ и горные магалы считались в числе владений Халил Уллы». В другой надписи, найденной в Ахтах и относящейся к 1629 г., говорится, что Юсуф-хан разрушил эту деревню и в течение восьми лет не восстанавливал. В статье Н. Ханыкова «Очерки ученой деятельности за Кавказом» говорится, что Самурский округ следует считать центральным пунктом арабской колонизации и что в XV в. он входил в число подвластных областей Ширван-шахов²³².

В начале XIX в. Самурский округ находился под влиянием кубинских и дербентских ханов. Основателем Кубинского ханства был Лезги Ахмед.

О вхождении Ахтов в состав Ширванского ханства свидетельствует также надпись на камне, найденная Бартоломеем на стене одной небольшой мечети аула Ахты и описанная им. Она гласит: «Обладатель крепости — Ширван-шах Халил Улла»²³³.

Лезгинские общества расположены в непосредственной близости от города Дербента, игравшего важную роль в истории народов Дагестана.

В XIX в. среди самурских лезгин было мало феодалов. Это объясняется тем, что они часто попадали под власть то Персии, то Ширван-шахов, то турок, которые назначали им своих правителей.

Только в значительном отдалении от Дербента, глубоко в горах, в Рутеле и Цахуре, существовали местные феодальные образования. В архиве Дагестанской АССР нами обнаружена родословная таблица рутульских беков. Она начинается именем Гази-бека (Газы-бег), правившего Рутулом с 991 г. хиджры, или 1574 г. н. э. Родословная таблица составлена

²³¹ Н. Ханыков. Археологические известия. «Кавказ», 1850, № 52—53.

²³² См. Н. Ханыков. Очерки ученой деятельности за Кавказом. «Кавказ», 1851, № 25.

²³³ Н. Ханыков. Археологические известия. «Кавказ», 1850, № 52—53.

со слов рутульского бека Магомед-Гасан-хана, переведена на русский язык Мирза-Али Аббас-бек Магомед-бек-оглы²³⁴. Существование местных феодальных-лезгин подтверждается документами, адресованными персидским и турецким шахам рутульским и цахурским бекам и ханам.

Персидский шах Махмед в 1583 г. дал указ рутульскому Гази-беку и старшинам оказать сопротивление турецким войскам. Турецкий султан Мурад III в 1588 г. дал Гази-беку грамоту о пожаловании ему ханства. Персидский шах Аббас в 1597 г. дал указ Гази-беку оказать помощь Махмед-беку Цахурскому. В 1606 г. шах Аббас пожаловал Гази-беку сел. Нудгуши. В 1626 г. Султан-Мурад IV дал указ рутульскому Ибрагим-хану помочь турецким войскам, а в 1635 г. пожаловал ему селения Нидам и Лойткам²³⁵.

Генерал-майор Граббе в 1835 г. сообщал, что в Рутульском магале есть кадии и почетные беки — Гасан-хан и его двоюродный брат Ага-бек.

В. Линден в статье «Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края»²³⁶ указывает, что центр Елисуйского султанства до XVII в. находился в сел. Цахур, а после восстания цахурского населения против беков был перенесен в Елису, за Кавказский хребет, в район бывшего Закатальского округа. Шах Тахмасп I в 1562 г. дал грамоту на владение Цахуром Ади Куркули-беку. Через 30 лет он получил грамоту турецкого султана на управление Цахуром и двумя селениями Кахского района. Шах Аббас I в 1606 г. утверждает его во владении, а в 1609 г. Султан-Осман II жалует грамоту Алибеку, сыну Ади Куркули-бека. В 1627 и 1632 гг. шах Сефи жалует грамоту цахурскому владельцу Магомед-хану, а в 1642 г. шах Аббаса II — сыну Магомед-хана Халиль-беку.

Потомок этих ханов Даниел-Султан обратился в июле 1842 г. к военному министру Чернышеву с просьбой не включать его владение в состав Грузино-Имеретинской губернии, а оставить его самостоятельным владельцем, подотчетным только наместнику Кавказа. При этом он сообщил, что подал об этом заявление на имя наместника с приложением 35 фирманов шахов и грамот султанов, подтверждающих, что отец его Ахмед-хан владел землями и раятами²³⁷.

Султанство Елисуйское было ликвидировано в 1844 г. ввиду измены Даниел-Султана. До этого цахурцы и жители некоторых рутульских селений платили ему подати: $\frac{1}{10}$ урожая или же кесмат — определенное количество хлеба независимо от урожая. Кроме того, отбывали личную повинность.

Начиная с XVIII в., отдельные лезгинские общества подпадают под власть казикумухских ханов. Это относится прежде всего к кюринским лезгинам и частично к самурским. В сел. Кака проживали беки из Казикумухского ханского дома; им отбывали повинности и платили подати жители селений Луткун и Ялах. Родословная какинских беков связывается с именем казикумухского Магомед-хана, сына Сурхай-хана I. Его два брата, Шуайб-бек и Иса-бек, поселились в сел. Кака и владели селениями Луткун и Ялах, жители которых считались их раятами²³⁸.

Относительно какинских беков в одном документе говорится, что они происходят из казикумухского владетельного дома, пользуются независимо от казны хлебными податями, однако никаких документов о правах на владение селениями Ялах и Луткун не имеют, поэтому дербентскому

²³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 128.

²³⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1452, д. 100, л. 15.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 88.

²³⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1452, д. 100, л. 126.

военному губернатору поручается выяснить, на основании каких прав они пользуются податями от населения этих двух селений²³⁹.

Таким образом, в Южном Дагестане местные феодалы уцелели только высоко в горах, куда был затруднен доступ завоевателям.

Те, кто твердят об извечной «независимости» и «вольности» этих и других дагестанских обществ, глубоко ошибаются.

Самурские общества были присоединены к России в 1812 г., когда представители значительного большинства легионских обществ явились в Кубу, приняли присягу на подданство России и подписали договор на следующих условиях: признать власть российского правительства, не иметь никакого сношения с другими странами и владетелями, не входящими в состав России; подчиняться начальству, находящемуся в г. Кубе; платить дань по одному барану со 100 овец, кроме того, за предоставленные зимних пастбищ еще одного барана со ста²⁴⁰.

До организации в 1839 г. Самурского округа вся его территория, за исключением горного магала, называлась Самурской провинцией и делилась на пять участков: Ахты-Пара (первая) — 12 селений; главное сел. Ахты; Ахты-Пара (вторая) — 5 селений; Рутул-Чай — 18 селений; Докуз-Пара — 9 селений; Алты-Пара — 6 селений.

Кроме того, в Самурскую провинцию входило сел. Мискинджа.

Селения Ихрекского ущелья прежде принадлежали Казикумухскому ханству, а цахурцы (горный магал) входили в состав Елисуйского султанства. В 1839 г. там было введено военно-окружное управление, преобразованное в 1860 г., как и во всем Дагестане, в Самурский округ, который был разделен на несколько наибств.

Ахты-Пара (первая) до организации округа управлялась ахтынскими аксакалами, имевшими на эту должность наследственное право по прямой восходящей линии. В прежнее время в Ахтах насчитывалось 40 фамилий, и каждая выбирала из своей среды одного аксакала, срок службы которого определялся фамилией, его выделявшей. Вознапряжение аксакалов состояло в праве пользования лошадьми для поездки по служебным делам. Кроме того, аксакал обязательно приглашался с одним из домоладцев на свадьбу и поминки.

Когда разбирались судебные дела о кровной мести, аксакалы получали от истца оружие или посуду и кусок ткани на бешмет или архалук, при этом соблюдалось равенство между аксакалами. Такую же долю получал и эфенди.

В Ахтах были и чауши, по одному на каждую половину аула; чауши выбирались обществом Ахты по рекомендации аксакалов и получали в год по одному быку, имели право приходить при каждой свадьбе и при каждом поминании за маслом, мясом, крупой и дровами. При наделинии аксакалов после разбора дел о кровной мести чауши получали по 3 руб. или по три барана. Во всех остальных 11 селениях не было ни аксакалов, ни чаушей.

Сел. Ахты имело право на пахту (вид подати, вроде русских «кормлений») от 11 остальных селений общества с тем ограничением, что число ахтынских «гостей» не должно было превышать 50 человек в одном селении. Жители Ахтов также имели право на плату под названием «бахру» в размере 3 руб. при выдаче своих дочерей замуж за жителей этих 11 подчиненных селений.

Но адатам кровь ахтынца расценивалась в два раза дороже, чем кровь жителя подчиненных им селений. Резко подчеркнуто неравенство женщин.

²³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 260. Казикумухские и кюринские ханы ССКГ, вып. 2, 1869; А. Иванов. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 69.

²⁴⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 471, лл. 3—4.

За кровь, мужчины по ахтынским адатам взыскивалось в пользу наследников убитого 250 руб., за кровь женщины — только 125 руб.

Ахты-Пара (вторая). Селение из этого союза имело своих аксакалов и чаушей; в Хнове²⁴¹ и в Гдыме каждый тухум выбирал по одному аксакалу, а в трех других селениях — по одному аксакалу от 20 домов. В Хнове аксакалы были наследственными. Ахтынские аксакалы для них бывали посредниками при решении дел, если не удавалось урегулировать спор своими силами. Чауши избирались обществом и, кроме подаваний, ничего не получали. Этот участок был связан с первой Ахты-Парой договором о взаимопомощи. В Рутул-чае главным пунктом был Рутул. Селения Шиназ, Кала, Ука, Амсаря и Хрюк отбывали усиленную пахту рутульцам.

В Рутуле был диван, состоящий из аксакалов, в числе которых всегда должен был быть и один из рутульских беков, бывших единовластных правителей рутульского магала²⁴². Порядок выборов и вознаграждения за управление такой же, как и в Ахтах. В Шиназе и в Хрюке были свои аксакалы, которые выбирались так же, как в Ахты-Пара второй.

В участке Докуз-Пара главным селением была Джаба, жители остальных должны были помогать джабинцам в войне с ахтынцами, за что джабинцы гарантировали им свое покровительство. Для обсуждения дел, касавшихся всех селений, представители их собирались в сел. Джаба. Каждое селение союза имело своих аксакалов, которые особой платы не получали.

В участке Ахты-Пара главным селением был Микрах, где собирались аксакалы всех селений для обсуждения дел, касавшихся всего участка. Микрах, Кара-Кюра и Куруш имели своих аксакалов и по одному чаушу. В этих селениях аксакалы выбирались не от тухумов, а от кварталов (от сельских магалов). Селения Пиркент и Колоджух управлялись микрахскими аксакалами, а Мака — кара-кюринскими аксакалами. Сел. Мискинджа делилось на шесть сельских магалов, от каждого избиралось по одному аксакалу, которые решали дела самостоятельно.

В Самурской провинции высшими духовными лицами были кадии; их было четыре — в Рутуле, Ахтах, Хнове и Шиназе.

Ахтынскому кадию были подсудны все шариатские дела, возникавшие в обеих Ахты-Пара, рутульскому — дела всех селений, которые отбывали рутульцам пахту, и, кроме того, сел. Амсар.

В селениях были муллы и эфенди, которые избирались обществом и утверждались кадием. Кадии разбирали дела единолично, а эфенди и муллы принимали участие на сходах.

Вознаграждение духовенство получало: при разделе наследства — 2% стоимости имущества, за оформление кебина — 50 коп. и часть зяката.

До образования округа между обществами самурских лезгин постоянно шла кровопролитная борьба за территорию. Так, например, рутульцы, договорившись с ахтынцами, напали на хрюкцев и долга сожгли их аул из-за отказа отбывать пахту, 12 ахтынцев в этой схватке было убито. За помощь рутульцы уступили ахтынцам пахту от близлежащих к ахтынцам селений Гогез, Усур и Каку. Сел. Мискинджи было сожжено ахтынцами²⁴³.

Сельские старшины крупного аула принимали на себя предводительство в военных походах и держали в своих руках право судебного разбирательства и вне пределов своей общины²⁴⁴.

²⁴¹ В Хнове аксакалы не получали вознаграждений; чауш получают такое же, как в Ахтах.

²⁴² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 128.

²⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 10, лл. 1—19.

²⁴⁴ «Кавказский календарь на 1917 г.», стр. 283.

Экономическая жизнь лезгин бывшего Самурского округа в основном была сходна с экономической жизнью аварцев, даргинцев, лакцев и других жителей горной части Дагестана.

По данным посемейных списков 1886 г., Самурский округ имел 11 392 хозяйства, а пахотной земли 6940 десятин, т. е. на одно хозяйство приходилось только 0,6 десятины.

В частном владении отдельных дворов находилось: поливных пахотных земель — 1820 десятин, неполивных — 5120 десятин, сенокосов — 4100 десятин, зимних пастбищ — 5283 десятины, лесов — 264 десятины, садов — 136 десятин, всего около 17 тыс. десятин.

В общественном пользовании находились главным образом выгоны, зимние и летние пастбища и леса, в количестве 212 921 десятины, из них более 20 тыс. десятин в Ширакской степи, арендованной у казны; таким образом, сельские общины владели большей частью зимних и летних пастбищ, а также выгонов²⁴⁵.

В Самурском округе в XIX в. только в двух селениях — Ялах и Лутжун — жители считались раятами беков. Каждое из них отбывало бекам по 75 руп пшеницы (рупа равна 1,5 пуда) и барщину в три рабочих дня с дыма²⁴⁶.

В докладной записке о сословно-поземельном строе Самурского округа подробно охарактеризованы земельные отношения жителей Самурского округа²⁴⁷. В записке говорится, что жители бывшего Самурского округа владели пахотными землями, покосными участками и другим имуществом по праву полной частной собственности. Сельские общины владели выпасами и горными пастбищами²⁴⁸.

«Пастбищные земли, — говорится далее, — в стране вообще, как и летние пастбищные горы, находятся в пользовании целых селений, а часто и целого магала, т. е. в нераздельном пользовании целой группы селений, и такие земли считаются сельской, общественной или магальской собственностью. Кроме того, встречаются отдельные хозяйства, у которых имеются в собственности пастбищные горы. Так, двое из жителей сел. Семагул имеют свои собственные яйлаги, т. е. пастбищные горы»²⁴⁹. Так же, как и во всем Дагестане, отдельные сельские общества имели большие пастбищные земли и сдавали их в аренду обществам, которые их вовсе не имели или имели недостаточные пастбища. Такой порядок неравномерного пользования в стране пастбищными местами утвердился давно, когда «сила определяла всякое право, и первенствующие общества, покровительствуя меньшим, приурочивали их земли к своим владениям, не встречая сопротивления в своих захватах».

Рутульские беки имели в своем владении пастбищные горы, за которые они получали арендную плату, но в их прямой политической зависимости к началу XIX в. не осталось ни одного селения²⁵⁰. Однако документы, представленные рутульскими беками на рассмотрение Сословно-поземельной комиссии, свидетельствуют о том, что предки их были владельцами Рутула²⁵¹.

Бекский двор Исак-бека имел пахотной земли 10,75 десятины, девять дворов бекского поколения Шуаиб-бека какикского — 7 десятин; в других местах они имели пахотной земли 7,5 десятины и четыре пастбищные горы на особых условиях пользования.

²⁴⁵ «Свод статистических данных», стр. 210—211.

²⁴⁶ П. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», 1901, № 3.

²⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл. 2, 24, 49—92.

²⁴⁸ Там же, л. 2.

²⁴⁹ Там же, л. 25.

²⁵⁰ Там же, л. 128.

²⁵¹ Там же, л. 4.

Все 15 семейств рутульских беков владели $59\frac{2}{3}$ десятины удобной земли, кроме того, они имели 27 кишлаков на 4940 овец²⁵².

Труженники же испытывали земельный голод — полезной площади на один двор у лезгин приходилось в середине XIX в.: в Докузпаринском наибстве $\frac{1}{8}$ десятины, в Ахтыпаринском — $\frac{2}{3}$ десятины, в Рутульском — $1\frac{1}{4}$ десятины, в Ихрекском — $1\frac{1}{8}$ десятины.

Свидетельством существования частной собственности на землю и наличия земельной ренты являются следующие данные о ценах на одну десятину удобной земли, пахотной или покосной (в руб.)²⁵³.

Таблица 13

	Земли среднего качества	Земли лучшего качества
В Докузпаринском . наибстве	130	480
В Рутульском	70	240
В Ахтыпаринском	130	480
В Ихрекском	124	800

В 1905 г. в Ахтынском участке Самурского округа мечетских земель было 125,5 десятины, а в Лучекском участке — 150 десятин²⁵⁴.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., Самурский округ имел 11 600 хозяйств, из коих 8056 хозяйств, или 69% всех хозяйств, не имели скота. Без рабочего скота было 39,9% хозяйств и совершенно не имеющих земель — 20% хозяйств²⁵⁵.

Отдельные богатые уздени сосредоточили в своих руках большое количество скота и земельных угодий. Так, например, житель сел. Маза Джафар-Гаджи-Джалил-оглы имел 20 голов рабочего скота, 11 голов крупного рогатого скота, 1470 овец. Жители сел. Семагул имели: Магомед-Гусейн-Салах-оглы — 21 голову рабочего скота и 1620 овец, Махсуд-Гаджи-Шихбан-оглы — 26 голов рабочего скота и 13 тыс. овец, Мирза-Ага-Гаджи-Шахбала-оглы — 12 голов крупного рогатого скота и 2300 овец, Аллахверди-Омахан-оглы — 114 голов рабочего скота и 3 тыс. овец²⁵⁶. Жители сел. Борч: Навруз-Шихамир-оглы — 12 голов рабочего скота и 2300 овец, Лачин-Нур-Ахмед-оглы — 9 голов рабочего скота и 2050 овец, Мустафа-Фатали-оглы — 7 голов рабочего скота и 1600 овец²⁵⁷.

Семь хозяйств в Куруше имели 150 голов рогатого скота и 8250 овец²⁵⁸. Житель сел. Цахур Омар-Хаджи-Орудж-оглы имел 25 голов рабочего скота, 7 голов крупного рогатого скота и 300 овец, кроме того, он имел 775 сабов пахотной земли. Жители сел. Курдуль Гаджи-Керим-оглы имел 16 голов рабочего скота и 1300 овец²⁵⁹.

В. И. Ленин указывал, что конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России должно «вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической истерией, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками»²⁶⁰.

²⁵² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142-з, л. 93.

²⁵³ Там же, лл. 93—94.

²⁵⁴ Там же, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 178—179.

²⁵⁵ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 209.

²⁵⁶ Там же, д. 10.

²⁵⁷ Там же, д. 215.

²⁵⁸ Там же, д. 201.

²⁵⁹ Там же, д. 200.

²⁶⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 278.

Действительно, некоторые пережитки патриархально-родовых отношений завуалировали отношения эксплуатации у самурских лезгин, рутульцев и дахурцев так же, как у всех горцев Дагестана.

Мы констатировали следующие формы земельной собственности у лезгин: частная собственность крестьян на свои мюльки; собственность сельских общин на пастбища и выгоны; собственность мечетей на вакуфные земли; собственность отдельных представителей феодального класса.

Частная собственность лезгин на обрабатываемые земли, скот и на усадьбы, видимо, возникла в глубокой древности. Земля была распределена между жителями Самурского округа неравномерно. Одни имели много земли, скота, а другие — мало или совсем не имели. Одни селения были обеспечены землями, другие были вынуждены арендовать. Крупные сельские общества пользовались правом сильного; члены этих обществ считали себя феодалами по отношению к жителям подчиненных селений, пользовались особыми привилегиями. Беки, наследственные аксакалы, кадии и эфенди жили нетрудовыми доходами. К концу XIX в. появились крупные овцеводы и собственники земель, которые пользовались наемным трудом, они должны быть отнесены к деревенской буржуазии.

Таким образом, и здесь среди самурских лезгин также обнаруживаем экономическое неравенство и, как следствие этого, политическое неравенство.

Еще более глубокое социальное неравенство мы находим в XIX в. среди кюринских лезгин. Кюринские лезгины и агулы до 1811 г. находились в составе Казикумухского ханства. Об этом в своей записке в 1804 г. писал А. И. Ахвердов. Он указывал, что «территория кюринских лезгин с центром Курах принадлежит казикумухскому Сурхай-хану»²⁶¹.

Генерал Ртищев в 1813 г. сообщал, что в 1811 г. из Кюринского владения с крепостью Курах был изгнан Сурхай-хан и владение поручено его племяннику, полковнику Аслан-хану. С этого времени жители кюринского владения были обложены в пользу казны податью в размере 3 тыс. червонцев, 2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя «на довольствие гарнизона, в крепости Курахе расположенного»²⁶².

В 1864 г. к Кюринскому округу была присоединена южная часть Табасарана, а в 1883 г. — Улусский магал.

Поверенные 135 селений бывшего Кюринского округа показали, что до захвата казикумухскими феодалами вся земля принадлежала сельским обществам, а мюльки — отдельным дворам²⁶³. С созданием Кюринского ханства усилилась эксплуатация феодалами кюринских лезгин и агулов. Достаточно сказать, что с 1812 по 1860 г. было роздано бекам и приближенным ханов 15 селений, жители которых ранее не отбывали податей и повинностей, за исключением зяката²⁶⁴. После создания ханства жители селений Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали как раяты отбывать «душарлык» — подати хлебом беку в размере одной рупы пшеницы, одной рупы ячменя. Кто имел посев ячменя, пшеницы или чалтыка в низменности, дополнительно уплачивал беку 3 рупы посеянного и девять дней в году работал на бека и был обязан выставить две арбы для перевозки сена и зерна, доставить арбу дров, дать 4½ фунта масла с коровы, овцу со 100 голов; ¾ фунта меда (те, кто имел пчел), обработать за плату 2/3 десятины чалтыка. Кроме того, давали обществу 2 руб. деньгами, барама, 1 рупу пшеницы для угощения участников «эвреза» (взаимопомощи). Кюринские беки использовали обычай «эврез» для обработки имений хана, беков и чанков. Обычай этот здесь превратился в барщину. Жители селений Аликент, Магарамкент, Захрабкент, Бубкент,

²⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. Ермоловых, д. 319, лл. 1—22.

²⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18479, л. 1.

²⁶³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1224, л. 20.

²⁶⁴ «Этнографическое обозрение», 1901, № 3, стр. 67.

Хутун, Ишик, Махмудкент и других отбывали подобные же повинности.

В 1864 г. в Кюринском округе было учтено 14 человек неосвобожденных рабов²⁶⁵.

В 1863 г. доходы кюринских ханов составляли: 820 руп чалтыка, 3315 руп пшеницы, 2477 руп ячменя — всего в переводе на деньги 3829 руб.; 105 пудов и 4 фунта масла — на 840 руб. 80 коп.; 1038 баранов — на 2076 руб., на 68 руб. сыра, деньгами — 540 руб. (из них 400 руб. платили горские евреи, которые жили в селениях Араг, Мамраш и Хаджал-Кала); от продажи орехов — 500 руб., пошлину (0,2%) от проданной марены на сумму 1240 руб. Аробная повинность была оценена в 4 тыс. руб. и штрафные суммы, которые шли в пользу хана, на сумму 2 тыс. руб. Всего на 15 093 руб.

В другом документе говорится, что Юсуф-хан кюринский получал подати и повинности от населения на сумму 18 тыс. руб. серебром²⁶⁶.

Кроме того, жители Кюринского ханства вносили в казну 1000 червонцев и 3 тыс. четвертей хлеба, содержали 162 нукера и 600 чапарных лошадей. Содержание нукеров в год обходилось в 6480 руб., содержание чапарных лошадей — в 2160 руб.²⁶⁷

В 1864 г. взамен ханских податей и повинностей, а также податей в казну жители Кюринского округа были обложены денежной податью на сумму 28 500 руб. Из этой суммы казна получала 14 058 руб., 5 тыс. руб. выдавались в виде пенсии Юсуф-хану, 9080 руб. расходовалось на содержание Кюринского окружного управления и 362 руб. составляли особую сумму общих доходов Дагестанской области²⁶⁸.

Кроме всего этого, жители многих селений продолжали отбывать повинности и платили подати бекам.

Ниже приводится список селений Кюринского округа, принадлежавших бекам (сюда входит Южная Табасарань)²⁶⁹ (см. таблицу на стр. 193).

Население Кюринского ханства испытывало тягчайший двойной гнет.

По данным посемейной переписи Кюринского округа в 1886 г. видно, что в нем было 14 503 двора, из коих безземельных — 466 хозяйств, 1891 хозяйство, не имеющее крупного рогатого скота, 758 хозяйств, не имеющих ни земли, ни скота. Пахотных земель в частном владении было 13 671 десятина поливных и 36 298,7 десятины неполивных; в общем пользовании — 1787 десятин поливных, 217,2 десятины неполивных. Летних пастбищ в частном владении было 2875 десятин, в общем пользовании — 6900 десятин; в совместном владении с другими селениями 2750 десятин. Зимних пастбищ в частном владении было только 32,5 десятины, в общем пользовании — 34 484 десятины, в совместном владении с другими селениями 4320 десятин. Под лесом в общинном владении — 6363 десятины, в совместном владении с другими селениями — 796 десятин. В частном владении под сенокосом было 242 десятины, под виноградниками — 255 десятин, под фруктовыми садами — 382 десятины²⁷⁰.

Таким образом, в частном владении всех земель было 53 757 десятин, а в общинном владении — 56 917 десятин. В частном владении находились преимущественно пахотные, садовые, сенокосные земли, в общинном же владении — пастбища, особенно зимние, и леса. По этим данным можно констатировать, что частная собственность здесь коснулась всех видов земель. К сожалению, данные переписи 1886 г. не дают возможности классифицировать земельную собственность по сословиям. Однако

²⁶⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 345, д. 3158, л. 12.

²⁶⁶ Там же, ф. 416, оп. 3, д. 201, л. 15.

²⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 27.

²⁶⁸ Там же, ф. 126, оп. 2, д. 78, л. 11.

²⁶⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 3183, л. 23.

²⁷⁰ «Свод статистических данных», стр. 206.

Населенные пункты	Число дворов	Фамилии беков
Магал Гюни		
Магарамкент	85	Фатьмат-бине
Койсун	100	
Целягюн	92	Мамед-Алибек и дети его брата
Бюль-Бюлькент	80	
Гезеркент	15	
Магал Каргас		
Алибекент	105	Дети и племянник Юсуф-хана
Махмудкент	63	Джафар-бек
Испик	83	Племянник Юсуф-хана
Захрабекент	57	Брат Юсуф-хана, Джабраил-бек Таирбек-оглы
Буткент	45	
Хутун	45	
Южнотабасаранское наибство, магал Дарэ		
Эскендиль	47	Мустафа-бек Карачагский
Зивик	82	
Карчаг	75+32	
Кюркент	114	
Нютюг	87	
Члпихар	44	
Магал Этек		
Сиртыч	57	Султан-Ахмед-бек Карахань бек-оглы
Мехтикент	10	
Варта	31	Брат Султан-Ахмед-бека
Имамкуликент	25	
Тивит	24	Агамирза-шах-Гирей-оглы
Янгпкент	27	
Геврах	17	Ших-Алибек-Кирхляр-Кули-бек- оглы
Уджуг	6	
Дашлукент	16	
Хулюг	19	
Чагды	10	

нам известно, что с ликвидацией ханств ханские земли перешли в казну, а в Кюрияском округе в 1905 г. было 54 980 десятин казенных земель. Следовательно, ханы владели не меньшим количеством земли²⁷¹.

Проверка первичного материала переписи 1886 г. по горному Курахскому наибству показала, что из 2927 хозяйств было 255 хозяйств безземельных, или 8,7%; не имеющих крупного рогатого скота было 655 хозяйств, или 22,4%; не имеющих лошадей 1961 хозяйство, или 67% (заметим, однако, что лошади в условиях Курахского наибства не были

²⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 171

рабочим скотом). В то же время 26 хозяйств имели 215 лошадей, или 13% всех лошадей в наместстве. Безовечных хозяйств было 1851, или 63,6% всех хозяйств в наместстве. В то же время 70 хозяйств овцеводов сосредоточили у себя 30 694 головы овец, что составляло 39,2% всего поголовья овец наместства. Татамбек-Мусабек-оглы из сел. Курах имел 271 десятину пахотных и 3 тыс. десятин пастбищных земель. Уздень Гаджи-Гулин из сел. Тлиг имел 15 лошадей и 1000 овец. Уздень из сел. Курах Гусейн Ибрагим-оглы имел 80 десятин земли. В Улусском магале из 498 хозяйств не имели рабочего скота 207 хозяйств, или 41%, а 104 хозяйства, или 20,4%, сосредоточили у себя 69% всего рабочего скота. Безлошадных было 78% хозяйств, но 9 хозяйств имели 36% всех лошадей. 98,4% хозяйств не имели овец и коз. Безземельных было 16% хозяйств.

Отдельные уздени имели здесь значительные земли. Так, например, Мирзабек-Мамед-Казим-оглы из сел. Моллакент имел 210 десятин, Мамед-Али-оглы из того же селения — 221 десятина, Оруж-бек-Керим-оглы из сел. Куллар — 210 десятин. В Кутур-Кюринском участке в 1905 г. уздень Гамзат-Гаджи-Нур-Али-оглы имел с совладельцами пастбищной земли 1000 десятин. В Гюнейском участке восемь семейств беков владело 3531 десятиновой землей²⁷².

На основании всех этих фактов можно сделать вывод, что лезгины бывшего Кюринского ханства, а впоследствии Кюринского округа, находились под тяжелым гнетом ханов, беков, богатой узденской верхушки и духовенства; общественный строй здесь был феодальным, основанным на феодальной земельной собственности и внеэкономическом принуждении.

К концу XIX в. сюда стали проникать капиталистические отношения. Богатая узденская верхушка, ведшая товарное скотоводство в горах и товарное зерновое хозяйство на плоскости, применяла в хозяйстве наемный труд пастухов и батраков. На плоскость Южного Дагестана проникали новые сельскохозяйственные орудия, в частности железные плуги. В сел. Касумкент был открыт склад для продажи плугов и других сельскохозяйственных орудий, выстроен бондарный завод, валовая продукция которого составляла 200 тыс. руб. в год.

6. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ТАБАСАРАНИ

Табасаранцы еще в ранний период средневековья входили в состав феодальных образований и находились под большим влиянием иранских и арабских завоевателей, бывших в Дербенте. Арабские источники свидетельствуют о том, что правитель Табасарани в IX в. н. э. был единственным мусульманином среди всех дагестанских правителей. Правители Табасарани носили звание майсумов и кадиев. По известной нам записке Д. Тихонова, Ф. Симоновича и А. Сереброва, относящейся к 1796 г., кадий табасаранский имел годовой доход 4 тыс. руб., а майсум — 20 тыс. руб. Резиденция майсума находилась в сел. Геврах; в состав его владения входило около 70 населенных пунктов. Селения, расположенные в горной части, приносили майсуму подарки. Резиденция кадия находилась в сел. Ерсн, в состав его владений входило до 20 деревень. Горной Табасаранию управляли старшины, имевшие наследственную власть²⁷³.

Еще И. Г. Гербер отмечал, что «доходы, которые майсум и кади получают, состоят в хлебе и другой пище, кроме штрафных денег, что случается от ссор, к тому же дается майсуму от государя 200 руб. на год»²⁷⁴.

²⁷² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 155, 158, 168, 170.

²⁷³ Д. Тихонов, Ф. Симонович, А. Серебров. Описание Дагестана, 1796 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 63, 118, 120.

²⁷⁴ И. Г. Гербер. Описание прикаспийских народов, 1728 г., ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315, л. 75.

В 1806 г. А. Кремский указывал, что земля табасаран разделена между двумя главными владельцами, майсумом и кадием Рустемом, которые имеют своих беков, владеющих селениями²⁷⁵.

Табасарань делилась на Северную и Южную, каждая в свою очередь делилась на узденскую и райтекую. В северной Табасарани владельцем считался кадий, в южной — майсум. Из 4668 дворов обеих частей Табасарани чисто райтекских было 1705 дворов, остальные 2963 двора считались узденскими²⁷⁶.

В 1806 г. табасаранский майсум Кирхляр-Кули и кадий Табасарани Магомед выразили покорность России²⁷⁷.

«Майсум, кади и беки,— писал И. Березин,— управляют каждый в своих селениях на основании обычая и шариата. Майсуму и кади, которые друг от друга не зависели, подотчетны беки, которые управляли своими селениями»²⁷⁸. В узденских селениях управление осуществлялось сельскими кадиями и сельскими старшинами. Управление это не отличается от известных нам других сельских управлений в Дагестане.

Власть майсума и кадия в прошлом распространялась на всю Табасарань. Дербентский комендант Розенфельд 20 августа 1828 г. писал, что во время управления майсума и кадия народом «имели они большое влияние на жителей, то же самое и беки, делая им наказание и штрафы. Подати получают беки по две мерки пшеницы с каждого двора и по мерке ячменя, по 3 мерки орехов, кто имеет ореховый сад, с нукеров же, т. е. хранителей майсума, кадия и бекских, никакой подати не берут. Майсум, кадий и беки на состоящих в управлении их своих подвластных распространяют строгое влияние, держа их в страхе и в большом порабощении»²⁷⁹.

Касаясь власти беков, Розенфельд подчеркивал, что, кроме майсума, всякий другой южнотабасаранский бек был полным властелином, имел право карать даже смертью и творить расправу согласно с понятиями народа²⁸⁰.

Майсум и кадии еще в 20-х годах XIX в. были лишены власти, после чего картина феодальных отношений изменилась, однако власть их вновь была восстановлена в 1831 г.

Прапорщик Колоколов в 1831 г. составил этнографическое описание табасаран. По его данным, к этому времени Верхняя Табасарань делилась на девять магалов, из них семь считались самостоятельными, а два были подчинены Аслан-хану Казикумухскому и Кюринскому. Нижняя Табасарань делилась на семь магалов: один принадлежал Аслан-хану, два — наследнику майсума Ибрагиму Карчагскому, остальные четыре принадлежали бекам из фамилии кадия Муртазали. Всех табасаран, по Колоколову, было 15 379 душ; в независимых магалах проживали 2323 семейства, в магалах, принадлежавших наследнику майсума Ибрагиму Карчагскому, — 846 семейств и в магалах, принадлежавших бекам из фамилии кадия Муртазали, — 1755 семейств²⁸¹.

Колоколов указывал, что от независимых семейств собирается подать от одного до восьми рублей серебром в год в денежном выражении, кроме того, штрафы идут в пользу правителей²⁸².

²⁷⁵ А. Кремский. Описание Дагестана и Ширвана. ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 322, л. 48.

²⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 450, оп. 1, д. 3, л. 5: «Кавказ», 1867. № 7.

²⁷⁷ Г. Алкадарп. Указ. соч., стр. 111.

²⁷⁸ И. Березин. Указ. соч., стр. 54.

²⁷⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1224, л. 17.

²⁸⁰ Там же, д. 205, л. 11.

²⁸¹ Прапорщик Колоколов. Описание владения Табасарани. 1831 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, лл. 3—4.

²⁸² Там же, л. 6.

«Жители Табасарани управлялись, — писали капитан Ковалевский и поручик Бларамберг, — прежде собственными своими беками, под главным влиянием майсума и кадия, ныне же состоят в непосредственном распоряжении дербентского коменданта... Вообще народонаселение в Верхней и Нижней Табасарани простирается до 5379 семейств. В магалах, признающих себя независимыми, имеется до 2323 семейств, в магалах, принадлежащих Аслан-хану Казикумухскому и Кюринскому — до 555 семейств»²⁸³. В 1895 г. Е. И. Козубский писал: «Раятские деревни северной Табасарани состояли во владении 14 бекских фамилий, происходивших из дома кадия, четыре же деревни — Ерсип, Хилпенджи, Зенек и Нитиг — за измену их владельца Заал-бека были отобраны в казну и обложены казенными податями. Управлялась северная Табасарань кадием Эльдар-беком. Южная Табасарань управлялась потомками майсумов, с 1831 г. — Ибрагим-беком. У него находились в пользовании, вместо жалованья, семь деревень: Хурцыг, Кенцыр, Экендилы, Чулат, Кезнах, Джерах и Бурчакег, которые после его смерти в 1850 г. были зачислены в казну; деревни же, перешедшие к его наследнику, штабс-капитану Султан-Ахмед-беку, оставлены в его пользовании со взносом в казну только земского сбора»²⁸⁴.

Майсум и кади, кроме доходов от раятских селений, имели доходы и от узденских селений. Более 15 узденских селений делали в их пользу различные приношения, в частности, жители селений Нитрихского магала давали майсуму по одной сабе пшеницы с дыма, а жители селений магалов Дыбоча и Сувах по одной киле ($\frac{1}{5}$ часть меры) пшеницы и по ложке масла с дыма. Кадюю с поименованных магалов полагалось то же, что майсуму; сверх того северотабасаранский магал Харах давал ему по две киле пшеницы и по ложке масла, а магал Кухрик — по три киле пшеницы и по ложке масла с дыма.

В раятских же деревнях платили кадию и майсуму душарлык и отбывали натуральные повинности²⁸⁵. «Кадии пользуются большими доходами, — писал И. Березин. — Муллы получают десятину пшеницы, от сорока баранов — одного, за бракосочетание, похороны, раздел наследства получают вознаграждение»²⁸⁶.

В начале XIX в. жители Табасарани платили религиозный налог — зякат, отбывали кент-ясак, арба-ясак, барщину кадию, майсуму, бекам и чанкам, выставляли жнецов, косцов, пахарей, перевозили хлеба на мельницу и обратно, доставляли дрова.

Раятские селения Табасарани платили бекам многочисленные подати. Для примера приводим таблицу податей, отбывавшихся раятами беку (составлена нами по материалам грузинского архива) (см. таблицу на стр. 197).

В северной Табасарани жители сел. Фиргель отдавали бекам две сабы пшеницы и три сабы ячменя; жители сел. Рушул, кроме платы податей, должны были доставлять три арбы дров и семь дней в году работать на бека; жители Куркак и Вергатиц платили от одной до двух сабов пшеницы, должны были доставить три арбы дров и работать в летний сезон пять дней на бека. Подобные подати и повинности платили жители многих селений как северной, так и южной Табасарани²⁸⁷.

По требованию дербентской комиссии, которая была создана в 1848 г. для приведения в действие рескрипта от 6 декабря 1846 г., кадий северной Табасарани Исмаил-бек 6 декабря 1884 г. сообщил: «Все

²⁸³ Капитан Ковалевский и поручик Бларамберг. Дагестан, 1831 г., ЦГВИА, колл. 414, д. 301, л. 221.

²⁸⁴ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 10.

²⁸⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 17, лл. 1—5.

²⁸⁶ И. Березин. Указ. соч., стр. 54.

²⁸⁷ «Свод статистических данных», примечание, стр. 177, 181, 185.

Таблица 15

Населенные пункты	Подати и повинности	Стоимость, руб.	Фамилии бенов
Рукель и Кентах	Пшеницы 250 копанов . . .	625	Капитан Аскербек
	За право торговли	140	
	За право развоза соли . .	180	
	Штрафы	111	
	С женихов за разрешение взять девушку в жены в дру- гое селение	36	
	С хозяйств, имеющих 30 ба- ранов	45	
	С еврейских хозяйств 30 батманов табака	36	
	С них же деньгами	20	
	курами 300 шт.	60	
	яйцами	14	
Гемейды	Пшеницы 220 копанов . . .	576	Бейбала-бек Гемейдинский
	Штрафы	270	
	С женихов	85	
	Сено	60	
	Орехи, 40 копанов	60	
	Лук, 10 копанов	15	
	С еврейских хозяйств	25	
	Табак, 25 батманов	30	
	Штрафы	37	
	Сорочинское пшено, 32 сабы С каждого двора по три ку- рицы и по 30 яиц	8 32	
Зидиман	Со двора по 3 чарыка кожи	92	Бейбала-бек
	Чалтык	15	
	Пшеница, 90 копанов	230	
	Штрафы	115	
	Баранов, 16 голов	32	
	С женихов	40	
	С приобретенного чалтыка .	6	
	С каждого двора по три ку- рицы и 30 яиц	45	
	Орехов, 25 копанов	38	
	За право торговли в трех селениях	400	
Бильгады	Пшеница, 40 копанов	106	
	Штрафы	34	
	С женихов	28	
	По три курицы и 30 яиц . .	18	
	19 арб сена	26	
	Сорочинское пшено	1,50	
Орехов, 9 копанов	14		

обработанные и необработанные земли, лежащие в окружности моей и подведомственных мне беков деревень, принадлежат обществам оных, с коих мы ежегодно собираем доходы с пшеницы и фруктов и всякого рода посевов, по количеству сих доходов не определено и не ограничено, которое зависит от положения урожая»²⁸⁸.

Председатель Комиссии по сословно-поземельным делам в частях Кавказского края 12 февраля 1900 г. писал: «Что касается податей и повинностей, отбываемых табасаранскими райатами в пользу беков, то в прежнее время определенный размер был установлен только для хлебной подати, в одних селениях северной Табасарани уплачивался по количеству рабочего скота, в других же, а равно во всех райатских селениях южной Табасарани,— подворно, пезависимо от пространства надела или числа рабочего скота пшеницей от одной до двух саб. Работ же райаты обязаны были отбывать столько, сколько понадобилось бы беку для его хозяйственных потребностей; лишь соблюдение своих собственных выгод сдерживало в этом отношении чрезмерные требования беков в тех пределах, которые давали бы райату возможность вести и свое собственное хозяйство»²⁸⁹.

По данным посемейных списков 1886 г., из 2969 хозяйств Южной Табасарани не имело рогатого скота 507 хозяйств, или 17%; 860 хозяйств (29%) сосредоточили у себя 60% всего рогатого скота. 2243 хозяйства (75,7%) не имели лошадей, зато 22 хозяйства (0,8% всех хозяйств) имели 319 лошадей, или 22,9% всех лошадей. 2163 хозяйства (73%) не имели овец и коз, зато 32 хозяйства овцеводов имели у себя 6122 головы, или 15,5% всех овец и коз; не имеющих земель было 288 хозяйств, или 9,7%. Житель сел. Кандик Гаджи-хан-Мамед-Кутий-оглы имел 80 лошадей, 2500 овец и 40 десятин пахотной земли.

По данным 1905 г., в южно-табасаранском участке Кюринского округа дашлукентским и сиртычским бекам и бекам Северной Табасарани принадлежало 24 609 десятин земли. Кунцам И. И. Колесникову и Н. М. Пыльцову принадлежало 7649 десятин земли²⁹⁰.

Таким образом, в социально-экономическом отношении Табасарань была в XIX в. районом, где вполне созрели феодальные отношения. Феодалы: майсум, кадий, их потомки, беки и чанки были собственниками больших земельных владений, имели власть не только над крепостными райатами, но и над узденями Табасарани. Крепостные крестьяне-райаты, имея свое мелкое хозяйство, живя на землях, захваченных беками, обязаны были, как было показано выше, платить подати и отбывать повинности во все более увеличивающихся размерах.

Упразднение ханской власти в 60-х годах XIX в. не помешало дальнейшему развитию феодальных отношений и усилению феодального гнета со стороны беков. Беки фактически оставались правителями различных частей Табасарани.

В связи с введением в Дагестане сельского управления и упразднением бековой власти начальник Дагестанской области 26 февраля 1868 г. писал о необходимости установления табасаранским бекам, управлявшим Табасаранью, вознаграждения: Ахмед-хан-беку 500 руб. в год и дом в Дербенте, кроме того, казенный кутан с площадью 1242 десятины и два пастбищных кутана, каждый по 200 десятин; Эльдар-кадию — 400 руб. в год и 497 десятин земли и кутаны; Султан-Ахмед-беку — 400 руб. в год и 450 десятин земли²⁹¹.

Подати и повинности из года в год беки увеличивали. Это привело к усилению классовой борьбы между райатами и беками, являвшимися

²⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-а, лл. 10—11.

²⁸⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, л. 19, 122.

²⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 24, оп. 4, д. 101, л. 144.

²⁹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 225, л. 52.

не только феодалами-эксплуататорами, но и в большинстве случаев царскими чиновниками, занимавшими должности начальников участков и округов. Ввиду этого беки были не только земельными собственниками, но и фактически стояли у власти. Кроме потомков майсума и кадия, беков и чанков, в конце XIX в. к земельным собственникам относились купцы и узденская верхушка, сосредоточившие в своих руках большие земельные владения, применявшие наемный труд для обработки земель и получавшие ренту за сдачу их в аренду. К числу эксплуатируемых относились райаты, составляющие 16,9% всех табасаранцев²⁹², и зависимое узденство.

В райатских селениях джамааты являлись придатком бекской власти, а в узденских селениях они находились под влиянием богачей.

7. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ

Засулакские кумыки

Вся Присулакская и Прикаспийская низменности с XIII по конец XIV в. дважды подвергались опустошению, сперва войсками Чингизхана и Батые, затем Тохтамыша и Тимура. Эта территория надолго опустела. Многие населенные пункты нынешних Хасавюртовского и Бабаюртовского районов образованы только в XVII в. Такая же картина наблюдается и на территории шамхальства Тарковского. Так, Верхний и Нижний Джунгутай являются селениями, которые образовались сравнительно поздно. Процесс освоения плоскости гурцами и переселения феодальных владельцев с гор на плоскость приблизительно датируется XV—XVI вв.

В начале XIX в. мы застаем кумыкский народ разделенным на несколько независимых друг от друга феодальных владений. Засулакские кумыки находились под властью 10 феодальных фамилий — потомков Султан-Махмуда; прикаспийские — под властью шамхала тарковского, хана мехтулинского и частично удмия кайтагского. Рассмотрим положение засулакских кумыков.

Султан-Махмуд, один из сыновей шамхала Андия, в начале XVII в. обособился за Сулаком, остальные буйнакские, карабудахкентские, туркалинские и тарковские владетели, имея отдельные уделы, выбирали из своей среды шамхала по старшинству и кандидата в шамхалы. Первый имел резиденцию в Тарках, второй — в сел. Буйнак.

В начале XVII в. между Султан-Махмудом и Эльдар-шамхалом тарковским разгорелась междоусобная борьба из-за престола²⁹³. По настоянию Эльдар-шамхала терские воеводы выступили против Султан-Махмуда; на стороне последнего были сын казикамухского хана Алибека и сын аварского феодала Турлова. По этому поводу в донесении терских воевод в 1615 г. говорится: «И божею-де, государь, милостию и твоим государевым счастьем на том бою Султан-Махмудовых и Турловых князя и мичкинских людей побили до смерти 140 человек, а иных-де переранили и живых поймали... И на том же-де, государь, бою твои государевы ратные люди убили гурского Турлова князя сына, казикамуцкого княжества Алибекова сына Сурхай-мурзу»²⁹⁴. Спустя семь лет после этого терские воеводы сообщали в Москву, что Эльдар и Султан-Махмуд помирились и отдали в заложники своих людей казикамухскому хану Алибеку: Эльдар отдал сына своего брата Гирея Чопан-мурзу, а Султан-Махмед отдал сына Сурхай-Мирзу. Они договорились, «чтобы в крымстве быть Эльдару, а когда умрет шевкал Андия, то в шевкальстве быть Султан-Махмуду»²⁹⁵.

²⁹² П. Гидулянов. Указ. соч. «Этнографическое обозрение», № 3, 1901.

²⁹³ Институт истории АН СССР, ОРФ, А, д. 24, стр. 226.

²⁹⁴ Там же, стр. 89.

²⁹⁵ Там же, стр. 239.

Мир оказался непрочным, Эльдар не захотел уступить титул шамхала, и борьба разгорелась с новой силой. В связи с этим в 1626 г. к Султан-Махмуду прибыли представители казикумухского хана и уговаривали его совершить в Казикумухе обряд наречения титулом шамхала сына своего Айдемира (по обычаю титулование происходило в Казикумухе); Султан-Махмуд согласился и со множеством подарков прибыл в Казикумух. Айдемир просил титул шамхала. Однако ввиду поддержки Эльдара терскими воеводами Айдемир фактически не стал шамхалом²⁹⁶.

В записке Ахвердова дается характеристика кумыкских владельцев. В ней говорится, что Андрей-аул, имеющий до 1000 семейств, со всеми вокруг расположенными деревнями принадлежит пяти фамилиям андреевских князей (биев): Казаналыповым, Темировым, Алишевым, Айдемировым и Аджиевым. Старшим князем являлся Алисултан Казаналыпов²⁹⁷.

«Владельцы, — говорится в записке, — без согласия подвластных своих узденей, т. е. дворян, никакого дела предпринять не могут, и чаще бывает, что они должны соглашаться с мнением узденей, нежели уздени на владельческие предложения»²⁹⁸.

Владельцы эти состояли издавна подданными России; в 1804 г. имели чины и награды российские. Так, например, Муртазали и Устархан Алишевы имели чины майоров, первый имел золотую медаль с бриллиантами. Арслан-бек Айдемиров, Ибрагим Аджиев и Шефи Темиров имели чины капитанов. Последний за Персидский поход получил большую золотую медаль на голубой ленте с портретом Екатерины II с надписью «за храбрость и усердие»²⁹⁹.

Сел. Аксай и окружающие деревни также принадлежали пяти владельческим фамилиям: Алибековым, Ахмат-хан-Каплановым, Эльдаровым, Уцмиевым и Арсланбековым. Они также имели чины и награды. Старшим князем в Аксае был Хасбулат Арсланбеков. Костек принадлежал одной владельческой фамилии Алишевых, они имели владение и в Андрей-ауле.

В начале XIX в. потомки Султан-Махмуда составляли 10 фамилий, жили в трех главных селениях Засулакской изменности: в Андрей-ауле, Аксае и Костеке.

Подполковник Буцковский в 1812 г. писал, что все земли Кумыкской плоскости составляют полную собственность княжеских родов. «Князья имеют наследственных подданных вроде крестьян, коих однако же продавать не могут, а получают только с каждого двора в год: один воз дров, одного работника на один день к посеву и жатве хлеба и сенокосению; уздени, имеющие своих подданных, в таком же смысле почитают себя подданными тех князей, землями коих пользуются, не платя, однако же, никакой положенной дани»³⁰⁰. Кумыкские бии (в литературе именуется князьями) имели доходы от сдачи земель в аренду, особенно зимних пастбищ, от торговой пошлины, которая взималась с каждой арбы товаров в размере 2 руб. 50 коп., от податей и повинностей зависимых крестьян, а также от штрафов, которые налагались за различные провинности. Уздени (имеются в виду сала-уздени) были обязаны сопровождать князей в военные походы. Духовенство среди крестьян пользовалось уважением, однако подчинялось биям. Здесь были известны два духовных сана: кадии и муллы, «кадии получали в год с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и со ста баранов одного барана»³⁰¹.

²⁹⁶ Институт истории АН СССР, ОРФ, А, д. 24, стр. 782.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 319, л. 2.

²⁹⁸ Там же, л. 3.

²⁹⁹ Там же, л. 4.

³⁰⁰ Подполковник Буцковский и др. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии, 1812, ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, л. 56.

³⁰¹ Там же, л. 57.

В начале XIX в. на территории Засулакской Кумыкии было 16 кумыкских селений с 4435 дворами, восемь селений аварских с 2410 дворами, девять селений ауховских с 1100 дворами и пять селений чеченских с 312 дворами. Кроме того, было 600 кибиток андреевских и костеговских погайцев и 500 кибиток аксаевских погайцев. Все они должны были кумыкским князьям нести подати за пользование землей. Князья, кроме земли, имели и скот, в частности овец и лошадей, которых было шесть табунов, в каждом табуне по 600 лошадей. Лучшие породы принадлежали биям Чупалаву и Хасбулату.

Таким образом, кумыкские бии стали к этому времени собственниками всех земель на Кумыкской плоскости; владели они землей совместно и раздельно.

В докладной записке Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области от 1 августа 1854 г. говорится, что кумыкские бии лишали сельские общества земли, захватывая ее и оформляя документы через русских начальствующих лиц.

Начальник Терской области в 1818 г. сообщал начальству, что земли, в количестве 17 841 десятины 975 саженей, находились в споре княжеских фамилий Уцмиевых, Каплановых, Алибековых, Эльдаровых и Арсланбековых; первые называли их собственными, а остальные считали их общими и подлежащими разделу. Споры эти, кроме непрерывных жалоб начальству, служили поводом для драк, убийств и причиной всеобщего стеснения народа, живущего на этих землях³⁰². «Первоначально, — указывала Комиссия, — народ не придавал особого значения притязаниям владельцев на земли, но с конца XVIII и начала XIX в. народ ставил перед владельцами условия, на которые они вынуждены были идти, но при появлении возможности не соблюдать эти условия владельцы не замедляли воспользоваться. Народ сохранил за собой право перехода от одного владельца к другому»³⁰³.

Кумыкские князья отдавали свои зимние пастбища для пастбы гумбетовцам, койсубулинцам и даже агушинцам за высокую арендную плату; им принадлежали также и некоторые летние пастбища — горы, которые тоже сдавались в аренду; за каждую гору владелец получал не менее 50 баранов и 12 кусков сыра, весом в 12 фунтов каждый³⁰⁴.

Феодальная собственность переходила по наследству по мужской линии к детям от равных браков. Они наследовали и все феодальные привилегии. Не пользовались правом наследования чанки, но получали от родителей чанк-най — дар, состоящий из земель или селений с чагарами.

Вот что говорится в решении Дагестанского «народного» суда, состоявшегося в 1878 г. по иску чанки Гайдарбека к своему племяннику, наследнику его брата по отцу: «По выслушании объяснения обеих сторон и принимая во внимание, что раздел наследства в бекском сословии производится не по шарияту, а по адату, причем имение отца наследуют только сыновья, происходящие от матери бекского сословия, дети же, рожденные от узденок из племени отца, получают только часть, называемую «чанка-най», которую Гайдарбек получил еще при жизни отца, в иске ему отказать»³⁰⁵.

Чанки не имели своих вассалов, но могли иметь крепостных и рабов. Сала-уздени были приближенными князей, начальниками их дружин. Они имели крепостных и рабов и не платили князьям никаких податей.

Крупное духовенство, кадии, а также некоторые муллы владели собственными землями и распоряжались вакуфным имуществом.

³⁰² ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. I, д. 10, л. I.

³⁰³ Там же, ф. 108, оп. I, д. 13, лл. 2—4.

³⁰⁴ «Кавказ», 1848, № 39—40, статья о кумыках.

³⁰⁵ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, опись II, 37, стр. 16.

В зависимом отношении к биям оказались не только жители равнины, которые, за редким исключением, вынуждены были пользоваться землями биев, но и жители Салатавского предгорья — аварцы и ауховцы.

Так, например, жители такого крупного селения, как Чиркей, платили ясак биям с каждого дома по одной сапетке (корзине) винограда или по 20 коп. серебром, от 50 баранов по одному барану.

Платили такие же подати жители сел. Зурамкент биям Темировым, жители селений Гостала, Иха, Гуни и Бавтугай — бию Муртазали Аджиеву, жители селений Инчхе, Хубарь, Зубутль, Алмак и Дылым — биям Казаналыповым, жители сел. Мнатлы — Хамзаевым и Пацтовым, жители сел. Чирюрт — Уцмиевым и Албековым, жители селений Буртунай, Юртаух, Акташаух, Кяшенаух и Ярыксуаух — Каплановым и старшему андреевскому князю.

Жители перечисленных селений в период феодализма в 30—40-х годах XIX в. отказались платить подати и отбывать повинности. В связи с этим бии требовали от кавказской администрации России заставить их отбывать повинности, но в этом им было отказано главнокомандующим Головиным по тем мотивам, что кумыкские бии силой оружия наложили на жителей селений дань и силой же оружия аулы освободились от дани³⁰⁶.

К зависимым сословиям относились: кули и караваша — рабы и рабыни, которые являлись собственностью владельцев. Даже дети, рожденные рабыней от свободного, не считались свободными и принадлежали владельцам. Большинство кули и караваша являлись бывшими невольниками, купленными на невольничьих рынках, существовавших в Дагестане еще в XVIII в. (в Андрей-ауле был тогда невольничий базар). Цена раба колебалась от 100 до 600 руб.³⁰⁷ Когда в 1819 г. Ермолов занял плоскость и построил крепость Внезапную, он уничтожил этот торг, причем старшему бию Темирову поручил следить за точным исполнением нового порядка. В августе 1846 г. было воспрещено продавать холопов в чужие общества. В 1861 г. было разрешено дарить и продавать рабов только целыми семьями, а холопку, вышедшую замуж за узденя, не разрешалось разлучать с ним без его согласия, а детей — без обоюдного согласия.

Вдова одного из биев, Меседи-бике, имела девять рабов: Амирхана 70 лет, дочь его Ману 35 лет, рожденную от невольницы, и семерых ее детей, рожденных от свободного Янги-Урчи. Меседи-бике, уезжая из сел. Кумтур-Кала в Андрей-аул, потребовала, чтобы все ее невольники тоже поехали с ней; Янги-Урчи просил ее не увозить детей и жену, не разделять семью, но она категорически отказала и пригрозила, что продаст всех его детей в разные края. Он обратился с жалобой к начальнику Дагестанской области генералу Врангелю, который дал указание возвратить детей на прежнее местожительство с условием, чтобы они находились в тех же отношениях у родственников Меседи-бике, а она бы за это была вознаграждена. Дело дошло до «народного» суда, который решил вопрос в пользу Меседи-бике. Янги-Урчи лишился семьи, так как он не имел возможности ее выкупить³⁰⁸.

К 1867 г. в Кумыкии было 944 кула и караваша, 1056 чагаров и 1257 терекемейцев, которые были освобождены за выкуп с рассрочкой на шесть лет; цена выкупа за лиц в возрасте от 15 до 45 лет была установлена в 200 руб.³⁰⁹

«Отношения этих классов людей к своим владельцам, — говорится в записке о зависимых сословиях в Дагестане, — и положение их в обществе состоят в том, что холопы (кули) находятся в полной и безусловной

³⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 108, оп. 1, д. 13, л. 15.

³⁰⁷ Там же, ф. 126, оп. 2, д. 72-в, л. 20.

³⁰⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1034, лл. 1—3.

³⁰⁹ ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 40.

зависимости от своих владельцев, составляют их собственность, могут быть продаваемы даже врозь от своего семейства, которым они заводятся не по собственному желанию, но по воле владельца, не имеют своей личной собственности, а все, что они имеют и приобретают, принадлежит владельцам. Холопство это есть наследственное и может быть уничтожено только посредством выкупа, величина коего зависит от обоюдного соглашения; обыкновенная же цена холопов доходит до 400, а холопок — до 300 руб. серебра. Чагары, вольноотпущенные холопы, считаются свободными, но состоят в некоторой зависимости от своих владельцев, которые, не имея права продать или подарить чагара другому, пользуются их трудами»³¹⁰.

Чагары образовались из посаженных на землю рабов, а также из свободных малоземельных и безземельных крестьян, искавших земли и покровительства князей и ввиду этого ставших сперва зависимыми, а затем крепостными крестьянами, не имеющими права переселяться из одного аула в другой без позволения князя или без выкупа права ухода. За разрешение на уход владелец требовал от чагара 100 руб.; если же он переселялся без разрешения, то владелец имел право требовать его обратно. Князь мог продавать и наказывать чагаров, но не имел права на их жизнь. Имущество чагара считалось его собственностью и переходило по наследству по мужской линии. Однако, если чагар не имел наследника мужского пола, то имущество его переходило к князю, за вычетом некоторой доли наследникам женского пола. Повинности чагара не были строго ограничены и зависели от произвола князя³¹¹.

По сведениям о зависимых сословиях, приложенным к отчету начальника Терской области от 28 ноября 1866 г., права чагаров Кумыкского округа состояли в следующем: кровные дела чагары вели сами, без участия князя, за убитого князя они должны были участвовать в кровомщении; в брачных делах позволения у князя не спрашивали, брак их происходил между собой, редко кто мог жениться на узденке; дети чагаров от узденки все равно считались чагарами, дети узденя от чагарки — узденями.

Чагары Андреевского участка наравне со всеми отбывали повинности «булка» или «ясак». Чагары Аксаевского и Костиковского участков отбывали «булка» или «ясак», кроме того перевозили с поля хлеб и сено на своих подводах. Каплановские чагары доканчивали полевые работы на тех землях, где жители отбывали биям «булка», поочередно выставляли арбы для поездок княгинь, доставляли на своих арбах из р. Сулак камни для надмогильных памятников; каждый, имеющий пару быков, доставлял 12 арб дров на зиму. Кроме того, делали конюшни, кухни, кунацкие, заборы, плетни вокруг бийских дворов, доставляли на своих арбах материалы для этих построек, выставляли десятника. На обязанности чагарских женщин лежало обмазывать постройки и приготавливать зерно для помола.

Аксаевские чагары должны были только участвовать в «булка» или платить «ясак»; если же они исполняли другие работы, то по принуждению князя. «Терекемейцы суть, — говорится в отчете начальника Терской области, — люди совершенно свободные, составляющие особый класс, они поселились на княжеских землях с незапамятных времен (они переселились из владения уцмия в XVIII в. — Х.-М. Х.) и на особых условиях, по силе времени и обычаев укреплены за князьями... Терекемеец не может быть ни продан, ни другим каким-нибудь путем передан другому владельцу»³¹². С этим утверждением нельзя согласиться потому, что терекемейцы были прикреплены к земле и фактически являлись крепостными.

³¹⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 445, оп. 3, д. 1048, л. 34.

³¹¹ Статьи о кумыках, «Кавказ», № 11, 39—40, 1848.

³¹² ЦГИА Груз. ССР, ф. 445, оп. 3, д. 1048, л. 35

Правда, в брачные дела терекемейцев и в дела по кровомщению князя не вмешивались, не имели они также права на личное имущество терекемейцев. Терекемейцы жили только на территории четырех княжеских фамилий: Казанальповых, Айдемировых, Темировых и Алишевых³¹³. Терекемейцы отбывали барщину («булка») и платили оброк: с каждого дома по несколько саб пшеницы. Они были обязаны отвозить и привозить на своих арбах женщин княжеских семей, доставлять строительные материалы для построек князя, посылать арбы в ногайские кочевья. Князья могли дарить своим узденям терекемейцев с условием, чтобы не переселять их в другие аулы.

С усилением феодального гнета положение терекемейцев ухудшилось, оно фактически не отличалось от положения чагар, которые являлись крепостными. Второстепенные уздени, так же как чагары и терекемейцы, фактически были закабалены. «Узденъ, жалованный землей и канавой, не может отлучиться от своего князя без потери сих. Чагары и терекеме не могут отлучиться от своих князей тем более, что они люди крепостные»³¹⁴.

Существовала категория догорек-узденей (круглые уздени), т. е. таких, которые не были связаны с землей феодалов и могли переходить куда угодно, подчиняясь обычаям своего местожительства, но эта группа узденей постепенно исчезала, они попадали в разряд зависимых узденей.

Азаты — вольноотпущенники; не имея ни земли, ни средств на обустройство хозяйства, оставались в имениях князей в качестве свободных батраков; редко кто из азатов попадал в группу узденей³¹⁵.

Управление Засулакской равниной находилось в руках биев. В каждом из селений засулакских кумыков — Аксае, Костеке и Андрей-ауле — существовал совет «выборных» князей, которые назывались старшинами; в выборах участвовали только из фамилии биев, сала-уздени и аульные кадии. Этот совет назначал судей для разбора дел по адату. В число судей могли быть включены представители узденей всех степеней. Совет имел своих бегаулов — исполнителей, которые выполняли распоряжения совета. Во главе совета стоял один из старейших князей³¹⁶. На дворе старшего князя была яма, куда сажали простых людей за проступки³¹⁷. При князе дежурила по очереди дружина, которая состояла из людей привилегированных сословий. Во дворе князя всегда стояли оседланные лошади³¹⁸. В отдельных мелких аулах управление сосредоточивалось в руках владельцев, подотчетных советам князей.

По всем вопросам управления и суда руководствовались адатами, которые уже утратили свой демократизм и соответствовали интересам феодальных владельцев. По адату наказаниями считались выселение, штрафы и возмещение материального ущерба. Адаты засулакских кумыков по убийствам проводили резкую грань между привилегированными сословиями и простым народом. Если князь убивал узденя, то в канлы выходил не князь, а его узденъ, равный по степени убитому. Если в течение одного года его не могли убить, он возвращался домой. Если узденъ убивал или ранил князя, то нигде его не принимали, только шамхал тарковский мог его принять, убить или простить. Личность князя считалась неприкосновенной. По шарпату, при желании обеих сторон рассматривались дела о завещаниях, о разделе движимого имущества, об опеке, о продаже и покупке земли, имущества и рабов, а также брачные дела и дела о прелюбодеянии.

³¹³ «Кавказ», № 42, 1848.

³¹⁴ Там же, № 39, 40.

³¹⁵ ЦГИА Груз. СССР, ф. 416, оп. 3, д. 1053.

³¹⁶ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 184.

³¹⁷ «Кавказ», 1848, № 43, 44.

³¹⁸ А. Т а м а й. Материалы к вопросу о феодализме в истории. «Революционный Восток», № 5, стр. 128.

Противоречия между зависимым крестьянством и феодалами настолько обострились в начале XIX в., что «если бы Кумыкия не была присоединена к России в 1819 г., то угнетенные крестьяне были готовы к восстанию и изгнанию своих князей»³¹⁹.

Засулакская плоскость была связана с Россией еще с 1559 г., когда была построена крепость Терки. Эти связи еще более упрочились с 1722 г., т. е. со времени прибытия в Дагестан Петра I. Засулакские кумыки находилась под влиянием России и поддерживали постоянную связь с Кизляром. Эти связи сыграли положительную роль в деле экономического и политического развития кумыкского населения Засулакской низменности.

Поскольку Кумыкский округ входил в состав Терской области, земельный вопрос его был разрешен вскоре после отмены крепостного права в России. В 1864 г. в Засулакской плоскости было учтено 405 789 десятин земли. Из них: казенных — 20 тыс. десятин, владельческих — 386 422 десятины³²⁰. 13 июля 1864 г. по предложению администрации Терской области владельцы обсудили вопрос о наделении зависимого населения землей; было установлено, что они уступят только $\frac{2}{5}$ своих земель народу. После уговоров согласились на половине. 11 марта 1865 г. главнокомандующий Кавказской армией дал указание практически приступить к разделу земель. При этом наделы признавались общинными землями, а не частными. В 1866 г. проектная карта разделения кумыкских земель была представлена главнокомандующему Кавказской армией и была одобрена. Народу было выделено всего 200 876 десятин. При разделе земель 289 семейств, переселившихся с гор в Кумыкию после 1859 г., 142 семейства горских евреев и 16 семейств армян не получили надела.

В Аксае, в Андрей-ауле и в ногайских участках 5106 дымов получили землю из расчета 28 десятин на дым, т. е. 142 968 десятин; 1555 дымов кочующих ногайцев — из расчета по 36 десятин — 55 980 десятин, а всего — 198 948 десятин. От распределения оставались свободными 1928 десятин, кроме того, казне принадлежало 17 411 десятин, 3604 десятины леса было передано Андрей-аульскому обществу.

Феодалы получили 166 участков. Размеры участков колебались от десятков до нескольких тысяч десятин³²¹.

При окончательном распределении земель, включая Костиковский участок, 7118 крестьянских дворов получило 200 484 десятины, в то время как 205 дворов феодалов получили 182 483 десятины, т. е. 46% всей земли³²².

После раздела земли князья Алибековы имели 11 378 десятин земли, Каплановы — 19 403 десятины, Эльдаровы — 9828 десятин, Уцмиевы — 18 262 десятины. Арсланбековы — 6196 десятин и т. д.

Кроме того, князья владели рыбными промыслами по берегу Каспийского моря, которые они сдавали в аренду. Хамзаевы получали от сдачи в аренду рыбных промыслов доход в 1050 руб. в год, Казаналышovy — 700 руб. Они разводили и плантации марены.

Раздел земли юридически уничтожил зависимость крестьян от феодалов, но фактически она сохранилась, так как лучшие земли остались у помещиков; многие оросительные каналы, жизненно необходимые для поливного земледелия, также остались в собственности феодалов. Крестьяне были вынуждены и после раздела прибегать к аренде земли на кабальных условиях. Более бедные нанимались в качестве батраков за ничтожную плату.

³¹⁹ ССКГ, вып. 2. 1869, стр. 40.

³²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. I, д. 10, л. 33.

³²¹ Там же, лл. 40—50.

³²² Там же, ф. 108, оп. I, д. 13, л. 60.

По данным посемейных списков 1886 г., в Хасавюртовском округе 127 хозяйств биев имели 118 125,5 десятины земли, или 39% всей земли, а 9214 крестьянских хозяйств (без ногоайцев) имели 183 439,4 десятины земли, или 61% всей земли. На одно хозяйство бия приходилось 184,1 десятины. Среди 7077 учтенных хозяйств 5371 (76,1%) было безлошадных, 35 хозяйств (0,4%) имели пятую часть всех лошадей.

Из того же числа хозяйств безовечных было 5987, или 84,3%, а 1,5% хозяйств имели 43,5% всех овец и коз.

В Салатавском участке из 1127 хозяйств 349, или 30,8%, совершенно не имели земли.

Ознакомившись с обобщенными материалами сельскохозяйственной переписи 1917 г., приходится констатировать, что в Хасавюртовском округе Терской области в помещичьих хозяйствах, а также в хозяйствах богатых узденей в массовом порядке применялся наемный труд. Применение наемного труда батраков и новейших сельскохозяйственных машин увеличило товарность хозяйства. Район этот стал специализироваться по производству товарного зерна. Многие земли здесь принадлежали купцам и колочистам. В 1900 г. у биев оставалось всего 77 173 десятины³²³. Таким образом, с 1865 г. дворянское сословие распродало 105 310 десятин земли. Эти факты говорят о серьезном разрушении сословного землевладения к концу XIX в.

Достаточно сказать, что с 1900 по 1915 гг. здесь было продано более 30 тыс. десятин помещичьих земель. По сравнению с 1865 г. земельные владения у помещиков сократились более чем на 130 тыс. десятин. Эти земли перешли в собственность колонистов-купцов и богатых узденей, а также отдельных сельских общин (сельские общества приобрели у биев около 48 тыс. десятин земли). В 1865 г. сельские общины получили 200 484 десятины, а в 1915 г. они уже имели 248 128 десятин земли. В частном владении купцов, богатых узденей и помещиков оставалось 175 752 десятины³²⁴.

По Хасавюртовскому округу в 1898 г. в четырех банках было заложено 95 536 десятин земли, главным образом принадлежащей биям, а задолженность по 52 заложенным имуществам составила 913 287 руб.³²⁵ Увеличилась сдача земель в аренду, особенно под распахку. Если в 1902—1903 гг. сдавалось в аренду 37 877 десятин, то уже в 1909 г.— 59 407 десятин³²⁶.

В. И. Ленин писал: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распахка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массу сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»³²⁷.

Это высказывание как нельзя более точно соответствует положению бывшего Хасавюртовского округа.

На территории засушливых кумыков в XIX в. мы находим классический феодализм. Все земли принадлежали 10 фамилиям кумыкских князей и сала-узденям. Чагары, терекемейцы и зависимые уздени фактически были крепостными. Джамааты и тухумы потеряли свое значение; место тухумов занимали сословия. Власть принадлежала повсеместно биям, имевшим право суда над крестьянами. Наряду с феодалами привилегированное положение занимали сала-уздени, кадии и муллы, а также кушчы.

³²³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 12, л. 65.

³²⁴ Там же, д. 110, лл. 112, 121.

³²⁵ «Сборник статистических сведений по Закавказскому краю», Тифлис, 1902, стр. 219.

³²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 52, л. 28.

³²⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 520—521.

В конце XIX в. в связи с проведением железной дороги территория засулакских кумыков все более и более стала втягиваться в капиталистическое развитие, которое резко усилило дифференциацию крестьян.

Кумыки Тарковского шамхальства

Территория шамхальских кумыков простиралась от Сулака вдоль Каспийского моря до Каякента, охватывала всю территорию Прикаспийской низменности и частично предгорную полосу. На этой территории в начале XIX в. были расположены 24 селения, которые принадлежали крупнейшему феодалу — шамхалу тарковскому, жившему в сел. Тарки, в резиденции всех шамхалов после переселения их из Казикумуха на плоскость.

Тарковские феодалы титуловались шахмалами и валиями Дагестана, а начиная с 1849 г. — князьями, так как шамхалу Абумуслиму-хану было присвоено достоинство князя Русской империи, с правом наследственной передачи этого достоинства старшему сыну и далее — по прямой линии и по праву первородства.

В 1806 г. шамхалом был Мехти, который получал жалованья от казны 6 тыс. руб. серебром, имел чин генерал-лейтенанта русской армии и являлся кавалером ордена святой Анны I класса.

По сведениям, приводимым М. М. Ковалевским и И. Ф. Бларамбергом в записке «Северный Дагестан и Осетия», в шамхальстве тарковском насчитывалось тогда 12 тыс. дворов, а в резиденции шамхала — в Тарках — было 10 тыс. жителей³²⁸.

Кроме оседлых кумыков, на территории шамхальства было 346 кибиток кочующих ногайцев³²⁹.

После бегства Шейх-Али-хана Дербентского в 1806 г. весь Улусский магал Дербентского ханства, состоящий из 12 населенных пунктов, в которых насчитывалось 2388 человек обоего пола, был передан генералом Гудовичем Мехти-шамхалу тарковскому³³⁰. В 1818 г. Мехти-шамхал получил во владение все селения Бамматуллы и значительную часть Мехтулинского ханства (Дургели, Парауль, Кака-Шура и Урма)³³¹.

По данным Временной комиссии по определению личных и поземельных прав туземцев Темир-хан-шуринского округа в 1867 г., в шамхальстве насчитывалось 8379 дымов и 23 селения. В непосредственной зависимости от самого шамхала находилось 2784 дыма³³².

Доходы шамхала тарковского в начале XIX в. не поддаются точному учету. По данным Д. Тихонова, шамхал получал в 1896 г. 80 тыс. руб. доходов в год³³³. А. Кремский в «Описании Дагестана и Ширвана» 1806 г. считал, что, кроме жалованья, шамхал имел доходы только 30 тыс. руб. серебром³³⁴. По другим данным в 30-х годах XIX в. доходы шамхала составляли 40 тыс. руб. серебром. Однако ясно, что шамхал имел большие доходы не только от зависимых чагаров, раят и узденей, но и от сдачи в аренду зимних пастбищ, рыбной ловли, соленых озер, нефтяных колодезев, от рахтарного сбора, штрафов от населения и за торговлю в шамхальских селениях горячими напштками и «красными» товарами.

³²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 301, лл. 212—221.

³²⁹ А. И. Иванов. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией. «Исторический журнал», № 2, 1940, стр. 65.

³³⁰ «Акты», т. III, № 2, 7, 9, стр. 385—386, 730.

³³¹ Там же, т. V, № 726, В. Потто, т. 2, 1887, стр. 225.

³³² «Шамхалы тарковские». ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868, стр. 76—77. К этому времени некоторые населенные пункты вошли в Присулакское вайство.

³³³ М. О. Косвен и Х.-М. Хашаев. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 128.

³³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. I, д. 2, л. 3

Шамхал в начале XIX в. получал следующие торговые пошлины: с каждой повозки, как бы она нагружена ли была товарами, — по 2 руб. 60 коп., с одной повозки фруктов — по 1 руб. 30 коп., с каждого пуда краски марены — по 2 руб. 50 коп., с пуда кашцелярного семени — по 5 руб., с лошади — по 50 коп., с 10 голов овец или рогатого скота — по одной голове, с 10 рыб — одну, с каждого всадника или пешего — по 1 руб.³³⁵

Дербентский армянин Каспар Минасов сообщил 25 января 1844 г., что он у шамхала тарковского взял на откуп за 300 руб. серебром в год продажу в Тарках горячих напитков³³⁶.

За сдачу в аренду только одного кутана шамхал ежегодно получал 200 баранов³³⁷ и т. д.

Из контракта, заключенного между шамхалом Тарковским Абу-муслимом и коллежским ассессором П. Давыдовым 2 декабря 1837 г. об отводе на откупное содержание рыболовных промыслов за 2 тыс. руб. в год, видно, что весь берег Каспийского моря, начиная от Аликазгана до Самура, также принадлежал шамхалу тарковскому³³⁸.

Вся территория от Сулака до границ сел. Каякепт составляла собственность шамхала, беков, чанков, сельских общин и отдельных узденских хозяйств. По форме собственности земли, принадлежавшие шамхалу и другим феодалам, делились на земли, принадлежавшие шамхалу, бекам и чанкам по праву безусловной частной собственности, и на земли, находившиеся в наследственном пользовании сельских обществ без права отчуждения.

Феодальная собственность в шамхальстве Тарковском образовалась путем захвата общинных и присвоения пустующих земель. Шамхалы, жившие в Казикумухе, считались валиями Дагестана и распространяли свою власть и на Прикаспийскую низменность. Эта власть давала им право считать земли, особенно пустующие, своей собственностью и заселять их выходцами с гор и из других мест с условием, чтобы они платили подати и отбывали повинности.

Так, например, в 1867 г. Комиссия о сословно-земельных правах жителей Темир-хан-шуринского округа записала, что селение Шамхал-Янги-Юрт основано в начале XVIII в. шамхалом Мехти. Управление этим селением он поручил беку с правом пользования повинностями с жителей и доходами с кутана Алагеэ³³⁹.

Шамхалы, беки и чанки не останавливались перед прямым захватом общинных земель; примером может служить местность Кокрек, принадлежавшая жителям селений Атлы-Буюн и Кумтуркала и захваченная шамхалами.

В тех сельских общинах на плоскости, где до прихода шамхалов существовали карачи-беки³⁴⁰, они успели захватить значительные земельные массивы и уже пользовались привилегиями наравне с шамхальскими беками. *Крестьяне постепенно теряли свою свободу, и к XIX в. стали чагарамы или зависимыми узденями.*

Земли, принадлежавшие сельским общинам на правах собственности, находились в подворном или совместном пользовании крестьян, подвергались ежегодному переделу, за исключением пастбищ и лесных участков.

В Буйнаке и Шамхал-Янги-Юрте в подворном пользовании находились только усадьбы и сады, а все остальные земли были совместного пользования. М. Ковалевский писал: «У горцев Дагестана, как у лезгин

³³⁵ Д. Тихонов, Ф. Симонович, А. Серебров. Описание Дагестана, 1796. ЦГВИА, д. 18474, лл. 6—11.

³³⁶ Рук. фонд Института истории АН СССР, Б, разд. XIII, д. 10, стр. 43.

³³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 118.

³³⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 15.

³³⁹ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 93, л. 3.

³⁴⁰ Слово «карачи» происходит от джагатайского глагола «карамак» — «смотреть», «наблюдать».

Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к шахоте и дугам. Никто не вправе делать заимки в общинной пустоше и лесе, не получив на то предварительного согласия всей общины»³⁴¹.

Мюльки (аллады) являлись частной собственностью отдельных крестьян, а поэтому могли быть подарены, проданы, заложены и т. д.

Вакуфные земли в шамхальстве составляли около 4 тыс. десятин.

Главным земельным собственником являлся шамхал. Шамхалу, бекам и чанкам принадлежали лучшие земли и оросительные каналы. Многие шамхальские беки имели десятки тысяч десятин земли. За земли, находившиеся в наследственном пользовании отдельных сельских общин, феодалы получали подати и повинности, которые они могли продать любому лицу.

Беки по закону не могли посягать на личные права жителей, которые пользовались личной свободой и правом выхода из состава зависимых от беков сельских обществ. Однако, опираясь на покровительство царских властей, воспитанных на крепостном праве России, беки не только запрещали раятам выход из общества, но и продавали и раздавали право взимать подати и повинности с населения³⁴².

Беки и чанки, хотя и имели свои земли отдельно от земель сельских общин, однако как члены сельской общины пользовались и общинными землями в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн (ныне Ленинкент), Кумтуркала, Карабудахкент, Эрпели и др., при переделе получали от 2 до 8 паев земли, в то время как все остальные члены общины получали только по одному паю. Более того, беки и чанки получали лучшие земли по своему выбору, в то время как все остальные получали только по жребию.

Зависимые уздени платили шамхалу следующие подати и отбывали повинности:

Кент-ясак — от 30 овец — одну овцу.

Арба-ясак — каждый дом, имеющий рабочий скот, должен доставить одну арбу дров.

Булка — зависимые крестьяне должны были отработать четыре дня в году на владельца, кроме того, по требованию владельца выставляли подводы на всякие его нужды, выделяли людей для строительства и обработки сада.

Ковалевский указывает, что в Тарках было 71 хозяйство горских евреев, которые платили шамхалу оброк от 3 до 5 руб. серебром, а также 90 дымов чагаров, которые отбывали барщину без всяких ограничений, по воле шамхала. В 1855 г. в шамхальстве числилось 250 человек неосвобожденных рабов³⁴³.

Шамхалы до ликвидации в Дагестане ханств имели политическую власть, военную силу в виде дружин нузеров и право суда. Они могли силой заставить зависимых крестьян работать на себя и отбывать натуральные и денежные повинности.

Основным видом наказания в шамхальстве была смертная казнь или ослепление. Шамхалы до начала XIX в. пользовались правом первой ночи и беспощадно расправлялись со всеми, кто не оказывал им рабского повиновения.

Беки в шамхальстве юридически имели только административную власть. Однако они не делали разницы между административной и судебной властью и жестоко расправлялись со своими раятами и зависимыми узденями за неповиновение³⁴⁴.

³⁴¹ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 62—63.

³⁴² ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 5.

³⁴³ Там же, ф. 126, д. 762, л. 4.

³⁴⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1301, л. 2.

На ранней стадии феодализма в шамхальстве господствовала барщина. Круг барщинных работ был обширен, все виды сельскохозяйственных работ по хозяйству выполнялись чагарами и зависимыми узденями; рабы обслуживали феодалов, выполняя работу домашней прислуги, в производстве они не принимали значительного участия, и число их было невелико.

«Иное дело домашнее рабство на Востоке,— писал Ф. Энгельс,— здесь оно не образует прямым образом основу производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»³⁴⁵.

Позднее наряду с отработочной рентой, которая существовала вплоть до отмены райтской зависимости, т. е. до 1913 г., значительное место занимала и рента продуктами, а во второй половине XIX в. в отдельных зависимых селениях рента продуктами была заменена денежной рентой.

Так, от жителей Улусского магала, например, шамхал получал $\frac{1}{10}$ урожая, с пуда сухой марены — 40 коп., а взамен барщины по посеву — 3 пуда пшеницы, 2 пуда 15 фунтов ячменя; взамен барщины по уборке — копан пшеницы и копан ячменя со двора, за освобождение от посева риса — по 1 руб. 50 коп. со двора, вместо подвод, которые выставлялись для перевозки податного хлеба, — 1 руб. 50 коп. со двора³⁴⁶. Однако денежная рента здесь не стала господствующей.

В отличие от сельских общин засулакских кумыков сельские общины кумыков Тарковского шамхальства в известной мере сохранили общинные земли от феодальных захватов, здесь не было сословия сала-узденей, а простые уздени имели мюльки, переходившие по наследству. Все это объясняется тем, что на шамхальской территории большинство сельских обществ образовались задолго до прихода на равнину шамхалов и успели закрепить за собой земли. Кроме того феодализм здесь был менее развит, чем у засулакских кумыков. Мечетские земли образовались здесь, как и везде в Дагестане, в результате пожертвования земель верующими.

Эксплуатируемые и бесправные крестьяне шамхальства не раз пытались избавиться от ига шамхала и его беков. Целые общества в борьбе с феодалами отстаивали свою свободу. Майор Мансеев в своем рапорте от 30 июня 1795 г. сообщал начальнику Кавказской губернии генералу Гудовичу, что уздени шамхальской деревни Губден выгоняют своих князей, что Мехти, сын шамхала, по повелению отца и по совету акушинского кадия решается употребить против них силу³⁴⁷. Сельские общества Каранай, Ахатлы, Карабудахкент и Губден, в которых было 2556 крестьянских хозяйств в 40-х годах XIX в., отказались от повиновения шамхалу и его бекам, перестали платить им подати и отбывать повинности.

Жители разных аулов шамхальства в 1866 г. жаловались на притеснения, чинимые им шамхалом. Так, жители Кака-Шура жаловались на тягость повинностей и на произвольное увеличение их шамхалом. Жители Кумтур-кала писали, что шамхал захватил их земли, которыми они до 1859 г. пользовались, а жители Халим-бек-аула протестовали против требований шамхала отбывать повинности, не предусмотренные обычаем. Чагары из Гелли также писали, что беки ежегодно увеличивают повинности³⁴⁸.

Руновский приводит пример, когда старший брат Абумуслим-хана тарковского, Гайдар-бек, приехав в сел. Эрпели и остановившись у своего кунака Мирзы, стал оскорблять его достоинство и за это был убит Мирзой³⁴⁹.

³⁴⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1933, стр. 59.

³⁴⁶ П. Гидулянов. Указ. соч., стр. 62.

³⁴⁷ П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. III, СПб., 1869, стр. 256.

³⁴⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 11, д. 3164, л. 7.

³⁴⁹ Руновский И. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане. «Военный сборник», т. XXVI, 1862, стр. 399.

В 1867 г. в Темир-хан-шуринском округе числилось 42 сельских обществ, в которых было 13 970 дымов, из них не были подчинены феодалам только 3283 дыма.

К 1 августа 1867 г., после лишения шамхала политической власти, были освобождены от всякого рода повинностей ему 2688 хозяйств узденей, 51 хозяйство евреев и 45 хозяйств чагаров. Али-Султан Казаналыпов освободил 651 хозяйство в Чонт-Ауле и Султан-Янги-Юрте. Кроме того, в бывшем Мехтулинском ханстве были освобождены 1500 хозяйств. Таким образом, в Темир-хан-шуринском округе было освобождено еще 3967 хозяйств зависимых крестьян³⁵⁰.

Шамхал лишился 8693 руб. доходов от натуральных повинностей с зависимых крестьян и различных денежных поступлений. Но зато он имел ежегодный доход в 2850 руб. от лично ему оставленного имения и стал получать от казны 7 тыс. руб. пенсии в год³⁵¹.

В зависимости от беков в 20 селениях шамхальства оставались 5650 дымов³⁵². К концу XIX в. число зависимого населения увеличилось, составив по Темир-хан-шуринскому округу 26 103 человека, или 34,51% всего населения округа.

Ниже приводится ведомость бекских земель, которые находились в пользовании некоторых сельских обществ, за что жители платили подати и отбывали повинности³⁵³.

Таблица 16

Селения	Количество земель (в дес.):				Подати и повинности бекам
	пахотные	сенокосные	пастбищные	леса	
Агач-аул	5018	5	5	—	2½ дня работы на бека
Альбурикент	43	39	30	—	2 дня работы на бека
Атлы-буюн	—	—	—	7	То же
Бет-аул	1131	1298,6	1417	575,4	То же
Кадар	665,8	251	—	—	1 день работы на бека
Гелли	963,8	10,2	—	—	1 день работы на бека и 1% от количества овец
Верхнее Казанище	1429	134	7500	—	1 руб. с дыма
Кафыр-Кумух	663,4	560	1000	—	1 руб. с дыма
Капчугай	167,6	17	1026,6	17,2	Работают 4 дня в году на бека
Кяхулай-Туркали	34	4	1512	—	Работают 2 дня на бека
Кумтур-Кала	—	—	90,6	—	Работают 4 дня на бека
Эрпели	708	356	3049	349	Работают 4 дня на бека

Подати и повинности, указанные в этой ведомости, были предусмотрены феодальными обычаями, но феодалы сами часто нарушали эти обычаи и произвольно увеличивали подати и повинности с крестьян.

Во владениях шамхала тарковского все крестьяне считались свободными узденями. Чагары и рабы составляли небольшую часть населения³⁵⁴.

³⁵⁰ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1383, л. 204.

³⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, д. 71, л. 13.

³⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 5, д. 65, лл. 5—6.

³⁵³ В ведомость не вошли земли, принадлежавшие этим обществам по праву общинной собственности. Кроме указанных в ведомости повинностей, жители обязаны были по требованию беков сопровождать их в поездках.

³⁵⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 11, д. 3158, л. 7.

Уздени формально не были лишены права перехода от одного феодала к другому. Фактически же многие из них по названию являлись свободными, но по существу мало отличались от раят Южного Дагестана.

* * *

Кроме беков и чанков шамхальской фамилии, на территории шамхальства и в Гамринском магале Гайтагского удмийства были известны еще беки и чанки, которые назывались карачи-беками и карачи-чанками³⁵⁵. В шамхальстве они жили в аулах Эрпели, Ишкарты, Каранай, Ахатлы, Карабудахкенте и Губдене. Существуют три противоречивых друг другу утверждения по вопросу о происхождении карачи-беков. Существует мнение, что карачи-беки существовали еще тогда, когда кишчаки, вытеснив хазар, заняли Прикаспийскую низменность; другие утверждают, что карачи-беки происходят от одного из сыновей аварского хана Исмаила, который якобы, поссорившись с другими братьями, переселился на плоскость; наконец, третьи доказывают, что карачи-беки являются потомками смотрителей или наблюдателей, назначенных Тамерланом во время его походов в Дагестан. Вероятно, карачи-беки являются общинной знатью, успевшей закрепить за собой феодальные привилегии в старых селениях плоскогорья Дагестана, на которых, видимо, Тамерлан возложил наблюдение за жителями.

Карачи-беки в Эрпели, Ишкартах, Каранайе и других селениях имели право получать при переделе земли 4 пая против одного пая узденя или 2 пая против чанки. Некоторые кутаны и пастбищные горы находились в исключительном владении этих беков. Если уздень переходил из Эрпели в другое селение, он не мог продать свою землю, она оставалась во владении бека. Уздени отбывали карачи-бекам повинности: один день работали на вспашке бекских земель, при этом бек давал на угощение одного барана, сыр и хлеб из расчета на 20 человек; один день работали на уборке хлебов с такой же пищей бека. За использование горных пастбищ, принадлежавших бекам, уздени платили по одному барану. В случае смерти бека с аула взыскивали «алым» в 40 руб. или четыре быка и с каждого дома по арбе дров, а семья бека обязана была устроить поминки с приглашением всех односельчан. Бекское наследство переходило только к бекам по мужской линии. Чанки не имели права получать наследство, они получали только чанка-пай. Дочери получали наследство только по завещанию или по назру, т. е. по акту дарения. Прямые наследники мужского пола были обязаны воспитывать дочерей и при выдаче замуж приготовить им приличное приданое.

За убийство бека должны были выходить в канлы, кроме убийцы, еще шесть родственников убийцы. Если состоялось примирение, то убийца служил как кул (раб). За убийство чанки узденем в канлы выходили, кроме убийцы, еще три эрчен-канлы сроком на три года. Если бек убивал узденя, то взыскивался только штраф в пользу общества в количестве шести быков и бек выходил в канлы только на два месяца. По примирении бек давал наследнику лошадь со сбруей, оружие и одежду и формально считался кровным братом. За убийство раба владеец раба мог требовать кровь или его стоимость. За убийство беком бека — ответственность такая же, как за убийство узденем узденя³⁵⁶.

В «Записке об особых правах беков и чанков в Темир-хан-шуринском округе», составленной на основании решений Дагестанского народного суда, дается характеристика земельных прав привилегированных сословий, шамхальского и карачи-бекского происхождения, сельских общин и частных лиц. Так, например, в сел. Губдене вода составляла личную собствен-

³⁵⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 3, д. 1801, лл. 4—5; ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 76, л. 3.

³⁵⁶ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. 2, д. 164.

ность бека, а не принадлежность кутана³⁵⁷. Сначала орошались бекские земли, а затем только узденские³⁵⁸.

В сел. Капчугай к чанкам поступали дома умерших узденей, если у них не было прямых наследников мужского пола. Сельские общества имели право пасти свой скот на ближайших кутанах, принадлежащих частным лицам, начиная от месяца Чилля до появления звезды Туршу, т. е. от 12 февраля по 1 августа³⁵⁹. На основании этого обычая сел. Гелли добилось через Дагестанский народный суд разрешения пасти свой скот на кутанах, принадлежащих чанкам из сел. Нижнее Казанище³⁶⁰.

Сел. Альбурикент имело право на таком же основании пасти свой скот после снятия сена на кутане, принадлежавшем Кяхулай-Таркинскому сельскому обществу. Но ввиду того, что представители этого общества путем присяги 12 свидетелей доказали, что Альбурикент раньше на данный кутан такого права не имел, суд не признал за его жителями этого права³⁶¹.

На этом же основании за жителями сел. Тарки было закреплено право пасти свой скот с 10 мая по 1 августа на кутанах: «Уллу Сафар Али», «Темиргой» и «Алтау», — принадлежащих наследникам Шамсудина Тарковского (последнего шамхала тарковского)³⁶².

«На бекских кутанах и ятагах, которые считаются собственностью их владельцев, — писал Б. Городецкий, — поселяне имеют право бесплатно и даже без разрешения хозяина пасти свой скот с весны до осени, производить распахки и посевы; беку принадлежит право делать посевы и то в размере, установленном его предками, в пользу владельца идет также плата за пастьбу поселянами скота на убранных полях»³⁶³.

После крестьянской реформы беки стали оспаривать эти права сельских обществ, так как земля, на которую было сервитутное право, ценилась дешевле, чем земля, свободная от сервитутов. Сельские общества также не уступали свои права и через суд добивались сохранения старинных обычаев о праве пользования этими землями.

Характерен следующий пример. Общество сел. Халимбек-аул предъявило иск к арендатору кутана, принадлежавшего Гебек-кызы из сел. Эрпели о том, что он не позволяет обществу пасти скот на этом кутане, хотя общество всегда пользовалось этим правом. Темир-хан-шуринский окружной суд на основании показаний свидетелей соседних обществ подтвердил это право общества Эрпели. Поверенный Гебек-кызы подал жалобу в Дагестанский народный суд, где мнения членов суда по этому вопросу разделились. Члены суда — беки голосовали против признания сервитутного права сельского общества на земли, принадлежащие бекам и чанкам по праву частной собственности, а члены суда — уздени, напротив, голосовали за признание за обществом права пользования кутанами, основанного на древнем обычае, т. е. за право пастьбы скота за время от «Чилля» до звезды «Туршу»³⁶⁴.

Некоторые сельские общества, кроме права пасти скот на кутанах в определенное время года, имели право распахки владельческих кутанов и вырубки леса. Жители сел. Халимбек-аул, ссылаясь на обычное право, требовали разрешения на рубку леса, принадлежавшего Апашевым в местностях «Идрпе» и «Каранай-Гумбек». Суд установил сервитутное

³⁵⁷ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, ДНС, 1882, № 13.

³⁵⁸ Там же, ДНС, 1883, № 124.

³⁵⁹ Там же, ДНС, 1883, № 109.

³⁶⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, ДНС, 1882, № 196.

³⁶¹ Там же, ДНС, 1887, № 39.

³⁶² Там же, д. 36, ДНС, 1888, № 47.

³⁶³ Б. Г о р о д е ц к и й. Правовые и поземельные отношения землевладельцев и крестьян в Закавказье. «На Кавказе», т. I, № 2. Екатеринодар, 1909, стр. 182

³⁶⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, ДНС, 1889, № 109.

право халимбек-аульцев, но Апашевы хищнически истребили лес, чтобы не дать крестьянам воспользоваться своим правом³⁶⁵.

Общество сел. Губден по обычаю весной каждого года в определенной очереди распахивало под посевы один из четырех кутанов под названием «Манас» и пользовалось каждым из них в течение двух лет. Очередь для распашки каждого кутана наступала через шесть лет. Кутаны эти принадлежали бекам. С увеличением населения в Губдене одного кутана оказалось недостаточно, и общество начало распахивать недостающее количество земли на других кутанах. Владельцы этих кутанов стали протестовать, мотивируя свое возражение тем, что общинники распахивают все кутаны не вследствие нехватки одного кутана, а выбирая лучшие участки. Между ними состоялся маслагат, утвержденный Дагестанским народным судом. В маслагате говорится, что «губденцы могут производить распашку на всех четырех кутанах, причем обязаны ежегодно брать под посевы по очереди не более одного кутана, если же очередной кутан окажется недостаточным, то недостающее количество земли берется на другом большом кутане таким образом, чтобы распашка всех четырех кутанов была уравнена и чтобы каждому из них очередь наступала через 3 года в четвертый. Владельцы кутанов не могут распахивать для себя больше того пространства, на которое они доказали свое право адатным порядком через свидетелей и присягу. Если кто из владельцев распашет больше, то платит обществу штраф 10 руб.»³⁶⁶ В начале весны владельцам предоставлялось право выделять для себя покосные участки. Для полива им отпускалась вся вода в течение трех суток. Остальное время владельцы пользовались водой в установленном обычае порядке.

Общество Гелли имело право распашки горы, называемой «Гелли корт», которая составляла собственность нескольких частных лиц, имевших на горе хутора и занимавшихся хлебопашеством и скотоводством. В 1887 г. геллинцы заявили суду, что владельцы горы увеличивают по своему произволу число хуторов и тем стесняют права общества. Дагестанский народный суд признал недопустимым, что «сверх издавна существующих хуторов устраиваются новые в ущерб интересам общества»³⁶⁷. Подобные же сервитуты мы находим и в Гамринском магале Кайтагского уцмийства.

В газете «Терские ведомости» говорится, что правом собственности на земли в Дагестане пользуются ханские роды, которые уступали эти права на пашни, на траву военачальникам, а узденц являлись арендаторами ханских и бекских земель. Так, например, «правом травы в кутане „Алхаджи-кент Тюз“ без права передачи пользуется общество Каякент, а правом пахоты — общество Алхаджи-кент. Право владения кутаном между соучастниками распределяется так: два года распашки принадлежит аулу Утамыш, а один — аулу Мюрего. Сено косят оба аула поровну, нескошенная трава и отава принадлежат Хасаю-Мпнатуль оглы из аула Утамыш. В кутане „Таву-Гюзак“ право травы имеет Темир-бек Абу оглы с родственниками, он же имеет и пай распашки в этом кутане; величину пая определяют общества Мюрего и Утамыш, коим принадлежит пахота. Правом травы, без права пахоты, в „Чоконай Кутане“ пользуется Хасай-бек, правом же пахоты — общества Утамыш и Мюрего»³⁶⁸.

«Источником общинных сервитутов была,— писал М. М. Ковалевский,— не милость помещика, а унаследование тех обстоятельств, какие налагало сохранение стародавнего обычая»³⁶⁹.

³⁶⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 14-в, л. 87.

³⁶⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416. оп. 4, д. 35, ДНС, 1883, № 124.

³⁶⁷ Там же, ДНС, 1887, № 142.

³⁶⁸ «Землевладение в Дагестане». — «Терские ведомости», 1898, № 90.

³⁶⁹ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. I, стр. 513.

В сел. Кадар при разделе общинной земли чанка получал пай в два раза больше, чем уздень, т. е. на 14 сабов посева пшеницы. После смерти главы семейства право на получение пая за семьей чанка или узденя сохранялось только в том случае, если хозяйство не ликвидировалось³⁷⁰.

В сел. Эрпели уздень мог с разрешения дмажаата расчислить себе участок из-под леса; в этом случае участок этот считался частной собственностью узденя³⁷¹.

В сел. Атлы-Буюн к чанкам поступали усадьбы ушедших и умерших узденей.

Жители сел. Капчугай отбывали четырехдневную натуральную повинность в пользу чанков, к последним переходили и выморочные усадьбы. Уздени имели свои собственные земли, не считая бекских; в этом случае земля переходила по наследству на основании шариата, т. е. ближайшим родственникам, а если их не было, то дальним родственникам. Уздень мог переселиться, сдав землю чанке³⁷². Чанки этого селения не несли расходы по найму кадия, кузнеца и пастуха и пользовались правом первоочередного орошения своей земли.

Общество Капчугаай в 1881 г. обратилось в Дагестанский народный суд с требованием: привлечь капчугайских чанков к отбыванию денежной повинности наравне с узденями по найму кадия, кузнеца и пастуха; освободить узденей от четырехдневной натуральной повинности; запретить чанкам брать себе усадьбы узденей, после которых не остается детей мужского пола, а разрешить передавать их наследникам на основании шариата; отменить право чанков первоочередной поливки, поливку полей производить по жребью, наравне со всеми жителями, так как поля узденей продают из-за недостатка воды.

Поверенные капчугайских чанков отказались признать иск жителей Капчугая и объяснили, что чанки пользуются всеми льготами и повинностями на основании старинных обычаев и не намерены от них отступать, что повинности им отбывают за пользование их землей. Суд отказался от решения спора³⁷³.

Таким образом, в шамхальстве Тарковском мы наблюдаем большую пестроту земельной собственности и земельных отношений. Однако господствующей формой собственности здесь была феодальная собственность на землю. В 70—90-х годах XIX в. феодалы стали продавать земли отдельным обществам, купцам и разбогатевшим узденям. Так, например, общество сел. Капчугай купило в 1856 г. у шамхала Абумуслим-хана кутан «Алмалы» за 500 руб.³⁷⁴ Общество Нижний Джунгутай купило кутан «Кирьяр», ранее принадлежавший Рашид-хану мехтулинскому. Общество Параул купило в 1886 г. «Идум-кутан» в 1000 десятин, ранее принадлежавший Рашид-хану³⁷⁵ и т. д.

В 1905 г. среди землевладельцев Темир-хан-шуринского округа мы находим, кроме беков и чанков, чиновников, купцов и мещан, которые владели 17 104 десятинами земли. Так, например, персидский подданный купец Мамед-Гусейн Ага владел 2246 десятинами в сел. Чоглы; Любимов И. М. — 537 десятинами в сел. Тарки; Черных А. И. — 2440 десятинами в Шамхал-Термене и т. д. 148 фамилий беков и чанков владели 105 292 десятинами земли.

Крупнейшими землевладельцами из беков были: надворный советник Асельдер Казанальпов, имевший в сел. Капчугай 27 663,75 десятины, Султанат Тарковская — 14 770 десятин, Е. П. Тарковская в Нижнем

³⁷⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, ДНС, 1882, № 178.

³⁷¹ Там же, ДНС 1881, № 118.

³⁷² Там же, ДНС, 1880, д. 4.

³⁷³ Там же, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 18.

³⁷⁴ Там же, ДНС, 1886, № 13.

³⁷⁵ Там же, ДНС, 1888, № 201.

Казанище — 13 040 десятин, Зубаир Тарковский — 6239 десятин, Салим-Солтан Темиров — 6850 десятин, Абдул-Мажид Казаналыпов — 5402 десятины и т. д. 217 богатых узденей имели в Темир-хан-шуринском округе 73 635 десятин собственной земли. Так, например, Дациев из Нижнего Чиркея имел 4518 десятин³⁷⁶.

Следовательно, в шамхальстве Тарковском были налицо довольно развитые феодальные отношения. В начале XIX в. преобладала барщина, затем рента продуктами и, наконец, к концу XIX в. появилась денежная рента, которая не успела стать господствующей.

Шамхалы до ликвидации в Дагестане ханств имели политическую власть, военную силу в виде дружин нукеров и право суда. Они могли силой заставить зависимых крестьян работать на себя и отбывать натуральные и денежные повинности³⁷⁷.

В сельских общинах Тарковского шамхальства сохранялось общинное управление, однако оно не играло заметной роли. Общинная власть здесь превратилась в придаток феодальной власти. Всюду господствовала воля феодала.

Шамхалы Тарковские, засулакские и кумыкские князья ранее других феодальных владетелей установили связь с Россией, это положительно отразилось на развитии общественных отношений равнинного Дагестана.

В конце XIX в. элементы капиталистических отношений прежде всего проникли на территорию, населенную кумыками. В городах Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре стали возникать промышленные предприятия капиталистического типа.

Мехтулинские кумыки

В завещании Андуника, датированном 1485 г., уже упоминается Мехтулинское владение как удел Аварского ханства. Мехтулинский правитель Мехти, принявший русское подданство в 1610 г., назван аварским князем³⁷⁸.

По свидетельству Г. Алкадари, о происхождении мехтулинских ханов существовали различные суждения: одни считали, что они происходят от аварских ханов, другие — из рода крымских беков³⁷⁹, третьи — что они выходцы из фамилии казикумухских ханов. Первоначальной резиденцией мехтулинских ханов было аварское сел. Аймаки, расположенное в горах внутреннего Дагестана, в нынешнем Гергебильском районе. Многие селения, входившие в ханство, были аварскими (Урма, Кулецама, Дуранги, Оглы, Чоглы и др.). На основании завещания Андуника и свидетельства Белокурова мы склонны считать, что мехтулинские ханы действительно являются выходцами из Аварии из фамилий аварских ханов. Этим объясняются продолжавшиеся и в XIX в. родственные связи между мехтулинскими и аварскими ханами.

В 50-х годах XVIII в. мехтулинским ханом был Ахмед-хан, сын Мехтибека. После Ахмед-хана правил сын его Али-Султан, который был женат на сестре Магомета-нуцала аварского Кистаман-бике. Али-Султан имел двух сыновей от Кистаман-бике: Султан-Ахмед-хана и Гасан-хана. В начале XIX в. первый ханствовал в Аварии, второй — в Мехтуле. Оба они были лишены ханства за измену.

Д. Тихонов, Ф. Симонович и А. Серебров дали в 1796 г. географическое описание Мехтулинского ханства, когда главой ханства был Али-Сул-

³⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 193, 194, 200.

³⁷⁷ «Шамхалы тарковские», ССКГ, вып. 1, 1868.

³⁷⁸ Белокуров. Указ. соч., стр. XVI.

³⁷⁹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 76.

тан. Ханство тогда состояло из 16 населенных пунктов, объединявших около 3 тыс. дымов. В состав ханства входили: Параул, Нижний Джунгутай, Верхний Джунгутай, Чоглы (Малые, Средние и Большие), Апши, Ахкент, Кулецма, Аймаки, Урма, Дургели, Наскент, Левашы и др. Мехтулинские ханы имели свое правление, творили суд и расправу вплоть до смертной казни, шамхалу тарковскому не подчинялись и подати ему не платили³⁸⁰. До передачи удела Султан-хана шамхалу тарковскому Мехти, т. е. до 1818 г., Мехтулинское ханство насчитывало 3450 дворов и 15 932 человека жителей. Из 3450 дворов 2792 отбывали подати и повинности ханской фамплии, 3 — фамилиям беков и 33 — чанкам. Среди податного населения было около десяти хозяйств чагаров, остальные считались узденями³⁸¹.

Духовенство составляло значительную прослойку: 11 кадиев, 33 муллы, 11 будунов (помощники муллы); всего духовенства было 171 человек; они обслуживали 51 мечеть, где обучалось 80 муталимов.

Сельское управление состояло из 10 бегаулов (старшин), 33 картов (сельских судей) и 52 чаушей (исполнители и сторожа). Селения Чоглы, Аймаки, Апши, Ахкент, Кулецма и Оглы назывались верхними (горными) аулами Мехтулы и управлялись особым ханским наибом³⁸². По данным Щербачева, Ахмед-хан мехтулинский получал в 1831 г. натуральный оброк с населения баранами, хлебом и фруктами и с каждого двора — по одной сабе пшеницы. В пользу феодалов отбывали личные повинности, которые состояли в обработке ханских, бекских и чанкских полей³⁸³.

Подати и повинности, которые отбывали жители Мехтулинского ханства в пользу феодалов, были следующими: кент-ясак — по одному барану ежегодно от каждых 30 баранов; сабу — по 1 пуду и 20 фунтов пшеницы с каждого дыма селения Большой и Малый Джунгутай и Дуранги, а с других селений — магара (голового ячменя); арба-агач — по две арбы дров от каждого дыма, имеющего рабочий скот; куук — по одной арбе мяквы с каждых четырех дымов, этот вид оброка — введен при Ахмед-хане в 30-х годах XIX в.; сабан-булка — поставка шестипарных и однопарных плугов для посева ханской пашни; бичен-булка — с каждого дыма по одному косарю на один день; урак-булка — с каждого дыма по одному жнецу на полдня; поставка арб для разных ханских надобностей; выделение рабочих для строительства и обработки сада; поставка конных чапаров (вестовых).

Жители селений Большой и Малый Джунгутай при женитьбе и смерти хана доставляли ханскому дому по арбе дров и одной сабе пшеницы, жители селений Апши, Дуранги, Ахкент и Чоглы — по одному быку.

Выморочное имущество в этих селениях поступало в пользу хана, который обычно оставлял его у родственников умершего за умеренную плату, а если оставались дети женского пола, то с обязательством устраивать и содержать детей.

Селения Апши, Ахкент и Чоглы считались основанными на землях хана, поэтому недвижимое имущество при уходе кого-либо из этих селений или в случае смерти без наследника переходило к хану. Большой Джунгутай, Малый Джунгутай и Дуранги имели свои собственные земли, однако подати платили³⁸⁴.

Эти повинности в натуральном и денежном выражении в минимальных расчетах составляли следующие доходы мехтулинского хана.

³⁸⁰ Д. Тихонов, Ф. Симонович и А. Серебров. Указ. соч., ЦГВИА, д. 18474, лл. 10—11.

³⁸¹ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, д. 163.

³⁸² Е. Козубский. Указ. соч., стр. 389.

³⁸³ ЦГВИА, колл. 414, д. 301, лл. 228—241.

³⁸⁴ «Мехтулинские ханы», ССКГ, 1869, вып. 2, стр. 13.

Т а б л и ц а 17

Наименование податей	Количественное выражение	Стоимость податей, в руб.
Кент-ясак	135 баранов	337
Сабу	940 сабу пшеницы и ячменя	402
Арба-ясак	960 арб дров (по две арбы со двора)	480
Куук (сбор мякины) .	130 арб (с четырех дворов по арбе)	65
Сабан-булка (барщина по распашке)	80 плугов 6-парной упряжи и 60 плугов однопарной упряжки	144
Бичен-булка (выставка косцов по одному человеку с дыма) . . .	540 человек	108
Урак-булка (барщина по жатве)	540 человек	108

Повинности, выполнявшиеся по требованию владельца:

1. Выставка 250 арб в год	125 руб.
2. Выставка чагар, 200 человек	100 руб.
3. Выставка рабочих для исправления дома, 400 человек	100 руб.
4. Косвенный налог	840 руб.
5. Повинности шести дворов ханских ча- гаров, выполнявших разные работы по требованию хана	60 руб. в год
6. Ясак с Аркаских гор	150 руб.

Штрафы по уголовным преступлениям со всех деревень, за исключением селений Кака-Шура и Дургели, где штрафы поступали в пользу дяди хана, должны были поступать в пользу хана. Штрафы поступали за убийство, ранение, увоз женщин и воровство, в среднем за год на сумму в 300 руб. Подобные же повинности отбывали в пользу чанков: в Большом Джунгутае на 203 руб., в Малом Джунгутае на 264 руб., ахкентским чанкам на 52 руб., чоглинским — на 117 руб.

В 1867 г. в пользу мехтулинского хана отбывали повинности на сумму:

Б. Джунгутай	2165 руб.
М. Джунгутай	562 руб.
Дуранги	100 руб. 50 коп.
Аппи	277 руб. 50 коп.
Чоглы	15 руб.
Ахкент	10 руб.

3135 руб.

Доходы от косвенных налогов и за откуп при продаже спирта и «красных» товаров — 840 руб. Штрафы и другие одновременные доходы — 876 руб., итого — 4851 руб.³⁸⁵

³⁸⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 257, лл. 5—15.

После 1867 г. в собственности мехтулинского ханского дома были оставлены следующие кутаны и горные пастбища, которые давали доходы ³⁸⁶.

Т а б л и ц а 18

Зимние кутаны	Доходы		
	бараны	барашки	куски сыра
Кир Яр Кутан	100	20	20
Парнакси	120	20	20
Идакун	60	15	15
Саях Аги	80	15	15
Юхари	120	25	25
Аданах	120	20	20
Итого	600	115	115
Горы, летние пастбища			
Алицулькаль	40		
Аралгуль каль	40		
Кульдузул каль	40		
Мача Ураху	40		
Шанки	50		
Дарадулмеер	40		
Гумбет тау	40		
Бармаламеер	40		
Итого	320		
Всего	920	115	115

От сдачи в аренду собственных летних и зимних пастбищ, а также пахотных и сенокосных участков хан имел 932 барана, 115 ягнят, 115 кусков сыра и 200 руб. деньгами с пахотных и покосных полей, находившихся в частной собственности.

В Мехтулинском ханстве было три деревни: Оглы — 222 дыма, Кулецма — 239 дымов и Аймаки — 126 дымов, которые не отбывали ни хану, ни чанкам никаких повинностей.

1 августа 1867 г. были освобождены от всяких зависимых и обязательных отношений хану мехтулинскому, бекам и чанкам его дома, на основании состоявшегося в мае месяце этого года указа, жители селений: Большой Джунгутай — 805 дымов; Малый Джунгутай — 325 дымов; Дуранги — 59 дымов; Алши — 235 дымов; Чоглы — 67 дымов и Ахкент — 41 дым, итого 1532 дыма ³⁸⁷. Также было освобождено 35 рабов и шесть дымов чараров.

После ликвидации ханства и обязательных отношений к ханам, бекам и чанкам процесс дифференциации крестьян ускорился и к моменту переписи 1886 г. представлял следующую картину: в Джунгутайском наибстве из 6717 хозяйств без рогатого скота было 653, или 24,6%; 15,3% хозяйств сосредоточило у себя 38,5% всего рогатого скота; безлошадных хозяйство было 81,7%, а 15 хозяйств имело 115 лошадей; не имеющих земель

³⁸⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 257, лл. 5—15.

³⁸⁷ Там же, ф. 416, оп. 5, д. 65, лл. 5—6

было 23,4% всех хозяйств; не имело овец и коз 5569 хозяйств, или 82%, а 42 хозяйства (0,56%) имело 22 960 голов овец и коз, или 32,4% всего поголовья. Богатые уздени эксплуатировали труд наемных чабанов. Гасан Гусейн Магомед оглы из сел. Апши имел пять лошадей и 1400 голов овец, Мамма Гази Магома из сел. Оглы имел 1800 голов овец, Темир-Нурали оглы из сел. Параул имел 2000 голов овец и т. д.³⁸⁸

Все эти данные дают право заявить, что Мехтулинское ханство являлось типичным феодальным владением, где эксплуатация крестьян была еще сильнее, чем в шамхальстве Тарковском.

8. ТУХУМ, СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И «ВОЛЬНОЕ» ОБЩЕСТВО

Тухум

Слово «тухум» по происхождению арабское. Кайтагцы употребляют термины: «джинс», «эвлед», «табун», «тайпа», «ковм» и «утги урши».

В Дагестане тухумом было принято называть узкую группу людей, связанных между собой или кровным родством или местом происхождения.

Дореволюционные историки, этнографы и юристы сравнивали дагестанский тухум с классическим родом и объявляли Дагестан страной господства родового строя. Однако дагестанский тухум не был классическим родом, так как здесь не существовало экономической основы рода — родовой собственности на средства производства. Тухум не представлял собой в XIX в. ни хозяйственной, ни политической единицы. В Дагестане в этот период господствовал территориальный принцип расселения и хозяйственно-политической единицей являлась сельская община, а не тухум. Классическая большая семья к периоду присоединения Дагестана к России также не сохранилась, господствующей формой семьи была малая индивидуальная семья. М. М. Ковалевский и многие другие дореволюционные исследователи ошибочно принимали пережитки родовой и семейной общины в Дагестане за живое их бытование.

Однако существование в далекий период истории в Дагестане как родовой, так и семейной общин не вызывает сомнений. В сел. Тидиб и в ряде других до наших дней сохранились огромные дома, где проживали большие семейные общины, ведущие совместное хозяйство. Это подтверждается еще и тем, что аварскому языку известен специальный термин для обозначения такой семьи, а именно «рукьалгулчи» (буквально — «человек из дома»), в отличие от термина «хизамалгулчи» — член малой семьи, возникшей в результате разложения большой семьи.

В большой семейной общине существовал семейный совет, в котором на равных правах могли участвовать мужчины и женщины. Перед этим собранием отчитывался глава семьи; собрание принимало окончательное решение, вершило суд над членами общины и пр. Но самое важное, что в такой архаической большой семье существовала полная общность производства и потребления.

Таких порядков в Дагестане в XIX в. уже не было. Если и существовала нераздельная семья позднейшего типа, то порядки в ней были не демократические, а деспотические — власть отца. Женщина была придавлена и унижена не только пережитками патриархальных обычаев, но и религией ислама.

М. М. Ковалевский подчеркивал, что семейная община является позднейшей представительницей кровнородственного начала, т. е. родовой общины³⁸⁹, что она — не более как одна из ветвей родовой общины³⁹⁰.

Кто считает, что в XIX в. семейная община бытовала в Дагестане,

³⁸⁸ ПГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 15.

³⁸⁹ М. К о в а л е в с к и й. Родовой быт, вып. 1, «Вестник и библиотека самообразования», 1905, февраль, стр. 87.

³⁹⁰ Там же, стр. 20.

тот вольно или невольно утверждает, что в XIX в. в Дагестане существовал родовой строй. Между тем это ни на чем не основано. Наличие групповой собственности на мельницу, гумно или печь для сушки зерна и выпечки хлеба в горах не является доказательством существования родовой собственности: как гумно, так и мельницу нельзя разделить, сохранив их полезность, а поэтому при наследовании мельницы или гумна каждый из наследников получает пай, выражающийся в праве иметь доход за определенные дни работы мельницы или же иметь несколько дней, чтобы обмолотить хлеб на общем гумне. Паи эти продавались и наследовались так же, как и любая вещь, т. е. господствовал принцип частной, а не родовой собственности. Многие совладельцы мельниц или гумен не были даже дальними родственниками.

Что же касается квартальных печей для сушки зерна и выпечки хлеба, то ими пользовались не родственники, а скорее соседи. Владелец печи был заинтересован в золе для удобрения своих пахотных участков. Известно, какое громадное значение имеет зола для удобрения почвы в горах Дагестана. Те, кто пользовались печами, приносили свое топливо, а зола оставалась хозяйну печи.

Таким образом, дагестанский тухум в XIX в. не был ни родовой, ни семейной общиной. Дагестанский тухум — это пережиточная форма ранее существовавших кровнородственных связей. Тухум не имел обычного для настоящего рода тотемного названия, не имел тухумного культа; название тухумов происходило или по имени какого-либо видного предка, или же по характеру прежней деятельности лиц, которые объединялись в тухум, а также от названия их прежнего местожительства.

Круг родственников, входящих в тухум, ограничивается четырьмя или пятью коленами родства, для обозначения же круга более дальних родственников в аварском языке существует специальный термин «кьибилаль-улчи», что буквально значит «человек корня». В тлибил (т. е. корень) могли выходить два и более тухума. Так, например, тухум Батыра и тухум Абасилал в сел. Цубутль Казбековского района принадлежали к одному тлибилю.

В состав тухума в XIX в. входили индивидуальные семьи, имевшие свою частную собственность (на двор, скот, земли и т. д.) и занимавшие различное экономическое и политическое положение в сельской общине.

Основными характерными чертами дагестанского тухума XIX в. являются: защита члена тухума не всем тухумом, а ближайшими родственниками, наличие особого названия тухума, являющегося не всегда генетическим; отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума; решение дел членом тухума не тухумной организацией, а сельским управлением; наличие в тухуме эндогамии³⁹¹.

Основными причинами эндогамии, видимо, были: желание сохранить целостность земельной собственности если не в семье, то в кругу родственников, влияние ислама, который разрешал брак с двоюродной сестрой, а также потеря дагестанским тухумом в какой-то степени кровнородственного признака.

Существовали тухумы бедные и богатые, привилегированные и бесправные. Так, например, Б. Далгат писал, что в ауле Тидиб имеются четыре тухума: Чухби, Гадирилел, Хандилел, Нахадилел (Гарбанилел) и что между ними нет равенства: один из тухумов является более сильным, господствующим тухумом. «Из этих четырех тухумов тухум Чухби был владельческим тухумом, а тухум Гадирилел составляли свободные уздени, а Хандилел и Нахадилел считались низшими тухумами»³⁹².

³⁹¹ М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана. «Юридический вестник», 1888, т. 29, кн. IV, стр. 529. Существование в дагестанском тухуме эндогамии М. Ковалевский объяснял влиянием Авесты.

³⁹² Рук. фонд ДНИИИЯЛ, отд. истории, оп. II, д. 87, стр. 14.

Подобное соотношение тухумов было свойственно большинству сельских общин Дагестана. Почти в каждом селении имелся тухум лагзал, что вначит «тухум рабов», происходивших от бывших пленных, превращенных в рабов, потомки которых были освобождены и к исследуемому периоду уже успели обзавестись своим хозяйством наравне с другими узденими. В 1865 г. в Аварии оставалось всего лишь 30 человек еще не освобожденных рабов, которыми владели отдельные богатые семьи³⁹³.

Из всего сказанного явствует, что тухумную организацию Дагестана в исследуемый период нельзя сравнивать с той классической родовой организацией, о которой Энгельс писал: «Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще нет: порабощения чужих племен, как правило, также еще нет»³⁹⁴.

Между тем Ковалевский сравнивал дагестанский тухум с ирокезским родом. «Если мы сопоставим теперь с родом ирокезцев отдельные черты того устройства, какое представляют собой дагестанские тухумы или род, — писал он, — то, за исключением материнского родства, место которого занимает родство по отцу, мы встретимся с более или менее точным воспроизведением всех и каждой из отмеченных нами особенностей. Дагестанский род представляет нечто целое в своих отношениях с чужеродцами. Он совместно выплачивает выкупы за насилия, причиненные членам другого рода одним из собственных родичей»³⁹⁵. Такое сравнение ошибочно. отождествлять дагестанский тухум с ирокезским родом нельзя.

Энгельс пишет, что при родовом строе «в деле защиты своей безопасности индивид полагался на род и мог это делать; тот, кто оскорблял его, оскорблял весь род. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшейся ирокезами»³⁹⁶.

В исследуемый нами период в Дагестане выкуп за кровь платила семья убийцы, родственники же могли только помочь, но это было не обязательно. Более того, родовая месть, как правило, уступала место индивидуальной мести, но отклонение от этого общего правила опять-таки могло иметь место.

Когда появилась частная собственность, публичная власть в виде сельских общин и специальные карательные органы в виде сельских судов, то характер кровной мести не мог оставаться прежним.

Мы располагаем архивными данными и полевым материалом о происхождении некоторых, ныне существующих в Дагестане тухумов.

Айдемир Гасанов, 70-летний колхозник из сел. Чирюрт, рассказывает, что в Чирюрте есть в основном три тухума: Буртунай — самый древний, все земли раньше принадлежали только этому тухуму. По названию тухума видно, что его члены когда-то переселились из сел. Буртунай Казбековского района в Чирюрт.

Багулазул тухум, образовавшийся позже из горцев народности багулал; этот тухум не имел своей земли, но поскольку его члены были уздени, то за них выдавали замуж девушек из Буртунай тухума и в приданое им давали земли; таким путем, а также и покупкой Багулазул тухум приобретал земли.

Хаммалилал тухум, образовавшийся из пленных рабов; они имели земли, только приобретенные покупкой, так как в этот тухум девушки из Буртунай тухума не выходили замуж.

³⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72, л. 4.

³⁹⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 99.

³⁹⁵ М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. 2, 1905, стр. 170.

³⁹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 89.

Кроме перечисленных тухумов, есть маленькая родственная группа, которая называется Идрисилал. Это — выходцы из сел. Шаблук (Авария). Таким образом, эти тухумы носят название либо народности, как, например, Багулазул (т. е. багулал), либо прежнего местожительства, как, например, Буртунай. Следовательно, имя предка в этих случаях не сохраняется, и члены вновь образовавшегося тухума могли быть и не родственниками.

Житель сел. Бавтугай Гаджияв Махадилаев (68 лет) рассказал, что сначала селение это называлось «Дав-Тугай», что значит «богатая долина»; теперь называют «Бавтугай», что значит «долина садов». О прежних жителях этого селения ничего неизвестно, в настоящее время там живут переселенцы из селений Чиди, Миатлы и Гетма; переселенцы образовали три тухума, которые носят название этих трех селений.

Многие сельские общины образовались в XVII—XVIII вв. из людей, пришедших с гор³⁹⁷. Так, например, сел. Чиркей, существующее 400 лет, состоит из шести тухумов — выходцев из разных аулов. Парахатилал — выходцы из сел. Тлох (Авария), Джамалилал — из сел. Эмильта, которое находилось рядом с сел. Инхо нынешнего Гумбетовского района (теперь такого селения нет, есть только его развалины); Ашильтасел — выходцы из сел. Апильт нынешнего Унцукульского района; Падарал — выходцы из сел. Мадмина, которого сейчас нет, оно было около сел. Эрпели; Пирасулал — выходцы из сел. Хурюкю (Лакия), говорившие раньше на лакском языке, теперь позабывшие его, так как большинство населения Чиркей — аварцы; Бураби — выходцы из селений Эмильта и Гарадирих³⁹⁸.

Подобное же положение имело место и в сельских общинах, которые образовались в горах 150—250 лет назад. Так, по рассказам стариков, Андых основан людьми аварского нуцала 250 лет назад. В настоящее время в Андых числится девять тухумов, которые носят следующие наименования: Цунтал, т. е. дидойцы, выходцы из Дидоя; Касмал-Касум, по имени одного из трех братьев, которые прибыли в Андых в качестве канлы из сел. Карадах; Хоросел — буквально «хоринцы», т. е. выходцы из сел. Хоро Тляртинского района; Тлебелал — выходцы из общества Тлебел; Каршиннаби — выходцы из Верхнего Буртунай; Инусилал, Халипилал, Интилал и Нуцалчи — выходцы из сел. Хунзах. Тухумы здесь называют не по имени предка, а по прежнему местожительству. Именами предков названы только тухумы первых переселенцев из Хунзаха.

В Султан-Янги-Юрте, где тухумы исчезли, в XIX в. были сословия. Селение это делилось на кварталы. Кварталы названы по прежнему местожительству или по географическому расположению квартала: Тюмень-аул (верхний квартал), Джунгутау-аул, Тав-аул³⁹⁹.

В сел. Нижний Джунгутау есть квартал, называемый Телетль-аул, там живут выходцы из Телетля. Телетль находится в горах, в Кахибском районе.

В сел. Нижний Батлук было три тухума: Атагилал, Бачахилал и Тапсулал. Часть тухума Атагилал из-за кровной мести в 1774 г. переселилась в сел. Могох и образовала три новых тухума.

Только в старых селениях тухумы называют по имени отличившегося предка. Так, в сел. Анди Ботлихского района есть шесть тухумов, которые носят названия: Шамхалал, Хирачилал, Абичул-Дадилал, Унсурилал, Арашилал, Мирзалал.

В Кайтаге тухумы получали названия по имени предков, чем-нибудь прославившихся. Так, например, в сел. Башлы имеется Кади-тухум. Название его происходит от кадия, приглашенного башлинцами 100 лет назад из Цудахара. Хотя в этом тухуме и не осталось грамотных людей, которые могли бы быть кадиями, все же за потомками этого кадия закрепилось

³⁹⁷ Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев, вып. II. Одесса, 1883, стр. 185.

³⁹⁸ Рук. фонд ДНИИЯЛ, оп. III, д. 164, стр. 30.

³⁹⁹ Там же, оп. II, д. 164, стр. 34.

название Кади-тухум. Тухум Анка ведет свое начало от человека по имени Анка, который отличился тем, что убил бека, изгнавшего уцмиа и занявшего его место в сел. Башлы. После этого случая родственники Анка стали называть себя именем Анка.

Тухум Карахалк, что значит «черный народ», получил свое название по цвету кожи членов этого тухума. Неизвестный автор, изучавший тухумы Кайтага в 60-х годах XIX в., указывает, что названия 54 тухумов связаны с именами отличившихся предков или характером их деятельности.

В магалах Терекеме, Урчамуль и в сел. Башлы счет родственникам ведется только до пятого колена родства.

В дагестанский тухум могли входить люди, не являющиеся даже кровными родственниками, происходившие и из различных селений.

Главой тухума считался старший по летам или же тот, кто был авторитетнее.

В райской части Табасарана тухумы не имели никакого влияния на общественное управление. Здесь существовали сословия и действовала власть бека⁴⁰⁰. Наоборот, в узденской части Табасарана сильные тухумы имели решающее влияние на общество⁴⁰¹. Так, например, должность старшины в селениях Ругуджа, Храх и Хив была наследственной⁴⁰².

В 60-х годах XIX в. врач Кюринского округа А. Цветков изучил тухумы этого округа и пришел к выводу, что глава тухума не имел никакой исполнительной власти, он мог давать только советы. В круг обязанностей тухума не входило оказание помощи бедным членам тухума; они получали некоторую помощь из фонда зяката в сельской мечети. Выход кого-либо из своего тухума был редким явлением. В случае, если кто решался выйти из тухума, то, по обычаю, обязан был получить на это разрешение от общества или от уцмиа, уплатив при этом трехлетнего бычка и вознаградив свой тухум. Зато тухум пользовался в Кайтаге правом отказа от недостойного члена тухума. Об этом составлялся следующий документ: «Мы, родственники такого-то, отделяем из среды своей такого-то за его дурное поведение; и с этой поры, если его кто-нибудь убьет или он кого-нибудь убьет, мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; обворует ли кого или ограбит, мы также за него не отвечаем. После нас или него если останется какое-нибудь имущество, мы не имеем никакого права, и он также на нас. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом коране и прилагаем свои пальцы».

В документе перечислялись фамилии взрослых членов тухума, участвовавших в составлении документа, и фамилии свидетелей из другого тухума, которые при этом присутствовали. Документ этот назывался «Зоркан кагат» и прибывался на стене большой мечети в Кара-Корейше. При этом тухум жертвовал ковер для мечети⁴⁰³. Порядок этот существовал не везде. В частности, в сел. Кубачи принимались меры экономического воздействия на членов тухума, известных своим дурным поведением.

Таким образом, отголоски былого первобытнообщинного строя в тухумной организации Дагестана, бесспорно, имеют место. Однако было бы ошибкой отождествлять дагестанские тухумы с классическим родом и тухумную организацию — с родовой. Мы имеем здесь дело только с пережиточными формами родовой организации.

Длительное сохранение этих форм объясняется рядом специфических условий, которые были присущи обществам горного Дагестана, в частности — существованием натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти и в связи с этим необходимостью для за-

⁴⁰⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 17, л. 2.

⁴⁰¹ Там же, д. 16, л. 4.

⁴⁰² Там же, л. 6.

⁴⁰³ Там же, д. 13, оп. 4, лл. 1—10.

защиты личности и имущества сохранять узы родства и создавать новые (прием в тухум посторонних, молочное родство, объединение в один тухум выходцев из разных селений при заселении нового аула и т. д.).

Сельская община

Низовой политической организацией дагестанского общества в XIX в. была сельская община, которая состояла в основном из малых семей. Задолго до XIX в. родовые организации переросли в территориальные общины. На них вполне распространимо указание Энгельса, что «старое общество, покоящееся на родовых связях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство, низшими объединениями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории до нашего времени»⁴⁰⁴.

«Чем дольше жил род в своем селе, — писал Энгельс, — тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины»⁴⁰⁵.

Для дагестанских сельских общин XIX в. характерно господство частной собственности на двор, скот, пахотные и покосные земли. Общинная собственность сохранялась только на выгоны и пастбища. Кровнородственный принцип расселения был уже нарушен. Большинство сельских общин делилось на кварталы, жители которых не обязательно были родственниками.

В исследуемый нами период территориальные связи господствовали над родственными. В предисловии к сборнику «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» говорится: «Вторым периодом общественной жизни является общинный быт, когда частные лица начинают освобождаться из-под гнета рода — правственно-юридической единицы и, не будучи так безгранично поглощены родовой связью, свободно группируются в более или менее крупные союзы, связанные не столько родством, сколько общию оседлостью. В этом втором периоде развития народной жизни во всех общинах дагестанских горцев уже существовало до некоторой степени организованное сельское управление, выработанное самим народом»⁴⁰⁶.

Хотя автор и чеправ, говоря о гнете личности в родовом строе, но он правильно отметил господство в Дагестане территориальных связей над родственными, выработку самим народом сельского управления, основанного на территориальных началах. Основной и решающей причиной разложения родовых связей и возникновения территориальных была победа частной собственности над общинной. Маркс указывал, что «земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой к вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве»⁴⁰⁷.

Хотя сельская община Дагестана и имела собственность на выгоны и пастбища, все же частная собственность в ней преобладала. Общинная

⁴⁰⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 4—5.

⁴⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 128.

⁴⁰⁶ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», Тифлис, 1899, стр. 3.

⁴⁰⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 695.

собственность сделалась придатком частной собственности. Вот почему сельскую общину Дагестана следует относить ко вторичной формации, т. е. к обществу классовому, где в конкретном случае господствуют феодальные отношения.

Ковалевский указывал, что «в большинстве аулов отношения соседства успели уже занять место отношений кровного родства, и право посылать скот в горы и рубить лес для топлива и постройке обуславливается не столько рождением, сколько местом жительства»⁴⁰⁸. Ковалевский не отрицал и того несомненного факта, что в сельских общинах «бок о бок живут члены разных тухумов»⁴⁰⁹, т. е. нарушен также родовой принцип расселения тухумов.

Ковалевский указывает, что все это не могло не привести к образованию «особой сельской администрации, сложившейся, по-видимому, по типу первой» (т. е. родовой.— Х.-М. Х.)⁴¹⁰. Как указывал К. Маркс, «земледельческая община была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁴¹¹.

Органы управления сельской общины в Дагестане составлялись здесь, как правило, по принципу представительства от тухумов. Некоторые тухумы имели наследственное право занимать должности старшины, кадия или члена суда. Должности старшины имели право занимать лица из определенных, особо почетных фамилий в Ахтах, Рутуле и Хиве. Здесь должность аксакала передавалась по наследству⁴¹².

В сел. Курах тухум Мирчиар считался привилегированным. Тухум Кадияр имел наследственное право выдвигать из своей среды кадия⁴¹³. В сел. Хутарг только Бейбут-тухум имело право выдвигать старшину. В сел. Хив тухум Сейдар имел такое же право, а в сел. Лахля, как правило, выбирался старшина из тухума Кевхаляр⁴¹⁴. Это говорит о переходе родовых организаций в сельские, территориальные.

Ф. Энгельс указывает, что родовая организация могла незаметно переходить в территориальную. «По крайней мере в странах, где удержалась марка, — на севере Франции, в Англии, Германии и Скандинавии — родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству»⁴¹⁵.

На джамаате, в котором участвовало все взрослое мужское население, выбирался старшина, который утверждался окружным начальником, а также члены сельских судов. Число их — от одного до пяти — определялось в зависимости от числа населения в общине.

Дагестанские сельские судьи известны под названием картов. Карт — слово кумыкское и значит «старик», «почетный». У аварцев сельские судьи назывались чухби или адильбази, последнее название арабское и значит «справедливые люди». В Табасарани сельские судьи назывались кевхами, что значит «староста», в Кюринском и Самурском округах — аксакалами (слово тюркское и значит «белая борода») ⁴¹⁶. Судьи избирались на определенный срок, обычно на один год.

Каждый серьезный вопрос старшина и судьи выносили на обсуждение джамаата. Джамаат собирался около мечети на специальной площади, называемой по-аварски годекан, по-кумыкски — учар. Женщины не могли

⁴⁰⁸ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 158.

⁴⁰⁹ Там же, стр. 154.

⁴¹⁰ Там же, стр. 159.

⁴¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 694.

⁴¹² ЦГНИ Груз. ССР, ф. 416, оп. 5, д. 10, лл. 1—19.

⁴¹³ Там же, оп. 4, д. 17, лл. 1—5.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 171.

⁴¹⁶ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», стр. 4.

участвовать в этих сходах. До утверждения «Положения о сельских управлениях» в сходе участвовали все взрослые мужчины, а после утверждения его — один от дыма. Основными вопросами, которые выносились на обсуждение джамаата, были: обеспечение безопасности территории и жителей общины, выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда — маслагата, обеспечение проведения сельскохозяйственных работ в строго регламентированном порядке.

Ни один житель общины не имел права раньше установленного срока начинать сенокосение на покосах, принадлежащих общине. Когда объявлялся день начала сенокоса, все жители выходили на покос и получали участки по жребию. Такое же регламентирование существовало и в отношении уборки кукурузы, хотя посевные участки находились в личном пользовании и переходили по наследству. Уборка сена и хлебов должна была заканчиваться к определенному сроку, после чего на убранные площади пускались стада овец, принадлежащие членам сельской общины. Кто нарушал регламент, тот подвергался штрафу по адату. Этот порядок был установлен, во всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т. д.

Исключительно строгие адаты существовали в отношении сбора винограда. До объявленного дня уборки урожая никто не имел права сорвать хотя бы одну кисть винограда. Виновного подвергали общественному выговору и штрафу.

Джамаат рассматривал также вопросы исправления старых и проведения новых дорог, очистки оросительных канав, водопользования, найма общественного пастуха, выбора муллы. В помощь старшине выбирались глашатаи — чауши (по-кумыкски) и эли (по-аварски). Они созывали людей на джамаат с крыши одного из домов, объявляли решения джамаата. Кроме того, по очереди назначались исполнители — тулгаки, которые собирали штрафы и выполняли приказания старшины и решения сельского суда.

Типичным сельским управлением до 1868 г. являлось, например, Башлинское сельское управление. Для разбора и решения уголовных и гражданских дел по адату общество сел. Башлы избирало из своей среды шесть картов, а для решения дел по шариату — одного кадия. Решения картов и кадия были безапелляционны. Для исполнения различных обязанностей, в частности решений суда, преследования воров, разбойников и других преступников, сел. Башлы имело 60 постоянных исполнителей (тулгаков). Кроме того, в помощь им каждый квартал по очереди ежемесячно пазначал из своей среды еще 30 тулгаков. Кроме названных должностных лиц, в Башлах избирался еще глашатай (мангуш), в обязанности которого входило: созыв общества на сход, созыв картов для разбора судебных дел, созыв тулгаков для приведения в исполнение решений суда, освидетельствование потрав на полях и арест скота, потравившего посевы.

Карты получали вознаграждение за исполнение своих обязанностей из дохода от сбора дикой марены на общественных землях — от 3 до 5 руб. из дохода нефтяного откупа — по 5 руб., из дохода от соли — по 1 руб. Из дохода, получаемого от кутанов, отдававших обществом на откуп: т. е. от откупщиков, карты получали сверх откупной платы по одному барану с каждого кутана в пользу всех картов. При ежегодном разделе общественной земли каждый карт получал двойной участок пахотной земли.

Кадий получал с каждого двора по три саха пшеницы, жители по очереди угощали его, за совершение кебина ему полагалось по 20 коп., но фактически давали больше; за омовение мертвого он получал 2—3 руб., за чтение корана на могиле — 5 руб., за оформление документа об аренде кутана — 1—2 руб. и т. д.

Половина штрафа за преступления и весь штраф за маловажные проступки поступали в распоряжение общества. Одна часть штрафа делилась между тулгаками, которые приводили в исполнение решение суда, а другая часть поступала в пользу мангуша. Мангуш получал от общества

ежегодно одну лошадь. Наследственные тулгаки, кроме почета, никакими особыми преимуществами не пользовались.

26 апреля 1868 г. было утверждено «Положение о сельских управлениях Дагестана». Это «Положение» в основном сохранило существовавший ранее и естественно сложившийся порядок управления сельскими общинами. Однако оно понизило роль джамаата. Во главе общества стал старшина как представитель власти; у картов сохранилась только судебная власть.

Карты, кадии или муллы были в каждом селении, однако число их зависело от величины селения. Так, в Уркарахе было 12 картов, в Кишах и Харбуке — по 8, в Кубачах — 7, в Утамыше — 4.

У терекмейцев Кайтага не было старейшин и дела их решались беками; если они оставались недовольны решением бека, то обращались к старейшинам в Башлы. Еврейское население Кайтага также не имело своего управления, оно целиком подчинялось бекам. Все дела еврейского населения решали беки или башлинский суд старейшин. Если спорящие бывали из разных селений и дела были серьезны, то они обращались к тому старейшине или кадью, который считался наиболее опытным и авторитетным. Дела по крупным кражам, убийствам и увозу женщин рассматривались только в главных селениях магала. Если решением старейшин главного селения или кадия стороны оставались недовольны, то они могли передать жалобу на рассмотрение в общественное место, куда для этого периодически собирались старейшины всего магала и представители почетных лиц (по два-три или четыре человека от каждого селения). Если и этим решением стороны оставались недовольны, то они обращались к самому уцмю и с его разрешения отправлялись в Киши, где оканчивали свой спор по уцмьским адатам.

Когда спор возникал между целыми селениями, его разбирали карты тех селений, к которым принадлежали тяжущиеся, и если не могли примирить тяжущихся или решением их последние были недовольны, то дело разбиралось и решалось картами какого-либо постороннего селения. Карты или кевхи были в каждом селении. Только в магале Урчамуль в Кайтаге, в состав которого входило 22 селения, было всего три кевха, живших в селениях Шиланши, Керхия и Кирцък.

Апелляции на решения сельских картов поступали в одних магалах к джамаату, почетные люди которого решали дела, в других — к собранию всех картов, в третьих — к картам известного селения.

Так, карты сел. Уркарах в Кайтаге пользовались особым предпочтением; они в своем селении решали дела безапелляционно, с апелляционными же жалобами обращались к ним не только жители их магала, но и жители других магалов — Муьре и Ицари.

Дела по шариату решали кадии. Кадии были почти в каждом селении (только в магале Ицари в Кайтаге был один кадий на все четыре селения). Почти в каждом магале были первенствующие кадии, жившие в известном селении, к которым обращались с апелляционными жалобами на решения сельских кадиев, но иногда апелляции приносились к кадиям другого магала и даже к главному кадью. В нагорном Кайтаге особым предпочтением пользовались уркарахский и кубачинский кадии.

В большинстве узденских магалов кадии избирались из людей, знающих шариат и известных своею «ученостью» (только в магалах Каракайтаг и Урчамуль первенствующие кадии избирались из одних и тех же тухумов обществами всего магала).

Кадий за исполнение своих обязанностей в большинстве магалов получал с каждого двора по одной сабе пшеницы, а при разделах имущества — по 25 коп. с каждых 10 руб. стоимости имущества. Кадий освобождался от караульной службы. В селениях магала Ганк кадий в большинстве случаев получали по 30 руб. в год. В магале Ицари кадий получал

от общества покосное место на 20 вьюков сена. Если же кадий был избран не из своего общества, то сверх этого получал по 15 баранов в год.

В обязанности тулгаков входило наблюдать за порядком в общественных местах, заботиться о выходе народа на полевые и другие общественные работы, взыскивать штрафы по указанию старшин, выгонять из дому канлы, если родственники его скрывали. За отказ подчиниться решению старшин взыскивался один бык или его стоимость. Нарушитель режима, установленного для полевых работ, подвергался штрафу; если кто пас скот в недозволенном месте, то его скот захватывался и возвращался владельцу только после получения штрафа за потраву. За исполнение обязанностей члены сельского управления получали различное вознаграждение и пользовались рядом льгот.

Тулгаки и мангуши получали часть штрафов, а потому проявляли инициативу в деле взыскания их с населения. Утамышцы давали старшему мангушу быка или его стоимость, а младшим мангушам — по 40 саб пшеницы. Сверх того, мангуши имели льготы по поливу своих пахотных участков⁴¹⁷.

В Кюринском ханстве сельские общества управлялись кевхами. Обязанности кевхов заключались в наблюдении за порядком. Для разбора споров и жалоб в своем селении они имели право приглашать несколько почетных стариков (аксакалов). По решению кевхов жители подвергались штрафам, вплоть до разорения дома. Кевхи селений Курах, Хутарг и Унам имели влияние на прочие селения своих магалов. Они могли решать важные дела, в частности дела о кровной мести, об увозе женщин и т. д. Они объезжали свои магалы и вместе с аксакалами творили суд и расправу, за что получали вознаграждение.

Кюринские ханы над сельскими властями поставили магалных назырей или наибов. Юсуф-хан кюринский назначал старшин по своему усмотрению и превратил их в простых исполнителей своих и наибских распоряжений.

Джамаат рассматривал вопросы, касающиеся общества. Дела, касавшиеся магала, рассматривались выборными представителями от каждого сельского общества, заинтересованного в разрешении спора. Места сбора магалных представителей были всем известны. Так, в Кюринском ханстве курахцы собирались выше сел. Курах, в местности Ярги-Келядых (высокая башня), котюр-чюринцы — в местности Руат, ряд других обществ — на горе Каляк. С упрочением ханской власти подобные собрания прекратились.

Евреи подчинялись властям того общества, где они проживали, однако для решения дел между собой они избирали старшину — насси, высшего духовного учителя и судью — дояна. Всего в Дагестане было два дояна.

В райтской части Табасарани селениями управляли беки по своему усмотрению. В узденской же части важные дела решались на джамаате, где имели влияние богатые и сильные тухумы.

Кевхи, бакавул (чауш), кизиляры или курухчи (исполнители) и мулла составляли сельское управление узденской Табасарани. Старшины руководствовались адатами, муллы — шариадом. Недовольные решением сельских старшин обращались к одному из главных трех старшин, который решал дела по адату и свое решение сообщал старшине того селения, где должно было происходить исполнение решений. Должности кевхов и бакавулов были наследственными, а кизиляров — выборными. Кевхи и бакавулы никакой платы от общества не получали, а кизиляры получали по 1 или 1½ сабы ячменя. Штраф за потраву также шел в их пользу. Размер

⁴¹⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 13, лл. 10—18.

штрафа: в первый раз — чурек, во второй — кия (гарнец) ячменя, а в третий — 1 саба хлеба.

Для характеристики управления сельскими общинами считаем не лишним привести обнаруженное нами в сел. Батлукх на обложке мечетского корана постановление джамаата сельской общины, относящееся к 1752 г.

«Постановление Батлукхского джамаата. Принято в 1165 г. хиджры (1752 г. н. э.).

Батлукхский джамаат единогласно постановил принять нижеследующие нормы адата для дальнейшего руководства ими:

1. Если спор может быть решен по шариату и кто из спорящих откажется от шариатского решения, то его признать виновным.

2. Если лица, у которых находятся пахотные участки или скот, на которых лежит вакуф для мечети, добровольно не внесут его в мечеть в месяц Рамазана, то вакуф взыскать силой.

3. За случайное убийство взыскивать только дият. Если возникнет спор о случайности убийства, то случайность должна быть подтверждена присягой 15 родственников виновного. В этом случае запрещается разрушать дом и чинить насилие над семьей убийцы.

4. Убийство человека скотиной в отсутствии хозяина или пастуха и без их умысла не влечет за собой взыскания дията.

5. Дом убийцы подлежит разрушению, если убийство совершено умышленно. В этом случае не принимается во внимание то, что на этом доме лежит вакуф для мечети.

6. Размер дията установить вместо 100 верблюдов, предусмотренных шариатом, 100 овец, имея в виду, что в наших местностях нет верблюдов.

7. Если пастуха обвинят в убийстве или в поранении кого-либо им самим или по его вине скотиной, то от него и его родственников требовать очистительную присягу, но только после присяги 15 человек со стороны потерпевшего.

8. Если в краже коня, кобылицы, осла, быка, коровы, телки участвовало несколько человек, то они несут в равной мере и ответственность при возмещении краденого и при оплате штрафа.

9. За побои, нанесенные кулаком, за укусы, удар ногой, если эти действия исходят со стороны взрослого человека или же человека, который получает пай в обществе, или же девушки не моложе 15 лет, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы. Штраф этот не подлежит взысканию, если побои нанесены вору, грабителю и человеку, который обнаружен в интимных связях с чужой женой.

10. Если побои нанесены многими, т. е. до 15 человек, то размер штрафа увеличивается до трех овец.

11. Нанесение колотой раны острым камнем, пещаником, кинжалом и другими острыми орудиями влечет за собой взыскание штрафа в размере одного быка, который стоит 15 баранов. Если же рана не колотая, а нанесена простым ударом, то размер штрафа устанавливается в количестве трех овец.

12. Если будет совершена кража из стада баранов-производителей или же из стада овец, находящихся на летних пастбищах, то с виновных взыскивается штраф в размере пяти овец. Если же кража совершена пастухом, то, кроме взыскания с него штрафа, он немедленно увольняется.

13. Если кто кого обвинит в убийстве, то подозреваемый обязан по адату дать очистительную присягу с 15 родственниками. Не полагается требовать очистительную присягу, если убийство совершено в войне против другого общества, в частности против Могоха или Занаты.

14. Принять расходы за счет общества на содержание лекаря, если односельчанин получил ранение в войне против другого общества.

15. Тухум Бацахилал и тухум Тапсулал договорились о том, что они будут соблюдать между собой мир и участвовать вместе во всех делах

как в хороших, так и в плохих. Для соблюдения мира с обеих сторон представители тухумов заложили свои пахотные участки: из тухума Бачахилал Гитинов Магомед заложил свой пахотный участок, находящийся в местности «Гоготль», а Рахмалав — пахотный участок, находящийся в местности «Запах»; представители тухума Тапсулал Али-Умалов — пахотный участок, находящийся в местности «Харикалабах», а Умар Рида-Али — в местности «Жидиб».

16. Если кто-либо из упомянутых тухумов совершит акт, нарушающий мир между тухумами, то залог тухума, из которого происходит нарушитель, подлежит продаже, а выручка расходуется на угощение обоим тухумов, исключая нарушителей. Если возникнет сомнение о нарушении соглашения, то вопрос решается присягой 15 человек со стороны подозреваемого.

17. Если общество должно будет участвовать в выплате дията, то каждый тухум вносит равную долю.

Из этого постановления видно, что общество определяло для своих членов нормы поведения, принимались меры к установлению мира между тухумами. Общество здесь выступает как единое целое. Принцип собственности на пахотные участки безраздельно утвердился. Это видно из того, что закладываются определенные пахотные участки, принадлежащие конкретным лицам из обоих тухумов.

Религия ислама пустила такие глубокие корни, что шариатом руководствовались и в вопросах гражданского спора. Лицо, отказавшееся от шариатского решения, автоматически признавалось виновным. Мечетская ответственность — вакуф — защищалась как священная, общество взыскивало вакуф силой.

Таким образом, мы имеем дело с обществом, где развита частная собственность, общинная власть и прочно утвердилась религия ислама.

Нормы адата вырабатывали для себя каждое самостоятельное сельское общество или союз. В сел. Заната обнаружена запись, датированная 1200 г. хиджры (1796 г.), где говорится, что общество принимает постановление о единстве и прекращении раздоров и закладывает в обеспечение мира 20 пахотных участков размером на 100 сабов посева (около 8 десятин). Здесь также земельные участки принадлежат частным лицам.

Если бы действовала централизованная власть хана, то подобные нормы адатов не могли бы появиться; каждое общество не заботилось бы о своей безопасности и в этих целях не принимало бы различные меры, в частности не закладывало бы пахотные участки.

Для определения взаимоотношений сельских общин характерно приведенное ниже маслагатное решение между селениями Хунзах и Голотль (начало XIX в.).

«В 1217 г. хиджры (1803 г.) в месяце Магарам (начало года. — Х.-М. Х.) между хунзахцами и голотлинцами произошла большая драка. В этой драке со стороны хунзахцев были убиты: Мирза Гитинов Магомед, сын Гаджиява, сын Шейхова, сын Патина-Хатун, сын Курбана. После этого хунзахцы поднялись по тревоге. Они намеревались воевать с голотлинцами, заняли местность над сел. Голотль под названием «Сариси бежулеб гох», ущелье, находящееся рядом с ним, и все окружающие возвышенности таким образом, чтобы голотлинцы не имели возможности оказать сопротивление.

В это время для установления между ними мира прибыли следующие лица: из сел. Телетль-Чупан сын Али-Султана Магомед Нистагов, кади Малла-Магомед, сын дибера из сел. Уриба Гаджияв и люди из Гоор-Кеха. Они уговорили кончить дело маслагатом (миром) на следующих условиях: голотлинцы уступают хунзахцам свою землю, начиная от моста до речки Тобот, мост остается хунзахцам, земля, деревья, кустарники, трава — все принадлежит хунзахцам. На этих условиях маслагата согласились

хунзахцы, голотлинцы и кюядинцы (видимо, Голотль входил в общество Кюяда.— Х.-М. Х). Свидетелями были перечисленные выше лица и, кроме того, из сел. Кюяда-Исалав и Горо-Хаджи, из сел. Гоцатль-Дибир, из сел. Урада-Хаджи, из сел. Тануси — Лабазанилав и др.»

Это было время после смерти Умма-хана, когда зависимые крестьяне, как мы указывали, отказывались отбывать повинности, восставали против ханского дома. Ввиду этого мирный договор вторично был заключен в 1220 г. хиджры (1805 г.) с участием представителей селений Купна, Салта и Цудахара.

Обе стороны договорились принять прежние условия и впредь за убийство и поранения взыскивать только $\frac{1}{3}$ дията, если эти случаи произошли на территории виновного (на земле голотлинцев или хунзахцев). За убийство и поранения, совершенные в других местах, взыскивать обычный дият⁴¹⁸.

Из этого документа вытекает, что в разрешении спора между резиденцией хана — Хунзахом — и сельским обществом Голотль, входившим в состав Кюяндипского «вольного» общества, обязанного при военных походах хана выделять войско, участвуют не представители хана, а представители ряда сельских обществ, принадлежащих различным «вольным» обществам. Этот факт говорит о том, что власть сельских общин в горах была еще сильна, и хан официально не вмешивался во внутренние дела джамаатов, если это не касалось прав или привилегий ханского дома. Ханы опирались на сельские общины и через них проводили свою политику. Они прибегали к помощи отдельных сельских общин для насильственного взыскания податей с раятских или узденских селений, если те отказывались добровольно отбывать повинности и вносить подати. Так было с селениями Орота, Харахи и др.

Документ этот показывает также, каким способом у отдельных сельских обществ отнимали их земли.

Маслагатные решения представителей сельских обществ, решения джамаатов и сельских судей являлись одним из источников обычного права, сложившегося в Дагестане.

Для полной характеристики деятельности сельских органов управления необходимо остановиться на порядке рассмотрения гражданских и уголовных дел в сельских судах и единолично кадием.

Карты или адильзаби или аксакалы, вместе с кадием или муллою или дибиром, начинали разбор дела по личному заявлению потерпевшего или истца. Представительство допускалось только мужа за жену и отца или опекуна за несовершеннолетних. Доказательствами по адату считались собственные признания, без принуждения, присяга (число соприсягателей должно было быть не менее двух, причем женщины к присяге допускались только в одном Сюргинском участке), показания раненого или умирающего, вещественные доказательства (ссадины, кровь на оружии и т. д.), а также письменные документы, подтвержденные присягой. Иски были двух родов: прямой, с вышеназванными доказательствами, и по подозрению. Во втором случае требовалось, чтобы истец вместе с соприсягателями подтвердил свои требования присягой или же требовалась очистительная присяга ответчика и подозреваемого. Число свидетелей и соприсягателей в разных аулах было разное. Так, например, в делах по убийству требовалось от 12 до 60 человек. Число свидетелей и соприсягателей зависело от характера преступления или от размера иска.

Основными видами наказания по обычаям были: дият или кровная месть; изгнание на срок или бессрочно; штрафы в пользу общины.

⁴¹⁸ Запись эта по-арабски сделана жителем сел. Хунзах Магомедом, сыном Дауда. с копии маслагата. С арабского на аварский перевод по нашей просьбе сделал народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса.

Все эти наказания сопровождались обязательным взысканием причиненного ущерба в пользу потерпевшего.

Смертная казнь адату неизвестна. Но адат во многих случаях допускал право убивать преступника. По адату в Дагестане считалось безнаказанным убийство кровного врага до примирения, человека, нанесшего бесчестье семейству, объявленного врагом общества, нападающего из засады, вора на месте преступления, женщины, застигнутой с любовником, похитителя женщины при его преследовании и т. д.

Кража имущества в мечети в Цудахарском обществе могла повлечь за собой право убийства виновного. Убить его мог любой из аула. В Гидатлинском обществе самым тяжким преступлением считался умышленный поджог моста (это общество находится на правом берегу Аварского Койсу, и мост соединяет Гидатль с другими обществами Аварии). Поджигатель мог быть безнаказанно убит кем угодно.

В некоторых обществах Дагестана адат различал убийство квалифицированное и простое. Квалифицированным считалось убийство, совершенное из корысти, из засады, в мечети, ночью и в доме убитого. Виновным в убийстве признавался всегда один, но по количеству нанесенных ранений определялось число родственников убийцы, которые должны быть на определенный срок изгнаны из аула. Убийство беременной женщины рассматривалось как убийство двух человек, убийство кадия в Кайтаге считалось тяжким преступлением, за что, кроме убийцы, изгонялись семь родственников его.

Адаты поддерживали такие уродливые пережитки родового быта, как кровная месть, выдача замуж малолетних, многоженство, оскорбление женщин и т. д.

В среднем в год на почве кровной мести или по другим причинам, коренившимся в пережитках родового быта, в Дагестане при царском режиме погибало более 600 человек. Это была страшная социальная болезнь, усердно распространявшаяся царским самодержавием и местными угнетателями — ханами, беками, кадиями и муллами.

Земельный голод в горах дореволюционного Дагестана заставлял горцев бороться за каждый клочок земли. Из-за межевых споров возникали распри, сутяжничество, убийства, кровная месть, переходившая из поколения в поколение. Царские сатрапы, местные эксплуататоры — ханы, беки, кадии и муллы — использовали эти споры в своих корыстных целях.

Разжигание национальной розни между многочисленными народностями Дагестана и сохранение пережитков родового быта, их культивирование соответствовало интересам царизма и местных эксплуататоров. политике «разделяй и властвуй», так как эти пережитки разъединяли трудящихся и отвлекали их от борьбы с угнетателями.

Царское законодательство открыто требовало от населения соблюдения адатов и шариата. В «Положении об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», утвержденном 5 апреля 1860 г., говорится, что дагестанский «народный суд» учреждается «для рассмотрения поступающих к нему жалоб по делам, подлежащим разбирательству по адату и шариату и для постановления по ним решений». В §§ 47—48 этого «Положения» указано, что окружные «народные суды» и словесные суды при ханах разбирают дела «по местным обычаям туземцев (адату)».

Сельские словесные суды разбирали мелкие уголовные и гражданские дела также по адату, а брачные и наследственные дела — по шариату. Этот порядок строго охранялся царизмом. Так называемый «народный» суд (так назывался высший суд для горцев Дагестана при царизме, руководствовавшийся шариатом и адатом) со всей жестокостью обрушивался на каждого, кто смел отступить от вредных обычаев и феодального права шариата.

При такой деятельности «народных» судов самые чудовищные институты патриархально-родовых отношений не только не могли исчезнуть, но наоборот, укреплялись.

Все общественные вопросы решались без участия женщин. По адату многих обществ тяжелые работы должна была исполнять только женщина. Считалось неприличным, если мужчина будет таскать сено, ходить по воду, вести прополку посевов.

На сельский сход (джамаат) вызывали 15-летнего юношу, а женщина не вызывалась на джамаат даже в том случае, когда она являлась главой семьи. Свидетельское показание одного мужчины приравнивалось к свидетельским показаниям двух женщин. Наследство женщина получала на 50% меньше, чем мужчина.

Ни в доме отца, ни в доме мужа женщина не могла чувствовать себя равноправным и свободным человеком. Рождение дочери считалось несчастьем. Женщина не садилась за один стол с мужем в присутствии посторонних. В Кумыкии мать не могла взять на руки маленьких детей в присутствии старших и посторонних.

Адат и шариат предоставляли мужу право убить жену, если он заметил ее измену, избивать ее и сажать под замок, если она не выполняет его волю. Мужу принадлежало право развода. Он же мог принудить жену продолжать брачную жизнь. В сел. Агвали Цумадинского района существовал обычай, по которому женщина, желавшая развестись с нелюбимым мужем, должна была дать ему шесть коров за согласие развестись. Обычай обручения малолетних, выдачи замуж несовершеннолетних, похищения женщин, двоеженства и многоженства веками процветали в Дагестане.

Широко применялись здесь и позорящие женщину обычаи (снятие головного платка, колец, браслетов, срезание кос и т. д.). После этого она не могла выйти замуж, появляться в общественном месте, к ней относились с презрением, как к опозоренной.

В результате тяжелого труда и нечеловеческих условий жизни горняка быстро старилась, заболела, безвременно умирала. Она была предметом купли и продажи, как любая вещь.

По рекомендации администрации Дагестанской области в 1913 г. каждый населенный пункт Дагестана на своем сходе устанавливал желательное количество кебинных денег (плата, на которую имеет исключительное право девушка или вдова) и калыма (выкупная плата за девушку или вдову, на которую имеют исключительное право родители).

В 210 населенных пунктах Кюринского округа решением сходов был установлен размер калыма и кебина при выдаче замуж девиц и вдов. Так, например, в сел. Цмур за девушку был установлен кебин в 30 руб. и калым 100 руб., за вдову — кебин 200 руб. и калым 60 руб.⁴¹⁹ В округах горного Дагестана по этому же распоряжению был установлен размер кебинных денег несколько иной: за вдову, как правило, платили в половину меньше, чем за девушку.

Отец или вали (опекун) являлся полным хозяином девушки и мог продать ее по своему усмотрению. Без согласия отца или опекуна ни девушка, ни вдова по своему выбору не имели права выйти замуж. В брачно-семейных делах обращали большое внимание на сословную принадлежность сторон.

Военный губернатор Дагестанской области в 1903 г. обратился в Закавказское суннитское духовное управления Тифлиса со следующим запросом: «Темир-хан-шуринский окружной словесный суд обратился в Дагестанский народный суд с просьбой разъяснить вопрос о том, принимается ли во внимание при совершении кебина (брачного договора.— Х.-М. Х.)

⁴¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 60, л. 104

заявление отца невесты о неравенстве жениха по происхождению, если сама невеста желает выйти замуж, причем она не девушка и вступает во второй брак». Губернатор получил следующее разъяснение: «При выходе как девицы, так и вдовы замуж за лицо неравного происхождения согласно их вали обязательно; в случае же неиспращения согласия вали последний имеет право просить о расторжении брака, заключенного помимо его согласия, как об этом изложено в шариатских книгах»⁴²⁰.

Таким образом, даже взрослая женщина не могла распоряжаться собою. Было редкостью, когда брак заключали по любви; обычно это был экономический расчет и воля отца или старших братьев. «Господство мужчин в браке, — писал Энгельс, — есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезнет с последним»⁴²¹.

Но адату девушки лишались всякого наследства, по шариату же им полагалось наследство, но только вдвое меньше, чем сыновьям.

6 февраля 1900 г. Дагестанский народный суд рассматривал ходатайство общества Дургели, поступившее через губернатора области, об отмене адата, по которому наследство переходило только к сыновьям, а дочери лишались его. Ходатайство мотивировалось тем, что указанный адат ввели и поддерживали беки, находившие в нем способ возвышения и увеличения средств лиц мужского пола, плативших бекам различные налоги и повинности. В ходатайстве указывалось, что селения Кафыр-Кумух, Парул, Джунгутай и многие другие вместо этого адата, с приходом русской власти, ввели шариат⁴²².

Характеристика сельских общин была бы неполной, если бы мы не остановились также на роли в них ислама и мусульманского духовенства.

Как было указано, при каждом селении находился кадий или мулла и другие мелкие служители культа.

Они не только затуманивали головы верующих религиозным дурманом, но контролировали и фактически направляли жизнь и быт горцев, особенно в тех обществах, на которые власть светских феодалов не распространилась. В своей деятельности они руководствовались шариатом, устои которого изложены в коране, составленном в VII в.; шариат имеет многочисленные толкования различных религиозных школ; нормы шариата и их толкования в конечном итоге преследуют одну цель — укрепить господство имущих классов и держать трудящихся в повиновении, обещая им за их страдания все радости жизни «на том свете».

Наказания, установленные шариатом, в своей основе направлены против бедноты. По шариату от расплаты почти за все преступления богатый может откупиться; бедняк же, не имеющий этой возможности, подвергается жестокому наказанию. Суровому наказанию по шариату подвергается тот, кто покушался и на частную собственность. За кражу хотя бы одного зернышка, говорится в шариате, виновный подвергается отрубанию руки. Шариат признает кровную месть и допускает причинение увечья за преступление.

Под страхом жестокого наказания «на том свете» верующий должен слепо и точно исполнять все догматы шариата. Религия ислама старается ликвидировать в человеке всякое здоровое начало, подавить его инициативу, обрекает его на духовное прозябание. Она проповедует вражду к иноверующим. Энгельс отмечал, что «коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный — это «гяур», это враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами

⁴²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 53, л. 10.

⁴²¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 157.

⁴²² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 14, л. 3.

и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберийских государств были священным флотом ислама»⁴²³.

Ислам как религия господствующего класса феодалов предписывали верующим подчиняться власти имущих. В коране говорится: «Верующие, повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть»⁴²⁴. Существование богатых и бедных, господ и слуг религия ислама объясняет божьей волей. «Мы от имени бога,— говорится в коране,— раздаем... жизненные потребности в этой дольной жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни... держат других подвластными себе невольниками»⁴²⁵.

Невзгоды, связанные с бедностью, классовым гнетом, коран называет благодеянием для бедных и тем, кто покорно переносит эти невзгоды, обещает «великую награду», но только после смерти. Основное внимание коран обращает на загробную жизнь, подробно описывает рай и ад. При этом рай изображается глазами жителя арабской пустыни, жаждущего тепи и холодной воды. «Те, которые веруют и творят добро,— говорится в коране,— будут введены в сады, орошенные потоками воды, они проживут там вечно, там они найдут женщин, чуждых всякого порока, и приятную тень»⁴²⁶. «Наградой им за их терпение,— говорится далее,— будет райский сад и шелковая одежда. Там они не увидят ни солнца, ни луны, тень деревьев над ними будет простираться, гроздья плодов их низко будут опускаться. Их будут обносить серебряными сосудами, кубками, сделанными из хрусталя... там их будут поить из чашки питьем, которому приправой будет имбирь»⁴²⁷.

Таким образом, коран обещает бедным на том свете все то, что богатые имеют на этом свете.

Ад описывается в мрачных красках — в нем бушующий огонь и драконы. В ад, по корану, попадают те, которые нарушают шариат, выступают против своих господ, проявляют недовольство своим положением слуги, забывают, что господа и их слуги созданы самим богом.

Все эти положения ислама служили в Дагестане орудием господства эксплуататоров, средством превращения трудящихся в безвольных рабов.

Коран закреплял бесправное и угнетенное положение женщин. Так, в нем говорится: «Мужчины выше женщин по причине качеств, которыми бог возвысил их перед теми, и потому, что мужчины свое имение употребляют на награждение женщины. Добродетельные женщины послушны и покорны»⁴²⁸. «Если ваши жены делают бесчестный поступок,— указывает коран,— призовите четырех свидетелей. Если их свидетельства сойдутся против них, то запретите их дома, покауда постигнет смерть или бог подаст им случай к спасению»⁴²⁹. «Бог приказывает,— говорится в коране,— в разделе ваших имуществ между детьми вашими давать сыну вдвое более дочерей»⁴³⁰. «Если муж умер, жена должна ждать 4 месяца и 10 дней, после этого только может выходить замуж»⁴³¹. Детей старше двух лет отец может отобрать у матери⁴³². Таким образом, и шариат, и адат низводили женщину до положения рабыни. Шариат и вредные адаты свили в Дагестане прочное гнездо. Недаром Дагестан при царизме называли страной адата, корана и книжала. Адат, шариат, книжал и кнут

⁴²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 6.

⁴²⁴ Коран, гл. IV, стих. 62.

⁴²⁵ Там же, гл. X, стих 31.

⁴²⁶ Там же, гл. XI, стихи 13—14.

⁴²⁷ Там же, гл. XXVI, стихи 12—19.

⁴²⁸ Там же, гл. IV, стих 38.

⁴²⁹ Там же, гл. IV, стих 19.

⁴³⁰ Там же, гл. IV, стих 12.

⁴³¹ Там же, гл. II, стих 234.

⁴³² Там же, стих 238.

царских сатрапов — вот чем регулировалась при царизме общественная жизнь горцев Дагестана.

Сельская община Дагестана в XIX в. раздиралась классовыми противоречиями, тружеников общины угнетали феодалы, богатая узденская верхушка и духовенство. Слово богатых и представителей духовенства имело решающее значение на джамаате. Различное положение людей в джамаате было следствием их различного отношения к собственности. Одни сосредоточили в своих руках большое количество скота и земли, другие были лишены их, а поэтому многие вопросы, рассматриваемые сельским сходом, практически не касались бедных. Бедные редко жили в своем селении, почти всегда находились в отлучке — в поисках куска хлеба.

Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату.

Шариат, имея силу религии, также отвечал интересам как самого духовенства, так и всех богатых. Духовенство старалось расширить компетенцию шариатского суда, изъяв все уголовные дела из подсудности адатного суда. В этом духовенство видело колоссальную выгоду для себя.

Однако общинники твердо отстаивали суд обычая, так как обычай и знал таких человеконенавистнических наказаний, как шариат. Вообще уголовные законы шариата были чужды правосознанию горцев.

Что касается феодалов, то они отстаивали суд обычая в уголовных делах не потому, что шариат не удовлетворял их, а по той причине, что штрафы, взыскиваемые адатным судом, шли в пользу феодалов. В тех же селениях, на которые феодальная власть не распространялась, штрафы шли на нужды сельской общины и для вознаграждения сельских должностных лиц, что опять-таки было выгодно этим последним.

«Вольные» общества

«Вольными» обществами в Дагестане назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с более крупным и сильным сельским обществом.

Принцип образования этих союзов — территориальный. Объединялись сельские общества, расположенные близко друг к другу. «Вольные» общества могли объединяться в союзы «вольных» обществ. Это случалось в случае серьезной опасности внешнего нападения. Подобный союз постоянно существовал у акушинских даргинцев во главе с акушинским кадием.

Некоторые историки и этнографы называли «вольные» общества республиками, а их союзы федеративными республиками и таким образом идеализировали видимость свободы и демократизма в них.

Генерал Паулуччи в рапорте военному министру Румянцеву в 1812 г. назвал все «вольные» общества Южного Дагестана «республиканскими обществами лезгинцев»⁴³³. Броневский называет «вольные» общества «федеративными» республиками⁴³⁴. Он насчитал в Дагестане 12 федеративных республик. Ему даже Аварское ханство казалось примером демократического и федеративного образа правления. «Все владение аварское, — пишет он, — составлено из мелких федеративных обществ под покровительством хана аварского, который там имеет собственные поместья, а по мере личных свойств пользуется властью»⁴³⁵. Броневский считал также, что и Казикумухское ханство состоит из федеративных обществ⁴³⁶.

⁴³³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 8, д. 237, л. 74.

⁴³⁴ С. Броневский и др. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, стр. 40.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Там же, стр. 41.

А. П. Брюханов пишет, что даргинское «вольное» общество надо признать «федеративным объединением, хотя с наследственным кадием»⁴³⁷.

«Доказательством того,— пишет А. П. Брюханов,— что «вольные» общества Дагестана были демократическими республиками, может служить широко представляемое ими право убежища политическим преступникам»⁴³⁸. Законный вопрос: кто же эти политические преступники? Оказывается, это грузинский царевич Александр, Ших-Али-хан дербентский, Сурхай-хан казикумухский, Магомед-эфенди ярагский. Все эти лица известны своей реакционной политикой, и если они находили убежище, то это характеризует не демократизм «вольных» обществ Дагестана, а скорее всего их консерватизм.

Дальше всех в оценке «вольных» обществ Дагестана пошел Руновский, который утверждал, что «вольные» общества представляли собой в миниатюре Англию и Американские Соединенные Штаты⁴³⁹.

Маркс в письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. дал характеристику индийских общин, назвав их идилическими республиками, «которые заботятся лишь ревниво о том, чтобы охранить границы своей общины от соседней общины»⁴⁴⁰. Может быть только с этой точки зрения можно назвать дагестанские «вольные» общества республиками.

В действительности в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом. Сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости «вольных» обществ, то она была относительной. Многие «вольные» общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала.

Внутри сельских общин жители уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово принадлежало богатым. Сохранившиеся еще формы народоуправства только вуалировали власть богатых над бедными.

При всем этом нельзя отрицать, что «вольные» общества в отдельные периоды выступали как независимые и самостоятельные объединения и боролись против ханских захватов. Но между отдельными сельскими обществами существовали противоречия, так как общества различались по богатству и мощи.

Многочисленные дореволюционные исследователи, естественно, не могли дать правильную оценку общественному строю Дагестана. Они не замечали классовых противоречий в «вольных» обществах, видимость свободы и демократизма принимали за действительность.

Еще в 1728 г. И. Г. Гербер писал о демократическом характере управления сельских общин: «В уездах их (Аварии.— Х.-М. Х.) есть по старшине, которых самих выбирают, и сами старшины вместе с кади или духовным все споры прекращают. Ежели старшины им не нравятся, то они их опять низвергают или убивают до смерти»⁴⁴¹.

Под уездами Гербер, видимо, подразумевает союзы сельских общин, что же касается убийств старшин, то это случаи исключительные.

Термины «вольные» общества, «республика» или «федеративная республика» употребляются С. М. Броневским, М. Венедиктовым и многими другими. На вопросе об употреблении этих терминов подробно остано-

⁴³⁷ А. П. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Канд. диссертация, стр. 150.

⁴³⁸ Там же, стр. 53.

⁴³⁹ «Военный сборник», 1863, № 8, стр. 387.

⁴⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1948, стр. 78.

⁴⁴¹ И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях в 1728 г. СПб., 1760, стр. 133.

ливаются М. О. Косвен в работе «Проблемы общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии»⁴⁴².

Идеализация «вольных» обществ, их мнимого демократизма и независимости не преодолена до настоящего времени. Нам не удалось обнаружить ни одной работы, ставящей задачу коренного пересмотра неправильного взгляда на общественный строй Дагестана в XIX в.

Диссертации, защищенные по истории, этнографии и праву Дагестана, не ставили себе задачу пересмотреть старую концепцию о «вольных» обществах Дагестана.

Много писалось и о том, что «вольные» общества представляют собой объединения племен, т. е. родовые организации. Между тем они образованы по территориальному признаку. Границы «вольного» общества и границы распространения племенного языка не совпадают. Население, говорящее на одном аварском языке, образует десятки таких обществ; в одно такое общество входит население, говорящее на нескольких языках и диалектах. В Гидатлинском «вольном» обществе находились сельские общины, жители которых и по настоящее время говорят на разных языках и диалектах. Так, например, собственно Гидатль состоит из аулов Урада, Мачада, Гинта, Хотода, Тидиб, Тлях и ряда отселков, жители которых говорят на гидском диалекте аварского языка; на ахвахском языке говорят жители селений Глянуб, Цекуб и Ратлуб, которые также входили в состав Гидатлинского общества.

Мы указывали выше, что «вольные» общества попадали под влияние сильного хана или оставались на время самостоятельными, что внутри этих обществ действовал принцип господства и подчинения. Так, например, «вольное» общество Ахты-пара, которое состояло из 12 селений, управлялось ахтынскими аксакалами. Господствовало, таким образом, сел. Ахты. Без участия ахтынских судей жители всех остальных 11 селений не имели права разбирать споры. По первому требованию ахтынцев они должны были приходить на помощь в войне. Ахтынские аксакалы и эфенди контролировали уплату жителями этих селений зяката, отбывание ахтынцам пахты, которая заключалась в том, что каждый ахтынец один раз в год имел право ехать на кормление в любое из 11 селений, объединенных вокруг сел. Ахты. Обычно ахтынцы отправлялись в эти селения партиями — от 100 до 500 человек и кормились в данном селении целые сутки. Хозяева домов, где они размещались, обязаны были хорошо кормить не только их, но и их лошадей.

За убийство ахтынцем жителя из других 11 селений полагалось взыскивать только половину дията, т. е. 300 руб., в то время как за убийство ахтынца житель любого из 11 селений должен был платить 600 руб. При выходе девушки из сел. Ахты замуж в другие селения с жениха взималась плата в сумме 3 руб. в пользу общества Ахты.

В подобном же отношении с союзными селениями находилось и общество Ругул, в управлении которого обязательно участвовал один из ругульских беков⁴⁴³. Ахты и Ругул не являлись исключением. В таком же положении находились Акуша, Кубачи, Хунзах, Тицди и многие другие главные селения в системе «вольных» обществ.

Следует отметить, что специальных постоянных органов управления «вольные» общества, за редким исключением (Акуша, Ахты и др.), не имели. Для решения важных вопросов представители сельских общин «вольного» общества сходились обычно в главном селении или же в каком-нибудь определенном месте, являющемся центром для всех сельских общин, входящих в «вольное» общество, и удобном для проведения собрания. На собраниях обсуждались вопросы совместных действий против надви-

⁴⁴² См. М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, стр. 209—222.

⁴⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 10, лл. 1—19.

гающей опасности или решения споров, возникших между отдельными сельскими обществами.

Подобные объединения совместно сопротивлялись не только чрезмерным претензиям ханов и соседних обществ, но и иноземным завоевателям. Гидатлинское «вольное» общество во главе с народным героем Хучбаром сопротивлялось хунзахским ханам. Хучбар был обманом заманен к хану в Хунзах и заживо сожжен на костре. О нем сложилась народная песня, переведенная на русский язык и опубликованная П. К. Усларом⁴⁴⁴.

Известно также, что оротинцы, каратинцы, андийцы, гумбетовцы и другие не раз отказывались подчиняться аварским ханам, но каждый раз силой приводились в покорность. Таких примеров в Дагестане было немало. Однако многие «вольные» общества, объединившись, сумели отстоять свою независимость от ханов и в значительной мере сохранить целостность территории общин от захватов ханов и соседних обществ.

Из всего сказанного явствует, что объединения сельских общин — «вольные» общества в XIX в. не были абсолютно независимыми и целиком демократическими. Не были они и родоплеменными организациями, в которых господствовали отношения первобытнообщинного строя и отсутствовали классы и классовая борьба. Напротив, они представляли собой территориальные объединения с наличием резких классовых противоречий, правда, завуалированных значительными пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки использовали в своих интересах общинная знать и духовенство.

Для характеристики «вольных» обществ особо важное значение имеют гидатлинские адаты. Адаты эти переписаны с подлинника в 1070 г. хиджры (1660 г. н. э.)⁴⁴⁵.

В первой главе сборника адатов дается описание территории Гидатлинского общества и раздела ее между Кабтаром и Шавхалом — владельцами Гидатлинского общества. Оно свидетельствует о том, что Гидатлинское общество включало в себя почти половину земель нынешнего Кахибского района. Вторая глава содержит описание раздела земель между шестью сыновьями Шавхала. При этом говорится, что одному из внуков Шавхала Кабтаром было подарено сел. Тлях, населенное уже тогда райатами. Из адатов видно, что каждое селение, входящее в Гидатлинское общество (Урада, Гинта, Хотода, Тидиб и др.), кроме земель совместного пользования, имеет свои собственные земли. В совместном пользовании находились пастбищные горы под названием «Ахвах-меер», земли, расположенные в долине рек Аварское Койсу и Хучада. «Если кахибцы и горцы будут участвовать, — говорится в адатах, — в охране Гидатлинского моста и земель сел. Ратлуб-Ахвах, то они получают долю дани, которая взимается Гидатлинским обществом от общества Тлебел» [Тлебел — одно из семи обществ бывшего Антыратльского союза]. В адатах имеются указания, характеризующие общественный строй, как-то: за убийство раба выкуп не взыскивается, взимается только его стоимость в пользу владельца раба; если же раб убьет свободного человека, то владелец раба обязан уплатить полный дият; вор и прабитель по гидатлинским адатам могли быть убиты безнаказанно.

За воровство, кроме взыскания двукратной стоимости ворованного, взыскивается штраф, который шел в пользу общества.

Кто совсем выходил из Гидатлинского общества, должен был оставить все свое имущество обществу. «Если кто-нибудь вспашет общинную землю, — говорится в сборнике адатов, — или же прибавит к своей земле полюсу из общинной земли, то он подвергается штрафу в размере двух котлов... Раб за кражи, насилия и клевету платит штраф наравне со свобод-

⁴⁴⁴ ССКГ, вып. I, 1868, стр. 41—42.

⁴⁴⁵ Х.-М. Хашаев, М. С. Саидов. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

ными... Суд кормится за счет виновного в убийстве, грабеже до тех пор, пока не закончится разбор дела... Если у кого не хватает имущества для уплаты штрафа, то взыскание обращается на имущество родителей, детей, братьев и незамужних сестер, а если и их имущество кончится, то взыскание обращается на имущество «остальных родственников» (следовательно, здесь существовала индивидуальная семья со своей частной ответственностью).

Должник, который злостно не желал уплатить долг и продавал или завещал свое имущество, подвергался штрафу. В ряде других статей сборника идет речь об охране общинных земель и Гидатлинского моста. Сборник адатов предусматривает ответственность временных содержателей скота за гибель и пропажу его, если это случилось по их вине.

Убийство кровника во время тревоги или похода против враждебного общества и поджог Гидатлинского моста считались тягчайшими преступлениями, и виновные в первом случае подвергались взысканию дията в двойном размере, а во втором — штрафу в 100 мелких котлов и вечному изгнанию из Гидатлинского общества. Изгонялось также лицо, помогавшее выходцу из другого общества совершать кражи в Гидатлинском обществе.

В указанном сборнике имеются соглашения, которые были заключены Гидатлинским обществом с аварским ханом Магомед-нучалом и обществом сел. Ратлуб. В соглашении с аварским ханом говорится, что Гидатлинское общество будет действовать совместно с ханством как один джамаат, т. е. как одно общество. Кроме того, соглашение содержит общие нормы, касающиеся торговли, борьбы с воровством и прабежами, обязательные как для жителей Аварского ханства, так и для жителей Гидатлинского общества. Так, в сборнике говорится: «Если продавец и покупатель совершили куплю и продажу и на этой почве возникло между ними разногласие, то они должны обратиться к правителю того места, где была совершена сделка, т. е. обратиться к правителю хунзахцев или же гидатлинцев. Если же сделка о купле и продаже происходила не на территории договаривающихся сторон, то вопрос, к кому обратиться, решается обоюдным согласием... Если без согласия правителей Хунзаха или Гидатля кто-либо из жителей договаривающихся сторон будет держать ишкиль, т. е. захватит насильно имущество в обеспечение иска, то виновный подвергается наказанию по шарияту».

Помимо этого аварский хан и общество договорились запретить грабежи и другие насильственные действия над людьми на своих территориях.

Общество Ратлуб и шесть селений Гидатлинского общества также заключили между собой договор об объединении в одно общество. При этом Гидатлинское общество подарило Ратлубскому земли в ущелье Тлино, исключая крепость и дома, с условием, что эти земли будут возвращены Гидатлинскому обществу, если ратлубцы нарушат условия договора, которые заключались в следующем:

1. Разрушить Келебский мост и не давать согласия на его восстановления без ведома Гидатлинского общества (Келебское общество состояло из семи небольших селений, которые были расположены в Келебском ущелье по левую сторону Аварского Койсу и поныне являются непосредственными соседями гидатлинцев. Ратлубцы жили на противоположной стороне Аварского Койсу. Келебский мост находился в местности, где келебская и ратлубская речки вливаются в Аварское Койсу.— *Х.-М. Х.*).

2. С убийцы взыскивается 40 котлов и один бык по выбору наследника убитого. За рану взыскивается один котел; если рана серьезная, то 10 котлов и расходы на приглашение лекаря. За ишкиль взыскивается стоимость имущества в двойном размере. С вора взыскивается стоимость краденого, что хозяин подтверждает присягой.

3. Кто разрешит пастьбу баранов на Ахвахских горах без общего согласия, с того взыскивается четырехлетний бык».

Итак, в адатах Гидатлинского общества и в его договорах мы находим признаки классового общества, где частная собственность стала господствующей формой собственности, где население делится на владельцев, свободных узденей, раят и рабов.

9. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДАГЕСТАНА В НАЧАЛЕ XX В.

В заключение кратко остановимся на изменениях, происшедших в Дагестане в начале XX в.

Конец XIX и начало XX в. в Дагестане характеризуется развитием в городах промышленного капитализма, зарождением местной буржуазии и местного пролетариата. Капиталистические отношения проникли и в сельское хозяйство равнинного Дагестана, они коснулись также кустарной промышленности и крупных товарных овцеводческих хозяйств узденской верхушки горного Дагестана. Райаты, чагары и зависимые уздени по-прежнему продолжали отбывать различные повинности и платить подати помещикам (бекам и чанкам), одновременно уплачивая казне налоги. Под влиянием развития промышленности, транспорта, торговли и увеличения городского населения производство продуктов сельского хозяйства для рынка все более и более увеличивалось. В результате этого цены на земли поднимались. Поэтому беки стали отбирать земли у раят и сдавать их в аренду за высокую арендную плату или обрабатывать их с применением наемного труда. Отбирая земли у раят, беки не переставали требовать от них повинностей и податей. На этой почве резко усиливается классовая борьба, растет аграрное движение в деревне, идет усиленный процесс расслоения крестьянства и увеличивается отходничество бедных и маломощных крестьян и кустарей.

Первостепенное значение в развитии промышленности, как мы уже отмечали, имело строительство в конце XIX в. железной дороги, связавшей Дагестан с центральными районами страны и Закавказьем. Это усилило процесс перерастания местного купеческого капитала в промышленный и способствовало привлечению капитала извне. В результате здесь были расширены и вновь созданы предприятия винодельческой, рыбной, консервной, деревообрабатывающей, металлообрабатывающей, текстильной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности.

По данным И. Р. Нахшунова⁴⁴⁶, накануне Великой Октябрьской социалистической революции общее число промышленных предприятий в Дагестане достигло 134, в которых насчитывалось 4926 среднегодовых рабочих. Стоимость валовой продукции этих предприятий в оптово-отпускных ценах 1926—1927 гг. составляла 19,2 млн. руб. Ниже приводятся показатели отдельных отраслей и предприятий промышленности (см. табл. 19).

В эту таблицу не включены данные по нефтеперегонному заводу в Порт-Петровске, газовому заводу в Дербенте и по заводу стеклянной тары у ст. Огни: также не вошли в таблицу данные по бывшему Хасавюртовскому округу, где в 1910 г. числилось четыре промышленных предприятия, выработавших продукции на 36 тыс. руб. в довоенных ценах. Промышленность в городах Дагестана в основном «насаждена сверху». Привнесение капитала извне, импортировавшегося, как правило, на достигнутом в метрополии уровне, исключало необходимость прохождения им в Дагестане всех последовательных этапов развития промышленного капитализма. Это, естественно, ускоряло экономическое развитие области.

⁴⁴⁶ И. Р. Нахш у н о в. Прогрессивное влияние России на экономику Дагестана. Канд. диссертация, 1954, стр. 259—260.

Таблица 19

Предприятия	Число предприятий	Выпуск продукции, в тыс. руб.	Число рабочих в среднем за год	Годовая выработка одного рабочего, в руб.
Нефтяные промыслы	2	13,3	64	209
Гвоздильный завод	1	240,0	50	6000
Завод стальных канатов	1	321,1	43	7493
Мастерские по производству жестяных банок	3	14,0	10	1400
Бондарные заводы и мастерские	8	474,4	285	1587
Кирпично-черепичные производства	8		41	
Известковые производства	4	108,0	27	1590
Кожевенный завод	1	233,5	38	6145
Типографии	2	47,0	40	1175
Текстильная фабрика	1	1248,0	459	2718
Табачная фабрика	1	116,8	68	1865
Рыбная промышленность и холодильники	69	11 800,0	3360	3502
Консервные предприятия	22	2490,0	300	7545
Спирто-коньячные заводы	3	1716,0	56	30 643
Пивоваренные заводы	2	306,0	29	10 520
Мыловаренные производства	2	7,0	9	777
Мельницы вальцевые	3	23,6	27	874
Всего	134	19 149,7	4926	68 951

Развитие промышленности, транспорта, торговли и организация в связи с этим кредитных и прочих учреждений сопровождалась ростом городов и городского населения, формированием местного рабочего класса.

Большинство исследователей при характеристике классового состава населения Дагестана ограничивает численность рабочего класса рабочими, занятыми только в фабрично-заводской промышленности. Между тем здесь было не мало рабочих, занятых капиталистической работой на дому, в мелких производствах и мастерских, на железной дороге, в порту и на пристанях, строительных рабочих, ремесленников и кустарей, живущих своим трудом. Наконец, нельзя забывать и о сельскохозяйственных рабочих.

Эти экономические сдвиги не означают, что в Дагестане капиталистический способ производства представлял победившую формацию. Только в сравнительно более развитой прикаспийской полосе в промышленности доминировали капиталистические отношения, а в сельском хозяйстве на плоскости медленно развивался капиталистический уклад. Капиталистические отношения, как было сказано выше, коснулись в горах только крупных овцеводческих товарных хозяйств и некоторых отраслей кустарной промышленности, особенно в районах их наибольшего распространения. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин писал, что народники в своем понимании капитализма «не ушли дальше обыденных вульгарных представлений — капиталист — богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство — и не хотят знать научного содержания этого понятия. Мы в предыдущей главе видели, как г. Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и

мануфактуру. Это — общераспространенная ошибка, ведущая, между прочим, и к тому, что игнорируют капиталистическую организацию наших кустарных промыслов»⁴⁴⁷.

Дагестан в начале XX в. все более и более втягивался в орбиту капиталистического развития России, его хозяйство, особенно равнинной части, все более превращалось в составную часть всего народного хозяйства России и занимало определенное место в системе общественного разделения труда в стране. С конца XIX в., наряду со скотом, шерстью и кожаным сырьем, плодами, виноградом и овощами возрастает вывоз из Дагестана рыбы, консервов, вина, бязи, ковров, наплечных бурок, холодного оружия и художественных изделий из благородных металлов и дерева. Из Хасавюртовского округа стали вывозить и зерно. Так, если за 1900 г. со ст. Хасавюрт Владикавказской железной дороги было вывезено 271 420 пудов, то за 1912 г. — 820 100 пудов зерна.

Однако Дагестан до Великой Октябрьской социалистической революции был одной из отсталых окраин царской России. Причиной его экономической и культурной отсталости являлась колониальная политика царизма, задерживавшая развитие национальных окраин и рассчитанная на то, чтобы превратить их в сырьевые придатки промышленно-развитых центральных районов страны и в рынки сбыта их продукции.

Малочисленный рабочий класс Дагестана подвергался жестокой эксплуатации капиталистами. Это крайне тяжелое положение вызывало у рабочих возмущение, побуждало их к объединению сил для защиты своих интересов и для революционной борьбы против буржуазии. В городах Дагестана создаются социал-демократические организации, которые руководят борьбой рабочего класса и трудящихся крестьян против своих угнетателей — буржуазии и помещиков-беков. Перерастанию стихийной борьбы в сознательную борьбу против самодержавия способствовало привнесение социалистического мировоззрения в сознание местных рабочих. Проводниками этого мировоззрения были социал-демократические группы. Большую работу по революционному воспитанию местных рабочих вели политические ссыльные, проживавшие в городах Дагестана, квалифицированные русские рабочие, завербованные в центральных промышленных районах страны для работы в Дагестане, и местные рабочие, уходившие на заработки за пределы области, в частности в Баку, Грозный и другие города.

К моменту революции 1905 г. социал-демократические группы существовали в Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Для работы среди нефтяников-дагестанцев в Баку была создана социал-демократическая организация «Фарук».

Большой размах выступления рабочего класса в Дагестане получили в годы первой русской революции, когда рабочие переходили от чисто экономических требований к политической борьбе.

Первая русская революция 1905 г. вызвала среди рабочих и трудящихся крестьян Дагестана не только сочувствие, но и ряд восстаний против царизма и местных угнетателей. К этому времени из среды дагестанцев выделялись революционеры, верные сыны народа — Махач Дахадаев, Казим-Магомед Агасиев, М. М. Хизроев, Д. Корьмасов и многие другие, активно возглавившие, совместно с русскими большевиками, революционное выступление рабочих и трудящихся Дагестана. Порт-Петровск стал революционным центром трудящихся Дагестана, именно поэтому царское правительство еще в 1904 г. воспретило в нем жительство и пребывание лиц, подвергнутых надзору полиции.

В 1905 г. рабочие «Каспийской мануфактуры» Порт-Петровска, железнодорожных станций Петровска и Дербента, в числе которых было много дагестанцев, под руководством революционеров-большевиков подняли знамя восстания.

⁴⁴⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 192—193.

Рабочие хлопчатобумажной фабрики «Каспийская мануфактура» объявили забастовку, они требовали от администрации: установить восьмичасовой рабочий день, на 13% увеличить заработную плату, платить за поденную работу не менее 50 коп., уволить мастера, выдавать рабочим квартирные деньги в размере 3 руб. в месяц, отменить штрафы и т. д.⁴⁴⁸ Напуганная выступлением рабочих администрация через губернатора вызвала войска. Однако рабочие приступили к работе только после удовлетворения ряда их требований⁴⁴⁹.

Бастовали и рабочие бондарного завода, которым приходилось работать по 18 часов в сутки, а высококвалифицированный бондарь в месяц получал только 20 руб.⁴⁵⁰

Бастовали рабочие всех железнодорожных станций, которые на целую неделю остановили движение поездов⁴⁵¹. Забастовка была объявлена и служащими Темир-хан-шуринской и Петровской почтово-телеграфных контор⁴⁵², а также рабочими типографии Михайлова⁴⁵³. Восстал 83-й пехотный Самурский полк в Дешлагаре. Темир-хан-шуринская организация РСДРП выпустила в январе 1906 г. листовку, в которой призывала народ к вооруженному восстанию против самодержавия и бойкоту выборов в Государственную Думу⁴⁵⁴.

В 1905—1906 гг. рабочие Порт-Петровска, Дербента, трудящиеся Темир-Хан-Шуры и аулов Дагестана получали революционные листовки из Грозного, Владикавказа, Астрахани, Баку и других городов России. Царское правительство жестоко расправилось с восставшими, руководители восстаний были арестованы и заключены в тюрьмы.

Военный губернатор Дагестанской области, обеспокоенный революционным подъемом рабочих Порт-Петровска, писал в 1909 г.: «Из представленных петровским полицмейстером сведений о наличном числе лиц, высланных и подчиненных гласному надзору полиции, а равно высланных под надзор полиции по первой категории — пять человек, а по последней — девять. Сообщая об изложенном и находя пребывание в г. Петровске подобных лиц крайне нежелательным, прошу испросить соизволение наместника о том, чтобы лица, высылаемые под надзор полиции, впредь не направлялись бы в г. Петровск ввиду того, что в этом городе скопляется много рабочих, число которых достигает 4000 человек, и что подобный вредный элемент может породить в среде рабочих беспорядки, тем более, что на основании высочайшего повеления, воспоследовавшего в 18 день марта 1904 г., Петровск причислен к числу местностей, в коих согласно ст. 24 Уст. о паспортах воспрещается жительство и пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции»⁴⁵⁵.

Из ведомости за январь 1908 г., представленной 5 мая того же года Дербентским городским полицейским управлением военному губернатору Дагестанской области, видно, что в Дербенте проживало 78 человек, сосланных по распоряжению Министерства внутренних дел, бакинского генерал-губернатора и др. Среди сосланных числились лица из Баку, Тифлиса, Терской области, Кубани, Ростова-на-Дону, Воронежа, Тамбова, Москвы, Петербурга, Витебской губернии, Туркестанского края и т. д. Из 78 человек петербуржцев числилось 14 человек, причем некоторые из них находились в ссылке с 1901 г.⁴⁵⁶

⁴⁴⁸ «Бакинские известия», 1905, № 83.

⁴⁴⁹ Там же, № 86.

⁴⁵⁰ Там же, № 84.

⁴⁵¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 80; «Баку», 1905, № 86, 88, 90, 93.

⁴⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 10, д. 103, л. 21.

⁴⁵³ «Баку», 1905, № 184.

⁴⁵⁴ Рук. фонд ДНИИИИЯЛ, ф. 1377, л. 2.

⁴⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2 с, 2, оп. 47/26, д. 5/35, л. 234.

⁴⁵⁶ Там же, л. 255.

Представители русского рабочего класса, его передового отряда — большевики делали все для объединения сил рабочих и трудящихся с мощным революционным движением рабочего класса России для борьбы с самодержавием.

Коммунистическая партия всегда выступала против национального и колониального гнета народов окраин царской России, будила классовое самосознание местных рабочих, воспитывала их в духе пролетарского интернационализма, обучала революционным методам классовой борьбы, организовывала и вела их совместно с русскими рабочими на свержение самодержавия. На этой основе укреплялись узы дружбы между русским народом и народами окраин России. Их борьба была направлена против общего врага — царизма.

К началу XX в. и в сельском хозяйстве Дагестана произошли большие изменения. На равнинной части в полеводстве стали применять усовершенствованные плуги и другие сельскохозяйственные машины. В результате этого увеличилась товарность зерновых культур, многие бывшие пастбища превратились в пашни. Широко применялся наемный труд батраков, особенно сезонных. Увеличилась купля и продажа земель. Большие земельные владения стали сосредоточиваться в руках купцов и богатой верхушки узденства. Беки и чанки, хотя и продавали свои земли, но еще являлись основными собственниками земель. Казна имела в Дагестане 48 291 десятину леса и 91 495 десятин других земель, мечетям принадлежало более 13 тыс. десятин земли.

Распределение годных для использования земель между крестьянами и земельными собственниками (без Хасавюртовского округа) по далеко не точным данным 1905 г. характеризует следующая таблица ⁴⁵⁷

Т а б л и ц а 20

Округа	Количество населения	Число дворов	Количество земли, в дес.	
			у земельных собственников	у крестьян
Темир-хан-шуринский	83 578	17 141	74 830	144 207
Кайтаго-Табасаранский	80 722	15 124	45 573	192 121
Даргинский	80 489	20 903	15 134	45 789
Кюринский	76 823	14 416	58 912	34 571
Гунибский	71 384	17 069	14 244	200 212
Самурский	65 987	11 544	17 458	206 070
Андийский	54 590	13 744	8 220	—
Казикумухский	45 789	9 900	19 037	5 547
Аварский	41 219	7 992	916	48 013
Итого	580 472	127 813	254 004	876 430

В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось до 7 десятин всех земель, в том числе пастбища и выгоны. На одно хозяйство земельных собственников: потомственных и личных дворян, купцов и узденской верхушки, приходилось более 300 десятин лучших земель. Некоторые наиболее богатые из них имели десятки тысяч десятин.

⁴⁵⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1-с, д. 1, лл. 18—19.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве на равнинной части Дагестана сопровождалось усилением эксплуатации крестьян. В ответ на это с 90-х годов XIX в. началось аграрное движение зависимых крестьян, особенно раят. Райаты отказывались от выполнения феодальных повинностей, производили захват и распашку помещичьих земель, а местами жгли и усадьбы. В связи с этим беки Кайтаго-Табасаранского округа писали тайному советнику Мицкевичу, что действия райатов «приняли настолько обостренный характер, что мы считаем свою жизнь даже крайне небезопасной потому, что часто они нападают на наши дома, грабят что попало, угоняют скот, поджигают саманник и вообще всеми мерами стараются притеснять нас и причинить убытки. Так что положение наше настолько ухудшилось, что ныне мы считаемся райатами, а райаты — нашими беками»⁴⁵⁸.

В 1895 г. многие райаты в Табасарании открыто восстали против своих беков и перестали отбывать повинности⁴⁵⁹.

Помощник военного губернатора Дагестанской области полковник Соловьев, проверив причины крестьянских волнений в Кайтаго-Табасаранском округе, вынужден был констатировать, что беки взыскивают повинности с райат больше, чем положено по инструкции. Администрация округа и участка силой взыскивала подати с крестьян; так, например, Мамирзабек запретил жителям сел. Марата пользоваться 12 кутанами, которыми они раньше пользовались. Несмотря на это, он добился взыскания с них податей без суда. Это порождало у райат возмущение и протест. В 1895 г. почти все райаты отказались выполнять натуральные повинности — пахать, жать, косить для беков⁴⁶⁰.

Жители 22 селений Северной Табасарии 28 августа 1899 г. писали военному губернатору Дагестанской области, что выделенные ими поверенные избиты, арестованы и заключены в Маджалисскую тюрьму, что по заданию начальника округа наиб Бейбала-бек, прибыв с нукерами, насильственно отобрал приготовленные для семей продукты, с дыма по шесть сабов пшеницы стоимостью в 6—7 руб., а с некоторых — и пшеницу, и деньги. «Тяжелые муки переносим мы»⁴⁶¹, — писали крестьяне.

В ответ на это начались репрессии. Начальник округа писал губернатору об особенно активных райатах: «Так как степень их вины, ныне подтверждаемая свидетельскими показаниями, заслуживает большого наказания, то я полагаю бы полезным, в интересах успокоения всего райатского населения, вовсе их выслать из края. Вместе с сим покорнейше прошу не оставлять без соответствующего наказания прочих лиц, значущихся в рапорте моем... Все поименованные лица являются одними из деятельных участников райатского движения против беков, и я полагаю, что применением к ним мер строгости в пример другим можно надеяться на восстановление порядка в райатских селениях»⁴⁶².

Тяжелый феодальный гнет, поддерживаемый царскими чиновниками, доводил райатское население до разорения и ухода из насиженных мест. Одновременно этот гнет заставлял многих райат подняться на отчаянную борьбу против эксплуататоров за свободу и землю. Вначале райаты пытались мирно решить поземельные вопросы.

Жители сел. Аликент Кюринского округа 28 ноября 1891 г. писали главнокомандующему гражданской частью на Кавказе об опраждении их от притеснений сыновей Саид-бека, который 20 лет назад получил от начальства землю под пашни и под усадьбу. Этими землями когда-то пользовались жители селения, но 12 лет назад они у жителей были отобраны,

⁴⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 28, лл. 12—13.

⁴⁵⁹ Там же, л. 25.

⁴⁶⁰ Там же, ф. 2, оп. 3, д. 139, л. 16.

⁴⁶¹ Там же, л. 17.

⁴⁶² Там же, оп. 1, д. 767, л. 20.

и им приходилось арендовать земли на стороне за высокую арендную плату. Тем не менее сыновья Саид-бека по-прежнему требовали от них податей и повинностей в тех же размерах, а кто уклонялся, с того брали силой. Жители жаловались, что они не в состоянии сразу платить казне налоги, владельцам земли — арендную плату и бекам — подати и повинности. Они указывали в своей жалобе, что они были свободными узденями, пока кюринский Юсуф-хан силой не отдал их во власть своего родственника Саида-бека. Заявление подписали 104 райта⁴⁶³. Подобного же содержания заявления были направлены 29 апреля 1896 г. на имя министра внутренних дел жителями селений Зидьяк, Запек, Дарваг, Кемах, Бильгады, Икрах, Татиль, Рукель и Марага Кайтаго-Табасаранского округа. Жалобы жителей указанных селений были оставлены без последствий⁴⁶⁴.

Жители сел. Фиргиль в 1897 г. писали главноначальствующему на Кавказе о притеснениях, чинимых над ними Иса-беком, который не только заставлял жителей этого селения работать на себя семь дней вместо положенных двух, строить для него казмаяры и отбывать многие повинности, но и избивал их. По этому вопросу помощник военного губернатора Дагестанской области сообщил начальнику канцелярии главноначальствующего на Кавказе, что подати и повинности обязаны отбывать, а «что же касается до побоев, нанесенных Иса-беком своим райтам, дознано, что он действительно ударил рукой фиргильцев Халим-бека Рамазан-оглы и Раджаба Рамазан-оглы за то, что они отказались явиться к нему на работу»⁴⁶⁵.

Беки-насильники пользовались сочувствием и поддержкой царских чиновников. Газета «Россия» в 1900 г. писала о крайней запутанности сословно-поземельных отношений в Дагестане, которые в течение 40 лет после отмены крепостного права в России не приведены в нормальное состояние и в течение 52 лет безрезультатно изучаются⁴⁶⁶.

Аграрные отношения в 90-х годах XIX в. обострились в Дагестане почти повсеместно. Поверенные многих обществ Кайтаго-Табасаранского, Темирхан-шуринского округа жаловались главноначальствующему на невыносимо тяжелые условия жизни зависимого населения, отбывавшего все увеличивавшиеся подати и повинности бекам и уплачивавшего налоги в казну, и просили облегчить их участь. Однако законные требования райт откладывались якобы до окончательного решения сословно-поземельного вопроса во всем Дагестане.

Борьба райт в Кайтаго-Табасаранском, Темирхан-шуринском округах против беков воодушевила всех зависимых крестьян в Дагестане. Даже жители некоторых обществ горного Дагестана, которые были зависимы от других обществ, отказывались уплачивать подати. Так, жители селений Нита, Накитя и Датун в 1896 г. самовольно прекратили уплату податей Хунзахскому обществу, жители сел. Очло отказались платить ясак обществам Тануси и другим за право пасти скот на Арак-меер. Зависимые крестьяне селений Луктун и Ялах Самурского округа и многие другие поднимали протест против гнета беков и налоговой политики царизма.

Жители сел. Кумтуркала писали 28 марта 1901 г.: «Нас заставляют молиться двум богам: нести повинности царю и беку. Бек — пиявка, сосущая нашу кровь. Администрация выступает на стороне бека»⁴⁶⁷.

Революция 1905 г. усилила аграрное движение в Дагестане, в ходе развития которого зависимые крестьяне выдвинули лозунг о захвате помещичьих земель и ликвидации всех повинностей в пользу феодалов. Все это вынудило царское правительство ускорить решение вопроса об освобождении крестьян в Дагестане.

⁴⁶³ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1383, стр. 93—94.

⁴⁶⁴ Там же, стр. 85.

⁴⁶⁵ Там же, стр. 79—81.

⁴⁶⁶ «Россия», 4 октября 1900 г., № 519.

⁴⁶⁷ Рук. фонд ДНИИИЯЛ, д. 1328, стр. 40—43.

Начальник Самурского округа писал, что события 1905 г. отрицательно влияют на население округа⁴⁶⁸. В журнале «Весь Кавказ» было напечатано, что народ в горах Дагестана «голодает, не имея земель, а беки имеют тысячи десятин»⁴⁶⁹.

В отдельных районах Дагестана вспыхнули партизанские выступления крестьян против беков и военно-народного управления. Крестьяне из селений Атлы-буюн и Кумтуркала захватили спорные земли в местности Кокрек, разогнав сторожей и нукеров шамхала тарковского. Для умирения крестьян был вызван Дагестанский конный полк. Многие активные участники аграрного движения и представители социал-демократических организаций были арестованы, в том числе Д. Коркмасов и Махач Дахадаев.

Таким образом, вопрос об освобождении крестьян от бекской зависимости приобрел в Дагестане острый политический характер.

Несмотря на то, что сама царская администрация в Дагестане вынуждена была признать тяжелое положение зависимых крестьян, все же решение сословно-поземельных вопросов в Дагестане затянулось более чем на 60 лет. С 1848 по 1852 г. работала Дербентская сословно-поземельная комиссия, которая пришла к выводу, что рескрипт царя 1846 г. следует распространить на Дагестан, и внушила бекам объявить многие общинные земли своей собственностью. Труды этой комиссии дальнейшего движения не получили. В 1869 г. была образована Южнодагестанская сословно-поземельная комиссия, которая просуществовала до 1883 г. Однако труды и этой комиссии также остались в архиве. В том же 1883 г. была создана новая Комиссия для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края. И эта третья по счету комиссия не выработала проекта, удовлетворительно разрешавшего вопрос о взаимоотношениях райят и беков. После больших волнений райят и жалоб самих беков в 1901 г. в Дагестанскую область была направлена временная комиссия, которая собрала все архивные материалы по вопросу о применении в Дагестане рескрипта 1846 г. и проверила границы фактического землепользования райят и беков. Однако никакого решения по материалам этой четвертой по счету комиссии также принято не было. Только после революции 1905 г. царское правительство вынуждено было урегулировать сословно-поземельный вопрос в частях Кавказского края. В 1908 г. наместник Кавказа созвал по этому вопросу особое совещание под председательством своего помощника. Это совещание признало необходимым провести выкуп повинностей, которые крестьяне несли бы в пользу беков. Начальникам округа было поручено проверить стоимость повинностей вместе с податными инспекторами, а для руководства и объединения их работ в Темир-Хан-Шуре была образована Временная областная комиссия. Регистрации подлежали только те подати и повинности, которые фактически отбывались райатами. Оценка повинностей была произведена по местным средним рыночным ценам. По всему Дагестану подлежало освобождению от бекской зависимости: в 40 селениях Кайтаго-Табасаранского округа — 3362 дыма, в 27 селениях Кюрипского округа — 1929 дымов, в двух селениях Самурского округа — 291 дым, в 20 селениях Темир-хан-шуринского округа — 6530 дымов, в 8 селениях Казикумухского округа — 842 дыма, в одном селении Агарского округа — 72 дыма. Всего в 98 селениях — 13 026 дымов с 70 тыс. десятин.

В докладе к записке, поданной в совет наместника 10 августа 1910 г. по вопросу «О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешекелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и в Закатальском округе» говорится, что «зависимые отношения поселян к бекам и... кешекелевладельцам, будучи в

⁴⁶⁸ Там же, стр. 10.

⁴⁶⁹ «Весь Кавказ», 1905, № 8.

правовом смысле пережитком той эпохи, когда личная зависимость одной группы населения от другой вполне соответствовала тогдашнему общественному укладу; отношения эти в настоящее время являются совершеннейшим анахронизмом, уничтожение которого должно быть признано настоятельной задачей правительства»⁴⁷⁰.

В 1910 г. отношения между различными группами населения в Дагестане были настолько папярженными, что члены Государственной Думы составили по этому поводу даже специальную записку⁴⁷¹.

Характерно, что в ответе на эту записку военный губернатор Дагестанской области всячески пытался доказать законность действий администрации по отношению к раятам⁴⁷².

Прошло еще три мучительных года для раят. Только в 1912 г. этот вопрос рассматривается сначала на междуведомственном совещании в Петербурге под председательством сенатора Никольского, а затем в совете министров. Совет министров вынужден был отметить, что зависимые отношения поселян к бекам «состоят в резком несоответствии с основными началами современного уклада и общественного быта и что дальнейшее сохранение этих пережитков далекого прошлого, вызывающих постоянные трения между классами населения, переходящие нередко в острую вражду, представляется совершенно недопустимым»⁴⁷³.

12 июля 1913 г. был принят закон «Об обязательном прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестанской области и Закатальского округа». По Дагестанской области зависимые крестьяне должны были выплатить казне выкуп в течение 20 лет в сумме 303 339 руб. 40 коп., беки же получили эту сумму в казне в течение 1913—1915 гг.⁴⁷⁴

За освобожденными крестьянами было закреплено около 125 тыс. десятин земли, которая ранее считалась бекской, но находилась в пользовании раят. Земли, которые были в непосредственном пользовании беков или сдавались в аренду, закреплялись за ними.

Законом 12 июля 1913 г. было предусмотрено установление 20 должностей мировых посредников по 20 поселянским отделам; надзор за их работой должно было осуществлять Дагестанское областное присутствие по поселянским делам, которое состояло из губернатора области, его помощника и трех членов присутствия. В состав присутствия входили на правах членов: управляющий Бакинской казенной палатой и начальник Управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области. Крестьянская реформа, проведенная в Дагестане спустя 52 года после крестьянской реформы в России, не разрешила аграрного вопроса в Дагестане. Все лучшие земли по-прежнему были в руках помещиков, богатой узденской верхушки, кушцов и царских чиновников. Крестьяне же все больше разорялись.

⁴⁷⁰ ЦГА СССР, ф. 718, оп. 1, д. 758, л. 12.

⁴⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 1870, лл. 2—4.

⁴⁷² Там же. д. 187-а, лл. 7—11.

⁴⁷³ ЦГИА СССР, ф. 718, оп. 1, д. 758, л. 7.

⁴⁷⁴ «Дагестанские областные ведомости», 28 августа 1916 г., № 37.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В Дагестане в XIX в. существовало четыре вида земельной собственности: частная, общинная, вакуфная и казенная. Частное землевладение делилось на две категории: на крупное феодальное землевладение и мелкие крестьянские мюльки.

Мюльки принадлежали индивидуальным крестьянским хозяйствам по праву полной частной собственности. В состав мюлька входили дом, двор, пахотные участки, сады, покосы, в отдельных случаях и лесные участки. Индивидуальная малая семья являлась производственной единицей и распоряджалась результатами своего труда.

Общинные земли состояли главным образом из пастбищ и лесов.

Вакуфные земли состояли из 13 тыс. десятин покосных и лесных участков. Доходы от вакуфов, зяката и других религиозных пожертвований давали духовенству возможность вольготно жить и накапливать богатство.

Казне принадлежали лучшие земли, которые были изъяты у ханов и конфискованы у сельских общин и частных лиц.

Дагестанское общество делилось на два основных класса: на эксплуататоров и эксплуатируемых. Шамхалы, ханы, беки, владельцы фабрик и заводов, крупное духовенство и верхушка узденства составляли класс эксплуататоров, сосредоточивших в своих руках основные средства производства и большую часть народного богатства. Класс эксплуатируемых делился на несколько групп: рабочих, батраков, раят, свободных и зависимых узденей:

В горной части Дагестана феодальные отношения перешлетались с пережитками родового быта, свободное и не зависимое от феодалов узденство здесь составляло подавляющее большинство и являлось основным производительным населением. Только жители нескольких сельских обществ отбывали феодалам повинности и платили подати наравне с раятами или зависимыми узденями. Феодалы, владея горными пастбищами и сдавая их в аренду сельским обществам или отдельным общинникам, держали этих последних в значительной экономической и политической зависимости. Арендная плата в горных условиях выступала как феодальная продуктовая рента. В этом одна из особенностей феодализма в горном Дагестане.

Отношения эксплуатации, хотя и в завуалированной старыми обычаями форме, сложились и в «вольных» обществах Дагестана в результате глубокого имущественного неравенства узденей. Узденская верхушка — крупные овцеводы и земельные собственники — эксплуатировали горскую бедноту непосредственно (в качестве наемных пастухов и батраков) и посредством использования патриархального обычая «взаимопомощи».

Частная собственность на скот, дома и пахотные земли, сенокосы и даже на отдельные лесные участки возникла в сельских общинах Дагестана задолго до XIX в. Земельные участки переходили по наследству, продавались и закладывались. Это обстоятельство не могло не привести к глубокому социальному неравенству внутри самой сельской общины.

Характеризуя землевладельческую общину, К. Маркс указывал, что «накопление движимого имущества, начинающего с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления... все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными придатками частной собственности»⁴⁷⁵.

В XIX в. на равнинной части Дагестана известное количество пахотной земли, подвергавшееся периодическому пределу, находилось в общинной собственности, в общинном владении; в горной же части Дагестана подобных земель уже не было. В условиях горного Дагестана пахотный участок создавался и содержался неимоверным трудом. Видимо, эти исключительные условия служили одной из причин того, что в горной части Дагестана все пахотные земли находились в частной собственности. Основной же причиной все-таки является развитие производительных сил, возможность существования без общинной собственности, общинной обработки земли и общинного присвоения, что было характерно для архаической общины.

«В тесных долинах, как в округе Берг, или на узких плоских возвышенностях между болотами, как в Вестфалии. Позднее так было в Оденвальде и почти во всех альпийских долинах. Здесь село, как и сейчас еще, состояло из разбросанных одиночных дворов; вокруг каждого из них расположены были принадлежащие ему поля. Передел здесь осуществить было нелегко, и, таким образом, в распоряжении марки оставалась только окружающая неводеланная земля»⁴⁷⁶.

Следы архаической общины оставались в сельских общинах горного Дагестана: в частности, общинная собственность на выгоны и пастбища, относительная свобода члена общины, выборность общинной власти и пр.

«Новая община, — писал К. Маркс, — в которой пахотная земля является частной собственностью земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общей собственностью, была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни»⁴⁷⁷.

Отрицание существования частной земельной собственности в Дагестане было основано на ряде причин, в том числе и на религиозной догме шариата, трактующей, что земля принадлежит богу⁴⁷⁸.

Если отдельные исследователи, отрицавшие наличие частной собственности на земли в Дагестане, добросовестно заблуждались, то представители царской администрации сознательно использовали эту выгодную для царизма догму шариата и объявили все земли горцев собственностью государства, а собственников земли — крестьян — временными владельцами. Обложение крестьян оброчной податью, а не земельным налогом, было продиктовано именно этим соображением.

Феодальные отношения равнинной части Дагестана были значительно более развитыми. Шамхалы, ханы, кумыкские князья и сала-уздени, удмиц, кадди, беки, чанки, крупное духовенство — шейхи и сеиды — успели закабалить значительную часть населения — чагаров, раят, терекмейцев, кулов и каравашей и часть узденей. Уздени, обязанные платить подати и отбы-

⁴⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, стр. 681.

⁴⁷⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 117.

⁴⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 693—694.

⁴⁷⁸ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II. СПб., 1911, стр. 46.

вать повинности, сохранили здесь только видимость личной свободы, а фактически они мало отличались от крепостных. Здесь сосуществовали все виды феодальной земельной ренты. До второй половины XIX в. ввиду неразвитости производительных сил возможность производства продуктов на рынок была ограничена. Крестьянское хозяйство в основном базировалось на простом воспроизводстве, и поэтому господствовала отработочная феодальная рента, которая постепенно стала заменяться продуктовой рентой.

«Рента продуктами, — писал К. Маркс, — предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»⁴⁷⁹.

При ренте продуктами непосредственный производитель может выкроить для себя избыточное время, а стало быть, отдельные производители имеют возможность эксплуатировать чужой труд.

«Вместе с этой формой ренты, — пишет В. И. Ленин, цитируя К. Маркса, — появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей... Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при денежной ренте, которая является простым изменением формы натуральной ренты»⁴⁸⁰.

Денежная форма ренты в Дагестане начала развиваться в 50—60-х годах XIX в., но до конца XIX в. не успела занять господствующее положение.

Степень развития феодальных отношений в отдельных владениях Дагестана была различна. Так, кумыкские князья до 1865 г. безраздельно владели почти всеми землями от Терека до Сулака. Все крестьяне, за редким исключением, были зависимыми и отбывали феодальные повинности. В шамхальстве Тарковском сельские общества сохранили собственность на часть общинных земель, а на земли, которые были узурпированы феодалами, сохранили сервитутное право на выпас скота, на рубку леса и т. д. Здесь, исключая небольшое число хозяйств чагар, все крестьяне считались де-юре свободными узденями, фактически больше половины узденей находилось в податных отношениях к феодалам. В Мехтулинском ханстве феодальная эксплуатация зависимых узденей была сильнее, чем в шамхальстве. В нижней части Кайтага и в Дербентском ханстве, а также в райтской части Табасарани феодальная эксплуатация была еще сильнее и сопровождалась крайностями восточного деспотизма.

Производственные отношения, господствовавшие в Дагестане и описанные нами, породили соответствующие им политические формы. В горной части Дагестана власть феодалов была ограничена обычаями. В сельских общинах сохранилась форма выборности сельских властей, старшин, кадиев и других официальных лиц, хотя эта выборность очень часто превращалась в избрание одних и тех же лиц из одной и той же влиятельной фамилии.

Власть феодальных элементов сельской общины в горах не успела обнажиться, она прикрывалась еще пережитками первобытнообщинного строя, формами народоправства.

На равнине Дагестана, во владениях кумыкских князей, шамхальстве Тарковском, ханстве Мехтулинском, майсумстве и кадийстве Табасаранском, удмийстве Кайтагском и в Дербентском ханстве власть сельских общин, особенно райтских, не играла никакой роли, в них господствовали владетельные беки, к которым перешла вся власть. В отдельные магалы ханы назначали своих даибов.

Во второй половине XIX в. развивается транспорт, идет разложение натурального хозяйства, расширяется рынок, повышается техника земледе-

⁴⁷⁹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 807.

⁴⁸⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 143.

лия, связанная с привозом из России более совершенных сельскохозяйственных орудий. Это усилило процесс перерастания торгового капитала в промышленный и способствовало привлечению капитала извне. В результате были созданы предприятия винодельческой, рыбной, консервной, деревообрабатывающей, металлообрабатывающей, текстильной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности.

Мауфактура в Дагестане, постепенно выроставшая на основе простой кооперации, не успела перерасти в фабрично-заводскую промышленность. Но построенные преимущественно в городах предприятия появились в основном путем «насаждения сверху».

Развитие промышленности, транспорта и торговли и организация в связи с этим кредитных и прочих учреждений сопровождалась формированием слоев национальной буржуазии, рабочего класса и кулачества.

Все же это не означало, что здесь капиталистический способ производства представлял господствующую формацию. Только в сравнительно более развитой прикаспийской полосе и на плоскогорьях в промышленности преобладали капиталистические отношения, а в сельском хозяйстве развивался капиталистический уклад. Сохранившиеся до 1913 г. на значительной части территории феодально-крепостнические отношения и феодальная собственность на землю тормозили развитие капиталистических отношений. В кустарные промыслы горной части Дагестана, особенно в районы их наибольшего распространения, также проникают капиталистические отношения. В сельском же хозяйстве господствовало мелкотоварное производство, исключая крупные овцеводческие хозяйства, где капиталистические отношения прочно утвердились.

Эксплуатация рабочих в городах, батраков и зависимых от беков крестьян в деревнях к началу первой русской революции 1905 г. усилилась. Не случайно поэтому рабочие, а также крестьянская беднота откликнулись на революцию 1905 г. Рабочие организовывали политические забастовки. В ряде районов Дагестана имели место крестьянские выступления против феодального гнета беков, доходившие до вооруженного столкновения с регулярными частями царских войск. Как забастовки рабочих, так и крестьянские выступления в этот период проходили под руководством большевиков.

Только 12 июля 1913 г. были освобождены 70 тыс. человек от феодальной зависимости. «Освобождение» было проведено с большой выгодой для беков: они в течение 1915 г. получили от казны около 300 тыс. руб. выкупной платы, которые освобожденные крестьяне должны были вносить в казну в течение 20 лет. В руках беков оставались лучшие земли и в большом количестве. Принятие закона об «освобождении» крестьян было продиктовано революционными выступлениями крестьян против феодалов, с одной стороны, а с другой — желанием царского правительства путем выгодной для дагестанских феодалов реформы притупить остроту классовой борьбы трудящихся.

Однако аграрный вопрос в Дагестане, как и везде, был решен только Великой Октябрьской социалистической революцией.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акты — «Акты Кавказской археографической комиссии»
- Рук. фонд ДНИИШЯЛ — Рукописный фонд Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах»
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»
- ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР в г. Тбилиси
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
- ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив в Москве
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив в Москве
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве
- ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР
- ЦГИА Аз.ССР — Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР

СПИСОК ТЕРМИНОВ

- Адат — совокупность норм обычного права. А. является основным источником права в период формирования феодальных отношений. В Дагестане различались адаты феодальные, адаты сельских обществ, имевших самостоятельное управление. В последних сохранились элементы родовой демократии.
- Агалары — множественное число от слова «ага», что значит «господин, барин». Агаларами в Закавказье назывались лица, которые от имени хана управляли определенными административными единицами и вместо зарплаты получали долю ханских податей, причитающихся с крестьян, входивших в его управление. Право занимать должность агалара и получать подати за управление постепенно закрепилось за определенными фамилиями и переходило по наследству от отца к сыну. Право агаларов получать подати с крестьян, существовавшее в Закавказье еще до его присоединения к России, было признано Российской империей в 1846 г.
- Азаты — освобожденные рабы, не имеющие своих самостоятельных хозяйств, у за-сулакских кумыков.
- Азнауры — дворянское сословие в Грузии.
- Аксакалы — «белобородые» (у лезгин и кумыков аксакалами назывались старейшины, входившие в состав сельского суда).
- Аладжи — цветастое шелковое полотно.
- Алым — вид феодальной подати, существовавший в Мехтулинском ханстве: в случае смерти или женитьбы одного из ханской фамилии или одного из старших карачи-беков, в селениях, где проживали карачи-беки, общество уплачивало 40 руб. или четыре быка, кроме того, по одной арбе дров со двора.
- Аманат — вещь, переполученная на время; заложник.
- Арба-ясак — один из видов феодальных податей, заключавшихся в доставке феодалу нескольких арб дров.
- Арба-агач — (см. Арба-ясак).
- Арбабаш — войлочный ковер с узорами, сделанный из разноцветных кусков войлока.
- Байтульмал — государственная собственность. Казна имамата Шамиля.
- Бараман — сельский исполнитель в сел. Акуша.
- Баранта — захват чужого имущества в обеспечение долга.
- Барт-урту — право весеннего выпаса скота на земле, принадлежащей другому лицу или другому обществу. Один из трех видов сервитутов, существовавших на земли в Казикумухском ханстве.
- Батман — мера веса, равная 6 фунтам.
- Бахра — вид подати, четвертая часть урожая. В сел. Мискинджи при выходе девушки замуж из одного квартала в другой от жениха требовали одного быка. Эта плата называлась также бахрой.
- Бегаул — сельский старшина.
- Бек — феодальный владетель или должностное лицо. В Дагестане беками назывались сыновья ханов или беков от равного брака. В Дербентском ханстве звание бека могло быть присвоено должностному лицу.
- Бике — дочь хана или бека от равного брака.

- Бий — феодал (у засулакских кумыков).
- Бо — войско, народ, проживающий на территории «вольного» общества.
- Будун — призывающий на молитву в мечеть.
- Бук — штраф, существовавший в Табасарани.
- Булка — взаимопомощь (у кумыков), т. е. выход на работу для оказания помощи общиннику по строительству дома, выполнение для него сельскохозяйственных работ. Постепенно «булка» кумыков приобрела значение барщины. Обычай взаимопомощи в феодальном обществе превратился в личную повинность, которую отбывали зависимые уздени, чагары и терекемейцы в пользу феодалов на территории всей Кумыкии. Существуют разные виды «булка» (барщины), и называются они по-разному, в зависимости от характера выполняемой работы. Так, «сабан-булка» — пахать, «бичен-булка» — косить сено, «урак-булка» — жать хлеб.
- Бурдюк — обработанная целая козлиная кожа. В бурдюке изготавливался овечий сыр. В Мехтуляйском ханстве, наряду с другими продуктами, бурдюк сыра взимался в качестве арендной платы за пастбу овец на ханских летних пастбищах.
- Вакил — уполномоченный или доверенный частного лица или общества.
- Вакия — мера веса, равная полутора фунтам.
- Вакуф — собственность мечетей, образовавшаяся по завещаниям верующих.
- Вали — правитель; отшельник.
- Визирь — помощник хана, «министр».
- «Вольное» общество — союз нескольких сельских обществ, расположенных близко друг от друга и управляемых самостоятельно или под руководством старшин главного селения. Однако «вольность» их следует понимать условно, так как часто они попадали под влияние феодальных владетелей или же крупных сельских обществ, которые притесняли своих слабых «союзников» вплоть до взыскания с них податей.
- Газават — завоевание, «священная война».
- Гала — феодальная подать с урожая в Грузии, в размере от одной десятой до одной пятой урожая в зависимости от качества земли.
- Глехи — крепостные крестьяне в Грузии, которые разделялись на несколько категорий.
- Дамга — пошлина, взимаемая с кунцов, проезжающих через территорию феодального владетеля.
- Дарай — тонкая шелковая материя.
- Даяк — один из видов податей.
- Джамаат — сельский сход тоже — сельская община.
- Джамаатла-халате — судьи у даргинцев, избираемые сходом для контролирования деятельности сельских судей.
- Джидан — феодальное образование, существовавшее между Дербентом и Сулаком в X в. н. э.
- Джихад — см. газават.
- Дибир — служитель религиозного культа ислама, религиозный глава аула у аварцев.
- Диван-хана — суд, совет при имамате Шамиля.
- Дипар — червонец.
- Дирхем — медная монета.
- Догорек-узденъ — круглый узденъ, т. е. узденъ, который не связан с феодальными землями и независим от феодала у засулакских кумыков.
- Дзурзуки — племена, жившие в горах теперешней Чечено-Ингушетии.
- Духан — маленькая столовая, закусовая.
- Духра — один из трех видов сервитута на земли в Лакии, право пастбы скота на чужой земле в осенние месяцы.
- Душалык — хлебная подать.
- Жерген — бубен.
- Звезда Туршу — восход звезды «Туршу» совпадает со спадом летней жары и началом прохладного периода лета.

- Звезда Чилле** — «Чилле» — середина зимы, продолжающаяся 40 дней, отличающаяся холодами и вообще суровой погодой. В этот период жители отдельных обществ пользовались правом пастьбы своего скота на землях феодалов, на территории Тарковского шамхальства.
- Зиярат** — место паломничества верующих мусульман, главным образом могилы шейхов, считающихся святыми, ясновидцами.
- Зурна** — восточный духовой музыкальный инструмент.
- Зякаат** — налог, установленный шариатом для всех мусульман. Зякаат поступал в мочеть и должен был раздаваться сиротам и крайне бедным жителям аула.
- Имам** — предводитель, духовный и светский глава. В Дагестане известны три имама: Гази-Мухаммед, Гамзат и Шамиль. Некоторые духовные лица доказывали, что Шамиль и другие неправильно называли себя имамами, так как имам мог быть у мусульман только один, каким якобы являлся турецкий султан. В период гражданской войны (1918—1920 гг.) в Дагестане объявил себя имамом крупный помещик и контрреволюционер Нажмудин Гоцинский.
- Иман** — вера, совокупность идей, на которых основывается вера в единого бога.
- Ишкиль** — захват имущества должника, его сородича или одиосельчанина для обеспечения долга.
- Кавсар** — название райской реки у мусульман.
- Кадий** — сан служителя религиозного культа ислама в крупных аулах. Кадии были правителями Табасарани, «вольных» обществ Акушинского союза.
- Казий** — судья, высший сан служителей религиозного культа у самурских лезгин.
- Калифа** — вид подати, моток шелка-сырца, равный весу куриного яйца.
- Канлы** — кровник, убийца.
- Калап** — мера объема, используемая для определения количества сыпучих тел. Калап приблизительно равен трем пудам.
- Кара** — мера длины, равна 11½ вершкам.
- Каравап** — рабыня.
- Карачи-беки** — феодальное сословие, образовавшееся на территории шамхальства Тарковского, еще до переселения шамхалов из Кази-Кумуха в Тарки. Карачи-беки пользовались всеми феодальными привилегиями наравне с шамхальскими беками.
- Карты** — старики, сельские судьи, старейшины.
- Кафарат** — искупление грехов, раздача милостыни для искупления грехов покойного.
- Ках** — право пастьбы скота на пахотных участках, принадлежащих частному лицу, после уборки урожая в Казикумухском ханстве.
- Кебия-хап** — деньги, предусмотренные шариатом при заключении брака в качестве залога с мужа в пользу жены в случае со стороны мужа необоснованного развода.
- Кевхи** — сельские судьи, старейшины.
- Кент-ясак** — подать с овец, с 40 овец полагалась одна овца.
- Кесмет** — доля, вид подати в Елисейском султанстве.
- Киле** — в Табасарани и Кубинском уезде мера сыпучих тел, чашка, в которую можно сыпать 12½ фунтов зерна. Табасаранские феодалы получали с одного хозяйства жителей горной части Табасарани по «киле» зерна. В Кубинском уезде «киле» содержит 15 фунтов.
- Коди** — подать, 90 фунтов зерна с посева однодневного пахания в Грузии, т. е. с половины десятины земли.
- Коран** — священная книга мусульман.
- Кош** — артель. Кош состоял из нескольких пастухов, которые объединялись под руководством одного главного пастуха — удамана. Они по очереди пасли овец и готовили пищу. Обычно кош образовывался на зимних пастбищах.
- Крым-шамхал** — этим званием пользовался тот, кто должен был стать шамхалом тарковским, т. е. кандидат в шамхалы. Обычно титул шамхала принимал старший в шамхальской фамилии, но с XIX в шамхалом становился прямой наследник, один из сыновей шамхала.

- Куала — исполнитель в сел. Урахи.
- Кулегул — исполнитель в сел. Усеиша.
- Кулиха — подать с виноградных садов в Грузии.
- Кул — раб.
- Кумган — медный кувшин для воды.
- Кутан — 1) тяжелый плуг; 2) зимние пастбища, расположенные на равнине.
- Куук — мякина, вид подати в Мехтулинском ханстве, каждые четыре дыма доставляли хану одну чалу мякнины (см. чала).
- Локоть — мера длины, равная половине метра.
- Магал — квартал, волость или участок. Кайтак и весь Южный Дагестан делился на магалы. В магалах управляли ханские наибы; если же магал считался независимым, то магалом управляли уполномоченные от входивших в магал селений, которые периодически собирались в определенное место, где решали общемагальные дела.
- Майсум — титул феодального владельца одной части Табасарани.
- Марена — многолетнее растение, из корня которого изготавливается крап, краски для крашения хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей.
- Маслагат — мировое соглашение.
- Мелик — владелец. В Армении феодалы вроде агаларов и беков назывались меликами. В Нахичеванской провинции Закавказья меликами назывались и сельские старшины.
- Мечеть — молитвенный дом мусульман.
- Мискал — золотник, 4,25 г.
- Можлабе — рабы в Грузии.
- Меахауры — лично свободные, но экономически зависимые от феодалов и церквей крестьяне в Грузии.
- Мулла — мусульманский священник.
- Муртазикаты — добровольцы, наемные войска Шамиля, личная гвардия его.
- Муталим — учащийся медресе и примечетских школ.
- Муфтий — должностное лицо, выносящее решение по религиозно-юридическим спорам у мусульман.
- Мухтасибы — инспекторы, ревизоры, контролеры имамата Шамиля.
- Мюлкодары — владельцы мюльков, которые отдали свои земли с правом вечной аренды крестьянам за известную долю урожая.
- Мюльк — собственность отдельного лица или отдельной семьи на пахотные, огородные, садовые, сенокосные и лесные участки земли.
- Мюльк-халисе — владение по праву полной и неограниченной собственности — чистое владение.
- Мюрид — последователь мюришда (см. мюридизм).
- Мюридизм — слово «мюридизм» происходит от арабского слова «мюрид», что значит «ищущий» или «стремящийся нравственным путем приблизиться к богу, следуя своему мюришду». Чтобы стать мюридом, обязательно требовалось благоговение мюришда; кроме безусловного выполнения шариата, регулирующего практическую сторону жизни и быта мусульман, мюрид был обязан взять на себя еще другие обязательства. Учение, которое якобы способствует приближению к богу путем вечного моления и отвлечения от земной жизни, называется тарикат. Но это не предел; чтобы окончательно приблизиться к богу, познать его, надо достичь следующей ступени — маарифат. Этой ступени, по учению тариката, достигают только избранные.
- Что касается дагестанского мюридизма, то здесь мюридами считались не только настоящие мюриды, но и все, ставшие под оружие имама. Таким образом, понятие дагестанского мюридизма не соответствует значению мюридизма в узком смысле слова. Кроме того, мюриды секты накшибенди не должны были вмешиваться в политику. В Дагестане эта секта имела воинственный характер. Учителями ее были Магомед из Яраги и Джамалядин из Казикумуха.
- Мюришд — духовный наставник мюридизма.

- Наиб — помощник начальника. Территория имамата Шамиля была разбита на наибства, во главе которых находились наибы, назначенные Шамилем.
- Назму — стихотворение.
- Нишан — знак, подарок, даваемый невесте во время обручения.
- Нукер — слуга, телохранитель. До ликвидации ханства и бекского управления в Дагестане нукеры были дружинниками, телохранителями и военной силой ханов. После, при царизме, у начальников округов нукеры несли полицейскую службу.
- Нуцал — титул аварского хана.
- Пандур — местный музыкальный инструмент.
- Пахта — вид податей, вроде кормления. Жители сел. Ахты пользовались правом кормления один-два дня в году у жителей 11 соседних селений. Кормление сопровождалось увеселениями.
- Паша — титул высших гражданских и военных сановников султанской Турции.
- Ратал — мера веса мяса, меда и масла, равная 6 фунтам.
- Рахтарный сбор — пошлина с товаров, провозимых через территорию феодального владельца.
- Раяты — податное сословие крестьян.
- Речбары — батраки.
- Рупа — мера сыпучих тел, равная $1\frac{1}{2}$ пуда пшеницы или $1\frac{1}{4}$ пуда ячменя. Лезгинская рупа равняется 9 пудам пшеницы.
- Сабу — мера объема. Круглая деревянная чашка с открытым верхом. Сабу у разных народов Дагестана, даже в разных селениях, не одинакова: у одних — 14 кг, у других — до 56 кг зерна.
- Сала-узденъ — дворянское сословие у засулакских кумыков.
- Сах — пятая часть мерки у аварцев, равная 6 фунтам.
- Сеид — потомок пророка Магомеда.
- Тарикат — (см. мюридизм).
- Таштым — наследник кайтагского удмия. По обычаю, таштыма, еще ребенком возили по всем кайтагским селениям, жители которых становились как бы его крестными отцами и матерями.
- Терекемейцы — часть крепостных крестьян, живших на равнине Кайтагского удмийства и частично на Засулакской низменности. Вероятно, слово «терекемей» — искаженное «туркмен». Заселение Кайтага терекемейцами относится к XVI в. н. э.
- Терраса — пахотные участки и сады, созданные на склонах гор путем устройства подпорных стен. В горной части Дагестана с древнейших времен существует террасное земледелие и садоводство, требующее огромного труда для сохранения террас от размывов.
- Тиулисты — владельцы тиульных земель.
- Тиульные земли — государственные или ханские земли, пожалованные чиновнику с правом пользования и распоряжения при жизни.
- Тургаки — сельские исполнители у засулакских кумыков.
- Тусевы — свидетели (у засулакских кумыков).
- Тухум — дружка родственников, патронимия.
- Узденъ — свободный крестьянин. Уздени различались между собой, некоторые из них, считаясь лично свободными, были экономически зависимы от феодалов.
- Фирман — указ, повеление, распоряжение.
- Хабцалдик — пеньковый материал, который взыскивался в виде штрафа в Кайтагском удмийстве.
- Хаважиры — оппозиционеры, течение в исламе.
- Хаджи — человек, побывавший в Мекке, паломник.
- Хвалчен-бухьи — вид подати в Аварском ханстве в XVIII в., буквально «опоясать пашкой». Этот вид подати оценивался в 18 руб. Подать уплачивалась сельским обществом в день совершеннолетия наследника хана.
- Хиджра — бегство Магомеда из Мекки в Медину. Мусульманское летосчисление, датируемое с 16 июля 622 г. н. э.

Хумс — $\frac{1}{5}$ часть военной добычи, которая должна была поступать в казну имама-та Шамиля.
Хураво — «вольное» общество (у даргинцев), адекватно по значению магалу и бо.
Хурджины — переметные сумки.
Чабан — пастух.
Чагары — крепостные крестьяне.
Чала — арба, приспособленная для перевозки якины.
Чали — загон, сделанный из плетня.
Чалтык — рис в шелухе.
Чавка — сын хана или бека от неравного брака.
Чанар — всадник, гонец, почтарь.
Чауши — глашатай.
Чихиш — один из видов хлебных податей.
Шариат — религиозный закон мусульман.
Эврез — личная повинность, вроде булка, взаимопомощь.
Эфенди — сан служителей религиозного культа ислама у самурских лезгин.
Яйлак — летнее пастбище.
Ясак — подать, дань.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
1. Природные условия Дагестана	5
2. Этнический состав населения Дагестана	12
Глава I. История Дагестана XIX в.	24
1. Исторические предпосылки присоединения Дагестана к России и прогрессивное значение этого события	24
2. Организация управления Дагестаном до образования Дагестанской области	36
3. Мюридизм в Дагестане	43
Социальная сущность мюридизма	43
Внутренний режим имамата Шамиля	51
Внешние связи имамата	60
4. Образование Дагестанской области и ликвидация политической власти ханов и беков	65
5. Культура и просвещение Дагестана в XIX в.	73
Глава II. Экономика Дагестана	79
1. Земледелие и садоводство	79
2. Животноводство	88
3. Кустарная промышленность и промыслы	96
Обработка шерсти	98
Обработка металла	99
Обработка дерева, кожи и глины	103
Рыболовство, пчеловодство, охота и горный промысел	105
Отходничество	106
4. Пути сообщения	109
5. Торговля	113
Глава III. Общественный строй Дагестана в XIX в.	126
1. К вопросу об общественном строе и характере земельной собственности в Дагестане	126
2. Общественно-экономический строй аварцев	134
3. Общественно-экономический строй лакцев	158
4. Общественно-экономический строй даргинцев	167
Кайтагское удийство	172
5. Общественно-экономический строй лезгин	183
6. Общественно-экономический строй Табасарани	194
7. Общественно-экономический строй кумыков	199
Засулакские кумыки	199
Кумыки Тарковского шамхальства	207
Мехтулинские кумыки	216
8. Тухум, сельская община и «вольное общество»	220
Тухум	220
Сельская община	225
«Вольные» общества	237
9. Краткая характеристика общественного строя Дагестана в начале XX в.	242
Краткие выводы	250
Список сокращений	255
Список терминов	256

Хаджи-Мурад Хашаев
Общественный строй Дагестана в XIX веке

Утверждено к печати
Дагестанским филиалом АН СССР

Технический редактор *Т. П. Поленова*
Переплет художника *С. П. Чахриян*
Корректоры *С. М. Кристьяниолер* и *Н. Г. Васильева*

РИСО АН СССР № 166—93В. Сдано в набор 26/VIII 1961 г. Подписано к печати 31/X 1961 г.
Формат 170×108¹/₁₆. Печ. л. 16¹/₂. Усл. печ. л. 22,6 Уч.-изд. л. 23,4 Тираж 3500 экз. Т-12605
Изд. № 5135. Тип. зак. № 2305

Цена 1 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru